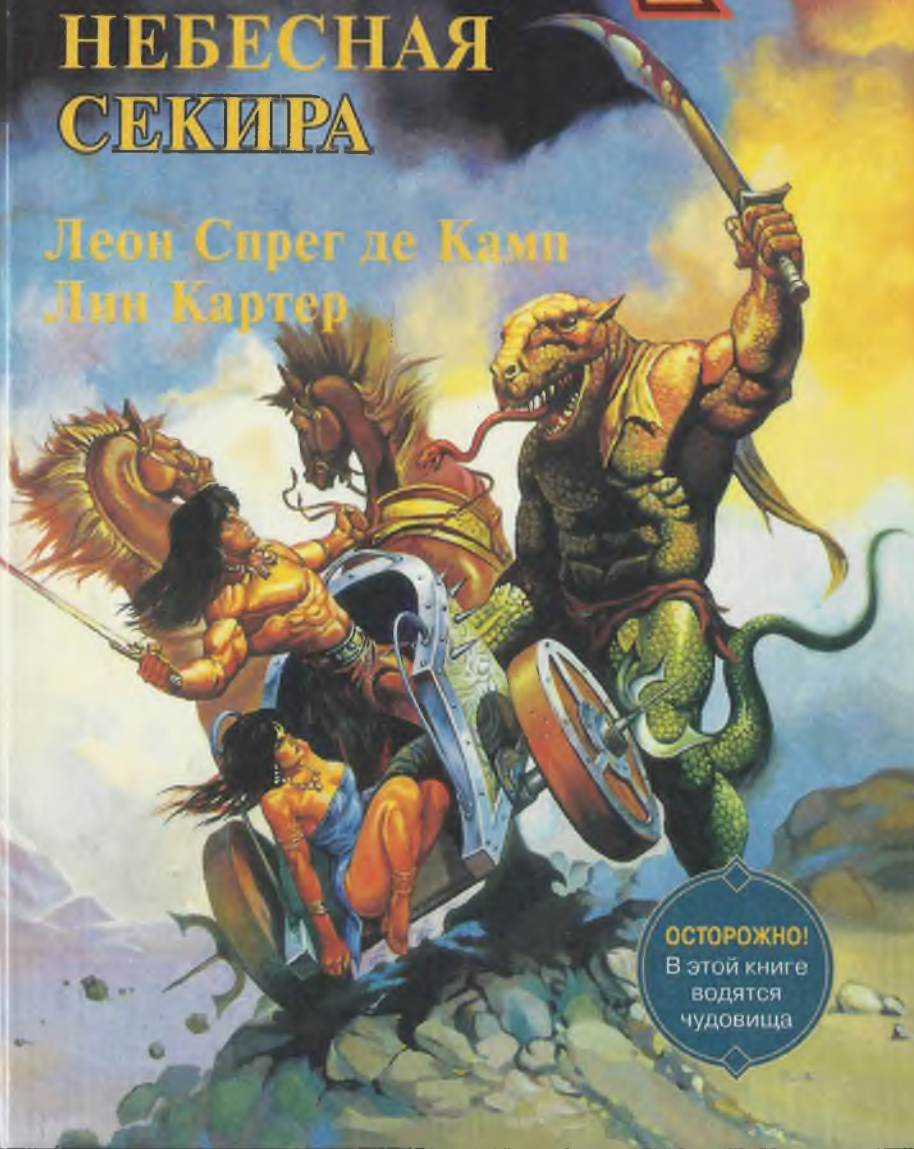

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

НЕБЕСНАЯ СЕКИРА

Леон Спрег де Камп
Лин Картер

ОСТОРОЖНО!
В этой книге
водятся
чудовища

Каждому
нужен
герой

КОНАН

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

НЕБЕСНАЯ СЕКИРА

Леон Спрэг де Камп
Лин Картер

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

Lion Sprague de Camp, Lin Carter

Conan the Liberator. Copyright © 1979 by Conan Properties, Inc
Conan and the spider god.
Copyright © 1980 by Conan Properties, Inc

Конан™, Сонал™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™

Спрэг де Камп Л., Картер Л.

С74 Небесная секира: Романы. Рассказы / Перевод с
англ. — СПб.: Терра-Азбука, 1996. — 480 с.
ISBN 5-7684-0029-X

В сборник вошли два романа и рассказы классиков современной фантастики. Никто после Говарда не писал о Конане лучше, чем Спрэг де Камп и Лин Картер.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0029-X

Под знаменем Хьва

РОМАН

Глава 1

КОГДА ПРАВИТ БЕЗУМИЕ

Над шпилями царственной Тарантии ночь раскинула свои черные нетопыринные крылья. На безмолвных улицах, подобно зрачкам диких зверей, горели факелы. Густая тьма благоухала всеми ароматами начинавшейся весны, но мало кто в городе отваживался выйти из дома в такой час. Редкие прохожие, которых суровая нужда все же выгнала за порог, крались, словно воры, шарахаясь от каждой тени.

В акрополе, вокруг которого расположился Старый Город, вздымал свои башни к бледным звездам древний дворец. Крепостная громада горбилась над холмом, будто фантастическое чудовище, тупо взирающее на городские стены, не в силах вырваться из плена.

Тишина легла на мраморный зал и сверкающие покои мрачного дворца, словно пыль на могильные плиты забытых стигийских гробниц. Пажи и слуги прятались за крепкими засовами, и никто не осмеливался бродить по витым лестницам и длинным коридорам, кроме королевских гвардейцев. Но даже они, покрытые шрамами ветераны бесчисленных битв, старались не вглядываться в темноту и нервно вздрагивали от каждого неожиданного звука.

Возле парадной двери, скрытой богатой парчовой драпировкой, неподвижно замерли два гвардейца. Оба воина смертельно побледнели, когда из покоев донесся жуткий сдавленный крик. Жалобная песнь предсмертной муки, словно ледяная игла, пронзила закаленные сердца бывалых солдат.

— Митра, помоги нам! — прошептал воин, что стоял справа, едва разлепив бледные от напряжения губы.

Товарищ его ничего не ответил, и только громкое биение сердца вторило страстному шепоту, когда гвардеец добавил:

— Нам и нашей стране...

Ибо в Аквилонии, самом гордом из всех королевств хайборийского мира, помнили поговорку: «И храбрец становится трусом, когда правит безумие». А король Аквилонии явно был безумен.

Звали его Нумедидес. Он был племянником Вилеруса Третьего, наследником и продолжателем древней династии. Уже шесть лет страна изнемогала под тяжкой дланью правителя. Суеверный, самовлюбленный и жестокий, он в довершение ко многим человеческим порокам обожал запах свежей крови, посвист хлыста и вопли истязаемых. И дабы ничто не мешало ему предаваться извращенным радостям в гареме или в пыточной камере, вначале он даже позволил придворным баронам самостоятельно править страной от его имени.

Но все переменилось с появлением Зуландры Тху. Никто не знал, откуда взялся этот смуглый, худощавый человек, хранивший, по всей видимости, великое множество страшных, кровавых тайн. Никто не знал, зачем и почему явился он в Аквилонию, покинув далекую родину на Востоке.

В городе о нем частенько шептались: одни говорили, будто он чародей из туманной Страны Колдунов, что лежит на самом краю хайборийских пределов, другие утверждали, что это самый настоящий призрак, выбравшийся из развалин древнего стигийского храма. Третьи болтали, что, мол, если судить по имени — он чистокровный вендиец. Предположений было великое множество, однако правды не знал никто.

Больше года жил смуглокожий чужеземец во дворце, наслаждаясь с милостивого соизволения короля властью и прочими привилегиями монаршего любимца. При дворе ходили слухи, будто Зуландра — философ-алхимик. Он то ли ищет способ, как превращать железо в золото, то ли готовит рецепт всеисцеляющего снадобья. Кое-кто называл его волшебником, занявшимся Черным Искусством. А некоторые более дальновидные сановники предпочитали считать Зуландру просто возжаждавшим власти ловким шарлатаном.

Но все до единого сходились на том, что чужестранец сумел подчинить себе волю короля. Никто не знал, как — колдовскими ли заклинаниями или же разжигая алчность

монарха обещаниями несметных богатств. Зато все понимали, что именно проклятый чужак, а никак не Нумедидес, правит теперь Рубиновым Троном. Малейшая прихоть Зуландры становилась для всех законом. Даже королевский канцлер Вибиус Латро получил приказ подчиняться незваному пришельцу, как самому государю.

А между тем поведение правителя Аквилонии становилось все более странным. Он вдруг повелел достать из сокровищницы побольше золота и отлить свое изображение. Потом украсил статую драгоценностями королевского дома и почти каждый день осыпал золотое изваяние цветами и цветущими ветками. Горе королевству, когда корона — на голове безумца. Да к тому же спятивший владыка стал игрушкой в руках ловкого фаворита, не то и впрямь настоящего колдуна, не то умного проходимца.

За скрытой багряной парчой дверью, где стояли гвардейцы, находились тайные покои. Стены в них убраны зловещим пурпуром, разукрашены загадочными магическими знаками и символами. Любопытному взору открылось бы поразительное зрелище...

В саркофаге из полупрозрачного алебаstra лежал погруженный в глубокий сон Нумедидес собственной персоной. Дородное тело короля было полностью обнажено. Черты лица даже во сне не утратили выражения отвратительного самодовольства. Кожа — прыщавая и угреватая, слюнявые губы отвисли, под глазами набрякли тяжелые мешки. Мерзкое, как у жабы, брюхо вздымалось над стенками алебастрового гроба.

Сверху, над открытым саркофагом, вниз головой висело прихваченное за лодыжки тельце двенадцатилетней девочки. На нежной коже малышки остались следы пыток. Пыточные инструменты лежали поодаль среди дотлевавших углей, на медной жаровне. Жаровня стояла рядом со странным креслом из черного металла, украшенным загадочными письменами.

Горло ребенка было аккуратно перерезано, яркая кровь струилась по искаженному лицу девочки и светло-пепельным волосам. Саркофаг был наполовину заполнен кровью, и массивное тело короля нежилось в этой жуткой ванне.

Вокруг гроба, освещая кошмарную сцену, стояли двенадцать огромных свечей, высотой со среднего мужчину. Поговаривали, будто сделаны они из останков несчастных жертв колдуна...

На черном железном троне восседал Зуландра Тху — худощавый, средних лет человек с лицом аскета. Волосы его, стянутые ободком красноватого золота, походили на кольца змей, змеиным же холодом веяло от взгляда его темных, полуприкрытых тяжелыми веками глаз. Если бы не этот стеклянный, остановившийся взгляд, выдававший фанатика, можно было бы сказать, что Зуландра и впрямь похож на философа или странствующего мудреца.

Черты его будто вылеплены искусным ваятелем, кожа темная, словно редкостное восточное дерево. Зуландра сидел в одеянии из темно-красной парчи — несколько раз обернутая вокруг тела и перекинутаая через плечо ткань оставляла открытыми жилистые руки.

Временами он поднимал голову от древнего, украшенного фигурками удивительных зверей тома, что лежал у него на коленях, и задумчиво смотрел на алебастровый саркофаг. Потом, нахмурясь, вновь обращался к книге. Пергаментные страницы гигантского фолианта испещряла неизвестная Западу, тонкая, будто паутина, вязь. Ряд за рядом, страница за страницей вились затейливые строки. Многие буквы выведены чернилами алого, изумрудного или сиреневого цветов, не потерявших своей яркости с течением многих веков.

На скамеечке, стоявшей неподалеку от трона, зазвонили водяные часы, сделанные из хрусталя и золота. Зуландра в последний раз бросил внимательный взгляд на жирное тело короля в саркофаге. Судя по недовольной гримасе и крепко сжавшимся губам, Зуландру постигла неудача с опытом.

Чародей резко поднялся, отодвинув книгу в сторону нетерпеливым жестом. Фолиант задел пурпурный полог и грохнулся переплетом вверх. Если бы сейчас в комнате находился кто-нибудь, способный прочесть надпись на корешке и разобрать тайный смысл загадочных символов, он увидел бы, что громадный том озаглавлен «Секреты бессмертия. Учение Гушупты из Шамбаллы».

Очнувшийся от гипнотического транса король выбрался из саркофага и поспешил плюхнуться в обычную ванну, полную чистой, благоухающей цветами воды. Он вытер лицо сухим полотенцем, а Зуландра принялся омыwać губкой спину и плечи владыки. Чародей никому не позволял входить в тайные покои во время магических ритуалов, и поэтому ему приходилось собственноручно драть королевские телеса.

Нумедидес пристально посмотрел в темные глаза чародея.

— Ну? — резко и требовательно проговорил король. — Что у нас получилось? Перешла ко мне жизненная сила этой маленькой паршивки?

— Отчасти, — ответил колдун бесцветным голосом. — Отчасти, но... недостаточно.

Нумедидес хрюкнул и поскреб кривым желтым ногтем волосатое брюхо. Рыжеватые волосы его уже начинали седеть.

— Что ж, тогда продолжим! В Аквилонии много девчонок, которых никто не станет искать открыто, а слуги у меня верные...

— Позволь сначала поразмышлять, о повелитель. Мне придется перечесть свиток Амендараха, дабы убедиться, что причина неудачи кроется в какой-то моей оплошности, а не в противодействии высших сил. Я охотно составил бы еще один гороскоп. В прошлый раз звезды сулили нам неприятности...

Облачившись в пурпурный халат, монарх поднял кубок терпкого, золотистого вина, где плавали багряные бутончики мака, и осушил сосуд до дна.

— Знаю, знаю, — проворчал Нумедидес. — Неурядицы на границе, половина придворных — заговорщики... Не трусь, мой пугливый чародей! Наш королевский род уходит корнями в глубокое прошлое, он переживет еще и твой прах.

Взгляд короля остановился, он умолк, а когда вновь заговорил, легкая улыбка играла у него на губах.

— Прах... Все прах, кроме верховной власти! — Тут он, похоже, опомнился и раздраженно бросил: — Так ответишь ты мне или нет? Нужна тебе еще одна девчонка?

— О да, повелитель, — после минутного размышления отозвался Зуландра. — Смеею полагать, я в состоянии отыскать ошибку. И тогда мы добьемся цели.

Король плотоядно ухмыльнулся и хлопнул своей волосатой лапой по узенькой спине чародея. От неожиданности колдун вздрогнул. На мгновение смуглое лицо исказилось от гнева, но тотчас злобную гримасу словно стерла невидимая рука.

— Прекрасно, господин чернокнижник! — рыкнул Нумедидес. — Сделай меня бессмертным, чтобы я правил этой страной вечно. Получишь золота сколько душе угодно. Знаешь ли, я уже начал чувствовать в себе нечто этакое... божественное. Но пока еще не сообщил своим верным подданным.

— О повелитель, — чародей с трудом держал себя в руках, — сейчас не время объявлять о подобных вещах. Народ волнуется. На юге и на побережье вот-вот вспыхнут мятежи. Нам надо быть...

Король отвернулся.

— Мне уже доводилось усмирять всяких мерзавцев. Поэтому и теперь сумею накинуть на них узду.

Но волнения, которые монарх, отмахнувшись, досадливо назвал «неурядицы на границе», заслуживали большего внимания. На западных рубежах Аквилонии, где страну испокон веков раздирали усобные войны и баронские распри, мятеж был не в диковинку. Издавна народ там стонал от жестокости правителей, моля о смягчении податей и налогов. Но короля мало беспокоили горести черни.

Правда, Нумедидес не настолько увлекся своими забавами, чтобы забыть о донесениях шпионов, которые представлял королю самый умный из всех сановников Вибиус Латро. Канцлер старался не упустить ни одного отчета о предводителях черни или о передвижениях богатого и могущественного графа Троцero Пуантенского. От такого врага, как Троцero, король отмахнуться уже не мог. У пуантенца имелась могучая кавалерия и отряды опытных воинов. К тому же подданные обожали графа и готовы были повиноваться каждому его слову.

— Троцero, — задумчиво проговорил Нумедидес, — придется, конечно, уничтожить. Но для открытого боя он чересчур силен. Тут нужен хороший знаток ядов... Вот-вот. А мой честный, мой непоколебимый Амалиус Прокас торчит сейчас на южной границе. Ему уже не раз случалось громить наглецов, осмелившихся восстать против меня.

Холодные темные глаза Зуландры остались непроницаемы.

— Беда уже простерла черную длань над твоим военачальником. Я читаю это по лику небес. Нам надо быть осторожнее...

Монарх не соизволил выслушать чародея. Крепкий сон и бокал макового настоя пробудили плотские страсти. В гареме у короля только что появилась новая восхитительная наложница. Изошренная фантазия Нумедидеса уже принялась изобретать для женщины невиданное истязание.

— Мне пора! — бросил монарх колдуну. — Не беспокоь меня, иначе гнев мой поразит тебя посильней небесной молнии. — Он ткнул в сторону Зуландры оттопыренным пальцем и издал короткий булькающий смешок. Продолжая похохатывать, король раздвинул складки пурпурной драпировки на стене и исчез за отодвинувшейся панелью. Тайный ход вел в ту часть женских покоев, которую во дворце с ненавистью шепотом называли Палатой Боли.

Колдун смотрел королю вслед, и на лице его, освещенном пламенем гигантских свечей, застыла кривая усмешка.

— О повелитель червей! — проговорил он на неизвестном наречии. — Ты во всем прав. Только перепутал роли. Во прах обратится Нумедидес, а Зуландра Тху воссядет на Рубиновый Трон. Отец Сят и Матерь Кали помогут преданному своему сыну вырвать из тьмы неизведанного тайну вечной жизни...

Тихий голос шелестел в сгустившемся сумраке, подобно змею, ползущей по костям мертвецов.

Глава 2

ЛЬВЫ СОБИРАЮТСЯ

Далеко на юге от Аквилонии по бурным водам Западного Океана неслась небольшая галера. Корабль — по стилю аргосийский — держал курс к берегу. Там, сквозь опускающуюся тьму, пробивались огни Мессантии. Светлое на западе, зеленоватое небо знаменовало конец еще одного дня, а над головой, предвещая восход луны, уже зажигались первые звезды.

Возле борта, на полубаке, прикрываясь плащами от брызг, что поднимал, разрезая волны, бронзовый носовой таран, примостились семеро человек. Один из них — немолодой уже, с твердым лицом и спокойным взглядом — был облачен в просторные одеяния жреца Митры. Звали мужчину Декситус.

Другой — высокий, широкоплечий, с волосами, чуть тронутыми сединой, — был в посеребренных латах, украшенных на груди тремя золотыми леопардами. Это граф Троцерио Пуантенский. Именно его флаг с пурпурными леопардами развевался на фок-мачте судна.

Подле графа теребил бородку весьма изысканный господин в бархатной, затканной серебром курточке. Движения его были легки, с лица не сходила беспечная улыбка. Но за ней таилась суровая непреклонность опытного воина. Звали улыбчивого щеголя Просперо. Еще недавно он числился одним из лучших полководцев аквилонской армии.

Почти касаясь Просперо локтем, не обращая внимания на гаснущий свет, у борта пристроился царапающий что-то на восковой табличке лысоватый, плотный мужичок совершенно невоенного вида. Его звали Публий. До недавнего времени он служил казначеем при дворе Нумедицеса, испросив отставку после очередного увеличения налогов.

Рядом, вцепившись в шаткие поручни, стояли две девушки. Та, что постарше, — легкая, хрупкая, — зингарская дворянка Велесса из Корцетты. Ее длинные черные волосы трепетали на морском ветру подобно знамени. Обхватив девушку за талию, к ней прижималась другая, совсем еще ребенок, и смотрела широко раскрытыми глазами на приближавшуюся полосу береговых огней. Это Тина. Некогда она была рабыней в Офире, служанкой у одного негодяя, но Велессе — племяннице графа Валенсо — удалось вырвать девочку из рабства. После чего обеим — и госпоже, и фаворитке — пришлось разделить с графом его добровольную ссылку и отправиться в страну пиктов.

Над всей группой собравшихся на полубаке людей возвышалась могучая фигура. Человек этот, особенно в темноте, запросто мог сойти за горного великана. Пристальным взглядом пронзительных голубых глаз и косматой гривой нечесаных волос, падавших на широкие плечи, он напоминал льва. Это был Конан из Киммерии.

Великолепную фигуру киммерийца подчеркивали дражная шелковая рубашка, кожаные штаны и высокие морские башмаки. Наряд этот был с плеча предводителя пиратов Траникоса Кровавого, нашедшего смерть в пиктских горах, где он пировал в пещере со своими ближайшими соратниками. Умер знаменитый пират прямо за столом, заваленным сокровищами стигийских царей. Рубашка и штаны оказались маловаты для Конана. Теперь они уже успели изрядно истрепаться, их щедро заляпала кровь и грязь. Но, глядя на великана-киммерийца, никому бы и в голову не пришло назвать его нищим.

— Если мы открыто станем продавать сокровища Траникоса, — говорил граф Троцерио, — это может сильно не понравиться королю Милону. До сих пор он обходился с нами по совести, но, прослышав о нашей добыче — о золоте, рубинах и изумрудах, — он может объявить все это собственностью аргосийской короны.

Просперо согласно кивнул:

— Вот именно. Милон Аргосийский любит, чтобы сокровищница была полна доверху. Любит не меньше, чем любой другой самодержец. Стоит нам обратиться в Мессантии к какому-нибудь ювелиру или ростовщику, через час об этом узнает весь город.

— Что же тогда делать? — спросил Троцерио.

— Надо посоветоваться с нашим главнокомандующим, — лукаво улыбнулся Просперо. — Простите, если я ошибаюсь, но не приходилось ли вам, господин Конан, когда-либо встречаться...

Киммериец пожал плечами:

— Хочешь узнать, не пиратствовал ли я в здешних краях? Доводилось... Может, и еще придется. Разве что вам удастся наставить меня на путь истинный. — По-аквилонски Конан говорил свободно, но с жестким варварским акцентом. После короткого молчания он продолжил: — Есть у меня одна задумка! В порту Публий отправится к казначею заплатить за галеру, с вычетом фрахта, конечно. А я тем временем отнесу барахлишко одному парню... Мы с ним не раз уже крутили дела. Старина Барро всегда давал честную цену.

— Но ведь уже говорили, — возразил Просперо, — драгоценные геммы Траникоса стоят дороже всех бриллиантов мира. Человек же вроде твоего приятеля не даст и десятой доли цены.

— Придется тебя разочаровать, — вмешался Публий. — Цена таких побрякушек на словах всегда выше, чем на деле.

Конан оскалился по-волчьи:

— Не тряситесь! Возьму сколько смогу. Мне подобные навороты не впервой. Сказать прямо, тут и сотой доли хватит, чтобы купить все мечи Аквилонии. — Киммериец оглянулся назад, где на юте стояли капитан и рулевой. — Эй, капитан Зенон! — рявкнул он по-аргосийски. — Передай своим гребцам: если они доставят нас к берегу раньше, чем закроются кабаки, каждый получит серебряную монету сверх обещанного! — С этими словами Конан опять повернулся к своим спутникам и, понизив голос, добавил: — А теперь лучше помалкивайте о сокровищах! Каждое неосторожное слово может стоить нам армии.

К галере подошла мессантийская лодка с шестью крепкими гребцами. Сидевший на корме, завернувшийся в плащ с головы до пят человек помахал фонарем. Капитан галеры ответил на сигнал. Конан направился было в каюту за сокровищами, но тут Велесса положила свою узкую ладонь на здоровенную лапу киммерийца. Девушка кротко посмотрела Конану в лицо. В голосе ее звучало едва ли не отчаяние, когда она спросила:

— Ты все же решил отослать нас в Зингару?

— Так будет лучше. Войны и мятежи не для благородных дам. Камушков, что вы возьмете с собой, хватит на приличное приданое. Если хотите, я могу сам перевести их в звонкую монету. А сейчас мне пора топать.

Не говоря больше ни слова, Велесса протянула киммерийцу небольшой мешочек из мягкой кожи, добытый Конаном в пещере Траникоса. Девушка проследила взглядом, как могучий варвар соскользнул вниз по трапу. Она всем своим существом ощущала мужественность, которая исходила от киммерийца подобно жару бушующей топки. В глубине души Велесса мечтала о том, чтобы навсегда забыть о любом приданом. Однако Конан с того самого дня, когда

спас и ее, и Тину из рук пиктов, относился к обеим девушкам лишь как друг и защитник.

Киммериец прекрасно понимал, что эта утонченная благородная дамочка, взращенная на зингарских понятиях о женской скромности и чистоте, никогда не привыкнет к опасной и грубой жизни искателя приключений. Ведь случись что с Конаном, девчонка осталась бы на свете совсем одна. Ибо никто из членов королевской семьи никогда бы не позволил бывшей подружке простого наемника осквернить своим присутствием мраморные залы дворцов Зингары...

С легким вздохом Велесса тронула за плечо примостившуюся рядом подругу:

— Пора и нам собирать вещи.

Галера вошла в шумную, оживленную бухту. Публий уплатил портовый налог. После чего бывший казначей вручил плату капитану Зенону, напомнив еще раз о том, чтобы матросы помалкивали о путешествии.

Капитан отдал команду, матросы опустили парус и убрали под мостик. Гребцы с бранью и грохотом уложили под скамьи весла. И весь экипаж — боцманы, гребцы и матросы — весело устремился на берег, туда, где в темноте ярко светились огни кабаков и постоялых дворов.

Моряков на набережной толкалось преизрядно! Одни шли куда-то по своим делам, ступая не совсем твердо по выптербленной мостовой; другие пьяно храпели, развалившись там, где их оборол хмель; третьи шныряли в поисках дармовой выпивки или дешевой потаскухи.

Один из таких гуляк был вовсе не так пьян, как могло показаться на первый взгляд. Это был зингарец с худощавым лицом, с четко очерченными скулами и носом. Звали его Квесадо. У него были мягкие иссиня-черные кудри, а глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, придавали лицу обманчивое выражение сонного равнодушия. Квесадо торчал в дверях портового кабака уже давно, прислонившись спиной к косяку с таким видом, будто время остановилось, а если вдруг с ним пытался поболтать кто-нибудь из подвыпивших матросов, ленивым жестом он отправлял их своей дорогой.

Квесадо внимательно наблюдал за вошедшей в гавань небольшой галерой. Он отметил, что вслед за командой на берег сошли несколько вооруженных людей и две женщины. Они постояли на причале, пока кто-то из моряков, заинтересовавшись, не предоставил им свои услуги. После того как добровольные носильщики разобрали корзины и дорожные сумки, необычная процессия растворилась в толпе.

Когда спина последнего чужестранца исчезла из виду, Квесадо отправился в винную лавку, где уже собрались несколько матросов с вновь прибывшего корабля. Зингарец устроился в уютном уголке возле камина, заказал вина и принялся наблюдать за моряками. Наконец он остановил выбор на мускулистом, загорелом аргосийском гребце, который был уже изрядно навеселе, и подсел завязать беседу. Квесадо приказал принести парню кружку горького эля и начал с того, что рассказал довольно соленый анекдот.

Гребец разразился хохотом, а когда успокоился, зингарец равнодушно спросил:

— Не с той ли ты галеры, что пришла сегодня вечером? Аргосиец, допивая эль, молча кивнул.

— Торговая?

Гребец вскинул лохматую голову и с презрением уставился на собеседника.

— Вот ведь тупорылые чужеземцы! Спутать настоящий корабль с торговой калошей! — фыркнул он. — Это военное судно, дубина! Гордость короля Милона — «Арианус».

Квесадо хлопнул себя ладонью по лбу:

— О боги! Вот дурак-то! Он так давно вышел из порта, что я и забыл, как он выглядит. Но ведь этого флага с леопардами раньше не было. Откуда он взялся?

— Это пурпурные леопарды Пуантена, приятель, — важно проговорил моряк. — Галеру нанял ни больше ни меньше сам граф Пуантенский и сам ходил с нами в этот поход.

— Да быть не может! — воскликнул Квесадо, изображая крайнее изумление. — Наверняка это было просто какое-то дипломатическое поручение...

Пьяный гребец, подогреваемый вниманием собеседника, рявкнул:

— Это был самый жуткий поход! За тысячу лиг, а может, и дальше... Просто чудо, что пикты не перерезали

нам глотки... — На этих словах он осекся, потому что один из боцманов «Ариануса» с каменным лицом положил ему на плечо тяжелую ладонь.

— Придержи язык, болван! — прорычал он, с подозрением глядя на зингарца. — Капитан ведь предупреждал, чтоб не трепались, особенно с чужеземцами! А ну заткни пасть!

— Будет исполнено, — пробормотал гребец. И, стараясь не встречаться больше глазами с Квесадом, уткнулся в свою кружку.

— Мне-то что, — зевнул Квесад, равнодушно пожал плечами. — Здесь в Мессантии такая скука... Вот мне и захотелось почесать языком.

Он лениво поднялся, заплатил за выпивку и направился к выходу. Но за дверью выражение сонного безразличия тотчас исчезло с его лица. Квесад быстро прошел вдоль причалов до убогого постоянного двора. Там зингарец немедленно потребовал ключ. Крадучись, будто вор, он поднялся на второй этаж.

Заперев на засов дверь, Квесад задернул драные шторы, от тлевших на крохотной жаровенке углей зажег свечу. После чего, согнувшись над колченогим столом, написал гусиным пером на кусочке папируса короткое письмо.

Закончив, Квесад скатал папирус и ловко запихнул его в медную трубку длиной не больше мизинца. Потом встал из-за стола, открыл стоявшую у стены клетку и достал сонного голубя. Трубку он привязал к лапе птицы, отодвинул штору, поднял раму и подбросил голубя. Крылатый вестник, сделав круг, исчез в темноте над бухтой, а Квесад наконец позволил себе улыбнуться.

Девять дней спустя в далекой Тарантии канцлер Вибиус Латро получил от королевского голубятника медную трубочку. Осторожно достал он папирус, развернул и, подойдя поближе к окну, прочитал:

«В Мессантию с небольшой группой людей прибыл граф Пуантенский. К.»

Когда рок нависает над королевством, о падении древних династий и могучих тронов предупреждают различные знамения. Не нужно даже обладать знаниями Зуландры

Тху, чтобы увидеть: Дом Нумедидеса на краю гибели. И знаки неизбежного крушения видны повсюду.

Вести из Мессантии неслись на север. Их доставляли копейщики, лучники, меченосцы, прежние соратники Конана, люди, сражавшиеся бок о бок с киммерийцем в битве при Велитриуме. Причем кое-кто знал Конана и по более отдаленным временам Большой Битвы, когда свирепому варвару удалось сломать боевые порядки пиктов... Это была старая гвардия, не забывавшая своего командира. Ветеранов поддерживали и воины помоложе, уставшие от службы у венценосного маньяка, пренебрегшего покоем и процветанием государства ради извращенных прихотей и безумной мечты о бессмертии.

За те несколько месяцев, что Конан пробыл в Мессантии, многие из воинов — кто выйдя в отставку, кто попросту сбежав со службы — направились на юг, в Аргос. Вместе с ними по тайным тропам двигались в ту же сторону оборванцы и бродяги из Пуантена, Боссонии, северного Гандерланда, кордавские бандиты, обедневшие тарантйские рыцари, а также искатели приключений всех мастей.

— А эти откуда взялись? — изумлялся Публий, стоя вместе с киммерийцем возле большого шатра, при виде группы потрепанных всадников, въехавших в лагерь. Лошади под седоками тощие, сбруя драная, доспехи у воинов ржавые. Всадники все сплошь заляпаны грязью. Кое-кто даже ранен.

— Ваш бедолага-король нажил себе немало врагов, — ухмыльнулся Конан. — Мне все время докладывают о прибытии то каких-нибудь рыцарей, которых он лишил земель, то аристократов, над женами или дочерьми которых он надругался, то о торговцах, у которых он отнял товары, то о простых работагах, восставших против слятившего монарха. А эти парни объявлены Нумедидесом вне закона за подстрекательство.

— Тиран сам обрек себя на гибель, — проговорил Публий. — Сколько же у нас теперь людей?

— Вчера перевалило за десять тысяч.

Публий присвистнул:

— Ну и ну! Надо прекратить набор, пока еще есть деньги. Сколько бы ты ни добыл сокровищ, все растает,

как весенний снег, если мы найдем солдат больше, чем позволит карман.

Киммериец потрепал собеседника по плечу:

— Придется тебе, казначей, постараться, чтоб никто из ястребов не остался голодным. А я сегодня пытался выпросить у короля Милона разрешение расширить лагерь. Но он только пыхтел от злости! И людей наших, дескать, в Мессантии слишком много, и в городе из-за них все кувырком, и цены поднялись, и мордобития стали чаще. Поэтому, говорит, придется нам перебираться куда-нибудь либо выметаться вон из Аргоса.

Публий нахмурился:

— Пока идут учения, необходимо держаться поближе и к морю, и к городу. Ты ведь гоняешь парней до седьмого пота. А накормить десять тысяч глоток — нешуточное дело.

Конан пожал плечами:

— Ничего не поделаешь. Завтра мы с Троцери отправимся подыскивать новое место для лагеря. Зато следующее полнолуние встретим уже по дороге в Аквилонию.

— Это еще кто такой! — неожиданно воскликнул Публий, указывая на солдата, который отдыхал после утренних учений и подошел слишком близко к шатру командующего. Парень этот, видно, перебрал пива: колени у него подгибались, и он, споткнувшись о случайный камень, едва не свалился. Заметив недалеко от себя Публия и Конана, солдат сдернул с головы мятую шапчонку, поклонился — да так низко, что чуть не опрокинулся, — выпрямился и поковылял обратно.

Киммериец сказал:

— Это зингарец. Пришел несколько дней назад. Настоящего бойца из него не выйдет — чересчур уж тихоня. Хотя фехтует неплохо, прекрасный наездник, а ножом владеет, как мало кто. Так что Просперо велел ему оставаться. Зовут его... кажется, Квесадо.

— Ты у нас просто как магнит — тянешь к себе всех головорезов, — хмыкнул Публий.

— Я хочу выиграть войну, — отвечал на это киммериец. — Раньше, угодив в какую-нибудь передрагу, я мог свалить куда подальше, где обо мне и слухом не слыхивали. Теперь такой фокус не пройдет. Слишком многие знают меня...

— Что ж, нам только лучше, — улыбнулся Публий, — если у нас вожаки до того знамениты, что сбежать у них нет никакой возможности.

Киммериец промолчал. В памяти вереницей пронеслись образы прошедших лет, когда он голодным оборванцем впервые покинул суровый Север. Солдат и бродяга, он исходил вдоль и поперек хайборийские земли. Кем он только не был — вором, пиратом, степным разбойником, наемником. Потом стал армейским капитаном и вновь все потерял по прихоти фортуны. И везде, где он прошел — от диких Дебрей Пиктов до жарких степей Гиркании, от снежных сугробов Ванахейма до влажных джунглей Куша, — имя могучего киммерийца стало легендой. Поэтому теперь воины далеких стран, услышав о том, что Конан собирает войско, устремились под его знамена.

Знамя Конана развевалось на центральном шесте шатра. Киммериец сам придумал себе герб — золотой, поднявшийся на задние лапы лев на черном поле. Еще в битве при Велитриуме, возглавляя отряд Львов, Конан снискал настоящую славу. Именно тогда он и придумал свой стяг, чтобы воинов вдохновляли не только обещанные деньги, — если смерть витает над самой головой, про золото забываешь, а вот о любимом знамени помнишь... После блистательной победы под Велитриумом король Нумедидес решил, что командир-варвар слишком уж популярен среди простых голодранцев, потому и приказал найти удобный момент и отправить могучего киммерийца на тот свет. Тупоголовый монарх позавидовал славе отважного воителя-северянина и побоялся той власти, что так неожиданно оказалась у Конана.

Свирепый варвар с трудом вырвался из западни. Пришлось ему в награду за верную службу бежать из королевства. Конан потом частенько вспоминал своих Львов... И вот теперь гордое знамя вновь реет над войском как символ славных побед.

Киммериец знал, что в скором времени воинов ждут суровые испытания. В глубине души Конан оставался суеверным варваром. Он, как всякий горец-северянин, свято верил во всевозможные магические амулеты и обереги, а посему золотой лев был священным талисманом отважного киммерийца. За свою недолгую жизнь Конан успел обойти поло-

вину хайборийских земель, повстречаться с самыми разными людьми — жрецами и королями, колдунами и бандитами, богатеями и оборванцами, — которые делились с добродушным, жадным до всего нового варваром своим богатым опытом, но в сердце он все равно хранил древние традиции родной Киммерии...

Квесадо тем временем, отойдя подальше от шатра полководца, вдруг загадочным образом протрезвел. Ни разу больше не споткнувшись, он быстро двинулся по разбитой телегами дороге в сторону Северных ворот Мессантии.

Получив место в солдатском шатре, Квесадо не стал отказываться от комнатенки с видом на гавань. И сейчас здесь, под дверью из грубо оструганных досок, его ждало письмо. Послание было без подписи, но Квесадо и так знал, что оно от Вибиуса Латро.

Зингарец покормил голубей и, используя незамысловатый ключ, принялся за расшифровку письма. На первый взгляд, это был обычный рассказ о домашних делах, но Квесадо отметил в послании каждое четвертое слово и прочел, что к нему направлен помощник. Вернее, помощница — женщина необыкновенной красоты.

Шпион криво улыбнулся. Потом сел за очередной отчет, который сразу отправил с крылатым курьером на север, в далекую Тарантию.

Занимаясь делами быстро растущего воинства, Конан распрощался с Велессой и ее юной спутницей. Киммериец долго смотрел им вслед, когда экипаж загрохотал по прибрежной дороге в сопровождении крепких гвардейцев. В спрятанном среди прочего скарба сундучке лежало золото. Обеим девушкам богатства должно было хватить на многие годы безбедной жизни. Конан от всей души надеялся, что больше никогда не увидит ни красавицу зингарку, ни ее миловидную фаворитку.

Чары Велессы не обошли стороной могучего киммерийца, но он твердо решил, что женщинам — тем более изнеженным дворяночкам — нет места на дорогах войны. Позднее, если мятеж закончится благополучно, брак с особой царственного происхождения мог бы оказаться даже полезен. Ибо сколько бы ни проливали кровь простые солдаты,

по-настоящему магическим образом защищает трон лишь кровь самих королей.

И все же киммериец, как всякий нормальный мужик, маялся от одиночества. Чем дольше он оставался один, тем чаще впадал либо в ярость, либо в угрюмую меланхолию. В конце концов Просперо, угадавший причину подобных настроений, предложил Конану прогуляться в город.

— Немного ума, немного везения — и найдешь подружку по вкусу, — сказал Просперо.

Ему и в голову не могло прийти, что слова эти долетят до слуха ловкого зингарца, который в это время отдыхал, уткнувшись носом в колени и спиной привалившись к стойке шатра.

Конан, отнюдь не помышлявший о том, что кто-то может подслушивать разговор, ответил резким отказом. Но день шел за днем, и воля киммерийца все больше поддавалась яростным желаниям плоти. Особенно, конечно, по ночам...

Воинство мятежников продолжало расти. Приходили лучники с Боссонских Пределов, копейщики из Гандерланда, прибывали легковооруженные всадники из Пуантена, суровые аквилонские рыцари, а также простые разбойники и небольшие отряды отчаянных головорезов. Над учебным полем, не смолкая, то звучали гневные возгласы командиров, то слышалась тяжелая поступь марширующей пехоты, то звонкий цокот кавалерии, то посвист пущенных стрел. Конан, Троцero и Просперо не ведали отдыха, пытались превратить новобранцев в настоящих бойцов. И все же оставалось только гадать, устоит ли эта разношерстная толпа против закаленной в боях и походах, хорошо обученной армии Амалиуса Прокаса.

Тем временем Публий наладил связь со шпионами мятежников. Люди его теперь пробирались далеко в глубь Аквилонии. Одни просто занимались сбором сведений. Другие распространяли рассказы о бесчинствах полоумного монарха — благо, для этого им не надо было ничего придумывать. Третьи пытались раздобыть денег, обращаясь за поддержкой к тем, кто не решался в открытую примкнуть к повстанцам.

Каждый день, когда солнце поднималось в зенит, Конан устраивал общий смотр всему воинству. После чего отправ-

лялся перекусить в солдатский шатер, обходя по очереди скромные жилища воинов. Настоящий полководец обязан знать всех своих людей в лицо. Конан же помнил даже имена многих бойцов.

Спустя несколько дней после разговора с Просперо о прогулке в город киммериец обедал в компании кавалеристов. Конан запросто разделил с воинами скудную трапезу — хлеб, горький эль — и соленые солдатские шутки.

Вдруг, уловив неподалеку чей-то странный свистящий голос, киммериец прислушался. В стороне от кавалеристов расположился уже знакомый Конану узколиций зингарец. Он весело болтал с каким-то солдатом, сопровождая речь красноречивыми жестами. Конан моментально забыл про только что отпущенную ядреную шутку, поскольку зингарец явно рассказывал о женщине. У варвара в жилах тотчас закипела кровь.

— Какая там есть танцовщица! — разглагольствовал зингарец. — Волосы черные, как вороново крыло, глаза зеленые, как изумруды. Губки красные, тело стройное — глаз не отвести! — И он быстрым движением показал, какая у красотки фигура. — Она танцует по вечерам в таверне «Девять мечей» для всякого сброда. Ее зовут Альцина. Она не похожа на простых портовых шлюх. Она дерзкая, своенравная и никому не позволяет даже прикоснуться к себе. Говорит, мол, не родился еще мужчина, который бы заставил разгореться ее страсть. Конечно, — добавил он с завистливым вздохом, — возле нее каждый вечер собирается целая толпа, и кто-нибудь в конце концов сумеет обуздать гордую девчонку. Взять хотя бы нашего могучего предводителя... — Произнося последнюю фразу, Квесадо поймал пристальный взгляд киммерийца. Зингарец поперхнулся, опустил голову и промямлил: — Тысяча извинений, господин! У вас слишком хорошее пиво, потому я и разболтался. Прошу вас, не сердитесь за мою нескромность...

— Ладно, забудь, — нахмурившись, Конан отвернулся.

Но в тот же вечер он разузнал дорогу к «Девяти мечам». Когда киммериец, вскочив в седло, направился в сопровождении одного только воина к Северным воротам, Квесадо, притаившийся неподалеку в тени, самодовольно усмехнулся.

ИЗУМРУДНЫЕ ГЛАЗА

Когда заря, полыхнув алым, развеяла тьму сонного неба, серебряная труба возвестила о прибытии нарочного от короля Милона. Посланец в расшитом плаще поверх доспехов, размахивая свитком с королевской печатью, бодро вступил в лагерь на берегу залива. Он презрительно наморщил нос при виде учебного плаца, где к утреннему смотру готовилась пестрая толпа солдат. Гонец громко потребовал, чтобы кто-нибудь проводил его к предводителю воинства Конану из Киммерии. Один из бойцов повел королевского щеголя к главному шатру.

— По-моему, у нас неприятности, — пробормотал Троцero, уставясь в спину аргосийского чинуши и обращаясь к Декситусу.

Лысый, худой жрец перебирал четки.

— Пора бы уже привыкнуть к неприятностям, господин мой, — сказал он. — Надеюсь, ты не забыл, сколько нас еще ждет впереди...

— Ты имеешь в виду Нумедидеса? — криво усмехнулся граф. — К этому-то мы готовы. Я говорю о неприятностях из-за Милона. Единственное, что нам от него нужно, — чтобы он нас не трогал, пока войско не готово. А он, похоже, трусил! Конечно, под стенами столицы собралось слишком много отчаянных рубак из дальних краев. Для короля это лишняя головная боль. Так что наверняка Его Величество решил отказаться от гостеприимства.

— Вот-вот, — поддакнул подошедший Публий. — Наверное, в Мессантии все закоулки уже кишат аквилонскими шпионами. Нумедидес непременно попытается надавить на владыку Аргоса и склонить его на свою сторону.

— Когда у стен города толпа головорезов? — хмыкнул Троцero. — Непростительная была бы ошибка со стороны правителя.

Публий пожал плечами:

— До сих пор король Аргоса был нашим другом. Правда, монархи частенько нарушают обещания — помыслы любого, даже самого благородного властителя всегда крутятся вокруг собственной выгоды. Надо набраться терпе-

ния... Хотя, конечно, хотелось бы знать, что за пакость привез гонец в послании!

Обменявшись невеселыми мыслями, Публий и Троцero отправились по своим делам, оставив жреца рассеянно перебирать четки. Декситус, слушая разговор друзей, молча размышлял о явившемся ему откровении...

Предыдущей ночью жрецу приснился тревожный сон. Декситус прекрасно знал, что Митра нередко посылает своим верным слугам вещие сны, желая предупредить о грядущих бедствиях. Поэтому на душе у жреца было неспокойно.

Во сне Декситусу привиделся киммериец. Могучий варвар стоял на поле брани и, размахивая мечом, звал солдат в бой. А за спиной у него маячила легкая, едва различимая тень. Декситус и вовсе не заметил бы ее, если бы не горевшие из-под капюшона изумрудно-зеленые, как у кошки, глаза.

Поднявшееся солнце успело прогреть свежий весенний воздух, однако жреца била ледяная дрожь. Ему весьма не нравились подобные сновидения. Они лишали спокойствия духа. Правда, ни у кого в лагере повстанцев не наблюдалось ярко-зеленых глаз. Не заметить такие невозможно...

Едва королевский посланник двинулся по пыльной дороге назад в город, лагерь мятежников забурился. Меж шатров сновали вестовые, собирая командиров на срочный совет.

Конан как раз надевал доспехи для утренних учений и теперь был вне себя от ярости. Когда Просперо, граф, жрец Митры и лучшие командиры собрались на совет, киммериец заговорил резко и отрывисто:

— Его Величество соизволил передать, что будет несканно рад, если мы переберемся отсюда на девять лиг севернее Мессантии. Королю, видите ли, не нравится близость большого войска к городу. Правитель тревожится, что наши парни веселятся в столице сверх меры, нарушая покой и беспокоя городскую стражу.

— Этого я и боялся, — вздохнул Декситус. — Наши воины слишком много времени уделяют азартным играм и всяким сомнительным развлечениям. Хотя, конечно, что можно требовать от солдат, тем более от новобранцев? Они ведь не монастырские послушники.

— Вот именно, — сказал Троцерио. — К счастью, мы готовы к походу. Когда выступаем, Конан?

Киммериец с яростью застегнул пряжку на ремне с ножами. Из-под гривы длинных черных волос, словно лед на горных вершинах, сверкнули пронзительные голубые глаза.

— На сборы король отвел десять дней, — рявкнул Конан. — А по мне — прям хоть сейчас! В столице появилось слишком много посторонних глаз и ушей. А у наших солдат чересчур длинные языки — особенно когда напьются. Так что надо сваливать не за девять, а за все девяносто лиг от этого шпионского гнезда.

Он помолчал, ожидая возражений, потом добавил:

— Если все согласны, тогда — вперед. Увольнения отменить, выволочь парней из кабаков — если понадобится, то и силой. Вечером я возьму отряд легкой конницы — проверим дорогу и подыщем место для новой стоянки. Троцерио, до моего возвращения будешь командовать ты.

Все участники совета вскинули в салюте правую руку и удалились. Остаток дня прошел в тщательных сборах и подготовке большого обоза. А на следующее утро, едва первые лучи солнца коснулись золоченых шпилей Мессантии, походные шатры были уже сложены, снаряжение увязано в тюки, солдаты построены. В низинах еще не успел растаять предрассветный туман, когда войско тронулось в путь.

Конан с небольшим отрядом двинулся на север еще затемно. Варвар не особо-то верил обещаниям короля Аргоса. Правители всегда принимают в расчет самые различные соображения, и не исключено, что кто-нибудь из шпионов Нумедидеса уже сумел убедить Милона, насколько выгоднее прочный союз с Аквилонией, нежели сговор с шайкой бунтовщиков. В любом случае король аргосийский должен был и сам понимать: случись мятежникам потерпеть поражение, на Мессантию тотчас обрушится возмездие Нумедидеса, страшное и кровавое. Если же Милон поддался уговорам, тогда следует ожидать удара в спину, внезапного нападения на марше...

Итак, Львы двинулись на север. Отряд за отрядом шли они, поднимая пыль по неровным дорогам Аргоса, переправляясь через быстрые реки, пока не оказались в долине,

крытой пологими Дидимейонскими горами. За весь долгий день непрерывного марша никто не напал на войско. Может быть, подозрения, зародившиеся у Конана, были не совсем справедливыми; может, Милон решил выждать и обрушиться на мятежников в более удобный момент. Киммериец ничего не мог сказать наверняка и потому велел принять все меры предосторожности.

Когда войско уже расположилось на ночлег, вернувшийся с места новой стоянки Конан немного успокоился. Теперь они, по крайней мере, стали недосыгаемы для наводнивших извилистые улочки Мессантии аквилонских шпионов. Весь день отборная конная стража объезжала окрестности вокруг двигавшегося воинства, и если бы вражеский лазутчик вздумал направиться следом за повстанцами, он не остался бы незамеченным. Стражи не встретили никого подозрительного...

Многоопытный варвар доверял в жизни очень немногим людям, да и те заслужили доверие киммерийца не за один день. Долгие годы странствий научили Конана осторожности. Теперь же он ни на мгновение не сомневался в тех, кто шел рядом с ним, ибо победа им была нужна не меньше, чем самому киммерийцу. Суровому северянину и в голову не могло прийти, что шпион проникнет в сердце лагеря, что искать лазутчика надо не на горных склонах и не в густых зарослях, а среди солдатских шатров.

Прошло еще два дня. Войско повстанцев добралось до Гипсонии, переправилось через реку Астар и спустилось в Паллосскую долину. К северу тянулся Рабирийский хребет, крутые края которого напоминали строй сказочных великанов, вышедших проводить дневное светило. Лагерь разбили в том месте, где долину естественным прикрытием на случай внезапного нападения окружали крутые холмы. Здесь, наладив регулярный подвоз провизии из столицы и окрестных деревень, можно спокойно начинать всерьез готовиться к тяжелому походу через Алиману в Пуантен. И дальше — во владения безумного Нумедидеса.

Весь следующий день солдаты, ворча, махали кирками и лопатами, возводя вокруг стоянки защитный вал. Отряд же легких конников вернулся назад охранять отставший в дороге обоз.

Но в ту же ночь во время второй стражи яркая луна высветила легкую фигурку, выскользнувшую из шатра предводителя. Незнакомка была в наглухо застегнутом халате золотистой шерсти, до того длинном, что полы его волочились по земле. Навстречу ей шагнула другая странная фигура, что таилась в тени неподалеку.

Загадочная парочка обменялась несколькими фразами. Потом рука незнакомки в халате ловкими пальцами переложила в крепкую ладонь собеседника маленький клочок пергамента.

— Здесь карта с тропами, по которым войско двинется в Аквилонию, — послышался девичий голосок, похожий на ласковое мурлыканье кошки, — и расположение отрядов.

— Отправляю сегодня же, — отозвался мужчина. — Прокас будет доволен. Вы хорошо справились с работой, госпожа Альцина.

— Это только начало, Квесадо, — ответила девушка. — Сделать надо гораздо больше... Ладно, нас не должны видеть вместе.

Зингарец кивнул и исчез в темноте. Девушка же отбросила капюшон и подняла взор к яркой луне. И хоть красавица пару минут назад выбралась из объятий киммерийца, лицо ее было холодно, словно лед. Бледный овал его больше напоминал маску, вырезанную из слоновой кости искусным мастером. Во взгляде изумрудно-зеленых глаз таились злоба и презрение.

Когда войско уже крепко спало непробудным богатырским сном, из лагеря исчез один новобранец. Его отсутствия не заметил никто до утренней поверки, да и тогда Троцero не придавал значения такому пустяку. Пропавший — зингарец по имени Квесадо — был ленивым бездельником, и потеря такого сокровища вряд ли кого могла огорчить.

На самом же деле Квесадо был отнюдь не бездельником. Под маской вялого равнодушия таился лучший аквилонский шпион, денно и нощно собиравший сведения для своих кратких, но чрезвычайно ценных донесений. В ту ночь, обманув усталую стражу, зингарец вывел из стойла лошадь, выбрался из лагеря и понесся вперед на север.

Спустя десять дней, покрытый потом и грязью, едва держась в седле от усталости, Квесадо достиг Больших ворот Тарантии. Увидев на груди у всадника особый значок, стража немедленно пропустила его к самому канцлеру.

Вибиус Латро, нахмурясь, склонился над картой Альцины.

— Почему ты повез ее сам? — холодно спросил канцлер. — Ты что же, не понял, как нужен сейчас в лагере мятежников?

Зингарец дернул плечом:

— Я не мог отправить карту голубиной почтой. Когда мне пришлось уйти вместе с этой ордой, я оставил птиц в Мессантии на попечение моего помощника, кофита Фадия.

Вибиус поднял на него холодный взгляд:

— Почему же ты не отвез карту Фадия? Пусть бы он отправил птицу... А тебе надо было остаться среди бунтовщиков и следить, куда ветер дует. Мне позарез нужен человек, который в случае необходимости всадит нож в спину проклятого киммерийца.

Квесадо развел руками:

— Госпожа Альцина смогла изготовить карту, когда войско уже находилось в трех днях пути от Мессантии. Вряд ли бы я выпросил увольнение на целых шесть дней. Тут бы уж точно кто-нибудь заподозрил неладное... А если бы я сбегал без спросу, мной заинтересовались бы аргосийцы. К тому же на голубей надежда невелика — они могут попасть в лапы ястреба или нарваться на стрелу случайного охотника-горца. Я же счел это донесение жизненно важным и решил сам его доставить.

Канцлер, поджав губы, процедил:

— Почему же тогда не прямо Прокасу?

Квесадо уже покрылся испариной. На бледном от усталости челе и небритых щеках блестели капельки пота. Угодить Вибиусу Латро совсем непросто...

— Амалиус Прокас не знает меня. — Голос шпиона натянуто зазвенел. — Значок, который у меня есть, ничего бы не сказал ему. А все донесения, касающиеся полководцев, проходят только через вас.

Канцлер криво усмехнулся.

— Ладно, — проговорил он. — Ты поступил по обстоятельствам. А мне следовало бы только радоваться, что

Альцине удалось добыть карту прежде, чем мятежники вошли в Аквилонию.

— По-моему, в ту ночь, когда мне пришлось бежать, они еще не выбрали окончательный маршрут, — сказал Квесадо.

Вибиус Латро отпустил шпиона и вызвал личного слугу. Изучив карту, канцлер продиктовал письмо Амалиусу Прокасу и велел снять с карты копию для короля. Пока слуга перерисовывал план, Вибиус перечел письмо и вызвал пажа.

— Отнесешь в королевскую канцелярию, — сказал канцлер, вручая пергамент, — и попросишь, чтобы Его Величество скрепили это своей печатью. Потом, если все будет в порядке, отправишься прямо в Пуантен к Прокасу. Вот тебе подорожная. Возьми в конюшню самого быстрого скакуна, а свежих будешь менять на каждом постоялом дворе.

В королевской канцелярии не получили донесения. Хиау, слуга-кхитаец, передал пергамент в цепкие руки Зуландры Тху. Чародей прочел послание при свете сальной свечи, внимательно рассмотрел карту и одобрительно кивнул кхитайцу.

— Получилось так, как вы предсказывали, хозяин, — произнес слуга. — Пажу я сообщил, что Его Величество у вас в покоях, и глупый мальчишка оставил письмо мне.

— Ты все сделал верно, мой добрый Хиау, — отозвался Зуландра. — Принеси воск. Я сам запечатаю свиток. Не стоит отрывать короля от развлечений по таким пустякам.

Он достал из небольшого сундучка печать — точь-в-точь такую же, как и у короля, — сложил вместе оба пергамента и зажег тонкую свечку. Потом нагрел воск, запечатал свиток и передал кхитайцу.

— Верни послание пажу, — велел чародей, — и скажи, что Его Величество пожелал, чтоб свиток был отправлен к Прокасу незамедлительно. А потом принеси мне письмо к графу Аскаланте, он сейчас командует четвертым Тауранским полком. Мне он нужен теперь в столице.

На лице Хиау отразилось сомнение:

— Хозяин...

— Что такое? — Зуландра пристально посмотрел на слугу.

— Недостойному рабу стало известно, что вы не во всем согласны с Амалиусом Прокасом. Позвольте мне спросить: вы действительно хотите, чтобы он одержал победу над киммерийским бродягой?

Чародей криво усмехнулся. Хиау отлично знал, что командующий аквилонской армией был самым серьезным соперником Зуландры в борьбе за влияние над королем. С ловким кхитайцем колдун мог говорить откровенно.

— Всею свое время, Хиау. Пока Прокас в южных провинциях, он не в силах повредить мне. Придется рискнуть и помочь ему добавить к списку славных побед еще одну. Иначе мы будем встречать у ворот Тарантии неукротимого киммерийца.

— Прокас стоит на пути мятежников. Он обязан их остановить. Однако хорошо бы за ним присмотреть... А, хозяин? Пусть он одержит свою героическую победу. А по дороге в столицу с ним произойдет... какой-нибудь несчастный случай.

Хиау согнулся в поклоне и, не говоря больше ни слова, удалился. Зуландра открыл ларец из эбенового дерева и положил туда предназначавшиеся для короля пергаменты.

Троцero в недоумении смотрел, как Конан раздраженно, словно тигр в клетке, мерит шагами шатер. Голубые глаза варвара сверкали яростным огнем.

— Что тебя так донимает, Конан? — спросил граф. — Я думал, сходишь с ума без женщин... Но ты подобрал эту танцовщицу, и повода безумствовать вроде бы нет... В чем дело?

Киммериец перестал мотаться взад-вперед и шагнул к раскладному столику. Хмурясь, он плеснул себе вина и осушил чашу одним глотком.

— Я и сам толком не знаю, — проворчал варвар. — Что-то стал пуглив в последнее время... От теней шарахаюсь...

Он умолк, и взгляд его, обращенный в дальний угол шатра, стал тревожным. Конан через силу усмехнулся и плюхнулся в походное кожаное кресло.

— Кром! Я кручусь, как вша на сковородке! — воскликнул он. — У меня и впрямь что-то с мозгами случилось.

Временами мне чудится, будто здесь даже тени подслушивают.

— Ты прав. У теней иногда тоже имеются уши, — заметил спокойно Троцero. — И глаза тоже.

Конан повел могучими плечами:

— Башкой-то я понимаю, что в шатре только я, девчонка-танцовщица да двое гвардейцев у входа. Но все равно мерещатся шпионы...

Троцero даже не подумал смеяться над киммерийцем. У него вдруг возникло дурное предчувствие. Граф давно привык доверять звериному чутью варвара-северянина, оно никогда еще не подводило Конана. И служило вернее всех витиеватых домыслов.

Сам Троцero тоже не был лишен чутья. И оно говорило ему, что надо повнимательнее приглядывать за ловкой танцовщицей, даже если Конан сделал ее своей неразлучной подружкой. Ох, не нравилась красotka графу, несмотря на все ее соблазнительные прелести. Уж больно плутовка красива, чтобы вот так запросто танцевать для оборванцев в столичных кабаках. Кроме того, девчонка чересчур скрытна и молчалива. Обычно граф мог легко разговорить любую женщину, но, попытавшись вызвать на откровение Альцину, потерпел полное поражение. Она отвечала вежливо, но до того уклончиво, что в конце беседы Троцero знал о танцовщице ничуть не больше, чем в начале.

Граф тряхнул головой, налил вина и отослал дурацкие сомнения в десять тысяч преисподен Зандру.

— Тебе просто скучно сидеть без дела, Конан, — говорил он. — Когда мы тронемся в поход и над головой у тебя вновь развернется стяг, ты опять станешь самым собой. И хватит выслеживать бесплотные тени!

— Может, и так, — хмыкнул варвар.

Троцero попал в точку. Если б Конану угрожали враги из плоти и крови, если б в руке свирепый северянин сжимал свой верный меч, он рубился бы без оглядки, доверяя лишь холодной стали, крепости неутомимых мускулов и выбросив из головы все посторонние мысли. Теперь же бесхитростного киммерийца одолевали обычные глупые страхи простого смертного человека...

Укрывшись за пологом в дальнем углу, Альцина улыбнулась спокойной, довольной улыбкой, ее тонкие пальчики

играли висевшим на изящной цепочке странным талисманом. Во всем мире только один человек знал, откуда взялся диковинный амулет.

Далеко-далеко на севере, за горными кряжами, зелеными долинами, за бурными водами реки Алиманы, на черном железном троне восседал Зуландра Тху. На коленях у чародея лежал полуразвернутый свиток, испещренный астрологическими символами. На скамеечке рядом с тронem стояло овальное зеркало из вулканического стекла. На одном конце у зеркала виднелся небольшой скол, словно кто-то аккуратно отломил кусочек обсидиана. Именно этот черный полукруг и висел на груди танцовщицы по имени Альцина.

Читая свиток, колдун время от времени поднимал голову, поглядывая на маленькие водяные часы, стоявшие рядом с зеркалом. Слышался тихий звук падающих капель, до того слабый, что уловить его мог лишь изощренный слух.

Когда серебряный колокольчик внутри часов отбил час, Зуландра отложил свой свиток. Протянул к зеркалу тощую, похожую на птичью лапу руку и пробормотал на неизвестном языке какое-то заклинание. И в ту же секунду он слился воедино мыслями со своей прислужницей Альциной. Ибо стоило небесным светилам принять определенное положение, как магическая сила превратила и колдуна, и танцовщицу в двойников. Все, что видела и слышала красotka, воспринимал и Зуландра.

Воистину чародей не нуждался в донесениях Вибиуса Латро. В очередной раз чутье не подвело бывалого киммерийца: у теней в его шатре и впрямь имелись глаза и уши

Глава 4

КРОВАВАЯ СТРЕЛА

День за днем медные боевые трубы вырывали на заре солдат из объятий сна, призывая к ратным трудам на зеленых лугах Паллосской долины. Учения продолжались с

рассвета до заката. Армия продолжала расти. Новички приносили из Мессангии новости и городские сплетни. Однажды, когда луна превратилась из серебряной монеты в тусклый стальной серп, вожаки мятежников собрались поужинать в шатре у Конана. Запивая грубую солдатскую пищу легким светлым пивком, они держали совет.

— Похоже, в последнее время аргосец становится все более несговорчивым, — говорил Троцерио.

Публий кивнул:

— Ему не нравится держать на своих землях такую огромную армию. Теперь он опасается, что мы повернем оружие сначала против него, а потом уже двинемся на Аквилонию.

Жрец Митры улыбнулся:

— Правители все одинаковы. Они всегда подозрительны и дрожат за свою корону.

— Думаете, Милон решится на нас напасть? — недоуменно спросил Конан.

Жрец, одетый на этот раз в черный хитон, воздел к небу узкую ладонь:

— Только Боги знают обо всем наверняка! Даже для меня Милон темен и непонятен, а ведь я умею читать в сердцах людских. Вот мой совет: надо идти к Алимане, и поскорее.

— Войско может выступить хоть завтра, — произнес Просперо. — Солдат мы уже обучили. Они готовы ринуться в битву. К тому же чем скорее они столкнутся с врагом, тем крепче станет их боевой дух.

Киммериец в ответ хмуро кивнул. Он по опыту знал, насколько быстро в сильной, но бездействующей армии возникают свары, подогреваемые неукротимой жаждой поскорее схватиться с неприятелем на поле брани. Войско может начать гнить подобно перезрелому плоду.

— Согласен с тобой, Просперо, — сказал Конан. — Правда, поспешное наступление тоже таит в себе опасность. Прокасу наверняка успели донести, что мы стали лагерем на севере Аргоса. Прокас не так уж глуп и всяко сообразит, что мы сначала направимся к Алимане, в самую слабую из всех южных провинций. Скорей всего, он уже подсутил, усилил крепости, расставил дозоры. Его Пограничный легион давно уже настороже.

Троцерио твердой рукой поправил седеющую прядь.

— Нам на помощь поднимется весь Пуантен, — проговорил граф. — Пока мои люди сидят тихо, чтобы раньше времени не вызвать подозрения.

При этих словах собравшиеся переглянулись, во взглядах читались надежда и сомнение одновременно. Повстанцы уже разослали по пуантенским дорогам своих людей под видом бродячих торговцев и мастеровых. У лазутчиков была задача отыскать всех сторонников мятежного графа, подготовить боевые отряды, которые отвлекут бы часть верных короне войск. Было условлено, что после успешной подготовки граф получит сигнал — обгавленную кровью пуантенскую стрелу. Повстанцы ждали этого сигнала с напряженным нетерпением...

Заговорил Просперо:

— Сейчас меня беспокоит не столько восстание пуантенцев, сколько участие в наших действиях северных баронов. Если мы не войдем в Каларию до девятого дня весеннего месяца, бароны могут и отказаться, поскольку начнется сев.

Конан кивнул и молча осушил свой кубок. Северные баронства и впрямь обещали поддержку, но, опасаясь возможного поражения, не решались выступить против короля открыто. Если Львы потерпят на Алимане неудачу или же захлебнется восстание в Пуантене, благородные рыцари Севера немедленно отвернутся от мятежников.

Осторожность баронов была более чем понятна, но неопределенность положения все-таки тяготила вожakov повстанцев. Все боялись опоздать в Каларию к назначенному сроку. Конан, несмотря на свой неукротимый нрав, один призывал к терпению. Остальные же колебались и пытались выстроить новый план.

Они спорили до глубокой ночи. Просперо предложил разбить армию на три крыла и одновременно атаковать три крупные аквилонские твердыни: Мевано, Ногару и Танаис.

Конан покачал головой.

— Прокас только этого и ждет, — проговорил киммериец.

— Что же тогда делать? — нахмурился Просперо.

Конан подвинул к себе карту и заскорузлым пальцем ткнул в центральную крепость, Ногару.

— Вот сюда мы нанесем обманный удар. Пойдут два-три небольших отряда. Сделаем вид, будто число атакующих бойцов больше, чем на самом деле. Это нетрудно — вы лучше меня знаете... Поставить лишние шатры, разжечь побольше костров... Пусть воины пройдутся на виду у неприятеля, развернутся за ближайшим укрытием и протопают снова. На реке надо установить парочку баллист — поугатать на переправе гвардейцев! Это заставит Прокаса кинуть к Ногаре главные силы. Ты, Просперо, туда и пойдешь.

Услышав, что основное сражение пройдет без него, Просперо принялся было возражать, но Конан и слушать не стал.

— Пойдешь к Ногаре, понял! А мы с Троцero поведем войско дальше. Одно крыло к Мевано, другое — к Танаис. Возьмем перевалы и, если повезет, зажмем Прокаса в тиски.

— Предположим, все так и случится, — подхватил Троцero. — Тогда в тылу у Прокаса окажется восставший Пуантен...

— Боги да услышат тебя, — хмурясь, перебил графа Публий. — Иначе мы пропали!

— Что так мрачно? — удивился Троцero. — Воинское счастье, конечно, изменчиво, но мы все рискуем не меньше тебя. Победим или проиграем, мы должны держаться друг друга.

— Вот-вот, особенно по дороге на виселицу, — проворчал Публий.

А в глубине шатра, скрытая пологом, на ложе, застеленном пушистыми шкурами, лежала красotka Альцина. Ее роскошное тело поблескивало при свете единственной свечи. Дрожащее пламя странно отражалось в изумрудных глазах танцовщицы и в темных глубинах обсидианового талисмана. Альцина улыбалась своей кошачьей улыбкой.

Солнце еще не поднялось над сонной землей, а графа Троцero уже бесцеремонно трясла за плечо крепкая рука часового. Граф зевнул, потянулся, несколько раз бестолково мигнул и раздраженно уставился на солдата.

— Хватит меня трясти! — рявкнул он. — Ты меня уже разбудил, болван! Хотя непохоже, что пора выходить на утреннюю поверку... — Тут граф осекся. Лицо его побледнело. Он наконец разглядел, что охранник протягивает ему

какой-то предмет. Это была пуантенская стрела, от оголовка до оперения покрытая коркой засохшей крови.

— Как она попала к тебе? — с трудом прохрипел Троцero. — Когда?

— Только что доставил вестник с Севера, господин граф, — ответил солдат.

— Ясно! Позови моих оруженосцев. Трубить тревогу! Стрелу передать Конану! — распорядился Троцero, вскакивая с лежака.

Солдат отдал салют и исчез. Через несколько минут два заспанных оруженосца подавали графу доспехи.

— Наконец-то! Благодарение Митре и Светлой Иштар! — радовался Троцero. — Ты здесь, Мнестер? Созови совет. А ты, парень, ну-ка, проверь, в порядке ли Черная Дама. Скажи, чтоб ее седлали, да поживее. Проверь подпругу. У меня нет ни малейшего желания принимать в Алимане холодные ванны.

Не успело солнце окрасить алым покрытые снегом вершины Рабирийских гор, как шатры были свернуты, повозки готовы. А когда ясный новый день развеял в низинах остатки ночного тумана, войско, выстроившись тремя колоннами, двинулось в направлении Саксульского перевала. Оттуда путь лежал на Аквилонию.

Горы становились все круче, дорога — труднее. По обе ее стороны высились отвесные скалы. Это уже начиналась протянувшаяся к западу Рабирийская гряда.

Час за часом солдаты-пехотинцы, всадники и возчики обоза одолевали тяжкие подъемы и коварные спуски, забираясь все глубже в горы. Солнце нещадно палило спины, когда воины, облепив, как пчелы, тяжелые возы, на руках тащили их по склонам то вниз, то вверх. Пылили они при этом, как черти, оскверняя хрустальный воздух горных вершин.

Стоило сделать очередной подъем, как взору открывалась недостижимая, словно мираж, главная горная цепь. Но когда по восточным склонам пробежали лиловые тени раннего вечера, кручи раздвинулись, будто занавес, и показался Саксульский перевал — узкий проход делил неприступный кряж надвое, точно его рассек топор некоего разгневанного божества.

Пока подтягивались отставшие отряды, Конан с небольшой группой всадников выбрался на открытую долину,

проверяя, нет ли засады. Разведчики никого не заметили, и вскоре вся армия скатилась в долину. Топот, лязг оружия, скрип колес эхом отдавались от высоких скал.

С перевала дорога пошла вниз, теряясь в кедрах и соснах, покрывавших северные склоны. Далеко внизу наконец блеснули воды Алиманы, что струилась среди зеленых лугов, подобно серебристой змее, выползшей погреться на закатном солнце.

Солдаты двигались вниз, с трудом удерживая колеса груженных телег. И когда на небе зажглись первые звезды, войско вышло к развилке дорог на краю большой долины. Здесь армия стала лагерем. Опасаясь ночного нападения, Конан выставил удвоенные посты. Но в эту ночь никто не потревожил сон усталого воинства. Лишь однажды коротко взревел подобранный к лагерю леопард. Впрочем, осторожный хищник сразу удрал после резкого окрика часового.

На следующее утро Троцери отправился по правой дороге к Танаис. А Конан, Просперо и все остальные двинулись по левой. Ближе к полудню они повстречали новую развилку. Здесь войско опять разделилось. Просперо с небольшим отрядом пошел к главной крепости аквилонцев, Ногаре. Киммериец же повел оставшихся всадников и три отряда пехотинцев дальше на запад.

Склон за склоном, уступ за уступом одолевали воины узкую тропу. Когда последний опасный спуск остался за спиной, солдаты вновь увидели Алиману. Река отделяла Аргос от Пуантена. Эти земли по обе стороны реки, почти до самых южных провинций близ Хорот, издавна принадлежали мессантийской короне. Но при Вилерусе Третьем Аквилония прибрала их к своим рукам, и граница теперь проходила по Алимане.

Когда отряд киммерийца вышел на равнину, Конан приказал воинам разговаривать только в случае крайней необходимости и шепотом. Оси телег, чтобы не гремели, обмотали тряпками. Наконец отряд подошел к роще могучих вековых деревьев и остановился за ними, как за укрытием. Конан послал вперед разведку, проверить, нет ли кого поблизости. Вернулись солдаты с неприятным известием: в горах начал таять снег, и Алимана вышла из берегов.

Утром хмурого, серого дня Конан приказал разбудить воинов задолго до рассвета. Солдаты, ворча, проглотили холодный завтрак, и начались сборы. Конан объезжал лагерь, осыпая бранью и угрозами всякого, кто ронял оружие или же, забывшись, принимался горланить во всю глотку. Киммерийцу казалось, что любое неосторожно сказанное слово могут услышать в стенах крепости — пусть даже за несколько лиг отсюда. В такой близости от неприятеля настоящие бойцы двигались бы беззвучно, как барсы...

Чтобы лишний раз не шуметь, Конан приказал спрятать сигнальные трубы, поэтому все команды передавались по цепочке условными взмахами. Это стало причиной небольшой свалки. Первый отряд, получив приказ двигаться, врезался в соседа, и, прежде чем командиры успели вмешаться, взлетел не один кулак, была разворочена не одна морда.

Густая тьма уже опустилась на дорогу, когда войско вышло на берег реки. Киммериец, верхом на жеребце, опустив поводья, пытался сквозь сгустившийся мрак разглядеть противоположный берег. Возле копыт скакуна кипели темные воды Алиманы.

Конан жестом подозвал к себе молодого толкового командира по имени Аларик.

— Как думаешь, глубоко здесь? — тихо задал вопрос киммериец.

— Наверняка выше колен, — хмыкнул Аларик. — Может, по грудь. Позволь проверить.

— Только осторожно, — предупредил Конан.

Аларик направил своего гнедого прямо в бурлящий поток. Конь сначала было заупрямился, но потом сдался и послушно шагнул вперед. На середине реки темная вода доставала уже до башмаков всадника. Аларик обернулся и увидел, что киммериец зовет его обратно.

— Придется попробовать, — проворчал себе под нос Конан, когда Аларик вернулся и снова встал рядом. — Передай Дио, чтобы взял отряд легкой конницы и прочесал лес на той стороне. За ним пехота — пусть переправляются гуськом и держатся за ремни. Иначе, с таким-то грузом, какой-нибудь болван непременно утонет.

Едва на темном небе появилась первая светлая полоска, отряд кавалеристов, поднимая фонтаны брызг, с ходу влетел в реку. Перебравшись на другую сторону, командир

отряда Дио обернулся и помахал рукой, давая понять, что поблизости на берегу никого не видно.

Киммериец не сводил с того берега глаз и, заметив знак Дио, тотчас направил жеребца в бурный поток. Отыскав некое подобие брода, Конан подал рукой сигнал, и первый отряд пехотинцев полез в реку. Вскоре уже два отряда копейщиков и отряд лучников брели по грудь в воде. Каждый солдат одной рукой держался за пояс впереди идущего, а другой поднимал повыше оружие.

Конан подъехал к Аларику, которого назначил за расторопность и смекалку своим адъютантом.

— Передай, чтоб начинала переправляться тяжелая кавалерия, за ней — обоз. Если телеги застрянут, пусть обозным помогает Серсо. Я встану на середине.

Жеребец киммерийца рванул в воду, глубоко окунувшись в темный поток. Но тотчас дернулся и захрапел, словно чуя неведомую опасность. Конан натянул поводья и направил коня на быстрину.

Он внимательно вглядывался в северный берег, вдоль которого буйно рос забрызганный донным илом кустарник. Дорога шла словно вдоль живой стены — мимо одетых ранней листвой вековых дубов, таких крепких и высоких, будто они несли на себе тяжесть небес. «Место для засады просто отменное», — хмуро подумал Конан. Всадники Дио все ждали чего-то, сгрудившись на небольшом пятачке, где дорога обрывалась в реку. А ведь им следовало прочесать окрестный лес прежде, чем первый пехотинец подойдет к броду. Конан в ярости махнул всадникам рукой.

— Дио! — рявкнул варвар в полный голос. Если здесь где-то рядом и засел вражеский лазутчик, — начав переправу, шептаться уже нет смысла. — Рассыпаться по лесу! Да шевелитесь, разорви Кром ваши толстые задницы!

Мокрые, грязные пехотинцы уже выбирались на берег, когда всадники, разделившись на группы, отправились прочесывать лес по обе стороны дороги. Войско на переправе уязвимей всего — Конан испытал это на собственной шкуре. Звериный нюх варвара чуял повисшую в воздухе опасность.

Киммериец прищипорил коня. Жеребец почти по грудь в воде двинулся к аквилонскому берегу. Тяжелая кавалерия начала уже переправу, следом потянулся обоз. Две телеги увязли, и солдаты кинулись вытаскивать их на руках.

Неожиданно воздух пропорол резкий вскрик. Конан стремительно обернулся и успел заметить в кустах, рядом с пятачком, где только что стояли всадники, молниеносное движение. Злобным ревом предупреждая своих солдат об опасности, Конан сильно натянул поводья. Жеребец взвился на дыбы. И стрела, предназначавшаяся киммерийцу, подобно атаковавшей змее, чиркнула варвара по широкой груди и впилась в горло стоявшему сзади бойцу. Смертельно раненный, воин рухнул в мутный поток. Изрыгая проклятия, Конан прищипорил жеребца.

Верный конь вдруг отпрянул в сторону и зашатался: следующая стрела угодила прямо в грудь скакуна.

С хриплым ржанием конь упал на колени, сбросив при этом седока. Нахлебавшись грязной воды, киммериец вскопчил, ругаясь самыми черными словами. Просвистела еще одна стрела, царапнув доспехи.

Тишина спокойного свинцово-серого утра мгновенно разлетелась в клочья. Боевые кличи смешались с проклятиями и воплями умирающих.

Конан протер от речной грязи глаза и увидел, как на берегу появился тройной строй лучников и арбалетчиков в голубой форме Пограничного легиона. Как один, воины выступили из густых зарослей, осыпав градом стрел бахрающихся в грязи мятежников.

Свист стрел тотчас слился с хищным лязганьем арбалетов. Самострел бьет не так быстро, как лук, зато дальше, тяжелый арбалетный болт способен пробить самые крепкие доспехи. Солдаты на переправе падали один за другим — кто успев выкрикнуть проклятие, кто — нет. Мутные воды разлившейся Алиманы смыкались над головами убитых.

Пробираясь к берегу, Конан отыскивал взглядом хоть кого-то из трубачей, чтобы построить свое растерявшееся войско в боевой порядок. Одного он приметил. Светловолосяный гандер сидел на отмели, тупо уставившись на разывавшееся побоище. Поднимая столбы брызг, Конан с руганью ринулся к оцепеневшему от страха парню. Но едва тронул его за плечо, как трубач сложился пополам и упал лицом вниз. Из-под ребер у него торчал арбалетный болт. Рука гандера разжалась, труба выскользнула, и ее тотчас понесло течением.

Переводя дыхание, киммериец озирался, будто загнанный в угол лев. Вдруг его внимание привлёк нарастающий в лесу гул. Через мгновение из чащи вылетела аквилонская конница: всадники в тяжелых доспехах, меченосцы на крепких низкорослых лошадках. Они смели в реку выбравшихся уже на берег пехотинцев, никто не успел и глазом моргнуть. На северном берегу остался один неприятель. Тогда строй мечников разомкнулся с четкостью часового механизма, пропуская вперед легких всадников, которые ринулись добивать уцелевших мятежников.

— Ко мне! — рычал Конан, размахивая мечом. — Встать каре!

Но солдаты в панике лезли на южный берег, сбивая с ног тех немногих, кто откликнулся на зов предводителя. Следом, вздымая фонтаны брызг, гнались всадники Прокаса. Вторая линия стрелков расступилась, давая место третьей, потом четвертой, потом еще и еще. Стрелки заходили с флангов, выбирая себе новые мишени, а пехота мятежников ничего не могла сделать и гибла под ливнем стрел.

— Командир! — услышал Конан голос Аларика. — Спасайся! Здесь уже ничего не изменить! Попытайся собрать воинов на том берегу! Возьми моего коня!

Конан яростно плюнул в сторону приближающихся аквилонцев. Мгновение он колебался, в голове мелькнула мысль — рвануться назад в одиночку, рубя врагов направо и налево. Конан усилием воли подавил неистовый воинский порыв. Когда-нибудь раньше варвар-северянин так бы и поступил, до конца отдавшись кровавой сече. Но сейчас под его началом целое войско, на плечах груз чужих жизней. Опыт научил киммерийца ценить жизнь собратьев по оружию. Увидев, что Аларик собирается спешиться, Конан ухватился за подпругу левой рукой и прорывался:

— Сиди на месте, парень! Правь-ка лучше к нашему берегу, Кром тебя раздери!

Аларик прищорил коня. Киммериец, держась за подпругу, понесся рядом огромными скачками. Вокруг спешили выбраться из воды перепуганные повстанцы. Сзади наседали аквилонцы, которые немного приотстали на стремнине. Бурные воды Алиманы окрасились кровью. Только сильное течение, остановившее стремительную атаку противника, спасло остатки войска от полного истребления.

Уцелевшие солдаты столкнулись наконец с обозом и собственной конницей. Протискиваясь меж лошадьми, они передавали свой страх и животным. Испуганные кони поднимались на дыбы, давя несчастных беглецов, и так рвали назад, что всадникам приходилось поворачивать обратно. Обозники пытались выволочь застрявшие телеги, потом в отчаянии бросали их на произвол судьбы и тоже спешили на берег. Аквилонские воины без пощады рубили оставленных обозных лошадей и не успевших сбежать возничих.

Конан сорвал голос, выкрикивая команды попеременно с проклятиями и угрозами. Наконец он выбрался на берег в том месте, откуда началась переправа. Киммериец попытался было с ходу выстроить боевые порядки, но войска больше не существовало. Была лишь беспомощная толпа испуганных людей. Бросая оружие, шлемы, щиты, мятежники неслись в поисках спасения куда глаза глядят. От ужаса они забыли о дисциплине, обо всем, чему их учили долгие месяцы.

Только небольшая горстка бойцов встретила врага лицом к лицу и дралась с мрачным весельем обреченных на смерть. Аквилонцы смели отважных воинов.

В сумятице Конан вдруг увидел Публия, кинулся к нему и, пытаясь докричаться, тряс за плечо. Из-за стоявшего вокруг всеобщего рева казначей едва слышал голос киммерийца. Публий беспомощно указал себе под ноги. Возле его ног на земле лежало распростертое тело Аларика, и Публий прикрывал его собой, как щитом, чтобы не затоптали свои же. Конь Аларика где-то пропал.

С яростным криком, щедро раздавая увесистые зуботычины, Конан заставил наседающую толпу отодвинуться. Он взвалил Аларика на плечо и побежал крупной рысью. Следом, отдуваясь, затрусил грузный казначей войска. Аквилонская конница уже дышала беглецам в затылок. Всадники добрались до обозных телег, выстроенных вдоль реки для несостоявшейся переправы.

Кое-кто из возниц, стоявший подальше от воды, сумел развернуть неуклюжую телегу и нахлестывал лошадей что есть мочи, рассчитывая укрыться в горах. Узкая дорога буквально почернела от оравы беглецов. Сотни мятежников рассыпались по прибрежной долине, устремившись к лесу.

Усталое неопытное войско не сумело отразить внезапной атаки свежих частей закаленной в боях аквилонской армии и было разбито. Но на берегу все же произошла небольшая заминка. Она дала возможность беглецам унести ноги. Окружившие обоз всадники, вместо того чтобы гнать мятежников дальше, принялись потрошить телеги, даже не слушая гневных окриков командиров. Увидев это, Конан на ходу спросил:

— Слушай, Публий, а где казна?

— Я... не знаю... — еле выдохнул казначей. — Лежала в какой-то телеге, из последних... Может, вознице удалось скрыться... Я... не могу больше. Беги один.

— Не болтай глупости, — прорычал киммериец. — Мне нужен человек, который умеет хорошо считать. Смотри, а этот мешок с костями приходит в себя.

Конан снял с плеча свою ношу и положил на землю. Аларик открыл глаза. Киммериец осмотрел юношу, но ран не заметил. Аларик смутно припомнил, что его задело тяжелым арбалетным болтом, но не ранило, только пробило шлем и оцарапало голову. Конан поставил парня на ноги.

— Я тебя тащил, приятель, — сказал киммериец, — теперь твоя очередь помочь мне тащить нашего толстячка.

Несколько мгновений спустя троица уже снова неслась вперед к спасительным горам. Публий едва не висел на своих спутниках, ухватившись руками за их шеи. С неба стало накрапывать, и вскоре припустил настоящий ливень.

В этот день, окончившийся в пещере на склоне Рабирских гор, в лицо киммерийца подул холодный ветер неудач. Войско потеряно. Те, кто уцелел, гибнут сейчас от стрел и мечей рыскавших по окрестностям легионеров. В несколько часов, казалось, сама мысль о мятеже против Нумедидеса пошла ко дну в бурных водах красной от крови Алиманы.

В пещере, укрытой от постороннего глаза стволами вековых сосен, ожидалась наступления темноты Конан, Публий, Аларик и еще около сотни оставшихся в живых солдат. Получилась пестрая компания: бывшие аквилонские рыцари, беглые каторжники, старые бандиты, неунывающие ветераны-наемники. Много было раненых, некото-

рые умирали прямо на руках товарищей. Воины были мрачны и подавлены столь неожиданным разгромом.

По окрестным лесам носились отряды тяжелой кавалерии. Победоносная аквилонская армия явно намеревалась довершить победу, уничтожив всех до последнего. В душе Конан мрачно одобрил действия старого вояки Прокаса. Повернись все по-другому, наверняка киммериец поступил бы так же.

В угрюмом молчании Конан размышлял о судьбе Просперо и графа. Просперо должен был отвлечь внимание Прокаса на себя. Но аквилонец не поддался на уловку. Конан просто надивиться не мог, как же Прокас разгадал их затею.

Промокшие, измотанные беглецы сгрудились вокруг вожака. Разжечь костер не рискнули, опасаясь бдительных аквилонских всадников. К ночи многие воины принялись кашлять и сморкаться — сказывалось долгое бултыхание в холодной воде. Когда кто-то выбралил мерзкую погоду, Конан рявкнул:

— Богов благодарите за этот дождь! Если б не он, всадники разделались бы с нами, как со стадом свиней! Никакого огня! — гаркнул он на солдата, который хотел поджечь трут. — Ты что, хочешь пригласить аквилонских псов порезвиться здесь? Ну-ка, сколько нас тут... Быстро устройте переключку по одному. Считай, Публий!

Послышались возгласы: «Я!», «Я!» — и Публий, загибая пальцы, начал считать. Когда прозвучал последний крик, казначей повернулся к киммерийцу:

— Если не брать в расчет нас, всего сто тринадцать.

Конан фыркнул, словно растревоженный медведь. Гордое сердце варвара зажглось жадной мести, хотя разумом Конан отчетливо понимал, что из жалкой горстки бойцов армии не создашь. Лицо киммерийца осталось спокойно, однако Конан немного приуныл.

Он выставил часовых. Измученные воины, устроившись по двое, по трое, забылись тяжелым сном прямо на холодных камнях. Где-то за полночь в пещере появился опирающийся на сук и на руку сопровождавшего его солдата, поставивший от боли жрец Декситус.

К этому времени солдат собралось уже около двух сотен. Многие были ранены. Жрец, невзирая на боль, немедленно

принялся помогать воинам и несколько часов кряду извлекал наконецники стрел, перевязывал раны, пока не вмешался Конан и не приказал отдыхать.

Ночлег ненадежен, постели жесткие. Киммериец знал, что многие бойцы не увидят следующего заката. И все же они пока живы, многие сохранили оружие, и, если бы солдаты Прокаса вдруг наткнулись на это убежище, повстанцы дорого бы отдали свои жизни. Наконец уснул и Конан.

К утру тучи поредели, разошлись, обнажив ясную синеву, и вскоре в этом просвете зажглась новая заря. Конан проснулся от тихого разговора и бряцанья оружия. Оказалось, пока он спал, появился Просперо и с ним пять сотен воинов.

— Просперо! — воскликнул Конан, вскочив на ноги и заключая друга в могучие объятия. Правда, тотчас он заговорил тише, опасаясь, что дурные вести окончательно сломят дух побежденных. — Хвала Крому! Как ты нашел нас? Что с Троцero?

— Не все сразу, командир, — шутливо отозвался Просперо, переводя дыхание. — В Ногаре мы обнаружили только один небольшой отряд гвардейцев, которые при нашем появлении дали деру. Целый день мы топтались там, дули в трубы, били в барабаны, но никто не высовывался. Я подумал, что все это весьма странно, и отправил гонца в Танаис. Вернулся он с сообщением, что под Танайсом страшный бой и Троцero отступает. Вскоре появились и первые беглецы с Алиманы. Они поведали о жуткой бойне на реке. Я решил не ждать, пока удар Прокаса обрушится на нас, и приказал быстренько подняться повыше в горы. Там опять мы повстречали твоих, они-то и рассказали, где видели тебя в последний раз. Скажи лучше, ты-то как?

Конан стиснул зубы и процедил:

— А я на этот раз свалил дурака и угодил прямо к Прокасу в пасть. Мне надо было дожидаться, пока Дио прочешет лес, тогда и отдавать приказ к переправе. Дио повезло — он погиб от первой стрелы. Иначе я заставил бы его пожалеть, что он родился на свет. Всадники сгру-

дились на опушке, как стадо баранов. Я же приказал проверить подлесок. Но главная вина все равно на мне — надо было выждать. Все пропало, друг мой, все пропало!

— Нет, Конан, не все, — серьезно ответил Просперо. — Ты сам всегда говорил: ничего не потеряно, пока жив последний солдат. А боги милуют и казнят равно и тех, и других. Так что давай сначала вернемся в лагерь. Может быть, по дороге найдем Троцero. У нас сейчас с тобой несколько сотен. А если собрать в лагере всех, кто бродит по лесу, получится никак не меньше тысячи. Наверняка эта пещера не единственная и не ты один догадался спрятаться.

— Прокас потрепал нас хуже некуда. Его легионеры празднуют победу, — ворчал Конан. — Что может сделать против него разбитое войско в какую-то жалкую тысячу? Кроме того, он наверняка успел закрыть перевалы. Во всяком случае, Саксильский.

— Несомненно, — согласился Просперо. — Но и у него силы рассредоточены. Воины рыщут маленькими отрядами, а на равных аквилонские псы несравнимы с нашими гордыми львами. В конце концов, мы поищем другую дорогу. Ну-ка, полководец, давай! Ты ведь у нас нестигаемый Конан, человек, который никогда не сдастся. Разве не ты сколотил из кучки бродяг армию? И от ее поступи дрожали троны! Ты и теперь можешь повторить то же самое. Хватит киснуть!

Конан поглубже вздохнул и расправил широченные плечи:

— Клянусь Кромом, ты прав! Хватит мне ныть, как голодная ведьма. Я проиграл сражение, но наше дело осталось. И пока живы мы двое, пока можем прикрывать друг друга и драться насмерть, оно не погибнет. И в конце концов, есть вот это!

Конан отошел в глубь пещеры и достал из щели знамя Львов. Накануне его принес тяжелораненый знаменосец. Бедолага умер у киммерийца на руках. Конан свернул полотнище и убрал с глаз подальше. Теперь же при бледном свете занимавшейся зари варвар развернул стяг вновь.

— Не много нас тут для армии, — пророкотал Конан, — но троны берут и меньшим числом.

При этих словах киммериец улыбнулся своей широкой, спокойной улыбкой.

Светлый солнечный день показал, что Его Величество Рок вовсе не собирается добивать побежденных. Тяжкая ночь миновала. И когда утреннее солнце растопило облачное покрывало, Конан с отрядом стал пробираться в горы.

До Саксульского перевала они добрались, когда по склонам уже побежали вечерние тени. Конан выслал вперед несколько всадников, ибо каждую минуту ожидал нападения. Но, к изумлению киммерийца, вернувшиеся разведчики доложили: ни на перевале, ни в окрестном лесу противника нет. О том, что legionеры были там, явственно свидетельствовали пепел кострища и оставленный мусор. Но, похоже, враги ушли.

— Кром! Ничего не понимаю, — задумчиво пробормотал Конан, разглядывая багряные от солнца горные пики. — Разве что Прокас велел им сняться и пройти дальше в глубь Аргоса.

— Вряд ли, — сказал на это Публий. — Для них это бы означало открытую войну с Милоном. Скорее всего, Прокас отозвал своих воинов, пока при дворе не успели узнать о вторжении. Теперь, если Милон и попытается протестовать, Прокас ответит, что все в порядке: никаких аквилонских солдат в пределах Аргоса нет.

— Будем надеяться, так оно и есть, — произнес Конан и скомандовал: — Вперед!

На следующее утро к Конану присоединились несколько отрядов пехоты, которым удалось уйти после разгрома под Мевано в полном порядке и почти без потерь. А ближе к вечеру киммерийца ждал сюрприз: разведчики первыми заметили на вершине холма лагерь. Оказалось, там стал с двумя сотнями всадников и пехоты сам граф Троцерио. Они успели даже возвести некое подобие укреплений и готовились дать бой. Троцерио радостно обнял друзей.

— Благодарение Митре, вы живы! — воскликнул он. — А мне сообщили, будто в тебя угодила стрела, — проговорил граф, обращаясь к Конану, — а люди твои разлетелись, как птички по осени.

— Теперь много что будут говорить, хорошо бы десятая часть из этих рассказней была правдой, — буркнул Конан и принялся рассказывать о засаде. А чуть погодя спросил: — Что у вас-то случилось под Танаисом на переправе?

— Прокас отделил нас не хуже, чем тебя, — отвечал граф. — Мне показалось, старик сам вел сражение. Он заранее подготовил на южном берегу засаду — как раз там, где мы собирались переправляться, — а потом гнал нас с обеих сторон. Не думал, что он осмелится преследовать нас в Аргосе.

— Прокас не дурак, — заметил Конан, — он знает, когда и что можно. Ну ладно... А как вы попали сюда? Прошли по перевалу?

— Нет. Еще вчера там стоял большой отряд аквилонцев. Но нам повезло: один из моих людей, когда возил в эти края контрабанду, знал одну узенькую тропу, по которой почти никто никогда не ходит. Подъем был что надо, но в конце концов мы все же забрались, потеряв при этом лишь двух лошадей. А что, сегодня там никого нет?

— По крайней мере, час назад не было ни души, — ответил киммериец. Он оглянулся на своих: — Что ж, пора двигаться, пока светло. Вместе с твоими воинами нас теперь около тысячи.

— Тоже мне армия, — проворчал Публий. — Жалкие остатки — вот что это такое, армия осталась на севере.

— Для начала сойдет, — бросил Конан. Мрачные ночные мысли исчезли вместе с утренним туманом. — Я еще не забыл те дни, когда все наше войско состояло из пятерых храбрецов.

Отряд двигался в сторону старого лагеря, и по дороге группками или поодиночке к нему приставали уцелевшие после разгрома воины. Конан же беспрестанно оглядывался назад, каждую минуту ожидая увидеть мчащихся по Рабийским склонам лихих legionеров Прокаса. Но Публий не разделял его настроений.

— Послушай, Конан, — твердил он. — Король Милон пока еще нас не предал, иначе его солдаты оказались бы у нас в тылу уже тогда, когда Прокас трепал нас, как сосунков. А король Аквилонии хоть и спятил, но все-таки

не настолько, чтобы начать сейчас настоящую войну с Милоном, — Аргос крепкий орешек. Амалнусу Прокасу все эти политические штучки прекрасно известны, он не подержался бы так долго на службе у психа Нумедидеса, если б не помнил о главных его интересах. Так что успокойся, в лагере мы пока будем в безопасности. К тому же там нас станет чуть больше — с резервом и с обозными.

— Пока... — фыркнул Конан. — Будто ты не знаешь: когда Нумедидес сумеет уговорить аргосийца, земля будет гореть у нас под ногами!

В сущности, Конан не слишком-то ошибался. Вскоре после этого разговора король Милон принимал у себя посланников Аквилонии. Во главе их ко двору, совершив трудный обратный путь в обход армий, прибыл зингарец по имени Квесадо.

Квесадо, одетый теперь в роскошное платье черного бархата и кожаные, кордавской выделки башмаки, сильно переменялся. Но перемена эта, как оказалось, пошла не на пользу его хозяину. Сам Нумедидес, узнав о шпионских подвигах зингарца, на радостях приказал назначить его главой посольства. И это было ошибкой.

Зингарец был отличным разведчиком, умевшим легко и незаметно выведать что угодно и у кого угодно. Но, оказавшись неожиданно у власти и при деньгах, он занесся и стал просто невыносим. Холодно и высокомерно пытался он почти неприкрытыми угрозами склонить короля и его советников к мысли о том, что для Аргоса лучше — союз с могущественным соседом или же с его врагами, которые, в сущности, обычные оборванцы.

— Ваше Величество, господа советники, — говорил Квесадо резким, уверенным тоном. — Вы, наверное, и сами понимаете, что не принять дружбу моего повелителя означает перейти на сторону его врагов. И чем долее позволите вы оставаться им в землях вашего королевства, тем более запятнаете себя позором измены по отношению к вашему соседу и моему государю, могущественнейшему королю Аквилонии.

Король Милон при этих словах резко выпрямился, широкое лицо его побагровело от гнева. Средних лет, с пыш-

ной, ниспадавшей на грудь седой бородой, он производил впечатление человека уравновешенного, неразговорчивого и напоминал скорее честного селянина, чем владыку богатого древнего государства. Соображал он туго, и, если уж что-то вбивал себе в голову, переубедить его было невозможно. Глядя Квесадо прямо в глаза, король Милон ответил так:

— Вы забыли, господин посол, что Аргос пока свободная страна! Никогда мы не были и — да не допустит Митра! — не будем подданными твоего короля. Ты говоришь об измене, то есть о некоем деянии, направленном против государя. Не хочешь ли ты сказать, посол, что Нумедидес стал теперь государем Аргоса?

Квесадо покрылся испариной. Бугристый лоб его заблестел под падавшими сквозь витражные окна лучами всеми цветами радуги.

— Ни в коем случае, Ваше Величество! — торопливо попытался он сгладить неловкость. И тотчас добавил еще более неуклюже: — Но, со всем своим уважением, я все же должен напомнить, что Его Величество король Аквилонский не оставит без внимания помощь, какую собрат его, монарх, оказывает врагам нерукотворного Рубинового Престола.

— Никакой помощи им никто не оказывает, — накаляясь, ответил Милон. — Разве ваши шпионы еще не донесли вам, что остатки мятежников вернулись в Паллосскую долину, где у них нет даже подвоза продовольствия? Так что им приходится рыскать в поисках съестного по всей округе. Знаменитые бессонские лучники заняты отстрелом оленей и уток! Ты говоришь, посол, Прокас одержал сокрушительную победу над ними? Отчего же могущественнейшая Аквилония так боится горстки мятежников, которым и есть-то нечего? Нам докладывают, что силы их истощены, что с каждым днем от Конана уходит все больше солдат.

— Все это верно, Ваше Величество, — холодно проговорил Квесадо, к которому уже вернулось его прежнее высокомерие, — но скажите, во имя богов, чего хочет добиться король Аргосийский, предоставляя этим бандитам убежище в своих землях? Ведь когда они поймут, что свергнуть короля Аквилонии им не удастся, они могут вернуть оружие против аргосийского трона!

Милон, нахмурившись, промолчал, ибо ничего убедительного он не смог бы ответить послу. Не мог сказать, что верит старому другу графу Троцero, что обещал дать ему кров и хлеб на своих землях. Не мог сказать, что ему отвратительна настырность посла. Король Милон любил старых друзей и не любил менять однажды уже принятых решений.

Поднявшись, он наконец изрек:

— Мы обдумаем мнение нашего брата короля Аквилонского, господин посол. Вам объявят, какое решение мы сочтем полезным для нашего блага. А теперь можете удалиться.

Скривив рот в фальшивой улыбке, Квесадо согнулся в поклоне и вышел, но сердце его было полно злобы. «Счастье и на этот раз улыбнулось тебе, киммериец, — думал он. — Но это в последний раз, ибо ты ведать не ведаешь, какую змею пригрел у себя на груди».

А Львы все же были не так обессилены, как думал король Милон. Их небольшое войско крепло с каждым днем. Отощавшие лошади отъедались на зеленых лугах, женщины-аргосийки ухаживали за ранеными. Удалось спасти и довольно большую часть обозного скарба, к тому же не проходило и дня, чтобы не возвращались пусть оборванные и голодные, но все-таки уцелевшие воины. В лесу слышался шелест травы под ногами охотников, звенели под ударами топора вековые сосны, а в лагере гудели наковальни, где пуантенские мастера правили притупившиеся клинки и готовили связки новых остро отточенных копий и стрел.

А в один прекрасный день войско всколыхнула радостная весть: аквилонский барон Гродер сумел увести прикрывавший на Алимане тылы отряд на восток в горы и избежал разгрома. Чтобы проверить, правда это или нет, Конан послал Просперо на поиски барона, дав ему небольшой отряд легкой конницы. Декситус не переставая молился Митре, чтобы слух оказался правдой, ибо в этом случае ряды мятежников почти удвоились бы. В конце концов, троны завоевывают не только числом, но умением и отвагой.

Полная луна смотрела на Паллосскую долину подобно желтому оку разгневанного бога. Резкий свежий ветер пробежал в высокой луговой траве и трепал незримыми пальцами плащи часовых, стоявших на страже вокруг лагеря.

Конан допоздна засиделся в своем шатре за кружкой эля, продолжая долгую беседу. Собравшиеся жарко спорили. Кто-то считал, что после поражения какое-то время нужно вести себя потише. А кто-то, горя жаждой мести, рвался в бой, не желая ждать, когда войско наберется свежих сил. Одним из них был Троцero.

— Послушай, Конан, — говорил граф. — Амалиус Прокас сейчас не ждет удара, так что мы легко застанем его врасплох. А кроме того, стоит перейти Алиману — и к нам присоединится весь Пуантен, там только того и ждут.

Отважное сердце варвара-северянина сильнее забилося при этих словах. Пересечь границу именно сейчас, когда счастье, казалось бы, отвернулось от мятежников, и впрямь могло бы оказаться для неприятеля полной неожиданностью. Конану отчаянно захотелось устроить такую вот дерзкую вылазку — даже не ради победы, но чтобы поднять боевой дух своего войска. Солдаты, пока, правда, потихоньку, начали уже уходить. А если течь не заделать вовремя, тоненькая струйка грозит быстро превратиться в потоп.

Киммериец за долгие годы странствий научился смотреть на все происходящее спокойно. И сейчас опыт подсказывал: надо поумерить пыл, ибо главное — сохранить остатки армии. По крайней мере, до возвращения Просперо. Если Гродер вернется с ним, то с такой поддержкой можно смело назначать и день, и час вылазки.

Распрощавшись за полночь с друзьями, Конан устремился в нежные объятия Альцины. Золотистокожая танцовщица всегда встречала киммерийца с радостью, но сегодня она лишь улыбнулась и легко выпорхнула из рук великана.

— Я приготовила тебе благороднейший напиток, мой повелитель. Достаточно ты наливался горьким пивом, как какой-то бродяга. Я съездила в Мессантию и привезла бутылку прекрасного вина, специально чтобы доставить тебе удовольствие, — сказала она.

— Кром! Девочка, сегодня я и так достаточно выпил. А сейчас вино твоих губ пришлось бы мне по вкусу больше, чем виноградный сок.

— Это вино разгорячит тебя, умножив твои желания и мое удовольствие, повелитель, — мягко продолжала настаивать танцовщица. Освещенная пламенем свечи, в длинном, шафранного шелка, почти прозрачном одеянии, которое лишь подчеркивало мягкие линии тела, она с очаровательнейшей улыбкой протянула киммерийцу кубок: — Я положила туда пряности, привезенные с моей родины. Мне так хотелось взбодрить тебя, мой повелитель. Неужели же ты откажешь мне в столь крохотном удовольствии!

В нетерпении глядя на ее бледное, словно луна, лицо, Конан сказал:

— Когда я слышу запах твоих волос, мне не нужны никакие пряности. Но если уж тебе так хочется, я, конечно, выпью.

Тремя большими глотками он осушил кубок, не обратив внимания на слегка горьковатый привкус, и отбросил сосуд прочь. Потом потянулся к прекрасной танцовщице, не сводившей с него внимательного взгляда. Но едва варвар собрался заключить подружку в свои объятия — полог шатра закружился перед глазами, все нутро пронзила нестерпимая боль. Конан попытался ухватиться за стойку шатра, но пальцы не слушались, и киммериец тяжело рухнул навзничь.

Альцина нагнулась над неподвижным телом. В угасающем сознании Конана лицо красотки плыло подобно туману, сквозь который ярко мерцали изумрудно-зеленые глаза.

— Кром! Ах ты мерзкая ведьма! — простонал Конан. — Ты меня отравила!

Киммериец попытался было подняться, но тело его словно налилось свинцом. От усилия лицо побагровело, вены натянулись, варвар лишь едва приподнял голову. Задышавшись от слабости, он снова ткнулся лицом вниз. Тут сознание его потускнело, залитый светом свечей шатер поплыл перед глазами, и Конан будто провалился в странный, тяжелый сон. Он различал слова, но не мог ни говорить, ни шевелиться.

— Конан, — позвала, наклонившись, танцовщица. Великан-северянин не отозвался. Нежный голосок прошелес-

тел: — Наконец-то ты сдох, киммерийский пес! Скоро вы все встретитесь в преисподней!

Альцина спокойно села рядом с распростертым телом и вынула из-за пазухи амулет. Судя по отмерявшей время свече, до встречи с хозяином оставалось не менее получаса. Недвижно, как сфинкс, ждала она, пока пройдет время. Потом зажала обсидиановый полумесяц в ладони и сосредоточилась.

Далеко-далеко в Тарантии Зуландра Тху даже засмеялся от удовольствия, увидав на полу поверженного киммерийца. Колдун убрал магическое зеркало, кликнул слугу и приказал ему отправляться в королевские покои.

Хиау вошел в опочивальню, когда четыре крепкие обнаженные служанки делали Нумедидесу растирания. Скромно опустив глаза к плитам мраморного пола, Хиау низко поклонился и проговорил:

— Ваше Величество, мой хозяин прислал меня, дабы нижайше известить вас о том, что разбойник по имени Конан сегодня убит в Аргосе магической властью моего хозяина.

Хмыкнув, Нумедидес отогнал от себя служанок и сел.

— Вот как? Говоришь, убит?

— Именно так, Ваше Величество.

— Что ж, отличная новость, отличная новость. — Нумедидес в такт словам звонко хлопал себя по ляжкам. — Когда я стану... э-э... не будем об этом. Есть у тебя еще что-нибудь?

— Хозяин мой просит позволения сообщить о случившемся Амалиусу Прокасу и приказать ему немедленно войти в Аргос, дабы уничтожить остатки мятежников, пока они не нашли себе нового вожака.

Нумедидес отмахнулся:

— Сгинь, желтолицая обезьяна. Пусть хозяин твой делает все, что ему взбредет в голову. А теперь, девочки, продолжим.

Поздней ночью из Тарантии выехал к аргосийской границе гонец. Он вез запечатанный королевской печатью приказ Амалиусу Прокасу: не позднее чем через две недели всей мощью Пограничного легиона обрушиться на обезглавленное, обескровленное войско мятежников, вставшее под Знамя Льва.

А в шатре после магической беседы с колдуном танцовщица Альцина достала из дорожного сундука пажеский наряд и переоделась. Потом нашла на дне маленький медный ларец и открыла, повернув на крышке серебряного дракона. Ларец был доверху полон браслетов, колец, серег и других безделушек. Альцина долго рылась в них, пока не отыскала небольшую медную пластинку с надписью на аргосийском. Этот знак когда-то добыл для нее Квесад — по нему на всех почтовых станциях Аргоса хозяева кидались менять лошадей без промедления. Альцина взяла табличку, выбрала из украшений самые ценные, спрятала за пояс, а болтавшийся на ремне кошелек наполнила золотом и серебром.

Потом загасила свечу и выскользнула в ночную темень. Часовому Альцина сказала:

— Конан лег отдыхать, а мне поручил срочно отвезти донесение королю. Не сочти за труд, прикажи конюху седлать лошадь и привести сюда.

Часовой остановил проходившего мимо одного из капитанов, тот отправил солдата на конюшню, а Альцина молча стояла у входа в шатер и ждала. В лагере все давно привыкли к подружке командующего, полюбили ее за красоту и дружелюбие, и теперь солдаты спешили побыстрее выполнить ее просьбу.

Когда привели лошадь, Альцина легко вскочила в седло и медленным шагом двинулась следом за часовым, проводившим ее до границы лагеря. Потом, пустив лошадь рысью, танцовщица быстро исчезла в залитой лунным светом ночи.

Через четыре дня Альцина прибыла в Мессантию. Она немедленно отправилась к тайному пристанищу Квесадо, где нашла одного только кофита Фадия, который в это время кормил голубей.

— Где Квесад? — спросила его Альцина.

— Ты что, не знаешь? — удивился Фадий. — Теперь он посол, стал слишком гордым, чтобы тратить свое драгоценное время на таких, как мы. После возвращения он только раз сюда и заглянул...

— Что ж, гордый он или нет, а мне надо увидеть его немедленно. У меня важные новости.

Фадий, ворча, повел танцовщицу к дому, где расположились аквилонцы. Слуга зингарца был занят — он уже постелил постель и чистил хозяйские башмаки, так что Фадий с Альциной вошли без предупреждения.

— Проклятье! — возмутился Квесад. — С каких это пор какой-то сброд врывается в дом знатного господина, когда тот готовится отойти ко сну!

— Ты прекрасно знаешь, что мы за «сброд», — спокойно проговорила Альцина. — Я пришла сообщить, что Конан мертв.

Квесад как был, так и остался стоять с открытым ртом.

— Вот как, — наконец выдавил он. — Что ж, это меняет дело. Ну-ка, Нарсис, неси сюда башмаки. Я иду во дворец немедленно. И жду вашего рассказа, сударыня.

Вскоре Квесад был уже во дворце, где потребовал, чтобы его без промедления допустили к королю. Зингарец хотел вынудить Милона как можно скорее ударить по оставшемуся без главы войску. Он отлично понимал, что сейчас, пока мятежники не оправились от неожиданности, им не выдержать сколько-нибудь серьезного боя.

Однако судьба и на этот раз распорядилась по-своему. Король, разбуженный посреди ночи, пришел в ярость от непочтительности посла. К Квесад вышел лишь королевский камердинер.

— Его Величество, — произнес он, — требует, чтобы вы немедленно удалились и явились завтра в приличествующее время. Его Величеству будет удобно ждать вас за час до полудня.

Квесад вспыхнул от разочарования и досады. Раздраженно он произнес:

— Кажется, здесь не совсем отдают себе отчет в том, кто я такой!

Камердинер улыбнулся и в ответ сказал с презрением:

— О нет, господин, здесь все до единого знают, кто вы... и кем были еще недавно. — Лица маячивших за спиной камердинера караульных расплылись в нахальной ухмылке, камердинер же продолжал: — А теперь прошу вас удалиться, да побыстрее, дабы не вызвать неудовольствие моего государя.

— Ты еще пожалеешь об этих словах, — прорычал Квесад и вышел.

По мощным улочкам Мессантии он быстро шел к прежнему своему убежищу, где его ждали Альцина и Фадий. Здесь он написал яростное послание о поведении аргосийского короля и отправил голубя в путь.

Через несколько дней донесение достигло Виббуса Латро, и он немедленно передал его королю. Нумедидес, и так-то никогда не умевший сдерживаться, прочитав письмо, зашелся от гнева. Часа не прошло, как в легион Прокаса понесся еще один гонец. На этот раз король приказывал не просто войти в Аргос. Монарх повелевал своему командующему взять с собой любое по численности войско и не возвращаться в Аквилонию, пока жив хоть один мятежник.

Прочитав это, Прокас — умный, опытный воин — поморщился. Одно дело отправить в чужие земли несколько легких отрядов добить удирающего противника. И совсем другое — перейти Алиману целой армией.

Но с королевскими приказами спорить бессмысленно. У командующего не было выбора: если он хотел и дальше носить голову на плечах, то должен готовиться к походу, хотя весь его боевой опыт восставал против поспешного, бессмысленного приказа.

Он отложил выступление на несколько дней в надежде, что король поостынет и переменит решение. Но время шло, и Прокас не осмелился ждать дольше. На рассвете ясного весеннего утра аквилонская армия во главе с Амалиусом Прокасом перешла аргосийскую границу. Река успела уже войти в берега, и рыцари в сверкающих латах, лучники и копейщики в кожаных доспехах переправились на чужой берег, едва замочив ноги. После чего войско спокойно направилось по извилистой горной дороге в сторону Саксульского перевала.

До самого утра никто в лагере повстанцев так и не узнал, что произошло с Конаном. Утром же, обнаружив несчастье, все сбежались в шатер. Киммерийца переложили на постель и тщательно осмотрели. Все еще не оставивший после ранения палку Декситус наклонился, поднял брошенный кубок и повел носом.

— Он выпил вино, — сказал жрец, — отравленное соком пурпурного лотоса из Стигии. Он должен уже, по всем расчетам, быть мертвее древней мумии, а он, смотри-те-ка, дышит, хотя и смахивает на труп.

Публий в задумчивости потер лоб:

— Возможно, яд был рассчитан на обычного человека. А для нашего неукротимого северянина доза оказалась маловата.

— Наверняка это зеленоглазая ведьма! — воскликнул Троцero. — Никогда я ей особенно не доверял, а раз уж она сбежала, так, значит, точно виновата. Попадись она мне, я отправил бы ее прямиком на костер.

Декситус стремительно развернулся в его сторону:

— Зеленоглазая, говоришь? Возле Конана была женщина с зелеными глазами?

— Ну да, зелеными, как изумруды. А что такое? Разве ты ее сам не видел?

Жрец, нахмурившись, покачал головой:

— Я, конечно, знал, что он нашел себе подружку в какой-то таверне, но, когда влюбленные дети мои начинают вести себя неподобающим образом, я стараюсь делать вид, будто не замечаю этого. Конан великодушно старался держать ее от меня подальше. Горе нам! Ибо Митра предупреждал меня о несчастье из-за зеленоглазой тени. Но я думал, что все несчастья еще впереди. Горе мне! Я не сумел предотвратить беду.

— Хватит стонать, — перебил его Публий. — Конан жив, и благодари Митру за то, что подлая красotka плохо умеет считать. Теперь, пока он лежит, никто, кроме оруженосцев, не должен не только подходить к нему, но и порога здесь переступить. Пусть все думают, что предводитель попросту заболел. Если ему не суждено умереть сейчас, он выживет. А пока будешь командовать ты, Троцero.

Граф Пуантенский кивнул:

— Он сам назначил меня своим помощником, и я сделаю все, что положено. А ты, Публий, сегодня же займись восстановлением связей с нашими людьми в Аквилонии. Объявляйте утреннюю поверку!

Не успел Амалиус Прокас выйти в поход, как у мятежников уже вновь появились на той стороне опытные лазутчики. И вечером, когда Троцero с товарищами собрались

на совет, один из разведчиков прискакал с сообщением, что огромная армия перешла границу. Троцero повернулся к Публию:

— Что известно о численности?

Публий склонился над восковыми табличками. Когда он закончил свои вычисления, в глазах его появилась тревога.

— Второе больше нашего, — мрачно сказал он. — Вот и пришел наш черный день. Пора начинать готовиться к последнему бою.

— Не плачь раньше времени! — весело бросил граф, хлопнув казначея по спине. — Никогда не быть тебе солдатом, Публий. Кто же говорит о поражении еще до драки! — И Троцero повернулся к жрецу: — Как наш больной?

— Двигаться он не может, но, похоже, ему лучше. Если Митра нас не оставит, он выживет.

— Ну что ж, если киммериец не сможет подняться в седло, когда труба возвестит начало битвы, придется мне идти впереди. Слышно что-нибудь от Просперо?

Публий и Декситус отрицательно покачали головами. Троцero сказал:

— Ясно. Будем рассчитывать на имеющиеся силы. Прокас уже к утру подойдет на расстояние выстрела. Придется решать — удирать или драться.

Тяжелая конница, а следом за ней пехота быстро спустились с гор. Впереди скакал отряд разведки, в центре — в боевой колеснице — Амалиус Прокас. Мятежники, готовясь к встрече, выстроились в боевые порядки посередине равнины.

Неподвижный воздух едва не звенел от напряжения безмолвных молитв. Аквилонцы двигались широким фронтом, лишив Троцero возможности толкового маневра. Но отступить означало бы обречь войско на окончательное и полное поражение. Уйти от наступающего противника можно только с отлично обученными, опытными солдатами. Эти же попросту разбегутся, и аквилонцы добьют их по одному, как на Алимане.

Троцero, следивший за приближением противника, стоял возле шатра на вершине небольшого холма. Он при-

казал оруженосцу подвести лошадь, подправил подпругу и взлетел в седло. Обращаясь к двум сотням ожидавших его слов всадников, граф сказал:

— Вам всем известен мой план, друзья. Шансы наши невелики, но другого выхода нет.

План, о котором он говорил, заключался в том, чтобы молниеносным броском попытаться прорвать ряды легионеров и захватить самого Прокаса. Все знали, что постаревший и потерявший быстроту реакции командующий предпочитает седлу колесницу. Знали также и то, что в бою возникшему непросто управляться с тяжелой повозкой. Так что, если граф со всадниками сумеют прорваться, у них есть надежда решить исход дела в свою пользу.

Правда, эта надежда, как сказал Троцero, была весьма призрачна, но лучшего он ничего придумать не смог. Глядя же на него со стороны, никто из двухсот всадников не догадался бы, как мало граф уверен в успехе. Троцero шутил и улыбался, словно его войско в три раза превосходило по силе противника и он вел солдат только к победе.

И вновь Судьба в лице короля Милона Аргосийского встала на сторону мятежников. Не успел первый аквилонский солдат шагнуть на южный берег, аргосийский шпион, в спешке загнав трех лошадей, привез ко двору донесение о коварном плане соседа. И тут обычно спокойный, добродушный король, и так уже сердитый на Аквилонию за непочтительность ее посла, попросту пришел в ярость. Он немедленно распорядился поднять все ближайшие полки и отправить на север пресечь вторжение.

Неизвестно, решился бы на такое Милон, если б не болван Квесадос. Скорее всего, уверенный в том, что соседу нужны не аргосийские земли — как некогда Вилерусу, — а нечто совсем другое, он предпринял бы меры помягче. Но теперь, когда гнев его поостыл, полки уже шли на север, а упрямый монарх отменять решения не любил.

Армия встала и готовилась к битве, когда прискакал задыхающийся от сумасшедшей гонки разведчик.

— Господин! — крикнул он Прокасу, едва переводя дыхание. — Над южной дорогой видно облако пыли — словно движется целое войско!

Прокас не поверил своим ушам. Приказав повторить донесение, он выслушал всадника и, сотрясая воздух страшными ругательствами, сорвал с головы шлем и с грохотом бросил на дно повозки. Случилось то, чего он и боялся: Милон узнал о вторжении и отправил навстречу своих воинов.

Прокас рывкнул оруженосцам:

— Передать приказ, чтобы все стояли спокойно, никто никуда не двигался. Разведчикам обойти лагерь — и галопом к южной дороге: мне надо знать, кто там и сколько. Разбить шатер, всех капитанов — на совет.

Когда через час разведка донесла, что на подходе тысячная конница аргосийцев, Прокас понял, в какое незавидное положение он попал. Начать без дополнительных указаний открытые боевые действия теперь невозможно. И нарушить главный приказ вот так запросто он тоже не мог.

Аквилонцы, конечно, легко разбили бы ряды мятежников и отогнали бы аргосийцев обратно к стенам Мессантии. Но это послужило бы поводом к началу серьезной войны, к которой Аквилония именно теперь была не готова. Нумедидес успел за шесть лет основательно истощить казну.

Однако отступить от лагеря повстанцев Прокас не мог. Число легионеров превосходило число аргосийцев и Львов, вместе взятых, Нумедидес не простил бы невыполненного приказа. Посчитав отступление трусостью или — еще хуже — изменой, король немедленно бы приказал укоротить главнокомандующего ровно на его ненадежную голову.

Солнце уже повернуло к западу, а державший со своими капитанами совет Прокас все медлил с решением. Наконец он сказал:

— Сегодня уже все равно поздно. Отойдем чуть на север, к обозу, разобьем лагерь. Отправить к обозным гонца — пусть начнут готовиться прямо сейчас.

Троцero так и застыл на холме, не сводя с неприятеля глаз. Рядом жевал куриную ножку Публий. Казначей смотрел в ту же сторону и вдруг воскликнул:

— Митра небесный! Что это они там делают! Только пришли, а теперь неужто отходят? Он что, спятил? Мы же можем ночью сняться и уйти — хоть к Мессантии, хоть, наоборот, за Алиману.

Троцero пожал плечами:

— Мы же получили донесение о приближении аргосийцев. Возможно, Прокас потому и поменял план. А нам остается только ждать — посмотрим, к кому войско Милона движется на помощь, к нам или к Прокасу. Если аргосийцы решили взять грязную работу на себя, мы окажемся между двух жерновов и нас сотрут в порошок.

Едва договорив фразу, Троцero услышал приближавшийся с юга топот, и почти в то же мгновение из-за холма вывернул небольшой конный отряд. Всадники подскружились ближе, двое из прибывших спешили и, бряцая доспехами, направились прямо к графу. Один был худой, высокий, с темным, будто дубленным, лицом и твердым взглядом опытного воина. Другой — помоложе, ниже ростом, курносый, широкоскулый, с ясным взглядом быстрых любопытных глаз. На нем были позолоченные доспехи, красно-лиловый плащ и таких же цветов плюмаж на шлеме.

Худой заговорил первым:

— Привет тебе, граф Троцero! Меня зовут Аркадио, капитан королевской гвардии. Мы к твоим услугам. Позволь представить тебе принца Кассио, наследника аргосийского трона. Нам нужен ваш киммериец.

Кивнув в ответ капитану и отвесив легкий поклон принцу, Троцero сказал:

— Я прекрасно помню тебя, принц Кассио, и озорным мальчуганом, и беспечным юношей. Что же касается Конанакиммерийца, к сожалению, мне придется вас разочаровать, он не сможет принять вас, он нездоров. Так что пока его замещаю я, и вы можете изложить цель своего прибытия мне.

— Наша цель, господин граф, — сказал принц, — отбросить с аргосийских земель аквилонских наглецов. Его Величество, мой отец, для того и направил меня во главе этого отряда. На мне лежит ответственность за жизни моих солдат, и потому я хотел бы знать, можем ли мы рассчитывать на тебя?

В ответ Троцero улыбнулся:

— Трижды рад видеть тебя, принц Кассио! Однако вам пришлось весь день глотать дорожную пыль. Не хочешь ли ты вместе с капитаном пройти в шатер и освежиться, пока солдаты спешатся и расседлают лошадей? Вина, правда, у нас давно нет, зато эля хватает.

Прежде чем последовать к шатру, Троцero шепнул Публию:

— Вот кого испугался Прокас. Пришлось ему выпустить добычу прямо из пасти. Нападать-то теперь опасно — сразу война, и уходить нельзя — объявят трусом. Потому он и стал лагерем — ждет...

— Троцero! — перебил его вдруг громкий голос, раздавшийся из шатра. — Кто это там рядом с вами? Ну-ка, давай их сюда!

— Конан зовет нас, — сказал принцу Троцero, с трудом скрыв свое изумление. — Не пройдет ли внутрь, господа?

Конан, в коротких широких штанах, сидел на своем ложе. Благодаря неустанным заботам Декситуса варвар успел немного оправиться. Могучий организм справился с ядовитым соком, который отправил бы на тот свет любого другого. Правда, пока киммериец мог только мыслить, мог говорить, но не двигаться, и собственная немощ приводила его в ярость.

— Клянусь бородой Крома! — рычал он. — Показал бы я этому Прокасу, если б мог хотя бы держать меч! А кто эти аргосийцы?

Троцero представил ему принца и капитана и рассказал о последних передвижениях аквилонцев.

— На это я сам теперь посмотрю, — буркнул Конан. — Оруженосцев сюда! Ну-ка, помогите мне встать! Прокас, может, только делает вид, что отходит, а сам готовится к удару.

Обхватив оруженосцев за шеи, Конан дотащился до выхода. Вечернее солнце прочертило по западным склонам резкие тени. Последние лучи вспыхивали пунцовыми искрами на шлемах легионеров, разбивавших шатры примерно на половине пути между лагерем повстанцев и подножием кряжа. В вечернем воздухе по долине мягко разносился стук деревянных молотков, которыми вгоняли в землю крепкие колья.

— Неужто он пойдет на переговоры? — удивился Конан. Его спутники только пожали плечами.

— Пока он никого не присылал, да и наверняка не придет, — сказал Троцero. — Но поживем — увидим.

— Мы уже и так целый день смотрим, — гаркнул в ответ киммериец, — а наши парни жарились в доспехах на солнце-пеке. По мне, так ничего нет хуже, чем торчать без дела.

— Кажется, Прокас того же мнения, — пробормотал Декситус, который, прикрыв глаза ладонью, как козырь-

ком, не сводил глаз с лагеря неприятеля. Все в недоумении повернулись к жрецу.

— Что ты хочешь сказать, знахарь? — нахмурился Конан.

— Смотри! — показал рукой жрец.

— О Иштар! — выдохнул капитан Аркадио. — Будь я проклят, они удирают!

Именно так оно и было. Прокас, если и не бежал, то начинал отступление. Тонко запели трубы, собирая в строй не успевших окончить работу легионеров. Похожие издалека на муравьев, они свертывали только что натянутые шатры, грузили телеги, строились и отряд за отрядом снимались в направлении Рабирийского хребта. Конан в недоумении оглянулся на товарищей.

Скоро, однако, все выяснилось. Не успел Прокас отвести войско на приличное расстояние, как из-за холма с востока в долине показались вооруженные до зубов солдаты. Тысячи полторы — прикинул на глаз Троцero. Всадники шли широкой развернутой цепью, изготовившись к бою.

У подножия холма, где стоял Конан с товарищами, появился изо всех сил нахлестывавший скакуна вестовой. На вершине он чуть не кубарем скатился с седла, поднял в приветствии руку и выпалил единым духом:

— Мой господин, отряд барона Гродера прибыл в Паллосский лагерь вместе с Леопардами Пуантена.

— Кром! — ахнул киммериец. Лицо его прояснилось, могучий смех эхом отозвался среди холмов. — Просперо сумел-таки отыскать своих.

— Ничего удивительного, что Прокас кинулся бежать! — воскликнул Троцero. — Мы теперь превосходим его численностью, и он со спокойной совестью может возвращаться обратно, не вызвав при этом гнева своего повелителя. Войско его стало перед угрозой попасть в окружение и в бою наверняка было бы разбито.

— Конан, — вмешался Декситус, — тебе пора в шатер. Нельзя допустить, чтоб ты сейчас снова слег.

Когда оруженосцы помогли Конану опуститься на лежанку, про себя киммериец подумал: «Просперо, Просперо! Если суждено мне стать королем Аквилонии, быть тебе в ней первым рыцарем трона».

В неряшливой комнатенке Фадия, зажав в руке драгоценный обсидиан, сидела бывшая танцовщица Альцина и следила за тем, как тают одна за другой черно-белые полосы отмерявшей время свечи. Фадий бродил тем временем по улицам Мессантии: Альцина, чтобы поговорить с хозяином наедине, выставила кофита за порог.

Колеблющееся пламя спускалось все ниже и ниже. А когда прогорела последняя черная полоска и пламя опять затанцевало на белом воске, ведьма подняла талисман к глазам и сосредоточилась. Легко, словно во сне, услышала она сухой голос Зуландры, и тотчас перед ней возникло видение сидевшего в кресле волшебника.

Слова зазвучали так тихо, что ей пришлось напрячь всю свою волю, чтобы уловить их смысл.

— Ты хорошо справилась, дочь моя, — говорил колдун. — Все ли в порядке в Мессантии?

Альцина кивнула в ответ, и чародей продолжал:

— Тогда у меня к тебе есть еще одно поручение. Утром с первыми лучами солнца ты опять оденешься в платье паж, возьмешь лошадь и отправишься в горы на север...

Альцина даже вскрикнула от досады:

— Опять носить эту рвань, опять к дикарям, у которых в постелях жуки да муравьи?! Умоляю тебя, господин, позволь мне хоть ненадолго остаться в городе, хоть немного побыть женщиной!

Колдун насмешливо поднял бровь:

— Тебе больше по душе мессантийский сброд?

Альцина отчаянно закивала.

— Увы, дочь моя, сейчас это невозможно. В Мессантии твои дела окончены, и теперь мне нужно, чтобы ты посмотрела за Пограничным легионом и его командующим. А если путь и покажется тебе слишком тяжел, вспомни о той славе и почестях, какие я обещал. Сегодня войско аргосийского короля уже наверняка появилось в Паллосской долине. Так что не успеет солнце подняться над горами дважды, как Амалиус Прокас воротится в Пуантен. Реку он перейдет возле Ногары. Поторопись. Ты должна выйти ему навстречу с севера, словно едешь на юг из Каларии. Со мной свяжешься при первой возможности.

Шелестящий голос умолк, видение исчезло, и Альцина осталась в одиночестве.

Вскоре за дверью раздался грохот. На порог заявился пьяный в стельку Фадий. Кофит весь вечер спускал денежки Вибиуса Латро. Увидев Альцину, Фадий широко распахнул объятия:

— Поди ко мне, цветочек мой! Я устал проводить ночь за ночью на твердом полу. Было бы справедливо, если б ты наконец проявила ко мне такую же благосклонность, как и к киммерийскому буйволу...

Альцина вскочила на ноги и отступила назад.

— Остерегись, кофит! — воскликнула она. — Благосклонности моей хватит только на то, чтобы предупредить тебя.

— Ну иди же сюда, моя прелесть, — продолжал бормотать Фадий. — Я тебя не обижу.

Украшенная драгоценными кольцами рука Альцины метнулась к поясу, и в ней, словно по волшебству, мгновенно сверкнул крохотный кинжальчик.

— Назад! — скомандовала она. — Один укол этого клинка — и ты мертвец!

Угроза дошла наконец до пропитавшихся винными парами мозгов кофита, и он отступил. Кто-кто, а он не раз видел, с какой быстротой рука танцовщицы умела наносить страшные удары.

— Но... но, радость моя...

— Вон отсюда! — крикнула Альцина. — И не смей даже показываться, пока не протрезвеешь.

Бормоча себе под нос ругательства, Фадий убрался. Альцина, оставшись одна, достала сундучок и приготовила платье, в которое должна была переодеться на рассвете.

Глава 6

ПОКОИ СФИНКСОВ

Солнце уже садилось за грядой гор, когда аргосийские воины под гром барабанов и восторженные крики вошли в Паллосский лагерь. Изголодавшимся солдатам Гродера и Просперо немедленно выдали по куску солонины, ячменной лепешке и кружке эля из уже порядком поистощившихся запасов. Лошадей расседлали, вычистили и

отправили пастись на зеленую луговую траву. После чего солдаты вместе с новыми своими союзниками разожгли костры и сели отдохнуть за общей трапезой. К полуночи темная чаша долины сияла огнями, подобно небесному своду, а поднявшийся ветерок подхватывал смех и голоса четырех тысяч воинов. Веселые возгласы и хохот звучали для уходивших на север легионеров Прокаса как погребальная служба.

Принц Кассио, Просперо и остальные собрались в шатре главнокомандующего вокруг его ложа, чтобы разделить вместе праздничный ужин и подготовить план утренних действий.

— На рассвете начнем погоню! — воскликнул Троцерио.

— Нет, — последовал твердый ответ юного принца. —

Приказ Его Величества короля Аргосийского совершенно ясен. Мы можем прийти вам на помощь, только если Прокас сам нападет на вас на аргосийских землях. Правда, король считал, что стоит Прокасу завидеть наших солдат — и он немедленно вернется обратно... что он и делает.

Конан промолчал, но гнев, сверкнувший в синих глазах подобно грозовой молнии, выдал разочарование, охватившее киммерийца. Принц посмотрел на предводителя мятежников с сочувствием и в то же время с опаской.

— Я понимаю твои чувства, — мягко сказал он. — Но и ты должен нас понять. Война с соседом, у которого армия вдвое больше нашей, нам ни к чему. Мы подвергаем себя и так достаточному риску, разрешая вам оставаться в Паллосе.

Рукой, задрожавшей от напряжения, Конан поднял кубок и поднес к губам. От усилия на лбу его выступил пот, словно варвар пытался сдвинуть с места скалу.

— Тогда мы сами погоним Прокаса, — заявил Троцерио. — Поможем ему на переправе, да и числом сравняемся хоть немного. Наши так и горят жаждой мести. Еще посмотрим, кто выйдет победителем на этот раз...

Конан заколебался. Вся дикарская его душа рвалась вслед врагу — рвать, рубить, калечить, вышибать из строя по одному, по двое, подобно тому как стая гончих преследует стадо оленей. И Рабирийский кряж, казалось, был самой Судьбой предназначен для такой погони. Изрезанные впадинами и трещинами, покрытые густым лесом

склоны словно так и звали нестись вдогон отступавшему неприятелю.

Зато если бы Прокас вздумал остановиться и развернуть солдат, неизвестно, чем бы это могло кончиться для преследователей. Оружия у мятежников было теперь недостаточно, или они не досыта, а конница после рейда с Просперо вернулась измотанная и усталая. Помимо всего прочего, вид вожака, который не в состоянии без посторонней помощи даже в седло сесть, вряд ли поднял бы боевой дух войска. Так что выбор у Конана, еще до конца не оправившегося от яда, был невелик — либо отказаться от погони, либо согласиться на роль зрителя в предстоявшем сражении.

Забрезжил туманный рассвет, трубы пропели зарю. Конан, поддерживаемый с двух сторон оруженосцами, в задумчивости смотрел на просыпавшийся лагерь. Было безумно обидно отпускать Прокаса безнаказанным. Но в то же время затевать открытое сражение с превосходившим в числе противником тоже было невозможно. Конан отчаянно нуждался в каком-нибудь новом, неожиданном решении. Хорошо бы у него был легкий, подвижный отряд, способный наносить молниеносные, чувствительные удары.

Киммериец хмуро смотрел на утреннюю суету, и неожиданно взгляд его остановился на лучнике-боссоните, который вскочил в седло и быстро понесся к воротам лагеря. Вероятно, его послали передать что-то часовым. И, вероятно, приказ был срочным, ибо солдат не успел даже подтянуть тетиву на болтавшемся за спиной луке.

Конан тотчас вспомнил о своей службе у туранского короля. Армия там в основном состояла из верховых лучников, и эти ребята на полном скаку поражали такие мишени, в какие и с земли попадет не всякий. Боссонитов таким штучкам и за десять лет не научишь. К тому же у туранцев луки были из рога, небольшие, а у боссонитов — огромные, деревянные, такие возить за спиной, сидя на лошади, просто-таки неудобно.

Конан вдруг представил себе, как конный отряд лучников мчится вслед за аквилонцами, как тихо спешиваются они в лесу, осыпают врага тучей стрел и исчезают прежде, чем тот

успевают ответить. От взрыва могучего хохота оруженосцы едва не подпрыгнули на месте, а капитан Аркадио, стоявший неподалеку, помчался к шатру жреца-врачевателя.

Когда явился полуодетый Декситус, Конан, к его изумлению, сидел один в своем шатре и ухмылялся.

— Не бойся, — хохотнул варвар, — не бойся, друг мой, замечательный сок пурпурного лотоса еще не лишил меня рассудка. Просто бородатый Кром неожиданно подбросил мне неплохую идею. Сделай одолжение, пошли кого-нибудь за аргосийцами.

Конан встретил громовым приветствием поднявшихся к нему уже с оружием и в доспехах принца Кассио и капитана.

— Принц, Его Величество король Аргосийский запретил вам преследовать аквилонцев. Распространяется ли этот запрет на лошадей?

— На лошадей? — оторопело переспросил капитан.

Конан нетерпеливо кивнул:

— Вот именно, на лошадей. Наши клячи вконец избегаются, кожа да кости. А у вас — свежие, сытые. Одолжите пять сотен — и Амалиус Прокас побежит из Аргоса с поджатым хвостом.

Киммериец быстро изложил свой план, и принц заулыбался. Ему все больше и больше начинал нравиться этот угрюмый варвар, который оказался талантливым, прирожденным полководцем.

Аргосийские воины помчались вдоль рядов, передавая приказ принца; не прошло и десяти минут, как к пешему строю боссонских лучников вывели около тысячи лошадей. Строй распался, солдаты забеспокоились, и Просперо с Троцерио заматались в разные стороны, пытаясь восстановить порядок.

— Ну-ка, быстро, приведите мне жеребца да помогите взобраться в седло, — приказал оруженосцам Конан. — Я должен сам все объяснить людям, которым придется выполнить мой план.

— Конан! — воскликнул жрец. — В твоём состоянии тебе нельзя...

— Побереги мольбы для Митры, жрец. Бойцы не видели меня чуть ли не месяц. Им надо знать, жив я или нет.

Товарищи и оруженосцы помогли Конану подняться в седло. Он с трудом справлялся со слабостью, сковывавшей могучие члены. Синие глаза сверкали решимостью, широкие брови сдвинулись в искажившем лице яростном усилии. В конце концов совместный труд их завершился удачей — Конан сел в седло, изрыгая проклятия и призывая всех богов Севера и Юга отомстить за свое поправное достоинство.

Принц Кассио созерцал эту сцену от начала и до конца. В Мессантии при упоминании о Конане придворные морщили носы, называя его полуграмотным дикарем, которого только нелепый случай сделал главой войска. Теперь же принц оценил и природную силу, и живость ума северянина. Оценил и преданность цели, и необычность решений, иначе говоря, все те качества, благодаря которым его одинаково любили и уважали и аристократы, и простые наемники. «Этот человек, — подумал про себя принц, — рожден повелевать. Ему на роду написано стать королем».

С двух сторон поддерживаемый оседлавшими своих лошадей оруженосцами, Конан медленно спустился с вершины холма. Лицо искажилось от страшного напряжения, но киммериец все же сумел поднять руку в приветственном жесте. Строй взорвался восторженными криками.

В полулиге от лагеря двое аквилонских разведчиков, которых оставили накануне наблюдать за действиями мятежников, собрались было позавтракать на обочине той самой дороги, что уходила к Саксульскому перевалу. Когда до их слуха долетел рев боссонитов, оба встревоженно переглянулись.

— Что там еще такое? — сказал один солдат помоложе.

Его спутник приставил ладонь козырьком к глазам:

— Слишком далеко, не увидеть. Но что-то наверняка случилось, раз они так орут. Надо доложить об этом командующему. Я поеду, а ты оставайся здесь.

Легионер проглотил последний кусок, поднялся, отвязал от дерева лошадь и сел в седло. В утреннем воздухе топот копыт отозвался раскатистым эхом.

Одним легким движением поднятой руки Конан мгновенно утихомирил людей, а затем обратился к ним с речью. Чтобы гнать отступающего противника, сказал Конан, из всей армии выбрали их отряд. Лучникам предстояло догнать легионеров, незаметно подойти вплотную и обрушить на ничего не подозревавших солдат град стрел. Стрелять надо будет спешившись, из укрытия, распределившись на группы по два или три человека, а когда противник опомнится, немедленно отойти.

Во главе каждого отряда пойдет опытный кавалерист, который сумеет и справиться в пути с какой-нибудь заартачившейся лошастью, и присмотреть за животными, пока боссониты будут вести стрельбу. Если же кто-то из их отряда никогда раньше не ездил верхом — Конан мрачновато ухмыльнулся, — им ничего не остается, кроме как покрепче держаться за гриву, хорошей выездки никто от них требовать не станет.

Вскоре новоиспеченная конница под командованием недавно сбежавшего аквилонского наемника по имени Паллантид ровной рысью вышла из лагеря и отправилась вслед за легионерами.

Они догнали вражеское войско у подножия кряжа — обоз и пехота не давали Прокасу возможности двигаться быстро. Присмотрев себе отряд копейщиков, болтавшийся в хвосте колонны, боссониты спешились и принялись за дело. Не один легионер успел упасть, сраженный бесшумной стрелой, прежде чем топот копыт и лязг оружия и доспехов не возвестил о приближении конницы. Тогда боссониты потихоньку убралась в лес. Потери их ограничились тем, что один из лучников, никогда прежде и близко не подходивший к лошадям, упал и сломал ключицу.

Три дня подряд боссониты преследовали легионеров, подобно псам, хватающим за пятки вора. Нападая из укрытия, они немедленно исчезали, лишая противника возможности развернуться и отразить удар, — исчезали в тысяче щелей, изрытых ветрами и непогодой на морщинистом челе гор.

Амалиус Прокас в ярости проклинал все и вся, но поделать ничего не мог. Стрелы, пущенные невидимыми руками, разили наповал. Иногда пролетали мимо, только нагоняя на солдат страху. Иногда ранили лошадей, и те вски-

дывались на дыбы, сбрасывая седоков. Но чаще всего впились аквилонским воинам прямо в сердце. Солдаты замертво валились наземь. Не щадили стрелы и закованных в броню кавалеристов, отыскивая малейшую щель в доспехах.

Выбор у Прокаса был невелик. Он не мог остановиться — и места, и воды для лагеря на перевале было маловато. Не мог и начать сражение — противник не желал выходить из укрытия леса. Конечно, если бы задаться целью, легион разметал бы назойливых преследователей, как солому по ветру, но тогда он неминуемо бы вернулся в Паллосскую долину, где наверняка ждут аргосийцы.

Так что Прокас в угрюмом молчании продолжал катить в своей колеснице, лишь отправляя отряд легкой конницы отогнать неприятеля, когда удавалось заметить, откуда прилетела стрела. Потери среди легионеров по численности были относительно небольшие. Но люди устали от постоянного напряжения. С каждым днем падал боевой дух и рос страх перед гневом Нумедидеса, который вряд ли собирался простить провал предприятия.

В довершение ко всему в горловине Саксульского перевала головной отряд угодил под лавину. Вконец помрачневший Прокас приказал завалы расчистить, разбитые телеги с дороги убрать, а всех получивших смертельные ранения — людей, лошадей и волов — добить «ударом милосердия». Вниз войско пошло быстрее, но смятение в его рядах продолжало нарастать.

Амалиус Прокас, как никто другой, по достоинству оценил киммерийца. Отступая, он испытывал одновременно стыд за свое бегство и удивление перед неутомимой изобретательностью варвара. Но чем дальше гнали его лучники-боссониты, тем больше в нем нарастал гнев, и Прокас поклялся кровью смыть позорное пятно с не запятнанной прежде ничем чести воина.

На третий день и без того пасмурный небосклон затянули свинцовые тучи. Усталые легионеры вышли на южный берег Алиманы вблизи Ногары. Прокас не сразу принял решение — он опасался нападения во время переправы.

Боялся и быстро сгущавшихся сумерек, зная, что в темноте непременно потеряет часть людей и обозного скарба. Разбить же лагерь, не переходя реку, означало самому пригласить неуловимых призраков перебить измотанных дорогой и напряжением солдат.

Прокас в досаде прикусил губу. Ну что ж, решение напрашивалось само собой: если легион не в состоянии обеспечить себе надежный ночлег — чем скорее он окажется на своей земле, тем спокойней. Конечно, ночная переправа — это риск, но все же лучше, чем подставлять головы под вражеские стрелы.

Так, задумавшись, командующий не заметил, что к колеснице подошел один из его капитанов. Капитан — тяжеловесный грубоватый гигант, судя по всему боссонит, — отдал честь и обратился к Прокасу:

— Господин, мы ждем приказа к переправе. Чем дольше мы тут будем торчать, тем больше дыр в наших шкурах успеют понаделать чертовы лучники.

— Знаю, Громель, — холодно отозвался старый воин. И, подавив вздох, он коротко махнул рукой: — Отдавай приказ к переправе! Но когда я думаю, что на этот раз придется убраться, поджав хвост, мне так и хочется развернуться. Если бы не политика...

Громель метнул в сторону леса негодующий взгляд.

— На кой черт такая политика, если она нам же связывает руки! — рыкнул он. — И ведь эти трусы отлично знают, что мы и мокрого места от них не оставили бы в открытой драке. А сейчас, конечно, ничего не придумаешь, кроме как сматываться в Пуантен, да побыстрее.

— Пусть поднимаются, — сухо сказал в ответ на эту тираду Прокас. — Вели трубить сбор.

И хотя ночная темень опустила на землю, переход через Алиману прошел спокойно и четко.

На время переправы командующий оставил колесницу и, застонав от боли в старых ранах, перебрался в седло. Возглавив небольшой отряд прикрывавшей тыл конницы, он следил, когда последний солдат минует опасное место. Но едва он сам направил коня в темные воды, из подлеска выступило около сотни лучников, и словно тучи рассерженных насекомых засвистели над головой аргосийские стрелы.

На середине реки Прокас неожиданно вскрикнул и схватился за ногу. На крик к нему молниеносно метнулся капитан-боссонит. Он открыл было толстогубый рот, чтобы спросить, в чем дело, как увидел торчавшую чуть повыше колена стрелу. В маленьких пороссячьих глазах капитана промелькнуло злорадство, ибо он давно метил на место старого командующего и ждал подходящего случая.

Прокас вел коня через реку без единого стога, но, едва добравшись до берега, тотчас же крикнул оруженосцам, чтобы помогли слезть. А Громеля отправил вперед за лекарем.

Лекарь, вытащив острое и перевязав рану, сказал:

— Не скоро ты, господин, сможешь отправиться в новый поход.

— Ясно, — коротко ответил Прокас. — Разбейте мне на пригорке шатер. Надо остановиться — на случай, если эти паршивцы решат проводить нас еще немного.

Тем временем к ближним деревьям потихоньку подъехала девушка в дорожном пажеском платье. Измученная долгим путешествием, она смотрела и слушала для стороннего наблюдателя слишком внимательно. Если бы кто-то заметил ее в темноте, он увидел бы, насколько она молода и красива. Услышав приказ командующего разбить лагерь, девушка потихоньку повела лошадь прочь из леса, где усталые легионеры принялись ставить шатры.

Наверняка Зуландра Тху обрадуется, услышав, что главный его соперник, опозорив себя трусливым бегством, был ранен на переправе, думала прекрасная Альцина. Теперь, когда могучий киммериец мертв, Прокас больше не понадобится. Как только звезды примут необходимое положение, нужно будет немедленно связаться с волшебником. Альцина двинулась дальше и вскоре исчезла в темноте.

Зуландра Тху и впрямь обрадовался, увидев в обсидиановом зеркале раненого Прокаса. И когда изображение потускнело, он задумчиво потер горбатую переносицу. Потянувшись, он взял металлический молоточек и ударил в висевший за креслом гонг. Монотонный звук эхом отозвался в убранных пурпуром покоях дворца.

Полог раздвинулся почти мгновенно, и перед волшебником появился старый кхитаец. Хиау молча согнулся в поклоне, ожидая приказаний.

— Здесь ли еще граф Аскаланте? — спросил колдун.

— Граф ждет твоих приказаний, хозяин, — проговорил в ответ желтолицый слуга.

Зуландра кивнул:

— Отлично! Сейчас я приму его. Отведешь его в Покои Сфинксов, а потом отправишься к королю и скажешь, что мне немедленно нужно сообщить ему кое-что очень важное. Возьми мой знак.

Вновь поклонившись, Хиау исчез. Полог тотчас опустился, скрыв за собой дверь, в которую кхитаец выскользнул.

Покои Сфинксов, которыми прежде почти никогда при дворе не пользовались, вполне оправдывали свое название. Пол и стены там покрывал розовый мрамор. Никакой обстановки не было, кроме одного высокого кресла, вытесанного из известняка. Кресло это, напоминавшее трон, стояло у дальней стены против входа, и подлокотниками ему служили каменные фигуры чудовищ с телом льва и человеческой головой. Они же были вытканы блестящей нитью на закрывавших стену позади трона гобеленах, откуда мужеголовые, бородатые монстры холодно и надменно взирали на все происходящее. Единственный свет в зале исходил от двух медных высоких канделябров, пламя которых отражалось в серебряных зеркалах, висевших рядом.

Аскаланте — вояка, искатель приключений — обликом отчасти напоминал дворцовых чудовищ. Стройный, высокий, одетый в невероятно изысканное платье сливового бархата, двигался он с поистине кошачьей грацией. Изящные манеры, короткая бородка, холодные и надменные глаза довершали сходство, только, кроме высокомерия, во взгляде у него были осторожность и недоверчивость.

Граф с нетерпением ждал всемогущего колдуна, неизвестного, впрочем, роду-племени. Он торчал при дворе, ожидая приема, уже несколько дней, хотя в приказе, отозвавшем его с восточной границы, ясно говорилось о сроч-

ной необходимости присутствия графа в столице. Теперь, кажется, что-то должно было перемениться в его судьбе.

Вдруг Аскаланте насторожился, и рука сама потянулась к рукояти кинжала. Гобелен за тронном всколыхнулся, открыл на мгновение узкую дверь, и в нее вошел, приветствуя графа молчаливым кивком, смуглый худощавый человек. Умный, холодный взгляд его показался графу всепроникающим, словно все мысли вдруг оказались написаны на лбу и прочесть их не составляло никакого труда. С трудом овладев собой, Аскаланте отвесил придворный поклон.

Колдун неторопливо обошел трон и сел. Платье на нем было расшито невиданными узорами и письменами. На поклон он ответил кивком. А когда заговорил, по лицу его скользнула тень улыбки:

— Выглядишь ты неплохо. Полагаю, служба не слишком утомила тебя.

Аскаланте в ответ поклонился еще ниже.

— Ни твой опыт, ни твое искусство, граф, не ускользнули от внимания моих верных слуг, — продолжил маг. — Ты горишь стремлением получить в войске чин повыше и не остановишься ни перед чем, чтобы добиться своего. Должен сообщить тебе, что Его Величество и твой скромный слуга только приветствуем и подобные притязания, и... как бы это назвать... смекалку.

— Благодарю за доброе слово, мой господин, — осторожно ответил граф.

— Я перейду сразу к делу, — сказал колдун, — ибо в последние часы события стали развиваться слишком быстро, и нам, смертным, приходится прилагать известные усилия, дабы не оказаться у них в хвосте. Короче говоря, дело обстоит таким образом: Его Величество король Нумедидес приняли решение лишить своей милости благородного Амалиуса Прокаса и отстранить его от командования Пограничными легионами.

Новость эта настолько поразила Аскаланте, что он забыл даже про надменность. Он, как никто, знал, что в аквилонском войнстве после ухода киммерийца лучше Прокаса не было полководца. Если кто-то и в состоянии держать в страхе северные баронства и усмирять то и дело готовые вспыхнуть мятежи на южных границах, так это именно

Прокас. Удалять его из армии, когда в Пуантене вот-вот разгорится волнение, просто безумие.

— Мне понятны твои верноподданные чувства, — тонко улыбаясь, заметил, глядя на графа, Зуландра. — Беда в том, что Амалиус Прокас совершил неудачный набег на Аргос, едва не втянув нас в большую войну с Милоном.

— Прошу прощения, господин, но я не верю своим ушам, — произнес Аскаланте. — Совершить набег на земли дружественного монарха без соизволения Его Величества — ведь это равносильно измене!

— Вот именно, — улыбнулся колдун. — Конечно, он лишь исполнял приказ Его Величества, да вот беда — все до единой копии этого приказа странным образом исчезли. Теперь понятно тебе, к чему я клоню?

Во взгляде Аскаланте сверкнуло злорадство.

— Кажется, да, — почти выдохнул благородный граф. Вкус злодейства порой был ему милее, чем знатоку вкус редкого вина.

— Командующий всех легионов мог, возможно, избежать упреков и обвинений, — в голосе колдуна зазвучали издевательские нотки, — но только в том случае, если бы ему удалось полностью загасить тлеющие под пеплом искры мятежа: к сожалению, разгром на Алимане оказался неполным. Проходимец, именуемый Конаном из Киммерии...

— Тот самый гигант, который год назад командовал у нас Львами и победил пиктов? — изумленно воскликнул Аскаланте.

— Он самый, — подтвердил Зуландра. — Но я пригласил тебя не поболтать. Вернемся к делу. Короче говоря, если бы Прокас добил остатки мятежников и вернулся в Аквилонию прежде, чем об этом стало известно королю Милону, все было бы прекрасно. Но Прокас провалил все предприятие, вызвал гнев аргосийцев и бежал, не успев выпустить ни одной стрелы. Ко всему прочему на обратном пути он до того плохо подготовился к переправе, что вражеские лучники уничтожили лучших воинов легиона. Сам он тоже получил ранение, и настолько серьезное, что, кажется, не скоро сможет встать в строй. На наше счастье, главарь мятежников, Конан, тоже погиб. Потому, возвращаясь к тебе...

— Ко мне? — почти безмолвно прошептал Аскаланте, и лицо его при этом приняло выражение бесконечного внимания и почтительности.

— Вот именно, к тебе. — На смуглом лице колдуна появилось подобие улыбки. — Мы смотрели за тем, как ты служишь и в Офирской, и в Немедийской провинциях, и считаем, что ты вполне в состоянии принять из ослабевших рук благородного Прокаса Пограничный легион и верховное командование... если же они еще ослабели не до конца, так ослабеют, когда он получит вот это. — Колдун вынул из широкого рукава небольшой свиток, перевязанный трехцветной тесьмой и запечатанный королевской печатью, которая алела на светлом пергаменте подобно пятну свежeproлитой крови.

— Я начинаю понимать, — произнес Аскаланте, а сердце его забилося, словно весенний ручей под камнем.

— Ты достаточно ждал, пока тебя назовут лучшим воином королевства и удостоят великих милостей. Такой день близок. Но... — тут колдун предупреждающе поднял палец, — ты должен понять меня до конца, граф Аскаланте.

— Слушаю, господин.

— Насколько я знаю, Совет не до конца пока признал за тобой право на графский титул. Не так ли? Есть ведь некоторые сомнения на твой счет — с тобой связывают исчезновение во время, так сказать, «неудачной охоты» последнего законного графа, твоего старшего брата.

Аскаланте вспыхнул и открыл было рот, намереваясь возразить, но чародей жестом велел ему молчать.

— Мы легко обойдем эту сложность, объявив тебя новым героем и защитником королевства. Я сам прослежу, чтобы награда за годы твоей верной службы оказалась достойной. Но ты должен помнить, что каждое мое слово — для тебя закон. Иначе не видать тебе графского титула, как своих ушей. Мне многое известно. Как, впрочем, и то, что прежде ты никогда не командовал больше чем полком. Потому на самом деле во главе легионеров станет некий капитан Громель — во время похода на пиктов он дрался неплохо. Я присматриваю за ним давно и уверен, что за определенное вознаграждение этот человек сделает все. Так что в бою командовать будет он, а в остальное время — ты. Понятно?

— Понятно, — процедил сквозь стиснутые зубы граф.

— Вот и прекрасно. Теперь, когда Конан мертв, вы с Громелем снова вернетесь в Аргос и легко перебьете мятежников. — Тут колдун протянул свиток и сказал: — Вот приказ. Сопровождение уже ждет тебя у Южных ворот. Ты должен добраться до Ногары как можно скорее.

— А что, если Прокас не пожелает признать мое назначение? — спросил Аскаланте, который любил играть только в беспронигрышные игры.

— Тогда с ним может произойти несчастный случай, — улыбнулся чародей. — А ты, когда начнешь писать донесение о его смерти, скажешь, что бывший главнокомандующий, терзаясь угрызениями совести после позорного бегства от справедливого гнева дружественного нам монарха, покончил с собой. Если все произойдет именно так, позаботься о том, чтобы тело его непременно доставили в Тарантию. Живой он нам больше ни к чему, а вот мертвый — сыграет главную роль на пышных похоронах... Ну, поторопись, мой друг, тебе пора. Помни, тебе придется время от времени исполнять приказы, которые передаст моя помощница, зеленоглазая красавица Альцина.

Зажав в руке свиток, Аскаланте низко поклонился и вышел.

Глядя ему вслед, Зуландра улыбнулся бесстрастной, тонкой улыбкой. Орудия, которыми он прокладывал себе дорогу, непрочны и недолговечны. Ненужный же инструмент колдун отбрасывал безо всякой жалости.

Глава 7

ГИБЕЛЬ В НОЧИ

День проходил за днем, а мятежники никак не могли войти в Пуантен. Дорогу перекрыл лагерь легионеров. Конечно, сам Амалиус Прокас был всерьез выбит из седла, но его воины не сводили глаз с Алиманы ни днем, ни ночью. Не раз уже Конан высылал разведчиков подыскать место для переправы то выше, то ниже Ногары по течению, но легионеры ловили малейшие движения неприятеля.

— Это тупик! — стонал нетерпеливый Просперо. — Ничего не поделаешь — их не обманешь! Мы опоздаем!

— Единственное, что нам может помочь, — проговорил Декситус, — это вмешательство богов. Если высшие силы устроят какую-нибудь подходящую неожиданность.

— За те годы, что я провел на войне, — отозвался граф Пуантенский, — я давно привык рассчитывать больше на себя, чем на всех богов, вместе взятых. Прошу прощения, жрец, но если какая-нибудь случайность и погубит Амалиуса Прокаса, то «устроят» ему эту «случайность» не боги, а мы сами. Сдается мне, я даже догадываюсь, что это будет за «случайность»: мои люди доносят, что котел, который мы по привычке называем Пуантен, может вскипеть в любой час.

Той же ночью, когда состоялся этот разговор, с одобрения Конана Алиману перешел одетый в черное человек. Он выбрался в прибрежные заросли и исчез. Ночь была безлунная, темная, и влажная морось, которая загнала часовых искать укрытия под могучими кронами, заглушила все звуки, в другую погоду заставившие бы насторожиться не одного чуткого легионера.

Пловец в черном был пуантенец, наемник из отряда графа. За пазухой у него лежало завернутое в промасленный шелк письмо, написанное собственноручно Троцеро.

В эту ночь Амалиус Прокас не спал. Дождь, без устали барабанивший в стенки шатра, действовал командующему на нервы, и рана от этого болела, казалось, еще сильнее. Бормоча то и дело грязные ругательства, к которым привык еще в те времена, когда служил помощником капитана когорты, старый вояка потягивал горячее, приправленное пряностями вино и, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, играл в шахматы с оруженосцем. Раненая нога его, схваченная повязкой, лежала на грубо сколоченной скамейке.

Услышав раскат грома, Прокас поднял голову и насторожился.

— Это же только гром, господин, — сказал оруженосец. — Сегодня всю ночь так.

— Отличная ночь, чтобы киммериец попытался нас обойти, — проворчал командующий. — Надеюсь, часовые

получили приказ совершать обходы непрерывно? Знаю я их — вечно стараются найти укромное местечко...

— Да, приказ получили все без исключения, — ответил оруженосец. — Твой ход, господин, ты пропустил ферзя.

— Пропустил, пропустил, — бормотал Прокас, наклоняясь над доской. Про себя он с недоумением отметил, как при этих совсем безобидных словах в сердце закрался неприятный холодок. Он отмахнулся от этого чувства, вновь отхлебнул вина. Не к лицу старому солдату шарахаться от ночных теней. Но посты надо все же проверить самому: часовые все одинаковы, только почуют слаbinу — немедленно начинают зевать.

Тут полог распахнулся, и в проеме возникла высокая фигура часового.

— В чем дело? — вскинулся Прокас. — Мятежники наступают?

— Нет, господин. К тебе гонец.

— Гонец? — удивленно переспросил командующий. — Что ж, давай его сюда.

— Ее, господин. Это женщина.

Прокас только нетерпеливо махнул рукой. Оруженосец же встал, отдал честь и удалился.

Через минуту солдат вернулся, ведя с собой юную девушку, одетую в дорожное платье паж. Четверть часа назад она появилась возле постов, смело подошла к часовым и сказала, что у нее поручение к главнокомандующему от короля Нумедидеса. И солдатам, изумленным ее ледяным спокойствием и странным светом широко распахнутых изумрудных глаз, даже в голову не пришло поинтересоваться, как попала она в эти края.

Прокас внимательно изучал гостью. На предъявленный знак он и не взглянул — такие штучки легко подделать или украсть. Не слишком поверил и лежавшему в дорожной сумке пергаменту. Но стоило незнакомке назвать имя Зуландры Тху, как Амалиус Прокас насторожился. Колдун был единственным человеком, которого побаивался старый воин.

— Почему же ты замолчала? — ворчливо спросил он. — Говори!

Альцина покосилась на часовых, которые, не снимая ладоней с рукоятей мечей, едва не касались ее локтями.

— То, что я должна сказать, не предназначено для посторонних, — сказала она.

Прокас заколебался, потом кивнул:

— Хорошо, подождите снаружи.

— Но, господин, — возразил было часовой постарше. — Тебе нельзя оставаться с ней наедине. Кто знает, что у нее на уме. Может, Конан...

— Конан! — воскликнула прекрасная Альцина. — Конан мертв! — Не успела она договорить, как уже проклинала себя за несдержанность.

Но часовой лишь улыбнулся:

— Вот уж нет, дорогуша, киммериец оказался живуч, как кошка. Он, говорят, и впрямь едва не загнулся, но, когда мы переправлялись через Алиману, он уже сидел верхом и орал лучникам, чтобы сделали из нас решето.

Амалиус Прокас остановил его:

— Похоже, наша юная гостья была уверена в обратном. И мне очень хотелось бы знать почему. Оставьте-ка нас ненадолго. Я все-таки еще не настолько ослаб, чтобы меня надо было защищать от какой-то девицы.

Часовым ничего не оставалось делать, как отдать честь и выйти. Прокас с коротким смешком повернулся к Альцине:

— Мои ребята ни за что не упустят случай подольше постоять в сухом и теплом местечке. Но к делу. Говори, что там мне передал колдун.

Дождь застучал по шатру с новой силой, пророкотал гром. Альцина спокойно расстегнула насквозь промокшую курточку и шелковую рубаху.

— Зуландра Тху велел передать тебе, господин, что...

Новый раскат грома заглушил последние слова. К тому же теперь гостья говорила едва не шепотом. Прокас невольно подался вперед. Вкрадчивый голосок продолжал:

— ...Время пришло, и пора...

При свете молнии в руке ее, словно змея, сверкнул маленький кинжал и, метя в сердце, ударил в грудь старого воина.

— ...тебе умереть! — воскликнула Альцина и отскочила назад, увернувшись от Прокаса.

Как ни был удар точен, он не достиг цели. Прокас никогда не снимал тонкой кольчуги, и потому кинжал лишь

расцарапал кожу на ребрах. Прорвав несколько звеньев, клинок застрял.

Страшно вскрикнув, Прокас поднялся и, несмотря на боль в раненой ноге, попытался схватить убийцу. Альцина отшатнулась и нечаянно перевернула скамью, где стояла свеча. В шатре стало темно, как в склепе.

Прокас шарил в темноте наугад. Наконец пальцы его ухватили край шелковой ткани. На какое-то мгновение Альцине показалось, что ей пришел конец: пальцы старого воина уже сомкнулись у ней на горле. Но нога подвела — Прокас качнулся и, вытянувшись во весь рост, упал. Яд, в котором было смочено острие, довершил работу.

Альцина быстро пришла в себя. Метнувшись к выходу, она припала к щелке в складках полога. Новая вспышка молнии осветила часовых, стоявших по обе стороны выхода в своих насквозь промокших плащах подобно статуям. С облегчением она поняла, что из-за грозы воины ничего не слышали.

Альцина нашла на ощупь огниво и трут и зажгла свечу. Быстро осмотрела тело. Вложила украшенную драгоценными камнями рукоять в руку своей жертвы. Вновь взглянула в щелку на часовых и, убедившись, что они так ничего и не заметили, принялась напевать. Сначала тихо, потом все громче и громче — пока пение не достигло слуха солдат.

Песня эта, похожая на колыбельную, на самом деле была волшебным заклинанием, усыплявшим любого, кто его слышит. Солдатам же показалось, будто это дождь монотонно стучит по шлемам. Вскоре оба воина погрузились в тяжелое забытие.

Час спустя Альцина, беспрепятственно обогнув внешние посты, вернулась в свой небольшой шатер, который стоял чуть ли не на соседнем пригорке. С облегчением она стянула и принялась отжимать промокшее насквозь платье. Шелковая рубашка испорчена...

Тут Альцина схватилась за грудь. Обсидиановый талисман! С ужасом она поняла, что во время завязавшейся в темноте борьбы не заметила, как разорвалась цепочка. Маленький полумесяц наверняка остался лежать на ковре, но вернуться забрать его было уже невозможно. Едва часовые найдут тело, лагерь превратится в гнездо потревоженных

шершней. Legionеры вот-вот примутся рыскать по всему лесу, и у каждого будет приказ найти и убить черноволосую ведьму с изумрудно-зелеными глазами.

Дрожа от досады и страха, Альцина сидела в своем шатре, слушая рассерженное рокотанье грома и заунывный шелест дождя. Мысли роем бились в виски. Знает ли Зуландра Тху о том, что яд не убил киммерийца? В последний раз, когда они разговаривали, колдун и словом не обмолвился об этом. А если он ничего не знает, надо связаться с ним любой ценой. Без талисмана же это можно сделать только одним способом — самой отправиться в Тарантию.

Потом ей стало страшно. Может, теперь, когда выяснилось, что киммериец остался жив, не стоило убивать Прокаса? Вдруг чародей разгневается за поспешность? И уж наверняка он не простит ей выздоровления варвара. И потерю талисмана. А без талисмана она и сама как без рук. Беспомощная, безоружная, Альцина растерялась. На мгновение в голову ей закралась мысль о бегстве.

Но в конце концов она решила вернуться, положившись на милосердие колдуна. Впрочем, не только и не столько на милосердие, сколько на собственную молодость и красоту, ибо еще ни один мужчина не смог устоять перед ней. Улыбаясь, она уснула с мыслью о том, что, едва рассветет, она отправится в Тарантию.

Капитан аквилонцев заглянул перед рассветом к командующему, чтобы получить распоряжения на день. Часовые отдали честь, и он вошел в шатер.

Но Амалиус Прокас если и мог теперь отдать кому-то распоряжение, так только демонам в преисподней. Старый воин лежал в луже собственной почерневшей крови, вниз лицом, сжимая рукоять крошечного кинжала, навсегда успокоившего гордость и славу Аквилонии.

Часовые перевернули остывшее тело и уставились на него во все глаза. Черные от крови седые волосы налипли Прокасу на лицо.

— В жизни бы не подумал, что он может покончить с собой, — прошептал потрясенный капитан. — Совсем на него непохоже.

— Да, господин, — отозвался один из часовых. — И какой солдат, если уж и решит заколоть себя кинжалом, станет делать это, не сняв кольчуги? Наверняка это та женщина.

— Женщина? Что еще за женщина?! — пролаял капитан.

— Зеленоглазая. Я сам привел ее сюда ночью. Она сказала, что у нее послание от короля. А вот, смотрите, отпечаток ее башмака. — Воин указал на пятно засохшей грязи, оставленное на ковре маленькой женской ножкой. — Мы сказали ему, что лучше бы нам остаться, но он и слушать не захотел.

— И где же теперь эта женщина?

Часовой беспомощно развел руками:

— Исчезла. А как — не знаю. Одно могу только сказать: отсюда она не выходила. С той самой минуты, когда господин Прокас выставил нас за порог, и до твоего прихода мы не оставляли поста.

— Что за наваждение, — сказал капитан, — только демон способен бесследно исчезнуть из лагеря, полного вооруженных людей.

— Наверное, это и был демон в женском обличье, — пробормотал часовой. — Глядите-ка, что это? Камень черный, как преисподняя.

Капитан тронул носком башмака кусочек обсидиана и нетерпеливо отбросил в сторону.

— Подумаешь, какой-то дурацкий амулет — таких полно где угодно. Значит, какая-то ведьма пробралась сюда ночью... Хватит болтать! Охраняйте шатер, а я отправлю людей обыскивать лагерь и лес. Сергей, трубача ко мне. Но если она мне попадется...

Часовой, оставшись в шатре один, внимательно осмотрел ковер и в углу отыскал отброшенный талисман. Повертев находку в руках так и сяк, он связал концы разорванной цепочки и надел на шею. Камушек был не слишком красив, но талисманы все должны приносить удачу. А солдату удача нужна.

Прислонившись спиной к скале, Конан рассматривал лагерь легионеров. Они, похоже, и не собирались сниматься с места. Правда, вчера случился какой-то переполох, но у Львов никто так и не понял его причины.

Киммериец безотрывно смотрел на противоположный берег, равнодушно вгрызаясь в кусок холодного мяса, который принес ему из кухни оруженосец. Жизнь постепенно возвращалась к великану-варвару. И все больше жгли его горечь и жажда отмщения за проигранную битву и погибших друзей.

Пока проклятые легионеры стоят лагерем, думал с досадой Конан, удачи Львам не видать. Не переправиться — они неусыпно следят за каждым движением. И ко всему прочему, запасы подходят к концу.

Обглаживая кость, Конан бросал гневные взгляды на противоположный берег. По крайней мере, продолжал он размышлять, Прокас пока хоть сам не готовится к нападению. И в сотый раз киммериец задумался над тем, что же могло так переполошить вчера вражеский стан.

Шатры Пограничного легиона занимали широкое пространство вдоль берега по обе стороны от каларийской дороги. За шатрами ровной зеленой стеной стоял густой лес, где успели уже отцвести весенние цветы. Конан заметил вдруг, как к постам по дороге подъехали несколько всадников, и почти одновременно, возвещая об их прибытии, запели трубы.

Сияясь рассмотреть происходящее, Конан приставил ладонь козырьком к глазам, потом хмуро бросил оруженосцу:

— Быстро! Разведчика Мелиаса ко мне!

Оруженосец ускакал и вскоре вернулся в сопровождении немолодого худощавого солдата. При виде его лицо Конана смягчилось. Он помнил Мелиаса еще по войне с пиктами и знал, что глаз у воина зорче, чем у сокола, а ступать он умеет бесшумно, словно змея, даже по сухим веткам.

— Ну-ка, взгляни ты, старина, кто это там приехал? — спросил Конан и кивнул в сторону легионеров.

Разведчик присмотрелся и наконец сказал:

— Судя по сопровождению, какой-то военный чин не ниже командующего. И с графским гербом.

Конан отправил пажа за Декситусом. Жрец знал, кажется, все до единого аквилонские гербы. Когда разведчик описал изображение, жрец потер пальцем переносицу и сказал:

— По-моему, это герб графства Туанского.

Конан досадливо пожал плечами:

— Где-то я слышал о графе Туанском, но встречать не встречал. Ты что-нибудь о нем знаешь?

Декситус задумался.

— Туан на восточной границе. Вроде недалеко, но нынешнего графа я в глаза не видел. Год примерно назад ходили какие-то слухи. Что-то про наследство. Но что точно говорили тогда, не помню.

Вернувшись к себе, Конан послал за друзьями, чтобы вместе обсудить прибытие нового лица. Никто не знал о графе Туанском ничего, кроме того, что полк его стоял весь этот год на спокойной восточной границе, где за это время не случилось ничего такого, по чему можно было бы судить о храбрости или же, наоборот, трусости этого человека.

К полудню явился Мелиас и доложил, что аквилонское войско выстроилось теперь как на парад, перед ним на коне граф Туанский читает какой-то пергамент, на котором болтаются здоровенные печати и цветные ленточки. Просперо мгновенно кликнул своего оруженосца и под прикрытием береговых кустов помчался поближе к легионерам. Графу вторил громкоголосый глашатай, ветерок легко относил каждое слово к южному берегу, и потрясенный Просперо своими ушами услышал, что самый страшный противник Львов приказал долго жить, наложив на себя руки. На место его командующим Пограничным легионом назначен граф Туанский. Просперо помчался обратно.

— Прокас покончил с собой! — Конан даже присвистнул. — В жизни не поверю. Хоть со стариком мы враждовали, но он был настоящий солдат и лучший в Аквилонии полководец. Черта с два ушел бы он потихоньку: такие дорого отдают свою жизнь. Сдается мне, тут не обошлось без предательства. А вы что скажете?

— Похоже, — произнес, перебирая четки, Декситус, — это дело мерзких рук Зуландры Тху. Он давно уже ненавидит Прокаса.

— Неужто никто ничего не может сказать об этом графе? — негодуяще спросил киммериец. — Воевать-то он хоть умеет? С толком его назначили, или это опять королевская придурь?! — Все присутствующие лишь по-

качали головами. Тогда Конан сказал: — Что ж, разошлите людей по всем отрядам. Пусть у всех спрашивают, не знает ли кто хоть что-нибудь об этом графе!

— Думаешь, замена может оказаться нам на пользу? — спросил Просперо.

Конан пожал плечами:

— Может, да. А может, и нет. Если Троцero не пошутил насчет мятежа...

В ответ Троцero загадочно улыбнулся.

На следующее утро Конан с друзьями собрались на каменистой площадке, откуда хорошо просматривался весь лагерь легионеров. Войско опять выстроилось как на парад. Вдоль строя в направлении каларийской дороги медленно двигался небольшой отряд всадников. В центре его ехала убранная черным колесница. На колеснице стоял большой деревянный гроб.

Конан пробормотал:

— Вот мы и попрощались со старым воякой. А ведь сиди сейчас на аквилонском троне он, все могло бы пойти по-другому.

Через несколько дней над Алиманой вновь опустился густой туман, и тот же одетый в черное человек, что переправился на северный берег около недели назад, вновь переплыл темную реку. И опять за пазухой у него лежало завернутое в промасленный шелк письмо.

Той же ночью навстречу серебряным лучам проглянувшей из туч луны поднялось и развернулось гордое Знамя Льва.

Глава 8

КЛИНКИ ЗА АЛИМАННОЙ

В течение нескольких месяцев друзья графа Троцero не покладая рук делали свое дело и в конце концов сделали его хорошо. На постоянных дворах, на рынках, в городах и крошечных деревушках из уст в уста передавались слова: «Идет Освободитель».

Так в Пуантене называли Конана-киммерийца люди, слышавшие поразительные рассказы о подвигах могучего

варвара. Никто еще не забыл, как во время войны с пиктами, из века в век грабившими и разорявшими Боссонские Пределы, Конан один бросился поперек серебряных вод реки Громовой, чтобы остановить дикие полчища. И пуантенцы видели в свирепом северянине единственную свою надежду избавиться от потерявшего последний разум монарха.

Уже много недель подряд все, кто решился взяться за оружие, тайными тропами пробирались на юг к Алимане. В деревнях же простолюдины, собравшись якобы за кружкой эля, передавали друг другу, что освобождение не за горами и пора готовиться.

Наконец Освободитель подошел вплотную к границе несчастной Аквилонии, изнемогавшей под железной пятой безумца. И наконец приказ, которого ждали так долго, прибыл в свертке промасленного шелка. К этой встрече все было готово.

Часовой, молодой парень-гандер, продрогший от холода и сырости, топал ногами и хлопал себя по плечам. Провести ночь в карауле нелегко и когда погода получше, но стоять на ветру в туман вовсе тяжело.

Не попадись он, когда сдуру посылал воздушный поцелуй подружке капитана, сидел бы сейчас в тепле среди прочих счастливиц, мрачно думал парень. Кому в такую ночь могут понадобиться главные ворота каларийского гарнизона? Не украдут же какие-нибудь кофиты весь полк.

С тоской гандер думал о том, что, если бы ему повезло родиться в доме побогаче, носил бы сейчас атласный мундир гвардейца и золоченый клинок. И торчал бы не у ворот на ветру, а в гарнизонной кантине, где тепло и светло и сейчас играет музыка. Солдат так замечтался, что не услышал легких шагов у себя за спиной. Он ничего не заметил до того самого мгновения, когда горло обвила кожаная петля.

На вечеринке у гвардейцев было весело. В люстрах горели десятки свечей, сверкавших в серебряных зеркалах на стенах. Роскошные в своих парадных мундирах, молодые гвардейцы ухаживали за местными красотками.

Красотки мило краснели, хихикали и шептались. Матушки их бдительно наблюдали за происходящим, восседая на золоченых креслах вдоль стен и колонн.

Вечер был в разгаре. Королевский наместник, господин Конраден, приезжавший засвидетельствовать обществу свое почтение, давно уже отбыл. Старший капитан, командующий Каларийским гарнизоном, клевал в углу носом над высоким кубком пуантенского красного. Тоскливо созерцал он танцующие пары и думал, что подобные развлечения — круги, поклоны да приседания — годятся разве что для детей. Но через часик — утешал он себя — уже можно и уходить. Мысленно он вернулся к черноглазой подружке-зингарке, всегда встречавшей его с радостью. Капитан сонно улыбнулся, вспоминая мягкие ее губки и прочие прелести. И тут же задремал.

Первым почувствовал запах дыма слуга. Он кинулся к дверям и увидел прямо под стеной жарко полыхавшую кучу хвороста. Он и поднял тревогу.

В несколько мгновений здание опустело. Гвардейцы и их дамы вдруг оказались во дворе перед целой толпой воинов с мрачными, усталыми лицами. Бойцы сжимали в своих загорелых руках обнаженные мечи.

Увы, кинжалы гвардейцев служили больше для украшения, нежели для боя, а мечей никто из гуляк не надел. Так что и часа не прошло, а Калария была уже свободна от королевских солдат. На древке рядом с пурпурными леопардами вместо аквилонского орла взвилось новое, прежде не виданное знамя — золотой, вставший на задние лапы лев на черном поле.

В небольшой комнатке лучшего в городе постоянного двора играли в шары королевский наместник и сборщик налогов из южных провинций. Оба были увлечены игрой. Нетерпеливый наместник то и дело проигрывал. Вот и сейчас он только что пропустил еще один шар и, видимо, потому наконец вспомнил про дом, и про жену, и про тот прием, который ждет его в столь позднее время. Раздраженно он посмотрел на дверь, и на глаза ему попался часовой. Господин Конраден страшно рассердился и приказал солдату немедленно убираться.

— Никак не удастся побыть без зрителей! — ворчал он.
— Особенно когда игра не идет, — съехидничал сборщик налогов. Впрочем, судя по тому, что содержимое кошелька наместника подходило к концу, часовому недолго оставалось торчать за порогом. За игрой никто из них не заметил глухой звук удара и стук упавшего тела.

Мгновение спустя тяжелая дубовая дверь распахнулась, и в комнату ввалилась целая толпа вооруженных селян. Высоких господ без разговоров поволокли на площадь прямо к наскоро сколоченной виселице.

Первым узнал о беспорядках в тылу капитан гвардейцев. Решив проверить выставленные посты, он увидел, как один из часовых спит себе мирно в тени фургона.

Страшно ругаясь, капитан двинул парня носком башмака под ребра. Но когда это не помогло, гвардеец нагнулся. Ткнувшись во что-то липкое, влажное, он непроизвольно отдернул руку и, не веря глазам, уставился на зияющую рану — горло у бедолаги было рассечено от уха до уха. Капитан выпрямился, собираясь крикнуть, поднять тревогу, но стрела угодила ему прямо в грудь.

Туман плыл над холодными водами Алиманы, расплываясь между шатрами легионеров. Туман клубился среди стволов могучих вековых деревьев. И сквозь эту серую завесу пробирались чьи-то темные фигуры.

Выбираясь из лесу, загадочные тени беззвучно передвигались от шатра к шатру, отирая окровавленные клинки.

А пока они обходили лагерь, другой отряд воинов, тоже одетых в темное, входил в холодные речные воды.

Графа Туанского, Аскаланте, вырвал из тяжелого сна чей-то пронзительный предсмертный вопль. Потом он услышал беспорядочные крики, пение рожков. Несколько мгновений аквилонцу казалось, что он еще не проснулся. Но вопли раненых, стоны умирающих, свист стрел и лязг клинков звучали наяву. Сыпля отборными ругательствами, полуодетый, вскочил граф со своей лежанки и откинул полог. Глазам его предстало страшное зрелище. Освещая происходящее, горели солдатские шатры. В липкой грязи

валялись трупы — словно игрушечные солдатики, разбросанные рукой беспечных мальчишек. Полуодетые аквилонцы сражались с воинами в кольчугах, вооруженными копьями, дротиками и мечами. Лучники, в темном платье и в кольчугах, подошли так близко, что били почти без промаха. Капитаны пытались построить людей в боевые порядки.

Перед оцепеневшим от ужаса и неожиданности Аскаланте вдруг, изрыгая чудовищные проклятия, возникла жутковатая фигура. Это был боссонит Громель. Аскаланте оторопело уставился на него. Могучий торс капитана прикрывала только кольчуга, прорванная в нескольких местах.

— Неужто нас предали? — пролепетал Аскаланте, не сводя глаз с окровавленного меча капитана.

Громель только махнул рукой и сплюнул кровавой слюной.

— То ли предали, то ли просто застали врасплох, то ли то и другое вместе — ну их всех в утробу к Нергалу! — прорычал боссонит. — Провинция восстала, демон ее задержит! Часовых сняли, лошадей увели, дорога на север перекрыта. Под покровом тумана они обошли нас с реки, жабы чертовы! Почти у всех часовых перерезаны глотки — привыкла деревенщина солому резать! Нас зажали с двух сторон, даже отступать некуда!

— Что же делать? — прошептал Аскаланте.

— Бежать, приятель, шкуру спасать! — опять сплюнул Громель. — Или сдаваться. Что я, собственно, и собираюсь сделать. Ну-ка, помоги эту рану стянуть, пока я не истек кровью.

Первым под прикрытием тумана повел к крепости своих копейщиков Конан. Следом, когда там уже завязался бой, двинули отряды лучников и конницы Троцера, Просперо и Паллантида. Едва лучники подошли к лагерю, построившийся все же отряд легионеров сомкнул щиты и встал, выставив вперед длинные копья, засверкавшие в лучах ненадолго выглянувшей луны, подобно железным зубьям гигантского гребня. Троцера приказал своим отступить и двинул вперед тяжелую конницу. После нескольких неудач она все-таки прорвалась. Началась резня.

Лагерь аквилонцы ставили на скорую руку. Протянувшись вдоль берега, длинной, северной стороной он выходил к лесу. Поэтому защищать стоянку было непросто. Обычно аквилонцы разбивали правильным четырехугольником военные биваки, защищенные либо земляным валом, либо бревенчатыми стенами. На этот раз единственной защитой от неожиданного нападения были только посты. Так что, когда часовых убрали, легионеры, хоть и превосходившие противника по численности, оказались застигнуты врасплох.

Кроме того, после последних событий боевой дух солдат был хуже некуда. Мало кто поверил тому, что, терзаясь позором, Амалиус Прокас сам отправил себя на тот свет. Солдаты слишком хорошо и давно знали старого ворчуна.

А новый командующий граф Аскаланте, по единодушному мнению легионеров, — болтун и выскочка. Конечно, он тоже служил в армии не первый день, но разве можно сравнить его со стариком. К тому же от всей этой истории за лигу вперед несло дворцовыми интригами, а боевые капитаны подобного не любят.

Ночной налет был отлично спланирован. Поначалу аквилонцам удалось создать вдоль северного рубежа некое подобие оборонительной линии, но, едва ударили с реки лучники, от обороны не осталось и воспоминания. Лязг мечей прозвучал погребальным звоном.

Никто так и не нашел командующего Аскаланте. Заметив случайно заплутавшую в лесу лошадь, придворный красавец вскочил на нее верхом и, огрев отломленной веткой, пустил в галоп. Быстрее зайца выскочил он на дорогу северней лагеря и помчался прочь.

Старый лис вроде Громеля не колеблясь сдал бы меч и войско, чтобы спасти шкуру. Аскаланте не смел позволить себе подобное — на то была дворянская честь. К тому же не меньше, чем Конана, он боялся страшного колдуна. Тот ведь ждал от него победы — впрочем, задача была бы не слишком сложная, не восстань Пуантен. Отчего-то колдун прозевал мятеж. А ведь такой оборот запросто сокрушил бы не только несчастного графа. Так или иначе, а теперь легионеры сражались, обливаясь кровью, и поражение было неизбежно. Аскаланте почел для себя за благо сбежать сразу от всех, вместе взятых. Нахлестывая коня, он мчал

по лесной дороге и к рассвету был уже лигах в девяти от Ногары. Он несся к себе, на восток, где в пустыне он знал такие местечки, куда не доберутся ни киммериец, ни всемогущий Зуландра Тху.

Но чем больше чувствовал он себя в безопасности, тем сильней проникался ненавистью к варвару-северянину, обрекшему его на разгром и бегство и, стало быть, лишившему его всех обещанных почестей. Наконец, Аскаланте дал себе клятву когда-нибудь той же монетой отплатить проклятому «освободителю».

На рассвете Конан лично объехал луг, еще вчера бывший лагерем Пограничного легиона, и выслушал отчет каждого из капитанов. На земле остались лежать сотни и сотни убитых легионеров. Однако много аквилонцев отступило в лес, где сейчас за ними охотились люди Троцero. А целый полк числом около семи сотен перешел под давлением обстоятельств, а также капитана Громеля на сторону повстанцев. И сдача их — в основном пуантенцев и боссонитов — несказанно обрадовала киммерийца: кто-кто, а он хорошо знал цену этим прекрасно обученным, бывалым солдатам. Громеля он помнил еще по прошлой войне, приветствовал от души и назначил капитаном Освободительной армии.

Усталые бойцы снимали тем временем с убитых неповрежденные доспехи и складывали тела для погребального костра.

Вдруг появился Просперо. Забрызганные потемневшей кровью латы его казались красными в лучах занимавшейся зари. Просперо был весел.

— Что скажешь? — спросил его киммериец.

— Хорошие новости! — весело отозвался Просперо. — Нам удалось целиком захватить обоз — там оружия и провизии на два таких войска, как наше.

— Здорово! — ухмыльнулся Конан. — А как насчет лошадей?

— Возвращаются уже. Так что хорошие скакуны у нас теперь тоже есть. А Паллантид взял в плен несколько тысяч солдат — когда они поняли, что дело безнадежно, просто побросали оружие. Паллантид просил узнать, что с ними делать.

— Пусть предложит вступить в нашу армию, а тех, кто не согласится, отправит на все четыре стороны. Безоружные, они нам не страшны, — сказал киммериец. — Если мы все же выиграем эту войну, лишние сторонники не помешают. Так что скажи ему, пусть люди сами выберут, что им делать.

— Отлично, командир! Какие еще будут указания?

— Ближе к полудню выходим на Каларию. Троцero говорит, что королевских войск там уже нет и город ждет нас не дожидается.

— Так мы напрямик доберемся до Тарантии, — хмыкнул Просперо.

— Поживем — увидим. — Конан сощурился. — В Боснии и Гандерланде узнают о разгроме легионеров не раньше, чем через несколько дней. Но и тогда времени у них будет достаточно.

— Это точно. А поведет наверняка граф Ульрик Раманский, — отозвался в тон Просперо и повернулся к подходившему Троцero: — А ты что скажешь, любезный мой господин?

— Конечно же Ульрик, кто же еще? — подтвердил граф. — Жаль, не успели мы связаться с баронами — они бы его чуть попрдержали.

Конан пожал могучими плечами:

— Передай, что выходим в полдень. Поеду-ка я сам взгляну на пленных.

Через некоторое время Конан объезжал строй бывших легионеров, то и дело повторяя один и тот же вопрос:

— Ты тоже решил вступить в Освободительную армию? Почему?

Вдруг он заметил, что луч поднявшегося уже высоко солнца что-то высветил на волосатой груди оборванного пехотинца. Присмотревшись, киммериец увидел маленький obsidianовый полумесяц. Мгновение он соображал, силясь вспомнить, где он мог его видеть. И, ухватив талисман двумя пальцами, спросил, скрывая волнение:

— Откуда у тебя эта побрякушка?

— Я подобрал ее в шатре нашего прежнего командующего, господина Прокаса, в то самое утро, когда его... когда он умер. Я думал, эта штуковина принесет мне удачу.

— Амалиусу Прокасу удачи она не принесла, — сощурился Конан. — Отдай ее лучше мне.

Солдат торопливо снял цепочку и протянул Конану. В этот момент к ним подъехал Троцero. Конан показал ему талисман и шепнул:

— Я вспомнил, где это видел. Его носила на шее танцовщица Альцина.

Брови Троцero поползли вверх:

— Понятно тогда...

— Позже поговорим, — перебил его Конан и, кивнув солдату, продолжил смотреть.

Солнце поднялось уже высоко, когда обоз Освободительной армии последним переправился через реку, и к полудню войско снялось с места, начиная шествие по Пуантену, держа курс сначала на Каларию, а после на Тарантию. После стольких месяцев на чужбине солдаты рады были вновь оказаться на своей земле. Еще не одолев после тяжелой ночи, они весело двинулись на север по дороге в дубовых лесах Пуантена, громко распевая походные песни.

Впереди них быстрее ветра летела весть: идет Освободитель! Она летела, словно на крыльях, от деревушки к деревушке, от городка к городку, сначала шепотом, потом громче и громче, нарастая подобно грому, от которого рушатся троны.

Конан с друзьями, отобедав прекрасной свежей кониной, ехали в превосходном настроении. Судя по всему, некому было помешать победному продвижению войск через Пуантен. Ближайшие королевские части были в нескольких сотнях лиг. Амалиус Прокас лежал в могиле, и до самых стен Тарантии путь мятежникам был открыт. Там их, конечно, уже встретят запертые ворота и Черные Драконы — конная гвардия короля, которая будет защищать монарха до последнего. Но Львы чувствовали теперь поддержку всего народа и потому считали, что им никакой враг не страшен.

Тут как раз они ошибались. Они еще не ведали, кто их главный враг в Аквилонии. Они еще ничего не знали о волшебнике Зуландре Тху.

При свете свечей, сделанных из плоти несчастных жертв, Зуландра восседал в своем пурпуровом одеянии на черном железном троне. Не сводя глаз с магического зеркала, он пытался вызвать силой мысли на матовой поверхности камня ясное изображение Альцины. Наконец со вздохом откинулся на спинку и прикрыл глаза. Потом подвинул к себе пергамент, куда паучьей своей лапой вписывал астрологические знаки. Колдун бросил быстрый взгляд на хрустальные часы, но ошибки не было — и день, и час он выбрал верно. Значит, причина в Альцине, красотка в которой уже раз не смогла связаться с хозяином.

Его размышления прервал стук в дверь.

— Входи! — процедил Зуландра сквозь стиснутые от разочарования зубы.

Пурпурный полог отодвинулся, и на мраморный порог ступил кхитаец. Согнувшись в поклоне, он пропел своим дрожащим голосом:

— Хозяин, госпожа Альцина просит позволения войти.

— Альцина?! — Изумление, прозвучавшее в возгласе, выдало волнение колдуна. — Немедленно приведи ее сюда!

Полог бесшумно опустился и через мгновение вновь раздвинулся, пропуская Альцину. Серый от пыли и засохшей грязи пажеский наряд был разорван. Черные волосы неряшливыми космами разметались вокруг застывшего от напряжения лица. Альцина едва держалась на подгибающихся от усталости ногах. Отправившись около месяца назад в Мессантию прекрасной девушкой, вернулась она больше похожая на измученную неудачами женщину на закате своих лет.

— Альцина! — вновь воскликнул колдун. — Почему ты здесь? Зачем?

Едва слышным шепотом Альцина сказала:

— Хозяин, позволь мне сесть. Я не могу больше.

— Сядь! — отвечал Зуландра. А когда танцовщица опустилась на мраморную скамью и смежила веки, громко кликнул: — Хиау! Вина госпоже Альцине! А ты, дорогая моя, давай-ка рассказывай, что произошло.

Танцовщица чуть не разрыдалась:

— Я восемь дней скакала без отдыха, даже не останавливаясь поесть...

— Вот как! И что же?

— Я здесь потому, что Амалиус Прокас мертв...

— Это хорошо! — Лучики света заплясали в глубоко посаженных глазах колдуна.

— ...Но Конан остался жив! — в отчаянии выкрикнула Альцина.

При этих словах колдун на мгновение потерял самообладание.

— Сэт и Кали! — вскричал он. — Как это могло случиться! Рассказывай все до конца!

Альцина отпила глоток приправленного шафраном вина и торопливо рассказала все, что произошло в шатре Амалиуса Прокаса, — как узнала о Конане, как прикончила старого полководца и как ускользнула от часовых.

— Тогда я решила, что тебе необходимо узнать о чудесном выздоровлении варвара, и отправилась в путь, — заключила она рассказ.

Колдун, гневно сдвинув брови, не отводил взгляда от лица Альцины и, едва сдерживая ярость, проговорил:

— Почему же ты, вместо того чтобы предпринимать столь трудное путешествие, не связалась со мной с помощью талисмана?

— Это было уже невозможно, хозяин. — Альцина беспомощно развела руками.

— Вот как! Почему же? — Его голос прозвучал как удар бича. — Неужели же ты спутала таблицы планет, которые я тебе дал?

— Увы, господин, нет. Еще хуже. Я потеряла обсидиан... я потеряла свой талисман, — закончила она почти шепотом.

Зуландра зашипел по-змеиному:

— Демоны Нергала! Ах ты дурища! Что за дьявол тебя ослепил! Ты что, потеряла разум? Уж не подарила ли ты его какому-нибудь красавцу? Может, ты там влюбилась, как кошка? Да я предам тебя казни, какую не знал еще ни один смертный! Я развею не только тело, но и самую твою душу, мерзавка! Ты пройдешь все муки, изведенные в прежних рождениях. Во всех — от первого сгустка протоплазмы до червяка и обезьяны! Ту будешь молить меня о смерти, но...

— Прошу, хозяин, дослушай меня до конца, — вскричала Альцина, падая перед колдуном на колени. — Ты же

знаешь, мужчины ничто для меня. Я всегда исполняла лишь твою волю. — И, всхлипывая, поведала колдуну, как едва не погибла от рук старого воина и потому не сразу заметила пропажу.

Зуландра вновь закусил губу, чтобы не выдать закипающий в нем гнев.

— Все ясно, — сказал он. — Но тот, кто хочет получить большую награду, не может позволить себе подобную ошибку. Направь ты верно клинок, не случилось бы потасовки и талисман был бы при тебе.

— Но, хозяин, откуда же мне было знать, что он не снимает кольчугу даже в своем шатре! И разве нельзя просто отколоть от зеркала еще один кусочек?

— Отколоть можно, конечно, но наложение заклятия требует столько времени, что война успеет закончиться. — Чародей потер острый подбородок. — А ты уверена, что Прокас мертв?

— Да, хозяин. Я проверила: сердце не билось.

— То же ты говорила и про киммерийца. Ты совершила большую ошибку, Альцина.

Танцовщица в отчаянии развела руками:

— Я всыпала ему столько яду, что на двоих хватило бы! Этот проклятый варвар живуч, как демон пустыни... — Альцина низко склонила голову.

Воздев руки, чародей поднялся, возвышаясь над дрожащей девушкой.

— О Сэт, отец мой! — воскликнул он. — Неужто же никто из моих слуг не в состоянии выполнить самое простое задание! — Тут гнев его и разочарование обратились против служанки: — А ты пойдешь на корм дворцовым псам!

— Господин, ты же сам не предупредил меня! Разве я могла сосчитать, сколько ему нужно яду! — Голос Альцины окреп, и в нем зазвучало негодование. — Ты спокойно сидишь себе во дворце, а верная твоя служанка рискует шкурой. И у тебя нет для нее даже доброго слова!

Зуландра сел и грустно улыбнулся:

— Видно, боги сейчас хохочут надо мной. Я сам приказал отправить на тот свет Прокаса и сам же отдал бы все, что угодно, только бы его вернуть, ибо только ему под силу остановить киммерийца. Я думал, что Аскаланте с помощью Громеля добьет мятежное войско. И так бы оно

и было, если бы варвар издох. Теперь же нужно искать легиону нового командующего. А это непросто. Есть, например, граф Ульрик Раманский. Он толковый воин. Но стоит со своей армией на границе с Киммерией. Сменится две луны, прежде чем он попадет сюда. Есть еще герцог Нумитор. Он стоит ближе, на границе с пиктами, но...

Тихий стук прокатился, словно трель маленького колокольчика. В покое появился Хиау и сообщил:

— Прибыла голубиная почта из Мессантии. Вибииус Латро велел передать тебе, — и с поклоном вручил колдуну маленький кусочек пергамента.

Зуландра поднялся, подошел к огромной свече, развернул и прочел послание. Губы его сжались в тонкую линию, отчего лицо стало походить на сумрачную маску. Наконец колдун проговорил:

— Похоже, все боги моей родины перестали заботиться о благополучии избранного своего сына.

— Еще что-то случилось? — тоже вставая, спросила Альцина.

— Фадий пишет: принц Кассио прислал в Мессантию гонца с донесением о том, как Конан, уже полностью оправившийся от свалившей его было болезни, покинул Рабирийские горы, перешел Алиману и с поддержкой пуантенских повстанцев разбил Пограничный легион наголову. Старший капитан легиона Громель перешел на сторону киммерийца, а граф Аскаланте, должно быть, бежал, поскольку его никто не видел ни живым, ни мертвым... — Тут чародей смял пергамент, и взгляд его остановился на Альцине — в жизни не видела она такой ярости. — Иногда я с трудом удерживаюсь от желания загасить твою жалкую жизнь подобно свече, — прорычал он. — У меня есть тайное заклинание, которое обращает моих врагов в кучку пепла без дыма и огня.

Альцина отшатнулась, но от взгляда колдуна не так просто убежать. Он ожег ее словно пламенем из распахнувшейся печи. Магические волны проникали в самую глубину сердца. В страхе она закрыла глаза, а когда открыла — протянула руки, словно сиюсь защититься. И закричала.

На том месте, где прежде стоял волшебник, неожиданно возник огромный змей. Его наклоненная голова покачивалась прямо перед танцовщицей. Немигающие красные глаза излучали убийственный свет, из ноздрей шел дым. Голая

отвратительная пасть распахнулась, обнажив острые, как кинжал, клыки, и приблизилась. Альцина отступила, за-слонила лицо руками, а когда осмелилась их убрать, то снова увидела Зуландру.

— Не бойся, девочка, я никогда не выбрасываю оружие, если оно может еще пригодиться, — произнес колдун, и на лице его мелькнула холодная улыбка.

Альцина, еще дрожа от страха, все же решилась спросить:

— Скажи, хозяин, неужели ты и впрямь принял образ змея? Или ты просто заставил меня поверить в это?

Чародей не ответил.

— Я напомнил тебе, кто тут хозяин, а кто слуга, — только и сказал он.

Альцина быстро переменяла тему. Она ткнула пальцем в сторону смятого пергамента и спросила:

— А как Фадий узнал об этом донесении?

— Милон Аргосийский устроил по случаю большое празднество. Причина ни для кого не была секретом. Да, и вот еще что: Милон выставил из страны этого горе-посла Квесадю. В последний раз его видели в сопровождении аргосийской стражи на дороге в Аквилонию. Надо будет сказать Вибиусу, что Квесадю только теперь и остается, что попроситься в мусорщики. Больше он ни на что не годен. Зато наш безумный король, может быть, больше не будет совать нос в государственные дела. Пусть бы предавался своим утехам. Ступай, Альцина, мне нужно подумать. В этой партии награда — корона. Ступай! Хиау напоит тебя, накормит, даст служанку, и ты наконец примешь ванну.

Освободительная армия, подобно серебристой реке длинной в лигу, двигалась вперед по лесам, полям и лугам напрямик к воротам Каларии. Впереди на вороном жеребце ехал Конан-киммериец. Над городскими башнями реяли флаги, и среди них не было больше черного орла короля Нумедидеса. Горожане толпились в городских воротах, запрудили узкие улицы, высыпали под высокие крепостные стены. Душа варвара при виде толпы горожан дрогнула. Никогда киммериец не доверял людям цивилизованного мира.

Обернувшись к ехавшему на полшага сзади на белоснежной кобыле Троцеро, Конан бросил:

— А ты уверен, что нет ловушки?

— Голову на отсечение! — весело отозвался граф. — Я слишком хорошо знаю своих людей.

Конан какое-то время всматривался в толпу. Потом решился.

— Что ж, если так, — вздохнул он, — тогда нечего въезжать в город как завоевателям.

Он развязал ремешки шлема, повесил его на луку седла. Спешился, бряцая оружием, и направился к воротам пешком, держа коня в поводу.

Так Освободитель вошел в Каларию. Склоняя в приветствии голову в ответ на восторженные крики, спокойно шел он вдоль живого коридора. А Просперо, ехавший следом, нагнал Троцеро, придвинулся ближе и тихо шепнул:

— А мы-то, дураки, ломали позавчера голову: кто сядет на трон после Нумедидеса?

Граф Троцеро в ответ сухо улыбнулся и пожал законными в броню плечами. В этот момент он въезжал в ворота и высоко поднял руку, приветствуя своих верных и преданных подданных.

Зуландра низко склонился над развернутой картой, концы которой придерживали четыре брусочка драгоценного металла. Повернувшись к Альцине, наконец отдохнувшей и переодетой в длинное развевающееся платье желтого атласа, великолепно подходившее и к ее роскошной фигуре, и к пышной гриве черных волос, колдун сказал:

— Шпион Вибиуса Латро донес, что сейчас Конан вместе с войском отдыхает после сражения. Скоро они двинутся на север, сначала к реке Хорот, потом — на Тарантию. Единственное место, где можно их остановить, — колдун ткнул пальцем в карту, — это Имировы Хребты. Вот здесь, в Пуантене, у них на пути. А единственная сила, которая в состоянии это сделать, — Королевский полк герцога Нумитора, что охраняет сейчас крепость Тандару в Вестермарке Боссонском.

Альцина тоже взглянула на карту:

— Тогда надо приказывать герцогу немедленно двинуться на юго-восток, оставив в крепости лишь небольшой отряд.

Колдун сухо рассмеялся.

— Из тебя вышел бы неплохой полководец, крошка, — заметил он. — Гонец с этим приказом уже в пути. Но посмотри, — и Зуландра измерил пальцами расстояние, — Конан успеет сюда за три дня, и у герцога просто не будет времени, чтобы добраться до Хребтов. Так что придется и мне вмешаться — задержать киммерийца.

— Но как?

— Ну, я не первый год знаком с небесными духами и могу устроить любую погоду. У меня есть целый план, чтобы не выпустить его из Каларии. Проверим, не разучился ли я колдовать!

Конан стоял на городской стене рядом с недавно избранным новым главой города. Когда они выходили из дворца, день был безоблачный, а теперь по всему мгновенно потемневшему небу потянулись бесконечной чередой свинцовые тучи.

— Не нравятся они мне, — сказал горожанин. — И так лето все было дождливое, и вот, пожалуйста, опять повернуло на непогоду. Того и гляди, от урожая ничего не останется. А! Началось! — заключил он, отирая со лба первые крупные капли.

Едва они спустились по винтовой лестнице вниз, подскакал Просперо.

— Конан! — гаркнул он. — Ты зачем опять сбежал от телохранителя?!

— Клянусь Кромом! — в тон ему воскликнул киммериец. — Не нужна мне никакая охрана. Я люблю гулять в одиночку.

— Эта плата за власть, — отвечал Просперо. — Ты теперь не просто главнокомандующий, ты символ освобождения. И тебя надо охранять, как, например, знамя. Ибо стоит врагу свалить тебя — и это на три четверти будет уже наше поражение. Не забывай, в Каларии полным-полно королевских шпионов, которые только и ждут случая вонзить тебе в спину нож или же подсыпать какой-нибудь гадости в вино!

— Плевать я хотел на этих отравителей! — рявкнул Конан.

— Конечно, — сказал Просперо, — но ведь от яда можно и умереть, ты все же смертный. Так что, милостивый

мой господин, нравится тебе или нет, а нам придется возиться с тобой, как с новорожденным принцем. Понимаю, ты недоволен, но придется смириться.

Киммериец тяжело вздохнул:

— Слишком много чести для такого бродяги. Смотрите, однако, какая туча! Вернемся лучше во дворец, пока она нас не накрыла.

Конан с Просперо пустили коней галопом, а новоиспеченный глава Каларии затрусил вслед по мостовой ровной рысью. Небо расколола фиолетовая вспышка, и гром глухо зарокотал подобно тысяче барабанов. Начался ливень.

Глава 9

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЖЕРЕБЕЦ

Пока разверзшиеся хляби немилосердно поливали дождем жителей Пуантена, и не помнивших такого потопа, над прекрасной Тарантией сияло улыбающееся солнце. Греясь в мягких лучах на дворцовой террасе, Зуландра Тху смотрел вместе с Альциной и Хиау на созревающие поля, где налившаяся пшеница стояла подобно золотым копьям. Танцовщица снова превосходно выглядела в новом длинном атласном платье, с алмазами в черных, как ночь, волосах, свежая и отдохнувшая.

— Небесный свод показал мне, что духи воздуха служат нам беспрекословно. Там бушует страшная буря, а когда она стихнет, все дороги и тропы станут непроходимы. Нумитор спешит уже к Паунтену, и мне тоже надо потопиться, чтобы встретить его по дороге.

Альцина подняла на него изумленный взгляд:

— Ты хочешь сказать, что на этот раз сам отправишься на поле брани? О Иштар! Это совсем на тебя не похоже! Можно ли спросить почему?

— Войско у Нумитора намного уступает в силе мятежникам. А Ульрик Раманский, даже несмотря на бурю, все равно опоздает недели на две. Кроме того, герцог всегонавсего честный болван, способный лишь от и до выполнять приказы. Ему ни разу в голову не пришло поинтересоваться, почему это наш венценосный плут либо казнил, либо

отправил в далекие ссылки всех своих родственников, а этого оставил. Разве можно доверить такому важное дело? Так что до прибытия графа я буду сам наблюдать за происходящим.

Волшебник повернулся к кхитайцу, узкоглазому преданному рабу, следовавшему за ним и по безжизненным пустыням, и по океанским волнам.

— Вели приготовить мою карету и собери вещи. Мы выезжаем завтра утром.

С поклоном слуга удалился. Вновь обернувшись к Альцине, колдун продолжал:

— С духами воздуха я договорился, попробую теперь заставить поработать на нас духов земли. А тебя, крошка, я оставляю здесь вместо себя.

— Что ты! Нет, хозяин, нет! Я же ничего не умею!

— Я тебя научу. И первое, что ты научишься делать, — это обращаться с зеркалом.

— Но ведь талисмана нет!

— Это тебе он нужен был, а не мне. Я могу обходиться и без подручных средств. Идем, у нас мало времени.

Хиау вывел из королевских конюшен одного-единственного жеребца. На первый взгляд это был обычный вороной, но стоило присмотреться, и сразу становился заметен странный металлический блеск. Жеребец не переступал ногами, не отмахивался хвостом от мух. Собственно говоря, комары и слепни не пытались даже близко подлетать к нему, хотя на конюшне их было полным-полно. Жеребец стоял как неживой, но едва кхитаец произнес какое-то диковинное слово, как конь мгновенно повиновался.

Хиау привел черного, как эбеновое дерево, жеребца к каретному сараю и принялся запрягать. Жеребец случайно задел экипаж копытом, и раздался металлический звон.

Карета, больше похожая на закрытый ларец о двух колесах, была ярко-пурпурного цвета и поверху украшена узором из золотых переплетенных змей. Внутри вдоль задней стенки стояла скамья. Посередине ее перегораживал полог, крепившийся на двух резных деревянных опорах. Полог был необычный. Весь заткан странными, никому не ведомыми символами и знаками, и только очень вниматель-

ный взгляд мог уловить среди них сходство с луной и главными созвездиями южного полушария.

Вещи Хиау сложил в большой сундук, закрепленный под скамьей, а скамью уложил шелковыми подушками. За работой он напевал себе под нос странную кхитайскую песню.

Конан вместе с Троцero смотрели из дворцового окна на сплошную завесу дождя.

— Вот уж не думал, что у тебя графство на дне моря, — попытался пошутить киммериец.

Граф покачал головой:

— За полстолетия, что я живу здесь, ни разу не видел ничего подобного. Наверняка это колдовство. По-моему, Зуландра Тху...

Конан его перебил:

— Вы, аквилонцы, готовы увидеть колдовство в любой неприятности. Наступили тебе на ногу — это проделка чародея, кого же еще! За свою жизнь я редко встречал волшебников, настолько грозных, чтобы... Что тебе, Просперо? — спросил он, повернувшись на звук шагов.

— Вернулись разведчики. Дороги непроходимы. В каждой трещинке кипит вода. Выходить бесполезно: войско увязнет на первой же лиге.

Киммериец выругался.

— В твоих рассуждениях о колдуне что-то есть, — признал он.

— А у нас гости, — добавил Просперо. — Это бароны с Севера. Они выехали домой еще до нашего появления, но буря заставила их вернуться.

Темное в шрамах лицо киммерийца просветлело:

— Благодарение Крому! Хотя одна хорошая новость. Веди их сюда!

Просперо ввел за собой пятерых гостей, одетых в дорожное платье добротной шерсти, промокшее и заляпанное грязью сверху донизу. В одном из них Троцero сразу узнал барона Руальда из Имируса, что в северном Пуантене. Это был крепкий седой, благородного вида человек, не раз сопровождавший в Каларию своих соседей. Троцero представил его киммерийцу.

Конан с любопытством рассматривал гостей. Они были все очень разные: один — крепкий, краснолицый, кажется, весельчак; другой — стройный и элегантный; третий — добродушный толстяк, который всем другим развлечениям явно предпочитал хороший обед; и еще двое — мрачные и неразговорчивые. Но какими бы разными они ни казались, все с одинаковой радостью приветствовали Конана и Троцero. Их баронства давно страдали под бременем бесконечных податей, а дворянская гордость была уязвлена грубостью королевских солдат, обосновавшихся на их землях и тоже требовавших дани и с селян, и с баронов. Потому все они больше всего на свете желали гибели Нумедидесу и теперь изучающе поглядывали на троих военачальников, пытаясь угадать, кто из них преемник, дабы сразу же заручиться его симпатией и поддержкой.

Когда бароны переоделись и отдохнули, Конану с товарищами пришлось выслушать длинный перечень жалоб и пожеланий до конца. Варвар больше помалкивал, а вот его участливые друзья дали понять каждому, что ни один после победы не будет обижен.

— Но не забудьте, господа, — сказал Конан, — что Ульрик, граф Раманский, пройдет, чтобы перехватить нас, по вашим землям.

— Да разве же у него войско! — прорычал барон Руальд. — Жалкая горстка! Граница с Киммерией давным-давно одна из самых спокойных, и много не нужно, чтобы за ней присматривать.

— Не совсем так, — возразил граф Пуантенский. — Нам доносят, что войско Ульрика не меньше нашего, а кроме того, солдаты его участвовали во многих сражениях. Сам же граф Ульрик отличный стратег, и именно он вывел когда-то армию из Венарийского котла.

Конан мрачно улыбнулся. В той битве он сражался на стороне киммерийцев и был в крепости, когда Ульрик сдал город. Но говорить об этом не стал.

Вместо этого он сказал:

— Нумедидес наверняка снимет силы из Вестермарка и попытается задержать нас здесь до прихода Ульрика. Вам с соседями хорошо бы попытаться задержать его, пока мы не покончим с королевскими войсками в Боссонии.

Граф Троцero внимательно наблюдал за баронами:

— Вы сумеете поднять людей, не насторожив части, что стоят в ваших землях?

На вопрос его первым ответил барон Аммиен из Ронды:

— Нашим-то кузнечикам дело только до плодов от работ наших. Они никуда не двинутся, пока не снят урожай.

— Но, — возразил барон Жюстин из Армавира, — если завяжется бой, мы разорим и себя, и своих людей. Может, нам и удастся задержать Ульрика, но тогда мы останемся и без урожая, и без подданных.

— А если господин Конан погибнет у стен Тарантии, мы окажемся нищими, — веско заключил краснолицый Руальд. — Король быстро узнает, что мы выступили против него. Лучше все-таки ставить на золотой, чем на медную монетку.

— Он верно говорит, — подхватил Аммиен из Ронды. — Тогда шен нам либо укоротят, либо вытянут. Так что лучше уж сидеть тихо и не ввязываться в ненадежные игры.

В конце концов остановились на следующем: едва погода прояснится, все пятеро отправятся домой, и когда Северная армия Ульрика войдет в их владения, они все-таки попытаются ей помешать.

Когда бароны удалились на ночлег, Просперо сказал Конану:

— Ты думаешь, они успеют вовремя?

— И сдержат ли обещание, — добавил Троцero, — если Нумедидес окажется поначалу сильнее нас?

— Я не пророк. — Киммериец пожал плечами. — Только боги умеют читать в сердцах.

Экипаж Зуландры грохотал по мостовым улицам Тарантии. Кхитаец правил, а колдун, завернувшись в накидку с капюшоном, полулежал на подушках. Горожане, заметив приближение экипажа, торопливо отводили глаза, не желая привлечь к себе внимание. Ибо не было в городе человека, не слышавшего о проклятом колдуне и пропавших девочках.

Огромные бронзовые створы Южных ворот открылись и вновь сошлись, пропустив карету. По пустынным сельским дорогам странный конь несясь раза в два быстрее обычного. В день он проходил около сорока лиг, и ни

дождь, ни жара, ни ночная мгла — ничто не мешало ему мчаться к назначенной цели. Когда Хиау уставал, вожжи брал сам хозяин. Во время этих коротких передышек желтолицый слуга наскоро проглатывал что-нибудь из запасов и мгновенно проваливался в сон. Когда спал волшебник, Хиау не знал.

После нескольких дней пути вдоль берега Хорот экипаж подъехал к огромному мосту, который велел построить здесь еще Вилерус Первый. Мост, стоявший на шести каменных опорах, высоко поднимался над извилистой рекой.

Смотритель, увидав украшенную гербами карету, свернувшую на мост с Королевской дороги, низко поклонился. Одолев крутой въезд, Зуландра остановился и оглядел окрестности. Невдалеке над дорогой он заметил облако пыли, и мрачная улыбка тронула его тонкие губы. Если эту пыль поднимали всадники герцога Нумитора, значит, колдун правильно вычислил время и место, и пути их пересекутся там, где сходятся дороги на Боссонию и Пуантен.

Колесница скатилась с высокого моста, и не прошло и часу, как Зуландра увидел колонну всадников. Когда он приблизился, замыкающий узнал расписной возок. От одного к другому полетела команда, и ряд сдвинулся, уступая дорогу советнику короля. И стоило черному жеребцу поравняться с очередным всадником, лошадь шарахалась, рвалась прочь, и, чтобы успокоить ее, требовалось немало усилий.

Во главе колонны он увидел герцога Нумитора, который ехал на крупном спокойном мерине. Герцог внешне был похож на своего царственного кузена сложением и рыжиной в волосах и густой бороде. Но впечатление производил прямо противоположное: от голубых глаз и всего загорелого лица его веяло бесхитростностью и простодушием.

— Смотрите-ка — маг Зуландра! — в изумлении воскликнул Нумитор, когда увидел на козлах кхитайца. — Что тебя привело сюда? У тебя послание от короля?

— Чтобы остановить мятежников, тебе, герцог Нумитор, понадобится моя помощь.

Светлые глаза герцога потемнели от негодования:

— Я не прибегаю в бою к помощи колдунов, честные люди так не дерутся. Но если тебя прислал мой брат, делать нечего.

Из-под нависших бровей сверкнул злобный взгляд.

— Да, это приказ истинного правителя Аквилонии, — сказал колдун, — и ты обязан повиноваться каждому моему слову. Если поторопиться, мы достигнем Имировых Хребтов раньше мятежников. У тебя только эти два отряда всадников?

— Нет, за нами идут четыре когорты пехоты. Но они движутся медленней.

— Негусто, — сказал колдун. — Хотя там нас встретит просто толпа бродяг. Если мы удержим их у подножия скал до прихода Ульрика Раманского, мы свернем им шею, не сходя с места. Когда поднимемся наверх, дай мне пять человек — опытных охотников, — у них будет свое задание.

— Какое?

— Об этом я скажу позже. Пока тебе достаточно знать, что они мне нужны.

Дождь в Каларии наконец стих. Пятеро баронов вместе со свитой отправились на север по раскисшей дороге, над которой от жаркого солнца курился пар. Немного погодя, держа курс сначала на Хорот, а потом прямо на Тарантию, двинулась и Освободительная армия.

И где бы она ни проходила, в каждом городке, в каждой деревушке, к Конану шли все новые и новые люди: старые рыцари, пожелавшие украсить конец своих дней участием в славном сражении; бывшие солдаты, помнившие киммерийца по войне с пиктами; лесники и охотники, видевшие в нем вольного своего собрата; сосланные и разбойники, прослышавшие про указ о прощении всякого, кто встанет под Знамя Золотого Льва; торговцы, лудильщики, дровосеки, кузнецы, углежог и менестрели — все, кто устал жить под властью тирана. В конце концов запасы оружия в войске истощились настолько, что Конан отдал приказ брать только тех, кто придет хотя бы с топором.

Перед Конаном и его капитанами стояла нелегкая задача превратить разношерстную толпу в грозную силу. Они строили новичков в ряды и когорты, назначали старших, выбирая их из числа бывших солдат, знавших, что такое бой, не понаслышке. На привалах они обучали людей простейшим приемам, ибо Конан строго-настрого предупредил:

— Если не натаскать их как следует — побегут при первой же схватке.

На всем пространстве между возделанными полями Пуантена и Хребтами Имира раскинулся густой Броселлианский лес. Между огромными вековыми деревьями, словно змея в папоротниках, вилась дорога. Когда армия вошла под густую сень широких зеленых крон, пуантенцы притихли. Киммериец видел, как они в угрюмом молчании бросали в темную чащу опасливые взгляды.

— Чего это они испугались? — спросил вечером в шатре Конан у Троцера. — Змей, что ли?

Троцера презрительно улынулся:

— В Пуантене почти нет змей, а те, что есть, не ядовиты. Но наши наемнички большей частью простые селяне. А у деревенщины свои поверья. Например, что в здешнем лесу живет нечистая сила и заморочит любого, кто останется тут ночевать. В предрассудках есть и свои преимущества; никто, кроме моих друзей и баронов, не охотится в этих лесах.

Конан хмыкнул:

— А когда мы дойдем до скал, они будут бояться гоблинов? Кстати, прежде мне доводилось бывать в этих краях. Я прекрасно знаю, что Имировы Хребты — это штука серьезная. Нужно целый день карабкаться вверх, чтобы подняться на плато. Но как ползти с обозом и с лошадьми? Дорога-то там есть?

— Да, глубокое узкое ущелье, по которому течет речка Битакса. Это приток Алиманы. Вот по берегу ее и идет тропа. Ущелье темное, подъем крутой... да не допустят боги встретить наверху врага. Молись своему Крому, чтобы королевский братец не успел дойти туда раньше нас!

— Плевать Кром хотел на наши молитвы, — ответил Конан. — Во всяком случае, так мне говорили, когда я был мальчишкой. Кром лишь дарует человеку жизнь и наделяет волей, чтобы тот мог встретить врага лицом к лицу. А кланчить у богов удачу не принято у киммерийцев... Не нравится мне твой рассказ. В ущелье слишком легко устроить засаду. Знаешь что, возьми-ка ты на рассвете своих пуантенцев и проверь дорогу.

Тут появился Публий со своими амбарными книгами, и Троцера вышел, оставив друзей подсчитывать, сколько чего нужно войску.

Над ущельем, не позволяя солнцу заглянуть за черные скалы, по которым, будто жучки, карабкались вверх пуантенцы, навис зуб Великана. Граф то и дело задирает голову, надеясь увидеть, не блеснет ли на солнце шлем или копье притаившегося врага. Но ни блеска стали, ни дыма от костра никто из разведчиков не заметил. Наконец Троцера проговорил:

— Прочешем лес и встретимся на дороге в четверти лиги отсюда, у висячей скалы. Ты, Приско, бери половину отряда, и отправляйтесь. Прочешете лес к востоку. А я — к западу. Встретимся через час.

Граф разыскал шатры пуантенцев и отобрал сорок всадников. Отряд разделился. Всадники направили лошадей прямо через кусты, росшие по обе стороны дороги. Продравшись, дальше поехали легче: под дубами подлеска почти не бывает.

Некоторое время Троцера со своими людьми ехали молча. Тишину нарушал только глухой стук копыт по толстому ковру опавших листьев. Вдруг бывший лесник, ехавший одним из первых, предостерегающе поднял руку, повернулся в седле и шепнул:

— Впереди люди, господин, — похоже, всадники.

Отряд подтянулся. Люди настороженно притихли, лошади стояли не шелохнувшись. Троцера сквозь трепещущую листву уловил какое-то движение, потом услышал странное бормотание.

— Мечи из ножен! — шепнул он. — Приготовиться к бою, но без команды не начинать. Неизвестно, друзья это или враги.

Почти беззвучно двадцать мечей выскользнули из кожаных ножен, и пуантенцы выстроились в линию. Голоса зазвучали громче, и вскоре среди корявых стволов замелькали вооруженные всадники. Троцера поднял меч, скомандовав начало боя.

Пуантенцы рассыпались между деревьями и ринулись вперед. В мгновение ока они оказались перед противником.

— Сдавайтесь! — крикнул Троцера, он отпрянул и натянул поводья. Лошадь с храпом взвилась на дыбы и потянулась.

Пятеро всадников в накидках с черным аквилонским орлом замерли от неожиданности. Четверо тащили на

веревках крепко связанных пленников. Эти странные существа, ростом не выше подростка, были, как фавны, покрыты светло-коричневым мехом, отчасти скрывавшим наготу. Трое из них были мужчины, четвертая — женщина. Лица у них человеческие, но носы пятачком, и уши остренькие и покрыты шерстью. Едва аквилонцы, схватившись за оружие, отпустили веревки, вся четверка бросилась в лес, показав короткие, как у оленей, хвостики с белым пятнышком на конце.

Старший из аквилонцев первым пришел в себя и что-то гаркнул. Солдаты его пришпорили лошадей и кинулись врассыпную.

— Убейте их! — закричал Троцero.

Сплошной строй в лесу невозможен, и аквилонцы решились было прорваться. Старший помчался прямо на Троцero, меч он держал наперевес, словно копье. Слева и справа разведчики бросились графу на помощь.

Началась свалка. Лес огласился криками. Королевские воины дрались с яростью обреченных. Двое разведчиков кинулись догонять аквилонца, который вращал над головой длинным мечом, не давая приблизиться. Одному из разведчиков все же удалось подобраться и ранить противника в правую руку, а потом полоснуть по лошадиному боку. Лошадь тонко заржала и ринулась вперед еще быстрее. Аквилонцу повезло: он ушел. Разведчик метнул вслед ему меч, как копье. Клинок просвистел на волосок от головы беглеца.

Тощий, жилистый аквилонец, который дрался с Троцero, тоже кинулся прочь. Четверо их летели по лесу, словно листья, подхваченные ураганом. Пятый лежал на бурой земле, и по белой накидке медленно расплзалось кровавое пятно.

— Гремю! — закричал граф. — Возьми своих солдат и в погоню! Хоть одного, но возьми живьем!

Троцero вернулся туда, где смятая трава хранила безмолвные следы яростной схватки. Еще раз взглянув на лежащего аквилонца, граф приказал проверить, жив ли враг.

Один из разведчиков спешил, а другой сказал:

— Нет, господин, я сам проткнул его насквозь.

— Он мертв, — подтвердил первый, на минуту склонившись над телом.

Троцero выругался:

— Нам позарез необходимо кого-нибудь допросить.

— Смотрите! Тут один из их пленников! — воскликнул разведчик, опускаясь на колени рядом с нагим существом, бездыханно лежащим поперек упавшего дерева. — Наверное, его задело копытом во время свалки.

Троцero в задумчивости прикусил нижнюю губу.

— Наверное, — машинально повторил он, а потом добавил: — Значит, это и есть тот самый сатир из деревенских сказок.

Тем временем сатир, маленькие кулачки которого были связаны тонкой веревкой, пришел в себя, увидел перед собой страшных, огромных всадников и кинулся было наутек. Но стоявший тут же разведчик быстро ухватил конец свисавшей с шеи веревки.

Троцero спросил:

— Скажи, умеешь ли ты говорить, лесное создание?

— Ага. Хорошо говорить. Хорошо на моем, чуть-чуть на твоем, — ответил пленник с невероятным акцентом. — Что ты сделать мне?

— Это решит наш главный воин, — ответил Троцero.

— Не резать глотку, как другие?

— Лично у меня нет ни малейшего желания резать тебе глотку. С чего ты взял, что это кому-то нужно?

— Нужно. Для колдовства.

Граф покачал головой.

— Понятно, — сказал он. — С нами этого можно не бояться. Однако придется отвести тебя в лагерь. Есть у тебя имя?

— Я Гола, — ответил сатир тихим голосом.

— Ну, Гола, придется тебе сесть на лошадь позади одного из моих людей. Понимаешь?

Сатир опустил глаза:

— Я бояться лошадь.

— Придется потерпеть, — ответил граф и сделал знак первому разведчику.

— Ну-ка давай, — усмехнулся разведчик и одним махом поднял легонькое существо. Снял с шеи веревку, крепко привязал один конец к седлу, а другим обмотал сатира вокруг пояса. — Так будет надежней, — хмыкнул солдат и вскочил в седло.

Разведчики, посланные в погоню, увидели только спины аквилонцев, как раз въезжавших в ущелье под Зубом Великана. Побоявшись засады, воины вернулись ни с чем.

Немного погодя граф Троцero уже рассказывал о лесной стычке в шатре, где собирались все вожди повстанцев.

Конан осмотрел пленника и сказал:

— Похоже, эта веревка режет тебе руки, друг Гола. Нам она ни к чему.

Он достал из ножен кинжал и подошел к сатиру, который забился в смертельном ужасе и закричал:

— Нет-нет! Не режь! Человек обещал! Не тронь глотку!

— Не нужна мне твоя глотка! — рявкнул Конан и сгреб одной рукой кулачки сатира. — Я не сделаю тебе ничего дурного. — Он перерезал веревку и отвернулся, а сатир, всхлипывая, принялся растирать пальцы.

— Ну что, так лучше? — хмыкнул Конан, сел за грубо сколоченный стол и похлопал по скамье, приглашая сатира сесть рядом. — Скажи, любишь ли ты вино, друг Гола?

Сатир улыбнулся и кивнул.

— Конан! — воскликнул Публий. — У нас вина только два меха! Мы все пьем пиво.

— Неважно, — сказал Конан. — Нам нужно именно вино. У немедийцев есть поговорка: «Истина в вине». И я намерен сейчас это проверить.

Публий обменялся взглядами с Троцero и Просперо. Конан мгновенно проникся симпатией к этому диковинному созданию. Словно пожалел несчастного сатира, вырванного из своего леса безжалостной рукой цивилизованного человека, чьи поступки и мысли были для него непостижимы.

Сатир опорожнил целый мех вина, поведая в перерывах между глотками, что наверху стоят две когорты королевской конницы. Но не сразу на выходе из ущелья, а чуть подальше, на расстоянии двух-трех полетов стрелы — может, в четверти лиги. Они появились на плато несколько дней назад и все это время охотились за лесными сатирами. Каждый день отряд охотников спускался вниз и обшаривал лес поблизости от ущелья. Тех, кого удавалось поймать, охотники тащили живьем в свой лагерь, а там, связанных, запирали в сложенном из бревен доме.

— Мой народ уходит теперь от Зуб, — грустно заметил Гола.

Оставив без внимания это странное замечание, Конан спросил:

— А почему ты решил, что людям понадобится для колдовства кровь твоих сородичей?

Сатир бросил на Конана исподлобья долгий взгляд.

— Мы знать, — буркнул он. — Мы тоже колдовать. Там наверху большой колдун.

Конан задумался.

— Гола, — проговорил он наконец, не отводя внимательного взгляда от лица маленького создания. — Гола, а ведь если мы прогоним с плато плохих людей, вам можно будет опять ничего не бояться. Если вы нам поможете, мы вам оставим ваш лес.

— Как знать, что сделать большой человек? Большие люди резать наших.

— Нет, мы друзья. Смотри, ты свободен и можешь уйти. — Конан откинул полог и показал, что путь свободен.

Курносое личико вспыхнуло счастливой улыбкой. Конан подождал, пока его собеседник опомнится от радости, и продолжал:

— Можем ли мы попросить у вас помощи за то, что спасли уже нескольких твоих сородичей от ножа волшебника? Как мне тебя найти?

Сатир снял с шеи маленькую костяную дудочку, висевшую на виноградной плети.

— Идти в лес и дуть, — сказал он, приложил дудочку к губам и подул.

— Но я ничего не слышу, — сказал Конан.

— Я знаю, — ответил сатир, — но мы слышать. Бери.

Конан с интересом рассматривал подарок, такой крошечный в огромной лапе варвара. Товарищи же его хмурились, считая про себя, что киммериец попусту теряет время. Конан убрал игрушку в карман и с серьезным видом произнес:

— Благодарю тебя, мой маленький друг. — Потом он подозвал оруженосцев и оказавшегося поблизости часового: — Проводите его к ближнему лесу да смотрите, чтобы кто-нибудь из наших суеверных соратников не принял его за злого демона и не причинил ему вреда. Прощай, Гола.

Когда сатир ушел, Конан обернулся к товарищам:

— Нумитор встал лагерем недалеко от Зуба и только и ждет, чтобы мы попытались подняться. Что скажете на это?

Просперо пожал плечами:

— По-моему, он больше надеется на «большого колдуна», королевского мага, чем на себя.

Троцero покачал головой:

— А по-моему, он нарочно встал в стороне, чтобы дать нам подняться и сражаться честно, на равных. Он настоящий дворянин и ведет войну по законам чести.

— Но он же знает, что мы превосходим его числом, — с сомнением в голосе произнес Публий.

— Ну и что, — не сдавался Троцero. — Зато аквилонцы лучше обучены, и наша толпа не стоит и половины королевских солдат. Нумитор наверняка рассчитывает на вычку...

Спор длился долго и безрезультатно. Когда сумеречный свет превратился в густой мрак, Конан со стуком поставил на стол свой кубок:

— Мы не можем вечно сидеть и гадать, что у Нумитора на уме. Мы готовы к встрече. Завтра попробуем подняться.

Глава 10

КРОВЬ САТИРОВ

Герцог Нумитор бродил по лагерю. В походной кухне догорал огонь, солдаты готовились ко сну. На небе зажглась молодая луна, и звезды медленно проплывали по темному, почти черному, своду к западу, словно алмазы на платье танцовщицы. На западе сумеречную полосу света рассекала громада похожих на крылья летучей мыши гор.

Герцог проверил посты и направился к краю плато, где стоял шатер Зуландры Тху. Чуть подальше вперед начались откосы. Сразу за лагерем темнел густой лес. Слева чернела пропасть Зуба Великана.

Ни единого звука не доносилось из глубокого ущелья, но что-то тревожило герцога, хотя он и сам никак не мог понять причины беспокойства.

Герцог уже довольно далеко отошел от лагеря, когда вдруг заметил отблеск небольшого костра. Он заторопился на свет и вскоре увидел Зуландру. Колдун, в черной на-

кидке с капюшоном напоминавший мрачную птицу, склонился над костерком, возле которого стоял на коленях кхитаец и подбрасывал ветки в огонь. На огне стоял черный металлический треножник, к верхушке его на цепочке был подвешен небольшой медный котелок. Еще один, размером побольше, стоял поодаль в траве.

Когда Нумитор подошел поближе, колдун извлек из кожаного мешка хрустальный сосуд. Открыл, читая нараспев заклинание на непонятном языке, и вылил содержимое в котелок. Из котелка вырвалось громкое шипение и столб дыма, который переливался всеми цветами радуги. После чего Зуландра повернулся к герцогу, спокойно сказал ему «добрый вечер» и снова полез в мешок.

— Мастер Зуландра! — позвал Нумитор.

— Слушаю, мой господин, — отозвался колдун, продолжая шарить в мешке.

— Ты велел разбить лагерь подальше от ущелья. Я хотел бы знать почему. Если вдруг мятежники проскользнут мимо Зуба, они доберутся до нас прежде, чем мы сможем их обнаружить. Утром надо будет передвинуть лагерь прямо к выходу из ущелья, и тогда наши воины встретят врага во всеоружии.

Лицо колдуна под капюшоном скрывал лиловатый сумрак, и герцогу показалось, будто на него из темноты бездонной пещеры смотрят жадные глаза ночного зверя.

— О господин мой, — процедил Зуландра сквозь стиснутые зубы, — если твои солдаты завтра утром окажутся там, где мы стоим, демоны, которых я выпустил, погубят и их тоже. Последнее заклинание я произнесу ровно в полночь. Хиау предупредит тебя, когда будет нужно. — Чародей достал из мешка и высыпал в котелок какой-то порошок, помешал серебряным прутиком варево и сказал: — А теперь, господин мой, я должен просить тебя отойти в сторонку, мне пора начертить магический знак.

Хиау подал ему деревянный, украшенный искусной резьбой посох, на который днем колдун опирался, как на трость. Потом кхитаец подбросил в угасающее пламя новых веток, а Зуландра отошел и концом посоха сделал на земле несколько отметин. Потом он начертил круг, в поперечнике в десять шагов, и какие-то линии внутри круга. Не переставая бормотать заклинания, в каждом углу пентакля он

поставил магический знак. Герцог ничего не понимал, но у него и не было ни малейшего желания вникать в нечестивое таинство.

Зуландра выпрямился, встал у огня спиной к откосам. Нараспев на чужом языке произнес то ли молитву, то ли заклинание. Повернулся лицом к востоку, вновь повторил ее. И так четыре раза. Нумитор увидел, как звезды заслонили смутные и бесформенные тени. Воздух наполнился шорохом невидимых крыльев. Решив, что с него достаточно, герцог повернулся и отправился обратно в лагерь. Он приказал капитанам поднять людей за час до наступления полночи. Потом удалился в свой шатер.

Три часа спустя Хиау велел часовым разбудить герцога. По дороге к скале, где оставил Зуландру, он увидел колдуна, который вел туда же с десятков солдат. Каждый из них тащил на веревке связанного сатира. Маленькие пушистые человечки всхлипывали и пищали.

Хиау подбрасывал в огонь ветки, и волшебное варево весело булькало в бронзовом котелке. От котелка к небесам поднимались клубы разноцветного пара. По команде колдуна первый солдат сунул голову всхлипывавшего сатира прямо в большой котел, стоявший на траве в стороне от костра. Темнота как будто вздрогнула, словно от звука безмолвных барабанов — или это забились от ужаса сердца солдат? — и Зуландра хладнокровно перерезал сатиру глотку. Вновь по команде солдат ухватил за лодыжки жертвенного сатира и держал так, пока не стекла кровь. После чего бросил трупик с откоса во тьму.

Колдун подсыпал еще порошка в свое зловещее варево и пропел новое заклинание. Наконец он повернулся к следующему солдату и велел сделать все то же самое. У солдат подгибались колени от страха. Один из них пробормотал:

— Это колдовство дольше, чем коронация. Делал бы все сам.

Когда был убит последний сатир, на небе уже занималась заря. Под медным котелком на треноге дотлевали угли. Хиау по приказу чародея снял дымящуюся посудину и вылил содержимое в котел, наполненный кровью сатиров. Стоявшие рядом солдаты увидели — или подумали, что увидели, — как из него поднялись призрачные тени. Остальным показалось, что это просто пар.

Одновременно часовые, сторожившие выход из ущелья, услышали приближение большого отряда. Никто не разговаривал, но звяканье упряжи и топот множества ног далеко разносились в немом утреннем воздухе.

Голос Зуландры зазвенел от внутреннего напряжения:

— Господин мой! Герцог Нумитор! Уведи людей!

Герцог, очнувшись от ночной оторопи, гаркнул:

— Строиться! Быстро в лагерь!

Шум шагов становился все ближе. Колдун протянул к небесам руки и произнес слова заклинания. Хиау подал черпак, и Зуландра принялся лить свое варево в черноту ущелья, то и дело вскидывая вверх обе руки и выкрикивая что-то на никому не известном наречии.

Рассвело, и колдун увидел, как по каларийской дороге из лесу выехали два всадника. Галопом они подскакали к ущелью и долго внимательно вглядывались в нагроможденные скалы. После чего появился отряд легкой конницы, за ним — пехота с копьями наперевес.

Зуландра торопливо плеснул в пропасть варево и вновь поднял к небу жилистые свои руки.

Конан ехал впереди, то и дело оглядываясь. Разведчики не нашли и следа неприятеля ни в окрестных лесах, ни на скалах. Но Конан шкурой чувствовал ловушку. Конечно, герцог не великий полководец, но тут и дурак должен был догадаться, что ущелье легче всего защищать у выхода.

Нигде не было и намека на лагерь. Не может быть, чтобы герцог и впрямь решил сражаться на равных. Конан знал, как в этой стране дворяне привержены правилам чести, но весь его военный опыт говорил, что ни один военачальник не станет рисковать победой и жизнями своих солдат во имя принципа. Нет, здесь явно подстроена ловушка! Киммериец не любил подобные игры.

Один из разведчиков вернулся со странным донесением. У подножия скал слева от входа в ущелье он обнаружил множество мертвых сатиров, и у каждого перерезано горло. Тела их, разбитые и изуродованные, видимо, бросали сверху, с откосов.

— Все-таки колдовство, — прошептал Троцерио. — Значит, Нумитор притащил сюда с собой королевского любимца.

Двое разведчиков, двигавшихся впереди войска, достигли ущелья, пришпорили лошадей и скрылись за поворотом дороги, которая шла, повторяя изгибы извилистой речки Битаксы. Вскоре они вновь появились на скальном уступе и помахали рукой, давая понять, что и там все спокойно. Конан еще раз взгляделся в нагромождение камня. На миг ему показалось — или же померещилось, или это просто была игра теней? — будто что-то мелькнуло. Он повернулся, махнул капитану Моренусу, подавая знак, что дорога открыта.

Конан стоял у дороги у входа в ущелье. Всадники проходили мимо ряд за рядом, и сердце воина радостно встрепенулось при виде прекрасной выправки, давшей за долгие месяцы упражнений. И вдруг его гнедой заволновался, затанцевал, забил копытом. Конан потрепал его ладонью по шее, но тот не успокаивался. Поначалу киммериец подумал было, что конь тянется вслед за остальными, но чем больше он беспокоился, тем тревожней становилось на душе у его хозяина.

Вновь Конан пристально всмотрелся в откосы и, брякнув оружием, соскочил с гнедого. Не отпуская поводьев, закрыл глаза и прислушался. Чутье в очередной раз не подвело варвара. Сквозь толстую кожу подошв он ощутил легкое дрожание почвы. Не ту дрожь, какая отдается в земле, когда движется конница, но медленный, ровный, уверенный гул.

Больше Конан не колебался. Набрав полные легкие воздуха, он приложил ладони к губам и заорал что было мочи:

— Моренус, назад! Выходи из ущелья! Разворачивай лошадей! Назад!

В ущелье немедленно началась давка: солдаты пытались повернуть лошадей на узкой тропе. А наверху чародей выкрикнул последнее заклинание и, выйдя из пентакля, ударил по скале резным деревянным посохом.

Еле слышный ровный гул сотряс землю. Над головами попятившихся солдат закачались скалы. Огромные базальтовые глыбы медленно-медленно, будто сами собой, отламывались с вершины плато и летели вниз.

Конан сгреб поводья танцевавшего в смертельном ужасе гнедого. Словно птица, взлетел киммериец в седло и бросился поперек выходившей из лесу новой колонны конницы. Все произошло так быстро, что там еще никто ничего не понял.

— Назад! Назад! — проревел Конан, но голос его заглушил грохот обрушившихся камней. Капитан всадников тоже развернул свою лошадь, перекрывая дорогу. Но на дальнем конце колонны продолжали напирать. Началась свалка.

Зуб качался, трещал и скрипел. С ревом рассерженного божества гигантские глыбы летели в ущелье. Земля под ногами солдат ходила ходуном. Люди хватались друг за друга, чтобы устоять, но все же, звеня оружием, падали.

Отряд Конана в ужасе ринулся прочь и врезался в подошедшую сзади пехоту. Падали лошади, летели из седел всадники. Вопли раненых, ржание лошадей слились с грохотом обвала.

Ложе реки оказалось завалено камнями, и вода, пенясь, вышла из берегов. Солдаты бежали почти по колено в воде и молили богов сменить гнев на милость.

Наконец успокоив могучей рукой взбесившегося от ужаса скакуна, Конан подъехал к Моренусу.

— Сколько ты успел вывести оттуда? — спросил киммериец.

— Да почти всех. Человек десять только и остались, господин!

Конан взглянул на Зуб и выругался. Над ущельем висела здоровенная туча пыли, и ветер сносил ее в сторону. Когда пыль развеялась, Конан увидел, что ущелье стало шире, а склоны не столь крутыми. Все оно было засыпано камнями размером от гальки до внушительных, величиной с солдатский шатер, валунов. Время от времени по откосам проходила дрожь, сползал пласт породы, и все успокаивалось. Кто бы ни попал под этот обвал, был бы навсегда похоронен в ущелье.

Одна из скал слева от бывшего входа в ущелье странным образом уцелела. Наверху Конан различил две маленькие, одетые в черное фигурки. Одна воздевала, словно в молитве, руки к небесам.

— Если это не королевский волшебник Зуландра Тху, то я, в таком случае, вендийский слон, — раздался рядом хриплый бас.

Конан обернулся и увидел Громеля.

— Думаешь, он и вызвал землетрясение?

— Конечно. И если бы он подождал самую малость, мы вошли бы в ущелье и от нас уже мокрого места не

осталось бы. Из лука отсюда его не достанешь, хотя можно попробовать...

Лучник, стоявший неподалеку, услышал это и предложил:

— Попробуй из моего, господин.

Громель спешился, натянул тетиву, затаил дыхание и пустил стрелу. Стрела ударилась в камень, чуть-чуть не долетев до вершины. Маленькие фигурки исчезли.

— Хороший выстрел, — похвалил Конан. — Надо было взять с собой баллисты. А теперь позови сюда лекарей. Пусть помогут покалеченным воинам.

Конан мрачно созерцал откосы. Ох, как хотелось варвару ринуться наверх — велеть людям спешиться, обнажить оружие и, перебираясь от камня к камню, добраться до врага. Но опыт подсказывал: атака только принесет бессмысленные жертвы. Подъем будет слишком труден и долг, солдаты послужат удобными мишенями для лучников Нумитора, а оставшиеся в живых чересчур вымотаются, чтобы с ходу вступить в бой.

Киммериец огляделся и увидел своих:

— Э-гей! Троцери! Просперо! Моренус, пошли кого-нибудь за Публием и Паллантидом, они мне нужны. Эй, друзья! Ну, что дальше?

Граф подъехал поближе к завалу.

— Люди еще поднимутся, — сказал он, — если, конечно, Нумитор не поставил наверху лучников или если колдун не придумает еще что похлеще, а вот лошади — никогда.

— А нельзя расчистить дорогу? — спросил Просперо. Троцери кивнул головой:

— Можно. Если будет несколько тысяч рабочих и несколько месяцев срока. И золота побольше. Тогда я расчищу тебе что угодно.

— А у нас ни времени, ни денег, — подытожил Конан. — Значит, если нельзя пройти по ущелью, надо придумать какой-нибудь другой способ. Пусть люди отойдут отсюда на четверть лиги и встанут лагерем.

В лагере королевских войск чародей стоял перед разъяренным герцогом. Усталый, мгновенно постаревший, он с трудом опирался на плечо кхитайца. Скала, на которой он

колдовал, осталась целой, и обратно они вернулись по узенькому, образовавшемуся мосту.

— Ты болван, а не чародей, — бушевал герцог. — Раз уж взялся колдовать, так дождался бы, пока они войдут в ущелье. Тогда бы они там и остались. А так — отделались легким испугом!

— Молчи, если ничего не понял, — холодно ответил Зуландра Тху. — Я произнес последнее заклинание, когда увидел, как что-то — или кто-то — предупредило Конана об опасности и он развернул своих всадников. Еще чуть-чуть, и они все ушли бы целы и невредимы. Но по крайней мере ущелье заперто. Им придется идти либо на восток к Хорот, либо на запад к Алимане. А теперь прошу меня простить, ваша светлость, но колдовство истощило мои силы. Мне нужно отдохнуть.

— Никогда мне не нравились эти «чудотворцы», — проворчал герцог, когда колдун удалился.

В лесном лагере в тот же вечер Конан с товарищами склонился над картой.

— Чтобы обойти откосы, — сказал Конан, — придется вернуться назад к Педассе и пойти другой дорогой. Но это отнимет уйму времени.

— Была бы здесь хоть какая-нибудь щелка, — мечтательно проговорил Просперо, — мы прошли бы потихоньку лесом и напали на них врасплох.

Конан сдвинул брови:

— На карте никакой щелки нет. Но я никогда не доверял тем, кто эти карты рисует. Хорошо, если у них реки текут в том же направлении, что и на самом деле. А ты, Троцери, не знаешь здесь больше никакой тропинки?

Троцери покачал головой:

— Нет.

— Но должны же быть здесь какие-то ручейки, которые впадают в Битаксу!

Троцери беспомощно пожал плечами.

Вошел Паллантис со словами:

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, господин, но у Сердикса двое уже сбежали.

Конан буркнул в ответ:

— Что ж, когда мы побеждаем, люди бегут к нам. Когда проигрываем — от нас. Это уж как повезет. Отправь за ними всадников — пусть повесят, если найдут. Но не превращают в публичную казнь. Собери всех, кто знает лес, и на рассвете отправляйтесь искать дорогу. А теперь, друзья, оставьте меня, мне надо подумать.

Из-под лежанки Конан извлек флягу с элем и снова склонился над картой. Нечаянно он дотронулся до обси-диана, некогда украшавшего прекрасную грудь Альцины.

Задумавшись, Конан смотрел на черный полумесяц. И мало-помалу все части головоломки совпали.

Альцину к нему подослал либо начальник секретной службы, либо колдун — подослали, чтобы убить. Следующей ее жертвой стал старый Прокас. Почему именно Прокас? Да потому, что со смертью Конана исчезал самый опасный враг Аквилонии, и сумасшедшего ее короля не от кого было бы защищать. И значит, ни Альцина, ни ее хозяин к моменту убийства Прокаса не знали о том, что Конан жив.

Не без горечи Конан подумал, что впредь нужно поосторожней выбирать себе подружек. Но почему Прокас? Не потому ли, что он стоял на пути у хозяина танцовщицы? И тут киммериец наконец понял, кому служила красotka. Конечно же колдуну! Ибо соперничество чародея и старого полководца за влияние при дворе было известно всему свету.

При этой мысли Конан зажал черный талисман в ладони, и вдруг его охватило странное чувство. Ему показалось, что в голове у него зазвучали чьи-то голоса.

Он закрыл глаза, замелькали бесформенные тени. Конан хотел было схватиться за меч, но видение обрело черты, и он увидел женщину, восседавшую на черном железном троне. Она была расплывчатой, полупрозрачной, и киммериец никак не мог рассмотреть черты, как вдруг увидел горящие странным светом изумрудно-зеленые глаза.

Весь напрягшись, киммериец даже подался вперед, стараясь различить голоса. Один был женский. Когда он звучал, Конан видел, как шевелятся губы видения. Другой был незнакомый. Он отвечал Альцине.

Сухой, металлический и бесстрастный голос вещал по-аквилонски с легким чужеземным акцентом. Прежде, еще при дворе, Конан видел мага в тронном зале не раз, но ему никогда не доводилось слышать его голос. И все же он догадался, что собеседник Альцины именно Зуландра. Голос продолжал:

— ...Я не знаю, кто меня предал, но кто-то должен был предупредить варвара.

Альцина сказала в ответ:

— Это вовсе не обязательно, хозяин. Чутье у этой свиньи тоньше, чем у лесного зверя. Он мог и сам почувствовать надвигающуюся опасность по дрожанию воздуха или земли. Что еще скажешь?

— Мне придется нянчиться с этим болваном Нумитором, пока не подойдет граф Раманский. Звезды говорят, что он будет здесь через три дня. А я устал. Вызывать духов земли тяжелая работа. И пока я не приду в себя, я не могу колдовать.

— Тогда, прошу тебя, возвращайся! — воскликнула призрачная Альцина. — Все равно мятежникам не подняться наверх за три дня. А мне нужна твоя защита и поддержка.

— Защита? От кого?

— Его чертово величество не оставляет меня в покое. Мне страшно.

— Что понадобилось от тебя этому мешку с экскрементами?

— Ему нужна я, хозяин. Конечно, мне приходилось, подчиняясь твоей воле, отдаваться кому попало, но только не этому! Этому я не могу.

— Сэт и Кали! — воскликнул сухой злобный голос. — Когда я покончу с этим коронованным мерзавцем, он сам у меня попросится в преисподнюю! Утром же я отправлюсь в Тарантию!

— Будь осторожен. Не попадись мятежникам в руки! На Королевской дороге появились какие-то банды. А варвар вполне может совершить дерзкий налет...

В ответ раздался сухой смешок:

— Не бойся за меня, прекрасная Альцина. Я и в теперешнем состоянии уничтожу любого, кто посмеет ко мне приблизиться. А теперь — прощай!

Голос стих, и видение исчезло. Конан затряс головой, словно очнувшись от сна. Если завтра Зуландра уедет, а

до прибытия графа Раманского не меньше трех дней, у мятежников есть надежда разбить Нумитора наголову... если, конечно, они смогут подняться.

Конан вышел из шатра вдохнуть свежего воздуха. Телохранители, которых ему приставил Просперо, так увлеклись какой-то игрой, что ни один не заметил, как легко, будто тень, киммериец проскользнул мимо.

Внешняя охрана, привычная к его ночным прогулкам, решила, что предводитель отправился проверять посты. Они отдали честь, а потом долго смотрели, как варвар миновал границу лагеря и вошел в лес. Киммериец с ехидством подумал, что Просперо, узнав о том, как командующий снова удрал от телохранителей, просто полезет на стену.

Конан достал из кармана подарок Голы и повертел в пальцах. Сатир говорил, что, когда понадобится помощь лесных человечков, надо подуть в дудочку. Так он и сделал — приложил к губам и дунул. Ничего не произошло. Нетерпеливо Конан дунул еще раз.

Может, после землетрясения сатиры ушли из леса? А может, слышат, но издалека, и нужно подождать немного. Конан ждал, в нетерпении похлопывая себя по ноге, прислушиваясь к жужжанию ночных насекомых и шелесту ветерка. Время от времени он подносил к губам немую дудочку.

Наконец он различил в кустах какое-то движение.

— Кто тут играть лесная дудочка? — спросил на ломаном аквилонском тоненький голосок.

— Гола? — вместо ответа сказал Конан.

— Нет, я Чудик, хозяин. А ты кто? — Кусты раздвинулись.

— Я Конан-киммериец. Ты знаешь Голу? — Теперь, когда глаза свыклись с темнотой, Конан различил старого, согнутого годами сатира.

— Да, — ответил сатир. — Гола говорить про тебя. Спас его и еще четыре. Что ты хочешь?

— Чтобы убить колдуна наверху, мне нужна ваша помощь.

— Как Чудик помочь большой человек?

— Ущелье завалено. Ты знаешь другую дорогу?

В тишине звенела ночная мошкара. Потом медленно сатир сказал:

— Есть маленькая дорога. Вон там, — и показал на восток.

— Далеко?

Сатир забормотал что-то по-своему, и голос у него стал похож на воронье карканье.

Киммериец озадаченно спросил:

— Для нас это день пути или больше?

— Быстро идти, тогда день.

— Ты покажешь дорогу?

— Хорошо. Если до солнца.

Через некоторое время Конан нашел Публия.

— Мы уйдем по тропе сатиров затемно, — сказал он. — Фургонам там не пройти. Бери обоз и двигай назад к Педассе, а оттуда прямо на Хорот. Если мы разобьем Нумитора, встретимся на тарантийской дороге, если нет... останешься один.

Второе ущелье оказалось намного уже. С плато его не было видно из-за деревьев и нависавших скал. Всадники медленно двигались вверх вдоль звонко журчавшего ручейка. То и дело какая-нибудь лошадь, испугавшись все тесней надвигавшихся базальтовых стен, с тонким ржанием пятилась назад, дико вращая глазами.

Даже шедшие сзади гуськом пехотинцы временами задевали камень плечами. Ночью, когда стало совсем уж темно и страшно, Конан приказал держать друг друга за ремни. Так и шли всю ночь. Утром подъем одолел последний солдат.

Пока армия отдыхала, Конан отправил разведчиков уточнить расположение частей Нумитора. Они отсутствовали недолго.

— Лагерь стоит в нескольких лигах отсюда, в лесу у дороги.

Конан вопросительно посмотрел на своих капитанов.

— Не понимаю, — сказал Паллантид. — Нумитор, хоть и не слишком умен, трусом до сих пор не был.

— Скорее всего, — вставил Троцери, — он узнал, что мы нашли другую дорогу, и испугался, как бы мы не сбросили его вниз.

— Его колдун предупредил, — предположил Просперо.

— Но это не все, господин, — продолжал разведчик, обращаясь к киммерийцу. — К ним подошли четыре когорты пехоты. Мы узнали знамена.

Конан кивнул:

— Значит, он снял из Вестермарка весь легион и границу теперь там защищают только местные волонтеры. Опять мы проигрываем в числе. К тому же пограничные войска неплохо дерутся. Я отлично их помню. — Он помолчал. Потом спросил, обращаясь сразу ко всем: — Помните, Гола говорил что-то о том, что против врага у них есть свирели? Что бы это значило, как по-вашему?

Никто не знал. Тогда Конан сказал:

— Что ж, придется еще раз позвать сатира.

Когда наступили сумерки, Конан отправился вниз по узкой тропе. Он стоял один в глубине Броселлианской чащобы. Вновь и вновь прикладывал он к губам костяную дудочку и наконец услышал шаги. Перед ним вновь появился седой сатир. В ответ на вопрос киммерийца Чудик сказал:

— Да, свирели иметь. Вели солдат твой затыкать уши.

— Заткнуть уши? — недоуменно переспросил Конан.

— Да. Пчелиный воск, глина. Тогда мы помогать.

Пограничные части герцога Нумитора встали полукругом у тарантийской дороги. Герцог, похоже, решил занять оборонительные позиции до прихода Ульрика Раманского. Солдаты его уже начали возводить земляной вал.

Армия Конана незаметно, скрываясь в подлеске, широкой цепью приблизилась к лагерю. Но вдруг один из часовых заметил движение среди кустов и поднял тревогу. Люди побросали лопаты, схватились за оружие и выстроились.

Конан махнул рукой оруженосцам, те передали команду лучникам, и тотчас зазвенели тетивы и запели стрелы. Но никто из солдат киммерийца этого не услышал.

А до слуха легионеров долетел вдруг странный, тревожный, неизвестно откуда взявшийся звук. Словно кто-то неведомый играл на свирели. От этого звука начинали ныть зубы, а в душе поднимался непостижимый, беспричинный ужас. Солдаты бросали оружие, зажимая уши руками. Одни хохотали, другие плакали.

Звук приблизился, и поднявшееся желание бежать перебило годы военной выучки. Один за другим легионеры бросались прочь, подальше от этого страшного места, и вскоре от ровного строя не осталось и воспоминания. Легион превратился в толпу испуганных насмерть людей. Конница Троцера настигала бегущих, многих брали в плен.

— Ну что ж, — сказал Конан, глядя на опустошенный лагерь. — Разбить неприятеля не разбили, зато оружия у нас теперь хоть отбавляй. Можно опять принимать наемников.

— Легкая оказалась победа, — сказал Просперо.

— Чересчур, — хмуро отозвался Конан. — А слишком легкая победа обманчива, как улыбка придворного. Так что я скажу, что дорога на Тарантию открыта, только когда увижу городские стены.

Глава 11

КЛЮЧ ОТ ГОРОДА

Беспрепятственно прошла Освободительная армия мимо роскошных пастбищ, где паслись прекрасные лошади, мимо высоких замков, на зубчатых башнях которых реяли пунцовые и золотые знамена. Перешла зеленые невысокие горы и наконец подошла к границе Пуантена и срединного графства.

Но взгляд Конана был невесел. Пограничные части герцога Нумитора развеялись подобно осенним листьям, но теперь новый враг косил войско. И от этого врага не было никакой защиты. Это была болезнь. Люди покрывались красными пятнами и падали в лихорадке. Многих пришлось оставить по дороге в деревнях, многие в страхе перед заразой бежали, многие умерли.

— Сколько же нас осталось? — спросил Конан у Публия вечером, когда они вошли в деревушку под названием Элимия.

Бывший королевский казначей достал свои восковые таблички, после чего сказал:

— Около восьми тысяч, считая легкобольных, которых около тысячи.

— Кром! Когда мы перешли Алиману, нас было десять тысяч, десятки сотен пристали к нам по дороге. Что же это такое!

— Кто-то пришел к нам, думал, здесь пряниками кормят. А потом отошел от дома лиг на десять, попотел как следует, да и вернулся, — отозвался Троцero. — Такие начинают тосковать, да к тому же сейчас пора жатвы.

— А скольких свалила болезнь! — добавил Декситус. — Врачи перепробовали уже каждую травку — ничего не помогает. Просто колдовство какое-то. Что за злая судьба нас преследует!

У Конана готово было сорваться едкое словечко, но он прикусил язык. После землетрясения он предпочитал больше не спорить о могуществе магов и колдунов.

— Если бы мы заставили сатиров пойти с нами, — вставил Просперо, — численность наша не имела бы никакого значения.

— Но им же нельзя оставлять Броселлианский лес, — сказал Конан.

— Если бы ты взял в заложники старого Чудика, они бы постарались.

— А вот это уже подлость! Чудик доказал свою дружбу. И я не позволю, чтобы с ним так обошлись, — грозно рявкнул Конан.

Троцero примирительно улыбнулся и пошутил:

— Не ты ли не так давно подсмеивался над герцогом за чрезмерную приверженность идеалам благородства?

Конан хмыкнул.

— Дикарей, — сказал он, — мало беспокоит судьба своих предводителей. Я среди них жил и знаю. Но даже если бы они и впрямь любили старика, сомневаюсь, чтобы эта любовь смогла выгнать их из леса на открытое пространство. И хватит о них. Лучше скажи, что говорят разведчики о приближении Ульрика.

— Ничего, — сказал Троцero. — Правда, сегодня они заметили вдалеке нескольких всадников — неслись галопом и быстро исчезли. Не знаю, кто это был. Но скорее всего, северным баронам все-таки удалось задержать графа.

— Завтра я возьму отряд Гирто, и проверим — пройдем вдоль границы, а потом к Элимии.

— Ну нет, — возразил Просперо. — Ты же командующий. Командующий не должен подставлять себя под стрелы. Командующий должен находиться сзади, всеми руководить, а не рисковать жизнью подобно безродному наемнику.

Конан нахмурился.

— Если я еще здесь командую, — сказал он, — позволю мне делать все так, как я считаю нужным. — Но, увидев вытянувшееся лицо товарища, улыбнулся и хлопнул его по плечу: — Не бойся, я не собираюсь рисковать. Хотя иногда даже главнокомандующий армии должен разделять опасности, которые ежеминутно подстерегают его солдат. Кроме того, ты что, забыл, я ведь и есть безродный наемник?

Просперо обиженно проворчал:

— А по-моему, ты просто никак не хочешь отказаться от своей варварской страстишки подраться на кулачках.

Конан в ответ только улыбнулся, показав широкий волчий оскал, и ничего не сказал.

Конан двинулся в путь на следующее утро. Дорога лежала перед ним словно золотистая лента. Ехал он во главе отряда, поблескивая кольчужной рубахой, а рядом покачивался в седле капитан Гирто. Солдаты гордо озирали окрестности, и у каждого к ноге было пристегнуто длинное копьё.

Селяне работали в полях и на виноградниках, при приближении воинов оставляли работу и, оперевшись о грабли или мотыгу, смотрели, как проезжают солдаты. Раза два повстанцам приветливо помахали рукой, но в основном — стояли молча и неподвижно.

— Ждут, кто выиграет, — сказал Гирто.

— И правильно делают, — ответил Конан. — Если мы проиграем, тем, кто поддерживает нас, несдобровать.

Поднявшись на следующий холм, они увидели прижавшуюся к земле в просторной долине деревушку Элимию. Среди сложенных из необожженного кирпича домов вилась маленькая речушка, лениво струившая свои воды на восток к Хорот. По берегам ее любовались своим отражением плакучие ивы.

Деревня, где жило не меньше двух сотен душ, явно нуждалась в защите. Обитатели ее до того разбаловались за несколько десятилетий мирной жизни, что совершенно

запустили наружный вал — тоже из такого же кирпича, — который почти совсем обвалился. Самих жителей нигде не было видно.

— Что-то слишком тихо, — пробормотал Конан, вглядываясь. — В такой погожий денек кто-то должен же быть на улице.

— Может быть, спят после обеда, — предположил Гирто. — Или, наоборот, все, кроме младенцев и дряхлых стариков, работают в поле.

— Все до единого? — проворчал Конан. — Не нравится мне это.

Двое солдат спустились с холма по пологому склону и исчезли в кривой, узкой улочке. Вскоре они появились вновь, жестами показывая на скаку, что все тихо.

— Надо самому посмотреть, что там такое, — буркнул Конан.

Гирто сделал солдатам знак, и сотня двинулась вслед за Конаном.

Солнце походило уже на огромный оранжевый диск, медленно катившийся к западу, и в его радостных, ярких лучах черные немые дома казались особенно зловещими. Солдаты ехали и смотрели вокруг с нарастающим изумлением: нигде никого не было.

— А может быть, — продолжал строить предположения капитан, — жители узнали, что к ним подходят сразу две армии, и сбежали, не желая попасть между молотом и наковальней.

Конан только пожал плечами и поправил ременные ножны, чтобы меч ходил посвободней. По обе стороны улицы почти вросли в землю невысокие домики с крытыми соломой крышами. Дверь одного из них стояла открытой, и внутри виден был прилавок. Крашеная доска над дверью сообщала, что здесь пивная лавка. Назвать свое заведение постоянным двором хозяин, видно, не решился. В конце этой короткой улочки, чуть в глубине, стояло похожее на сарай здание. Судя по всему, это была кузница. Но внутри стояла мертвая тишина — ни стука молота, ни звона металла. У Конана — он и сам не назвал бы причины — волосы встали дыбом.

Конан приподнялся в седле, оглядываясь назад, как раз в тот момент, когда последняя пара солдат въезжала в

деревню. Улица была настолько узкой, что, двигаясь в ряд по двое, лошади задевали боками стены домов.

— Отличное место для засады, — сказал Конан. — Скомандуй, чтобы они поторапливались.

Гирто махнул трубачу. Но в ту же секунду все двери одновременно распахнулись, и на улицу с громким кличем выскочили королевские солдаты. Они с двух сторон атаковали мятежников. Мечи их давно жаждали крови.

Впереди, перекрыв дорогу, встал тройной ряд копейщиков с длинными острыми копьями наперевес. Медленно они подвигались к Конану, и в глазах у них было желание драться до последнего.

— Кром! — взревел Конан и выхватил меч. — Мы в западне! Вели людям разворачиваться.

Шум сражения становился все громче: яростные крики людей, неистовое ржание, звон клинка о клинок, стук мечей о щиты и глухой стук падающих тел. Все преимущества были на стороне неприятеля. Застигнутые врасплох в тесной улочке, солдаты Конана не могли даже как следует развернуться.

Мятежники, подстегиваемые яростью отчаяния, отбивались копьями как могли. Кое-кто, бросив копье, хватался за меч. Люди ругались, посылая проклятия каждый своим богам. Раненые лошади вставали на дыбы с визгом, каким черти визжат в аду. Одной пропороли брюхо, и она упала, лягая воздух, едва не раздавив седока, на которого тотчас набросились со всех сторон, и он дрался, пока не лег рядом со своей гнедой.

Еще одного выбили из седла ударом древка, и его затоптали копытами. Третий тоже упал, но тотчас прижался к стене и отбивал все удары сверкающей сталью меча.

Мечи и копья мятежников уложили уже не одного солдата Ульрика Раманского. Дорожная пыль была залита кровью, и на земле стонали умирающие.

Конан рычал, как лев, пробиваясь назад, протискиваясь между крупами лошадей и стенами. Огромный меч взлетал и опускался без усталости, и с каждым взмахом падал новый солдат. Трижды у противников киммерийца отлетали руки, и кровь фонтаном била из чудовищных ран. Конан, не переставая, орал:

— Назад! Назад! Разворачивайтесь! Прочь из деревни! На дорогу!

Но каким бы мощным ни был его голос, он тонул в общем шуме схватки. Понемногу солдатам его все же удалось развернуться, и они стали прорываться к южному выходу. Рядом с Конаном капитан Гирто вместе с несколькими старыми солдатами сдерживал натиск копейщиков. Насмерть перепуганные лошади отступали перед оцетинившейся цепью. Если падал один, на место его сзади вставал другой. И как бы ни дралась горстка храбрецов, им не под силу было остановить эту стальную волну. Тут упал еще один легионер.

Лошадь Конана ступила на распростершееся тело, и киммериец, натянув повод, поднял ее на дыбы, чтобы она не подвернула ногу. Одновременно другой рукой он отбил тяжелый удар меченосца, который успел подставить щит, но не устоял и рухнул на колени, схватившись за сломанную руку, по лицу его потекли слезы.

Конан окинул взглядом улочку, где за спинами легионеров уже почти не видел сражающихся бойцов своей сотни. На земле валялись окровавленные человеческие и конские трупы, а королевские воины, словно ищейки, выискивали недобитых мятежников, все ближе и ближе подбираясь к оставшимся в живых трем всадникам, среди которых был тот, ради кого и задумывалась вся эта хитроумная ловушка.

Конан повернул голову вправо и вдруг заметил между двумя полуразвалившимися домишками узкий проход, заросший сорной травой.

— Гирто! — заревел киммериец. — Сюда! Ко мне!

Помедлив ровно столько, сколько было нужно, чтобы убедиться, что его слышали, Конан рывком устремил лошадь в этот проход. Мгновенно они оказались в тени, и враги не сразу заметили их исчезновение.

Получив неожиданную передышку, Конан бросил поводья и предоставил измученной лошади бежать куда ей вздумается. Как вдруг, несмотря на сгустившиеся сумерки, он заметил свинарник, где вместо ворот была обыкновенная широкая доска, накрепко привязанная веревкой к ограде. Конан взмахнул окровавленным мечом, и доска упала.

Гирто с товарищем в изумлении переглянулись, решив, уж не тронулся ли их предводитель в жестокой схватке умом. Но, следуя молчаливому жесту, двинулись за ним.

Из-за дома вырвалась целая толпа вражеских пехотинцев и устремилась в погоню.

Гирто закричал:

— Быстрей, Конан! Нас обнаружили!

Конан пригнулся к шее лошади, касаясь щекой жесткой гривы. В конце проулка оказался в темноте едва видный высокий забор.

Лошадь под Конаном сделала могучий скачок и перемахнула через препятствие. Потом приятель Гирто, Сардий. А вот самому Гирто не повезло: его лошадь слишком устала и, зацепившись за жердь, сломала шею.

Гирто вылетел из седла, но мгновенно вскочил и схватил меч, готовый дорого отдать свою жизнь. Тут как раз появились и всадники, в мгновение ока догнавшие пеших копейщиков. Но неожиданно лошади их затанцевали, тесня пехотинцев к стенам.

Гирто в изумлении смотрел на свое чудесное избавление. «Неужто опять магия?» — пробормотал он про себя.

Но он быстро понял, в чем дело. Здоровенная хавронья с двадцатью поросятами ринулась под ноги лошадям, распространяя ужасное зловоние. Они выбрались из загородки и направились к овощным грядкам.

Через забор он услышал голос Конана:

— Быстро перелезай, приятель!

Гирто без рассуждения полез через забор и перевалил на другую сторону как раз вовремя.

— Держись за седло! — гаркнул Конан.

Гирто ухватился за ременную подпругу и гигантскими прыжками понесся рядом с лошастью. Рысью они перемахнули через поле, оставив преследователей позади.

Когда деревенские дома превратились в маленькие темные пятнышки, Конан остановился и сказал, глядя на лежащие в гаснущем свете холмы:

— Колонну мы успеем догнать. Но сначала я хочу знать, откуда взялись враги. Надо подняться на холм.

С высоты холма Конан долго вглядывался в даль. К северу от деревни он заметил светлые пятна шатров. Лагерь стоял за невысоким пригорком и поэтому не был виден из долины. Сосчитав ярко пылавшие костры походных кухонь, Конан сказал:

— Ну что, вот и армия Ульрика. Как ты думаешь, Гирто, сколько их?

Гирто тоже прикинул на глаз:

— Судя по числу костров и размерам стоянки, когорт двадцать, не меньше. Что скажешь, Сардий?

— Не меньше двадцати тысяч, мой господин, — ответил старый воин. — А что там за флаг болтается справа?

Конан сощурил свои зоркие, как у кошки, глаза и впился в темноту.

— Будь я проклят, если это не стяг Черных Драконов! — воскликнул он.

— Королевских гвардейцев? — изумился Гирто. — Это невозможно, разве что сам король явился сюда вместе с Ульриком!

— Непохоже, чтобы он был здесь: королевского флага что-то не видно, — буркнул себе под нос киммериец. — Что ж, пора догонять своих. До лагеря неблизко.

Сардий сел на лошадь позади своего капитана, и троица, обогнув осторожно деревню, где теперь лежали их товарищи, выбралась наконец на дорогу. Возле ближней роции они увидели свою сотню, которая ждала командиров. Сотня стала меньше по крайней мере на треть, многие были ранены.

При виде Конана, Гирто и Сардия солдаты воспряли духом и встретили их громовым «ура».

— Благодарю, но поберегите глотки для победы, — крикнул Конан. — А мне надо было бы приказать проверить каждый дом, прежде чем соваться туда всем вместе. А вы, парни, задали им жару — долго будут помнить. А сейчас — в путь. Надо хоть к рассвету добраться до наших.

На следующее утро Конан подробно рассказал обо всем случившемся на совете.

Просперо присвистнул:

— Двадцать тысяч! В рукопашной они нас живьем сожрут!

Проглотив огромный кусок мяса, Конан прикрикнул:

— И в мыслях не держи такого! Что сказано, то и сбудется! Построй всех, кроме тех, кто вернулся из Элимии, — пусть начнут возводить укрепления. С таким превосходством в численности Ульрик может решиться на ночной бой. Если к ночи у нас не будет вала и рва, он прихлопнет нас здесь, как мух.

— А что такое с Черными Драконами? — воскликнул Троцеро. — Не может быть, чтобы король отослал свою гвардию, а сам остался без защиты!

Конан пожал плечами:

— Я говорю только о том, что видел. У кого еще есть черный флаг с крылатым драконом?

— Отправив гвардию сюда, король, конечно, стал уязвим. Но нам-то от этого легче, что ли? — сказал Паллантис.

— Если это и впрямь они, то как раз наоборот, — сказал Троцеро.

— Ну, друзья, за дело. Пора возводить укрепления, — произнес Конан. — Времени у нас нет.

Легкий утренний ветерок перелетел через высокий земляной вал и подул в усталые лица только что закончивших свои труды солдат. Чуть позже обозные отправились было за водой к речке, тут на пригорке появился отряд вражеской конницы. Двое, старик и совсем молоденький юноша, не успев добежать до укрепления, были убиты.

Сунувшийся в разведку отряд легкой конницы тоже пустился наутек. Преследователи гнали их до самых ворот. С воплями, визгами пронеслись они мимо, бросая дротики. Наспех выстроившиеся на валу лучники подстрелили пару лошадей, а солдат подхватили товарищи, и отряд умчался. Усталое войско Конана едва держалось на ногах после тяжелой работы и напряжения.

Вечером на совете Публий сказал:

— Я человек не военный, но, по-моему, надо удирать, пока Ульрик не вынудил нас сдаться или не взял измором. Сил на это у него хватит. Болезнь прошлась по нашим рядам, как серый призрак.

— А я вот что скажу, — стукнул по столу кулаком граф Троцеро. — Надо удержать эту позицию, пока не подойдут пуантенцы. Ульрик окружит нас, а мои люди — его.

— Накануне жатвы? — охладил его Публий. — Вряд ли ты даже тысячу селян наберешь. Да и как простолюдины, которые и оружия в руках не держали, кроме грабель разве что да топора, как они смогут сражаться с отборными войсками? Если бы мы были в лесу, нам опять помогли бы сатиры, а так!..

Просперо перебил:

— Ну да, а потом королевская гвардия догадалась бы залепить уши — и все. Я лично предпочел бы попытаться застать их сегодня ночью врасплох.

Паллантид покачал головой:

— Это можно только с хорошо обученными, опытными солдатами, а наши только перебьют друг друга в темноте.

Спор тянулся долго и безрезультатно. Конан сидел хмурым и почти ничего не говорил. Вдруг вошел часовой.

— Господин, — обратился солдат. — Прибыл капитан легионеров. С ним пятьдесят всадников. У них белый флаг. Капитан хочет поговорить с тобой.

— Пусть у него заберут оружие и ведут сюда, — сказал Конан, выпрямившись.

Через несколько минут полог вновь откинулся и в шатер вошел человек в доспехах. Поверх доспехов на нем была белая накидка с изображением черного аквилонского орла, а на шлеме — крылья дракона. Капитан сдержанно отдал честь.

— Кто из вас Конан? Я Сильванус, капитан Черных Драконов. Если мы тебе нужны, мы хотели бы перейти на твою сторону.

Конан, сощурившись, оглядел капитана с ног до головы. Капитан был высокий, отлично сложенный, светловолосый человек, — пожалуй, слишком молодой для столь высокого чина.

— Мы рады, капитан Сильванус, — наконец проговорил киммериец. — Благодарю тебя за доверие. Но прежде чем согласиться, мне хотелось бы узнать о тебе побольше.

— Разумеется, господин. Спрашивай.

— Во-первых, скажи, с какой стати вы решили к нам переметнуться? Положение наше незавидное, Ульрик превосходит нас числом не меньше чем вдвое, полководец он опытный. Так в чем же дело?

— Все очень просто, Конан. Мы посоветовались и решили рискнуть. Лучше погибнуть под знаменем восстания, чем жить спокойно при спятившем короле... хотя я не знаю, кому такая жизнь может показаться спокойной.

— Но почему именно сейчас?

— Да потому, что раньше у нас не было такой возможности. Мы прибыли только вчера, как раз перед вашей

стычкой с солдатами Ульрика. Если бы мы попробовали пробиться к тебе раньше, королевские войска не дали бы нам пройти и половину дороги.

Конан спросил:

— Скажи, Нумедидес отправил сюда всех Драконов?

— Да, с ним остались всего несколько старых гвардейцев.

— С чего этот пес решил вдруг обойтись без гвардейцев?

— А он провозгласил себя богом. Он думает, что он бессмертен. И раз он стал теперь неуязвим, ему ни к чему охрана. Кроме того, он окончательно решил разделаться с вами и поэтому отправляет к Ульрику всех, кто есть. Части Нумитора с восточной границы — тоже.

— А где Зуландра Тху?

Сильванус побледнел:

— На это имя слетаются демоны, Конан. С тех пор как Нумедидес спятил, страной правит колдун. Он не глуп, в отличие от короля, но жесток и жаден. Всем известно, сколько несчастных девочек замучил он ради своих нечестивых чар. — Капитан порывлся в кармане штанов и извлек оттуда миниатюрный портрет на алебастре в золоте и на золотой цепочке. На портрете была изображена девочка лет десяти. — Это моя дочь. Она умерла. Это он забрал ее. Если только боги допустят, я перегрызу колдуну глотку собственными зубами. — У капитана дрожал голос и руки.

Конан взглянул на портрет, и взгляд его зажегся такой яростью, что товарищи его невольно поежились. Он пустил портрет по кругу, чтобы все увидели, а потом вернул капитану.

— Нам нужны еще сведения об армии Ульрика. Сколько у него людей?

— Тысяч двадцать пять, не меньше.

— Откуда столько? Когда я служил на севере, армия была не в пример слабее.

— Герцог Нумитор присоединился к Ульрику. А потом из Тарантии пришел весь легион Драконов.

— А что случилось с самим герцогом?

— В отчаянии после разгрома он заколол себя кинжалом!

— Вот как! Ты уверен, что ему не помогли? — спросил Конан. — Про Амалиуса Прокаса тоже говорили, что он заколол себя, но я знаю, кто его убил на самом деле.

— Тут сомнения быть не может. Герцог убил себя при свидетелях.

— Жаль, — сказал Троцero. — Он был благороднее многих и слишком простодушен для кровавых гражданских смут.

Конан прервал его:

— Не об этом сейчас речь. Паллантид! Отведи капитана и его солдат в шатер, а потом возвращайся. Доброй ночи, капитан.

Публий, который все это время молчал, вдруг спросил:

— Одну минуту, капитан. Скажи, кто твой отец?

Капитан, откинувший было полог, остановился:

— Сильвий Макро, господин. А почему ты спросил?

— Мы были знакомы, когда я служил казначеем у короля. Спокойной ночи!

Когда капитан Сильванус удалился, Конан сказал:

— Ну, что скажете? Для разнообразия оно неплохо, что бегут к нам, а не от нас.

— Кажется, — сказал Просперо, — Зуландра замыслил новое убийство. Он ждет не дожидается, когда тебе всадят нож в спину.

— Не согласен, — возразил Троцero. — Этот Сильванус — честный молодой человек. Он совсем не похож ни на продажных наглецов Нумедидеса, ни на зачарованного слугу колдуна.

— Нельзя доверять внешности, — ответил на это Просперо. — Яблочко может быть красненьким, да полно червячков.

— Не позволите ли вставить словечко, — в тон ему сказал Публий. — Я знаю его отца. Это честный, весьма достойный горожанин. Надеюсь, он и сейчас здоровствует.

— Дети не всегда похожи на отцов, — мрачно упорствовал Просперо.

— Просперо, — остановил его Конан, — мне льстит такая забота о моей безопасности. Но человеку приходится рисковать, особенно на войне. Сколько ты меня ни пугай ножом в спину, но сейчас наша главная угроза — Ульрик. И если ничего не придумать, он покончит сразу с нами со всеми.

В шатре наступила тишина. Конан сидел, глядя в землю. Наконец он сказал:

— План у меня есть — план опасный. Но он не опасней того положения, в котором мы очутились сегодня. Тарантия осталась беззащитной, сумасшедший король играет в бессмертного бога. Отряд отчаянных смельчаков, одетых Драконами, может пройти во дворец...

— Конан! — вскричал Троцero. — Тебя вдохновили боги! Я сам поведу отряд.

— Нет, друг мой, ты нужен в Пуантене, — возразил Просперо. — Это я...

— Из вас не пойдет никто, — твердо сказал Конан. — После войны с Вилерусом в срединных провинциях пуантенцев не слишком любят.

— Тогда кто же? Паллантид? — спросил Троцero.

Конан тряхнул своей черной гривой, и взгляд его зажегся жарким огнем.

— Я либо сделаю это, либо погибну, — сказал он. — Отберем опытных солдат, попросим у капитана накидки и шлемы. Сам капитан Сильванус тоже отправится с нами, чтобы нас пропустили в город. Он наш ключ к городским воротам

Публий предостерегающе поднял руку:

— Погодите-ка, господа, погодите. План у Конана великолепный, и он наверняка сработал бы, если бы не одна деталь. В Тарантии ему придется иметь дело не только с дураком королем, но и с могущественным волшебником, который может двигать горами и вызывать духов земли и воздуха.

— Я не боюсь колдунов, — проворчал Конан. — Много раз мне приходилось биться с ними. Помню, один попался крепкий! Долго махал ручонками и бормотал заклинания. Только это не помогло.

— Как же тебе удалось выжить? — удивился Троцero.

— Я просто метнул в него свой меч.

— Не слишком рассчитывай, что такое пройдет дважды, — сказал Публий. — Сила у тебя, конечно, огромная, и чутье, какого больше ни у кого нет, но удача все-таки не всегда сопутствует даже героям.

— Когда мне суждено погибнуть, тогда я и погибну, — проворчал киммериец.

— Но не забудь, что и мы можем погибнуть с тобою вместе, — сказал Просперо. — Позволь мне послать кого-нибудь за Декситусом. Жрецу известно больше, чем нам.

Конан неохотно согласился.

Декситус выслушал Конана, сложив на коленях руки, и сказал:

— Публий прав, Конан. Нельзя недооценивать могущества Зуландры. Нам, жрецам, хорошо известно, насколько страшны темные, безымянные и бесформенные тени, которые существуют рядом с человеком.

— Откуда он только взялся на наши головы! — в досаде воскликнул Троцero. — Одни говорят — из Вендии, другие — из Стигии.

— Они ошибаются, — сказал на это Декситус. — Братья мои знают, он явился сюда из Лемурии — страны, которая лежит на островах далеко за Кхитайским морем. Острова эти — остатки древнего материка, давно исчезнувшего в океане. Чтобы противостоять волшебнику, владеющему древней магией, тебе, Конан, понадобится кое-что, кроме меча и доспехов.

Троцero спросил:

— Неужели же в нашем лагере нет какого-нибудь завалящегося чародея?

— Ну уж нет! — взревел Конан. — Эти штучки оставьте кому-нибудь другому — я не приму помощи колдуна!

Лицо Декситуса приняло скорбное выражение:

— Конан, может быть, ты и не отдаешь себе отчет, но ты очень огорчил меня.

— Каким образом? — удивился киммериец. — Я обязан тебе многим и не хотел бы расстраивать без причины. Перестань говорить загадками, дорогой мой друг.

— Ты сказал, что терпеть не можешь волшебников, что все они для тебя просто проходимцы, а ведь одного ты считаешь своим другом. Тебе нужна помощь, а ты даже и слышать о ней не хочешь. — Декситус замолчал было, но Конан знаком попросил его продолжать. — Знай же, что в дни моей юности я тоже начал изучать черную магию, хотя был не слишком хорошим учеником. Потом мне открылся свет Митры, и я оставил занятие с демонами и другими оккультными силами. Иначе меня

не приняли бы в жреческий орден. И потому, когда мы отправимся...

— Мы?! — нахмурившись, воскликнул Конан. — Колдун ты или не колдун, ты слишком стар, чтобы про скакать верхом больше ста лиг! Тебе не выдержать такого путешествия.

— Глупости. Я намного крепче, чем ты думаешь. Годы строгой жизни не прошли напрасно, а тебе я понадобится, парочку заклинаний я еще помню. Но когда мы отправимся туда, все узнают, что я занимался магией, и придется мне оставить храм. Печальный конец.

— Разве использование магии во имя победы непростительный грех? — сказал Конан.

— Для тебя — нет. Для жреца — да. К тому же мой орден относится к числу самых нетерпимых во всем, что касается колдовства. Но и выбора у меня тоже нет. Все, что я знаю и умею, я отдам на благо Аквилонии. — Жрец вздохнул, и во вздохе его слышны были слезы.

— Когда все закончится, — сказал Конан, — я попробую уговорить сделать для тебя исключение из этих суровых правил. А теперь, друг мой, пора собираться. Выезжаем через час.

— Сегодня?

— А когда же? Если пережить ночь, утром нас окружит Ульрик, и что тогда? Просперо, подбери мне людей из своей сотни. Да смотри, чтобы у каждого было по две лошади. Но все должно быть сделано тихо. О нашем отъезде никому не говорить. Так что, пока меня нет, занимайтесь укреплениями. Ну, прощайте!

Молодая луна осветила верхушки деревьев, когда отряд всадников потихоньку вышел из лагеря. Впереди в белой накидке и шлеме Дракона ехал Конан. Рядом с ним с одной стороны покачивался в седле капитан Сильванус, с другой — Декситус, жрец Митры, одетый теперь как они. Следом ехали пятьдесят солдат, и каждый вел в поводу запасную лошадь.

Сильванус помог обойти лагерь Ульрика, и, выехав вновь на тарантийскую дорогу, отряд пошел ровной рысью. Вскоре зашла луна, и темнота поглотила отчаянных храбрецов.

Солнце давно село. На безоблачном небе ярко сияла луна. В королевском дворце в Тарантии монарх завершил вечернюю трапезу в Малой столовой, и золотые блюда уже убрали. Кроме дегустатора, стоявшего возле королевского кресла, двух гвардейцев, карауливших у отделанных серебром дверей, и прислуживавших за столом лакеев, никого больше в Малой столовой за ужином не было.

В королевских покоях горели тысячи ламп и свечей. И столь праздничным было это освещение, что всякий, кто заглянул бы в этот час во дворец, решил бы, что либо идет коронация, либо торжественный прием в честь дружественного соседа.

Но дворец был необычайно пуст. Не слышно ни милой болтовни дам, ни шарканья ног высших сановников. Залы немые и безлюдны, если не считать нескольких стражников с серебряными пластинами на груди, в которых отражались горящие огни. Караульные — либо безусые юноши, либо седобородые старики: едва дворцовая гвардия отправилась воевать с мятежниками, министры немедленно заменили Драконов другой стражей.

Лампы и свечи горели ночь напролет, ибо король, вообразив себя богом-солнца, решил, что и ночью у него должно быть светло, как днем. И потому слуги бегали от лампы к лампе, проверяя, не закончилось ли в них масло, и с полными пригоршнями свечей снимали огарки в больших канделябрах.

Теперь, когда король окончательно потерял рассудок, придворные старались больше здесь не появляться. Первым, кто испросил позволения не бывать при дворе ежедневно, был канцлер Вибиус Латро, чьи кабинеты и жилые апартаменты располагались прямо во дворце. В один прекрасный день он отправил королю прошение об отпуске. Он написал, что чрезмерное усердие изрядно подкосило его здоровье и, если король не желает навсегда лишиться советов досточтимого канцлера, он должен отпустить того немедленно в загородное имение.

Когда король получил это прошение, он, только что запоров до смерти одну из своих младших жен, пребывал

в отличнейшем расположении духа и просьбу удовлетворил. Латро немедленно погрузил все свое семейство в кареты и отбыл якобы к себе, в северную провинцию. Но на первом же перекрестке приказал свернуть к восточной границе, и кареты понеслись в Немедию. Вскоре примеру канцлера последовали и другие сановники, а затем и простые дворцовые слуги.

В Малой тронной гостиной на полу лежал пестрый персидский ковер. Золотой узор оплетал рубиново-красный, сапфировый и аметистовый рисунок. На ковре стоял трон — поменьше того, что в Большом тронном зале, — довольно безвкусно изукрашенный львами, драконами, звездами и мечами. На спинке его гордо раскинул крылья аквилонский орел, отделанный драгоценными камнями.

Рядом с троном лежал на специально установленной лиловой подушечке серебряный скипетр — символ царственной власти — и стоял прислоненный к ней огромный двуручный Меч Властителя, рукоять и ножны которого тоже сплошь были усеяны рубинами, алмазами и сапфирами.

В гостиной в этот час было двое: король Нумедидес, с тонким золотым обручем на голове, в длинном пурпурном одеянии, заляпанном вином и жиром, и Альцина, в развевающемся шелковом платье цвета морской волны.

Они стояли по обе стороны от трона, держась за подлокотники.

Альцина шипела:

— Ах ты старый кобель! Да я лучше умру, чем позволю тебе коснуться себя. Где тебе за мной гоняться, старая, жирная, мерзкая дрянь! Поди найди себе какую-нибудь свинью. Она тебе больше подходит.

— Я же сказал, я не сделаю тебе ничего дурного, маленькая ты злючка! — проскрипел в ответ Нумедидес. — Но поймать тебя я все-таки поймаю. Никто не в состоянии противиться желаниям короля, почти бога! Ну-ка, иди сюда!

Нумедидес неожиданно метнулся вбок, явив неожиданное проворство, и, застигнутая врасплох, Альцина оказалась вдруг с ним лицом к лицу. Король двинулся на нее, широко растопырив руки, и красотке нечего было надеяться

проскользнуть в резные двери, которых в стене позади трона было две — и слева, и справа.

Рука Альцины метнулась к поясу и выхватила крошечный кинжальчик, острие которого было отравлено тем же самым ядом, что убил прославленного полководца.

— Предупреждаю тебя, назад! — вскричала она. — Один укол этого клинка — и ты покойник!

От неожиданности Нумедидес на шаг отступил.

— Вот же дурочка, — пробормотал он. — Ты что, не знаешь, что теперь меня нельзя убить?

— А вот это мы сейчас и проверим!

Король отступил еще на шаг к трону и схватил скипетр. Со скипетром в руках он вновь двинулся на дрожащую девушку. И когда Альцина замахнулась кинжалом, ударил ее по руке серебряной рукоятью. Кинжал отлетел на ковер, и Альцина с воплем ярости схватилась за ушибленную руку.

— Вот теперь, маленькая ты ведьма, мы посмотрим... — начал было король.

Но тут правая дверь распахнулась, и на пороге появился Зуландра, опирающийся на резной посох.

— Как ты попал сюда? — взревел от гнева Нумедидес. — Двери же заперты!

Голос темноголикого волшебника прозвучал в ответ как удар хлыста:

— Ваше Величество! Я же просил не трогать моих слуг!

Король разозлился окончательно:

— Я не трогал. Я играл. И кто ты такой, чтобы отчитывать бога! Кто правит здесь?

Чародей улыбнулся своей печальной, тонкой улыбкой:

— Ты король, но правишь не ты. А я.

Нумедидес зашелся в припадке ярости:

— Ах ты пакостный шарлатан! Прочь отсюда с моих глаз! Иначе я поражу тебя гневом молний...

— Успокойтесь, Ваше Величество! Я привез известие...

Королевский крик превратился в визг:

— Я сказал, прочь! Я тебе покажу...

Взгляд его упал на Меч. Король ухватился за двойную рукоять, вытащил гигантский клинок из роскошных ножен и двинулся на колдуна. Зуландра спокойно ожидал, когда король подойдет поближе.

Оглушительно взвизгнув, король обрушил тяжелый клинок на голову колдуна. Но тот, даже не переменявшись в лице, в последнюю секунду поднял свой резной посох. Меч зазвенел, словно ударившись о крепкую сталь, вырвался из рук Нумедидеса, вращаясь, взвился в воздух и упал прямо перед королевским носом, чиркнув монарха по щеке. Из пореза, длиной в палец, потекла кровь, запачкав его рыжеватую бороду.

Нумедидес схватился за щеку и тупо уставился на кровь:

— У меня идет кровь, как у простого смертного! Как это может быть?!

— Значит, вам еще рановато надевать мантию бессмертного божества, — сухо улыбнулся Зуландра.

Нумедидес едва не задохнулся от захлестнувшего его гнева:

— Слуги! Гвардейцы! Федо! Маниус! Где вы, черт вас всех поберит! Государя вашего убивают!

— К нему никто не придет, — спокойно произнесла Альцина. — Он сам сказал мне, что отослал отсюда всех слуг. Пусть вопит сколько душе угодно. — Она откинула со лба черную, будто ночная тьма, прядь ушибленной рукой.

— Где мои подданные? — вопил король. — Валерус! Прокас! Теспиус! Громель! Вольмант! Где придворные? Где Вибиус Латро? Неужели все покинули меня? Все предали меня, несмотря на то что я сделал для Аквилонии! — Тут покинутый монарх разрыдался.

— Как тебе, собственно, известно, — холодно проговорил колдун, — Прокас убит, Вибиус Латро уехал, Вольманта ты сам отправил помогать Ульрику, Громель переметнулся на сторону мятежников, остальные же — кто где. Так что прошу тебя, сядь и слушай. Я должен тебе кое-что сказать.

Нумедидес в своем заляпанном платье грузно опустился на трон. Из рукава он достал грязный, замызганный платок и вытер щеки, отчего ткань немедленно покраснела.

— До тех пор, пока ты не придешь в себя, — сказал Зуландра, — править страной буду я. Так будет лучше.

— Никогда ты не станешь королем, — буркнул в ответ монарх. — Ни один аквилонец тебя не признает. В тебе нет королевской крови, ты не аквилонец. Ты вообще не

хайбориец. И я уже начинаю думать, что ты и вовсе не человек. — Он замолчал и поднял глаза. — Ты и я ненавидим друг друга, но все же я тебе нужен. Не меньше, чем ты мне. Говори, что у тебя за новость! Надеюсь, ничего худого. Давай, колдун, не заставляй меня ждать!

— Если бы ты не болтал... Сегодня я разложил для нас гороскоп, и звезды говорят о смертельной опасности для нас обоих.

— Опасности? Это еще откуда?

— Не знаю, но так сказали звезды. Она не может исходить от войска. Я только что принял донесение Ульрика, и он пишет то, что я видел по звездам: он окружил мятежников недалеко от Элимии, и скоро они либо разбегутся в страхе перед огромной силой, либо будут уничтожены. Так что этого бояться не приходится.

— А не мог этот бес Конан прорваться мимо Ульрика?

— Увы, издалека я не в состоянии видеть каждого в отдельности. Но он изобретательный мерзавец. Когда он от тебя сбежал, я предупреждал, что ты его еще увидишь.

— Мне доложили, что недалеко от города появились банды изменников, — произнес король губами, дрожащими от страха.

— Это слухи, не более того. Хотя разве что в последние дни центральные провинции, в сущности, остались беззащитными.

— И что мы будем делать, если такой головорез вдруг переберется через стены? Что мы будем делать без Черных Драконов! Это ты сказал, что их надо отправить к Ульрику! — Голос монарха вновь задрожал от страха и ярости. — Я доверил эту войну тебе, потому что ты без конца твердил, какой ты умный. Но теперь-то я вижу, какой ты «полководец». Ты испортил все, что только можно. Ты говорил, что Прокаса надо послать в Аргос и тогда с мятежниками будет покончено раз и навсегда. Но этого не произошло. Мы только взбудоражили аргосийцев. Ты твердил, что варвар никогда не посмеет пересечь Алиману. И что же! Пограничного легиона уже нет! Не ты ли уверял, что Имировы Хребты станут последним их рубежом? Так где они теперь? Неужто одолели горы? В конце концов, чума, которую ты наслал...

— Ваше Величество, — под сводами дворца прозвенел молодой голос, — прошу, позвольте мне войти! Это очень срочно!

— А! Один из моих пажей! Я узнал голос. — Нумедидес поднялся с трона и отпер все еще закрытую левую дверь. Едва ключ повернулся в замке, паж так и ввалился внутрь, задыхаясь от волнения и спешки:

— Ваше Величество! Мятежник Конан-киммериец захватил дворец!

— Конан! — вскричал король. — Как это случилось? Говори!

— Сначала у дворцовых ворот появился отряд Драконов — вернее, людей, переодетых гвардейцами. Они сказали, что у них срочное донесение от графа Раманского. Стражники, ничего не подозревая, впустили их внутрь, а я, когда увидел внизу киммерийца, я сразу узнал его по шраму. Я видел его, когда он вернулся из Вестермарка, и сразу побежал предупредить моего короля.

— Ты хочешь сказать, что он явился сюда один с горсткой этих наглецов? — Король побелел от бешенства. Он повернулся в сторону колдуна: — Что ж, самое время показать мне, на что ты способен. Ты должен их заколдовать.

Но колдун и так уже чертил в воздухе своим резным деревянным посохом, произнося при этом слова заклинания на чужом, неведомом языке. И с каждым словом все вокруг чудесным образом менялось. Свечи потускнели, словно их заслонило едким дымом или же испарениями ядовитых болот. Становилось темней и темней, пока Тронная гостиная не оказалась больше похожей на темницу, запертую в скале.

Король закричал в ужасе:

— Ты наслал на меня слепоту!

— Успокойтесь, Ваше Величество. Я просто наложил заклятие, эта тьма нас укроет. Если мы закроем двери и не будем говорить громко, мятежники нас не заметят.

Паж на ощупь добрался до дверей и повернул ключ в левой двери. Алыцина, крадучись, как пантера, закрыла правую дверь. Король проскользнул к трону и сел, не говоря больше ни слова, слишком напуганный, чтобы еще что-то говорить. Алыцина вернулась на середину зала и

уселась прямо на ковре возле ног своего повелителя. А бедный паж, не понимая ни кто где, ни что делать, устроился возле стены рядом с дверью, мечтая в душе оказаться дома в скромном своем жилище далеко от дворца. В тишине, кроме тревожного биения четырех сердец, не раздавалось больше ни звука.

Неожиданно дверь, возле которой присел на корточки юный паж, распахнулась, и прозвучало заклинание на древнем языке. Тьма стала редеть и вскоре исчезла, вновь — даже в самом укромном уголке — засияли свечи.

В распахнувшихся дверях возвышался киммериец с окровавленным мечом в руке. Рядом с ним стоял одетый в мундир гвардейца жрец Митры, произносящий последние слова могучего заклинания.

— Убей их, Зуландра, — завизжал король при виде своего бывшего наемника. Потом прижал к щеке грязный, испачканный кровью платок и застонал. Альцина еще тесней придвинулась к ногам своего господина, не сводя полных ненависти глаз с человека, которого едва не отправила на тот свет.

Чародей поднял свой резной посох, метнул его в Конана, вперемежку со словами заклятия изрыгая брань в адрес никому не известных богов. Яркая вспышка света, подобно голубой молнии, вырвалась из посоха, намереваясь ударить в закованную в броню грудь Конана. Но со страшным треском наткнулась на невидимую преграду и рассыпалась искрами.

Зуландра, сдвинув брови, повторил заклинание и метнул посох в Декситуса. И вновь голубое пламя, прочертив в воздухе огненную кривую, отскочило от незримой преграды, как вода от стекла.

Конан, сверкая глазами, двинулся на колдуна с единственной мыслью — во что бы то ни стало уничтожить ядовитую гадину, но тут из-за спины у него вырвался капитан Сильванус и бросился вперед:

— Ты отнял мою дочь! Я отомщу тебе!

Обезумев от гнева и от страданий, с налитыми кровью глазами, Сильванус одним прыжком оказался рядом с волшебником и занес меч над его головой. Но прежде, чем он успел его опустить, тот направил в грудь несчастного посох и в третий раз выкрикнул заклинание. И в третий раз

ударила синяя молния, наполнив сиянием зал, и Сильванус, вскрикнув от ужаса, рухнул лицом вниз.

На спине в доспехах его появилась дыра шириной с большой палец взрослого мужчины. И закаленная сталь оплавилась по краям. На персидском ковре медленно расплылась лужа крови, смешиваясь с ярким причудливым узором.

Конан шагнул вслед за Сильванусом, не рассуждая. Паж, посерев от страха, забился за трон. Король и Альцина прижались к стенам.

Но Зуландра еще не истощил свои силы. Он схватил посох обеими руками и протянул его перед собой. Вновь раздалось заклинание на языке, который существовал еще до того, как волны поглотили Лемурию. И Конан, сделав еще один шаг, словно уперся в невидимую стену.

Стена была мягкой, податливой, но прорваться сквозь нее было невозможно. Мышцы напряглись, лицо Конана потемнело от сверхчеловеческого усилия, но преграда осталась на месте. Конан метнул меч. Посох в руке колдуна чуть наклонился, словно незримо исторгнув какой-то луч, и остановил грозное оружие. И Декситус оказался бессилен против посоха.

Наконец колдун заговорил, и голос его словно нес на себе тяжесть всех тысячелетий:

— Этот бывший жрец Митры помог тебе справиться с моей молнией, но жалкая его магия бессильна уничтожить меня. Аквилония не оценила моих усилий. Я ухожу, я возвращаюсь в далекие земли, где восходит солнце, где люди по достоинству восславят мои труды и дар бессмертия. Прощай!

— Хозяин! Хозяин! Возьми и меня! — кинулась к нему, униженно моля, Альцина.

— Нет! Не подходи, девочка. Ты мне больше не нужна.

С этими словами Зуландра подошел к двери, через которую он и вошел. Податливая, мягкая стена незримо передвигалась за ним следом. Конан не отставал ни на шаг. Глаза киммерийца сверкали, он злобно оскалился, как рассерженный волк. Могучее тело тряслось от еле сдерживаемой ярости. Наверное, так хищник смотрит на ускользающую добычу.

Добравшись до дверей, колдун принялся раскачиваться, потом кружиться. Он кружился быстрее и быстрее,

пока не превратился в расплывчатое пятно. И вдруг исчез.

Вместе с ним исчезла и невидимая преграда. Конан мгновенно прыгнул вперед, занеся меч для сокрушительного удара, но врага уже и след простыл. Со страшной бранью киммериец ринулся в коридор, но и тот оказался пустым. Конан прислушался, но шагов нигде не было слышно.

Он постоял, встряхнул гривой, словно пытаясь отделаться от наваждения, и наконец вернулся в гостиную. Декситус стоял на страже у двери, Альцина прижалась к стенке, а Нумедидес сидел на своем троне, все еще прижимая к царاپине грязный платок. Конан направился напрямиком к нему.

— Назад, смертный! — взревел Нумедидес, выставив вперед короткий кривой палец. — Знай же, я стал богом! И я король Аквилонии!

Конан протянул руку. Мускулы бугрились, как корни вековых сосен. Варвар сгреб короля за ворот и одним рывком поставил на ноги.

— Ты хочешь сказать, — прорычал северянин, — что ты здесь *был* королем? Что еще?! Говори перед смертью!

Монарх забился в лапе варвара, словно жалкий фитиль в гаснущей свечке. Слезы потекли по дряблему, жирному лицу, смешиваясь с сочившейся еще кровью. Он опустился на колени и забормотал:

— Не убивай меня, добрый Конан! Я, конечно, сделал немало ошибок, но я хотел Аквилонии только добра. Не надо, не отправляй меня туда, откуда нет возврата. Ты же не можешь убить старого безоружного человека.

В гневе Конан швырнул Нумедидеса на пол. Вытер меч о край платья поверженного властелина, вложил в ножны. Повернувшись на каблуках, он сказал:

— Я не воюю со свиньями. Посадите куда-нибудь это ничтожество, пока не найдется для него подходящего места рядом с безумными и бесноватыми.

Он двинулся было к дверям, но вдруг уловил за спиной молниеносное движение, услышал вздох Декситуса, метнувшегося предупредить друга об опасности. Нумедидес заметил на ковре отравленный кинжал Альцины и бросился вперед в отчаянной попытке всадить клинок в спину ненавистного варвара.

Конан развернулся, поймал левой рукой державшее кинжал запястье. Правой сдавил королю горло и уложил у подножия трона. Напрасно силился Нумедидес оторвать от себя руку гиганта. Потом забил ногами и захрипел.

Железные пальцы Конана все сильнее сжимали жирную шею. Глаза короля закатились. Рот раскрылся, но теперь уже беззвучно. Все страшнее стискивалось неумолимое кольцо, и наконец стоявшие в зале услышали слабый треск. В уголке рта у Нумедидеса появилась еще одна капля крови. Лицо посинело, руки разжались и упали. Отравленный кинжал звякнул об пол и отскочил в угол.

Конан не отпускал горло, пока жизнь не оставила короля. Наконец он разжал пальцы, и тело с глухим стуком плюхнулось на пол неряшливой грудой.

В коридоре послышался топот ног, бряцанье доспехов, и Конан мгновенно, переведя дыхание, выхватил меч из ножен. Но в дверях показались его же люди, которые после небольшой драки со стражниками рыскали по бесконечным рядам покоев в поисках предводителя. Солдаты, подтягиваясь к дверям один за другим, немедленно умолкали при виде киммерийца, который стоял, широко расставив ноги, с мечом в руке возле Аквилонского трона, и в глазах его сверкало торжество.

О чем он думал в этот момент, не знал никто. Но в конце концов он вложил меч в ножны, наклонился и снял испачканную в крови корону с растрепанной головы мертвого Нумедидеса. Он держал в руке этот тоненький обруч. Другой — развязал тесемки шлема. Потом, сбросив шлем, обеими руками поднял корону и, подержав перед глазами, надел.

— Ну? — спросил он. — Как?

Ответил ему Декситус:

— Будь здрав, Конан, король Аквилонии.

Солдаты закричали в восторге. Под конец даже прятавшийся за трон и смотревший на все круглыми, как у совы, глазами паж присоединился к общему веселью.

Альцина оторвалась от своего угла и, двигаясь с восхитительной грацией, которая и пленила Конана в Мессантии, порхнула к трону и изящно опустилась на колени.

— О Конан! — вскричала она. — Я всегда любила только тебя. Но, увы, мерзкий чародей околдовал меня.

Он заставил меня служить себе. Прости — и я всю жизнь буду твоей преданной рабой!

Конан хмуро взглянул на танцовщицу, и голос его прокатился под сводами дворца подобно грому:

— Только дурак и позволил бы убийце ждать удобного момента где-нибудь неподалеку. Будь ты мужчиной, я бы тебя отправил в преисподнюю прямо сейчас же. Но с бабами я не воюю. Так что убирайся. И запомни: если, начиная с этой ночи, тебя увидят где-нибудь неподалеку, клянусь, ты расстанешься со своей прелестной головкой. Элатус, отведи ее на конюшни, пусть ей оседлают лошадь, и отправь за городские ворота.

Альцина вышла. Лица ее при этом не было видно: его скрывало облако черных волос. У дверей она повернулась — по щекам у нее текли слезы. Наконец Альцина ушла.

Конан пнул ногой труп Нумедидеса:

— Насадить голову этого ублюдка на копье и пронести по всему городу, после чего отправить к Ульрику Раманскому. Пусть знает, что его армия теперь служит новому королю.

Какой-то солдат протолкался поближе к киммерийцу.

— Господин! — крикнул он.

— Ну.

Глаза у солдата от натуги и спешки округлились, как пуговицы на мундире. Он едва перевел дыхание.

— Ты поставил нас с Кадмусом охранять дворцовые ворота. Ну так вот! Мы слышали стук копыт и скрип экипажа, но никакой лошади и никакой кареты не было видно. Потом Кадмус показал рукой, и я увидел, как от конюшен в нашу сторону метнулась странная тень, вроде бы как экипаж проехал. Но только тень, а больше ничего!

— И что вы сделали?

— Сделали? А что мы могли сделать? Тень проскользнула в ворота и исчезла. А я побежал рассказывать тебе.

— Не сомневаюсь, это королевский колдун и его слуга, — сказал Конан замершим от изумления воинам. — Пусть убираются. Этот мошенник говорил, что хочет теперь отправиться в дальние страны. Значит, для нас он больше не опасен. — И, повернувшись к Декситусу, киммериец добавил: — Завтра утром нам нужно будет назначить новых сановников. Я хочу, чтобы ты стал канцлером.

Жрец в отчаянии вскричал:

— О нет, только не это, Конан... Ваше Величество! Я должен теперь стать отшельником, дабы заслужить прощение моего ордена!

— Когда вернется Публий, я тебя отпущу. Но завтра предстоит решать дела целого королевства. А башка у тебя варит неплохо! Так что к полудню собери придворных, которые еще не сбежали.

Декситус тяжело вздохнул:

— Будет исполнено, Ваше Величество. — Он посмотрел на бездыханное тело Сильвануса и горько сказал: — Мне так жаль этого молодого человека, но у меня не хватило сил создать защитное поле для вас обоих.

— Он умер как воин, и его похоронят со всеми почестями, — сказал Конан. — Где-нибудь в этом мраморном сарае есть ванная?

Свежевыбритый, умытый, в роскошном платье эбенового черного бархата, Конан восседал на пурпурном троне в Малой тронной гостиной. В гостиной царил образцовый порядок: трупы убраны, отравленный кинжал выброшен, ковер очищен от крови. На суровом лице киммерийца нет-нет да и вспыхивала довольная улыбка.

Вскоре двери распахнулись и появился Публий в бархатном камзоле. Под мышкой он тащил кипу пергаментных свитков.

— Государь! — начал он. — У меня тут...

— Кром! — вскричал Конан. — Что, дела не могут подождать? Вот-вот появится Просперо с десятком красавиц. Они все хотят стать избранницей короля, и мне надо будет выбрать...

— Государь, — твердо повторил Публий. — Дела не терпят отлагательств. Ничего с красавицами не случится, если они немного потерпят. Вот, к примеру, прошение барона Кастрийского. Он просит, чтобы с его земель сняли налоги. А вот отчет казначея о состоянии казны. А вот жалоба некоего Финтеаса на Ариуса Прискаса. Подана шестнадцать лет назад и до сих пор не рассмотрена. А вот письмо бывшего шпиона Вибиуса Латро по имени Квесадос. По-моему, мы с ним как-то уже встречались.

— Чего хочет от меня этот пес? — прорычал Конан.
— Он хочет, чтобы его приняли в прежнем качестве на службу к Вашему Величеству.

— Что ж, он неплохо справлялся со своей работой. Пусть подыщут ему местечко где-нибудь... но никогда не берут ни с каким посольством.

— Будет исполнено. Вот прошение о помиловании некоего Галенуса Зило. А вот это от владельца медных копей. Там нужно...

— Десять тысяч преисподен Зандру! — простонал киммериец, сжав кулаки. — Почему ни один болван не предупредил меня, что государственные дела — такое занудство! Лучше уж быть пиратом!

Публий улыбнулся:

— И самую легкую корону носить порой нелегко. Повелитель должен править, иначе это сделает кто-то другой. Вот Нумедидес забыл о своем долге и потому...

Конан вздохнул:

— Хорошо, хорошо. Ты конечно же прав, будь я проклят! Паж! Принеси сюда стол и разложи пергаменты. Ну, Публий, давай начнем с отчета казначея...

Подземелье Смерти

РОМАН

Глава 1

ПОРОК И СМЕРТЬ

Высокого роста воин, почти великан, неподвижно стоял в сумеречном дворике. Туранка уже зажгла в окне свечу в знак того, что путь свободен, и для него, горца, детской забавой было вскарабкаться по стене — но воин ждал. Он не желал, чтобы его схватили на полпути цепляющегося за плющ, который разросся на стенах старинного дома. Городская стража, конечно, навряд ли задержит надолго офицера короля Йилдиза, но слух о проделке достигнет ушей покровителя Наркии. А покровитель Наркии — не кто иной, как господин Оркан, старший капитан королевской гвардии.

Конан-киммериец, капитан королевской гвардии, пристально всматривался в небо зоркими голубыми глазами: полная луна уже серебрила купола и башни Аграпура. К ней приближалось облако, однако сей несомый ветром галеон не годился для целей Конана. Пока луна будет скрыта, он успеет вскарабкаться по плющу только до половины стены. Но за первым облаком, с радостью заметил Конан, плыло другое, более крупное.

Когда луна спряталась за большим густым облаком, Конан закинул перевязь с мечом за плечи. Скинув сандалии, он заткнул их за пояс и, обвив руками и ногами твердую узловатую лозу, стал взбираться проворно, будто кошка.

Над погруженными во тьму шпилями и городскими крышами стояла мертвая тишина, изредка нарушаемая чьи-нибудь торопливыми шагами. Облако, окаймленное серебром, медленно проплывало мимо. Ветерок слегка взъерошил густые черные волосы Конана, и по телу пробежала легкая дрожь. Он вспомнил слова астролога, с которым советовался три дня назад.

— Остерегись предпринимать что-либо в ближайшее полнолуние, — предупредил его седобородый мудрец. — Расположение звезд показывает, что твой поступок чреват внезапными переменами судьбы.

— К худшему или к лучшему?

Сидящий перед ним в цветном халате астролог пожал костлявыми плечами:

— Об этом звезды молчат, можно только сказать, что перемены будут самыми крутыми. Жизнь твоя потечет совсем иначе.

— Скажи хотя бы, удастся ли мне осуществить свою затею?

— Не знаю, капитан. Звезды не сулят тебе ничего доброго, и потому жди, скорее, краха.

Конан, недовольный этим мало вдохновляющим предсказанием, расплатился и ушел. Он верил в магию и чародейство, но допускал, что предсказатели могут ошибаться. Среди них встречаются и обманщики, и малосведущие люди, как и среди представителей любой другой профессии. Вот почему, когда Наркия прислала ему записку, в которой сообщала, что ее покровитель в отъезде, Конан не стал прислушиваться к советам астролога.

Свеча исчезла, и окно со скрипом растворилось. Киммериец ловко прополз вовнутрь и, соскользнув, вскочил на ноги. С жадностью глядел он на стоящую перед ним туранку.

Черные волосы водопадом лились по нежным плечам Наркии, и сияние свечи, которую она переставила на табурет, озарило великолепное тело под полупрозрачным халатом лилового шелка.

— Вот и я, — пробормотал Конан.

Наркия взглянула на рослого силача в дешевой шерстяной тунике и широких заплатанных панталонах, и глаза ее заблестели от удовольствия.

— Я ждала тебя, Конан. — Она протянула руки ему навстречу. — Хотя, по правде, не думала, что ты оденешься как конюх. Где же твой роскошный, кремовый с алым, мундир и сапоги с серебряными шпорами?

— Я не считал разумным надевать их сегодня вечером, — резко ответил Конан, снимая через голову перевязь и беспечно опуская ее на ковер. Лицо киммерийца, обрамленное

густой черной шевелюрой, было смутным и иссеченным шрамами, голубые глаза глубоко сидели под тяжелыми черными бровями. Хотя юноше было чуть больше двадцати, выглядел он значительно старше, так как суровая, полная опасностей жизнь до времени сделала его зрелым, бывалым человеком.

С тигриной ловкостью Конан скользнул вперед, обнял куртизанку коричневыми от загара руками и повлек к кровати. Но Наркия уперлась ладонями в широченную грудь киммерийца.

— погоди! — выдохнула она. — Какие вы, варвары, необузданные. Нужно сначала отметить наше знакомство. Садись и выпей глоток вина.

— Что ж, если так надо, — проворчал Конан — на гирканийском он говорил с жестким варварским акцентом. С неохотой Конан сел на табурет и в три глотка осушил предложенный бокал золотистой влаги.

— Спасибо, девочка, — пробормотал он, ставя пустой бокал на маленький столик.

— Да ты и в самом деле дикарь, капитан Конан! Превосходное вино из Иранистана нужно отпивать маленькими глотками, медленно смакуя, а не вливая в глотку, как горькое пиво. Станешь ли ты когда-нибудь цивилизованным?

— Сомневаюсь, — буркнул Конан. — Ваша так называемая цивилизация за все эти годы, что я здесь болтаюсь, не вызвала у меня особой любви.

— Зачем же ты живешь в Туране? Мог бы вернуться на родину, к своим соплеменникам.

Криво усмехнувшись, Конан поднял руки и, сплетя пальцы за головой, прислонился к увешанной коврами стене.

— Почему я живу здесь? — Он пожал плечами. — Здесь больше платят, что ни говори; есть на что посмотреть, чем заняться. Жизнь в киммерийской деревушке довольно скучная, если не считать соседских сор и войн меж кланами. Но что это там?

На лестнице послышались шаги и звон шпор; дверь резко распахнулась. В дверях стоял старший капитан Оркан, в мундире и витом шлеме, с разинутым от удивления ртом. Оркан, высокий, с ястребиными чертами лица, был не столь массивен, как Конан, но крепок и увертлив,

несмотря на то, что седина уже тронула его коротко стриженную черную бороду. Когда капитан Оркан понял, что происходит, лицо его побагровело от ярости.

— Ах вот как! — прорычал он. — Хозяин из дому...
Рука его потянулась к сабле.

Едва дверь открылась, Наркия бросилась на кровать. Не дослушав Оркана, она закричала:

— Спасите! Насилуют! Этот дикарь угрожал, что убьет меня!

Конан в замешательстве смотрел то на Наркию, то на Оркана, но растерянность его длилась недолго. Не дожидаясь, пока Оркан вытащит саблю из ножен, киммериец вскочил, схватил табурет и швырнул его в противника. Тяжелый табурет угодил в живот туранцу, капитан Оркан пошатнулся. Тем временем Конан наклонился и подхватил ножны с мечом, что лежал на полу. Когда Оркан пришел в себя, Конан был уже вооружен.

— Хвала Эрлику, ты вернулся, господин! — вопила Наркия, съезжившись на кровати. — А не то бы он...

Капитан словно вихрь налетел на Конана. Киммериец с мрачным упорством отражал его удары. Звенели клинки, высекая искры. Противники рубили сплеча — и ловко ставили защиту. Правда, кривая сабля Оркана не годилась для прямого колющего удара.

— Остановись, осел! — прорычал Конан. — Женщина лжет! Она позвала меня сюда, и мы еще...

Наркия провизжала что-то, слов Конан не сумел разобрать. Оркан усилил атаку, и в жилах Конана вскипела ярость. Киммериец стремительно атаковал Оркана — и тот отступил, тяжело дыша. На миг утратил бдительность, и меч Конана, пропоров звенья кольчуги, вонзился туранцу в бок. Оркан пошатнулся, выронил оружие и схватился за рану — кровь проступила меж пальцев. Еще один разящий удар — и клинок меча погрузилось в шею Оркана. Капитан рухнул и, дернувшись, замер. На ковре расплылись темные пятна крови.

— Ты убил его! — завизжала Наркия. — Тутрил снимет с тебя за это голову. Почему ты не ударил плашмя?

— Защищая жизнь, — буркнул Конан, — не станешь взвешивать каждый удар, как аптекарь лекарство. Ты тоже виновата. Зачем закричала, что тебя насилуют?

Наркия пожала плечами, лукаво улыбнувшись:

— Я не знала, кто из вас победит. Если бы он убил тебя, он убил бы и меня — в отместку за измену.

— Вот она, ваша цивилизация! — презрительно фыркнул Конан.

Прежде чем надеть перевязь, он круто повернулся и шлепнул Наркию по бедру ножами. Женщина взвизгнула от боли, в глазах ее стоял ужас.

— Не будь ты бабой, — прорычал Конан, — тебе бы несдобровать. Выжди час, прежде чем поднимать переполох. А иначе...

Оскалившись, киммериец чиркнул пальцем по горлу и ринулся к окну. Вскоре он уже спускался вниз по плющу, вослед ему неслись проклятия Наркии.

Лико из Хоршемиша, лейтенант королевской легкой кавалерии, наигрывал на флейте грустную мелодию, когда Конан ворвался в их комнату на улице Мэйпур. Мимоходом поздоровавшись, Конан быстро переоделся в офицерский мундир. Расстелив на полу одеяло, он покидал на него свои скудные пожитки. Отперев сундук, Конан достал оттуда кошелек с золотом.

— Куда это ты? — спросил Лико, плотный смуглокожий юноша, примерно одних лет с Конаном. — Похоже, сматываешь удочки. За тобой гонятся?

— Да, надо торопиться, — буркнул Конан.

— А что ты натворил? Проник в королевский гарем? Давно ли ты получил отличное назначение — и вот уже все бросаешь!

Поколебавшись, Конан ответил:

— Ладно уж, скажу тебе, в чем дело. Ведь я успею ускакать далеко, прежде чем ты меня заложишь.

Лико принялся было горячо протестовать, но Конан остановил его:

— Я пошутил, Лико. Я только что убил Оркана.

Вкратце Конан пересказал все, что с ним случилось. Лико присвистнул:

— Ну и кашу ты заварил! Верховный Жрец Эрлика не только его покровитель. Даже если бы король тебя простил, мести старого Тутрила не миновать.

— Знаю, — согласился Конан, стягивая концы одеяла в узел. — Вот почему я так спешу.

— Убил бы ты заодно и бабу — все сошло бы за воровство. Комар носа бы не подточил!

— Да, так поступил бы любой кофит, — съязвил Конан. — Но я еще недостаточно цивилизован, чтобы убивать подвернувшихся под руку женщин. Хотя, прожив еще пару лет здесь, в южных странах, возможно, научился бы.

— А пока, как уколобый варвар, ты попадаешь в одну ловушку за другой. Говорил же я тебе, что предзнаменования неблагоприятны, и к тому же я видел недобрый сон.

— Твой дурацкий сон никакого отношения ко мне не имеет. Подумаешь, какой-то чародей завладел драгоценным сокровищем! Тебе надо было стать гадателем, а не служаккой, парень.

Лико поднялся с места:

— Дать тебе еще денег?

Конан покачал головой:

— Спасибо, здесь, в кошельке, достаточно, чтобы добраться до другого королевства. Хвала Крому, я сэкономил кое-что от жалованья. Если ты сумеешь затронуть нужные струны, Лико, тебя назначат на мое место.

— Возможно, но я предпочел бы не расставаться со своим другом-сослуживцем: некому теперь говорить мне гадости! Что отвечать на расспросы?

Конан помолчал, нахмурившись.

— Кром! Вот замысловатая штука! Наплети им, что я отправился с поручением нашего короля, — как называется небольшая страна южнее Кофа?

— Хауран?

— Точно. К королю Хаурана.

— Там у них не король, а королева.

— Значит, к королеве. Прощай, и в сражениях никогда не забывай прикрывать яйца.

Они попрощались коротко и грубо, на солдатский манер, похлопав друг друга по спине и ткнув кулаком в плечо. Конан вышел порывистым шагом, его шафрановый плащ на миг взметнулся словно крылья невиданной птицы.

Круглая луна, клонясь к закату, мирно лила свой свет на Западные Ворота Аграпура, когда Конан подскочил на своем боевом коне, вороном жеребце Эджиле. Пожитки киммерийца, увязанные в одеяло, были надежно прикреплены к задней луке седла.

— Открывайте! — крикнул Конан. — Королевский гвардеец с поручением от короля!

— Что за поручение, капитан? — спросил офицер стражи.

Конан достал пергаментный свиток.

— Послание от его величества к королеве Хаурана. Я должен срочно доставить его.

Пока солдаты, ворча, отворяли окованные бронзой дубовые ворота, Конан спрятал пергамент в кожаную сумку, свисавшую с пояса. Свиток на самом деле был кратким трактатом об искусстве владения мечом: Конан изучал этот трактат, чтобы расширить свои скудные познания в гирканийском письме. Он надеялся, что стражники не станут в него заглядывать. Да и навряд ли кто-то из них сумел бы прочесть свиток, тем более при свете фонаря.

Наконец ворота со скрипом распахнулись. Махнув на прощанье рукой, Конан пустил коня галопом. Он направился к широкому тракту, который в здешних краях именовался Королевской дорогой, нося помимо того еще много других названий. Королевская дорога вела на запад — к Заморе. Ночь была уже на исходе; Конан скакал, не меняя направления, вдоль полей пшеницы, вдоль роскошных пастбищ, где паслись стада овец и коров.

Не доезжая Шадизара, столицы Заморы, нужно было свернуть на тропу ко взгорьям, прилегающим к Хаурану. Но Конан вовсе не собирался ехать в Хауран. Едва Аграпур исчез из виду, Конан свернул с дороги к небольшой роще, окаймлявшей ручей. Недоступный взору случайного прохожего, он спешил, привязал лошадь, снял с себя красивый мундир и надел грубую куртку и простые кожаные штаны, в которых был при злополучном свидании с Наркией.

Переодеваясь, Конан клял себя, как безмозглого глупца. Лико прав: какой же он дурак! Бабенка прислала ему записку, приглашая прийти, пока ее покровитель в Шапуре. Конан, которому прискучили шлюхи из таверны, возмечтал о любви куртизанки высшего ранга. Вдобавок киммерийца

раззадоривала мысль, что он умыкнет девчонку у начальника едва ли не из-под самого носа. И вот из-за этого рухнула блистательная карьера! Ему и в голову не приходило, что Оркан может вернуться из Шапура раньше времени. Самое худшее, пожалуй, что он даже не испытывал вражды к старшему капитану: строгий был начальник, но справедливый...

В угрюмом расположении духа Конан развил тюрбан с остроконечного шлема, обмотал ленты вокруг головы на подобие зуагирской кафии и заткнул оба конца за тунику. Вновь упаковав свои пожитки, он сел на коня и быстро поскакал — но не к Королевской дороге. Вместо этого он направился на север страны, через поля и леса, по бездорожью, где его конь не оставил бы следов.

Он мрачно улыбнулся, заслышав стук копыт целой каравалькады на Королевской дороге, которая осталась далеко позади. Разыскивая беглеца в том направлении, королевские конники никогда его не поймают.

Спустя полчаса, в лиловых предутренних сумерках, Конан направил коня по объездной дороге, пролежавшей сквозь кустарники и узкой, как тропа. Погруженный в размышления о будущем, он не сразу обратил внимание на стук копыт и позвякивание поводьев за поворотом. Прежде чем Конан успел свернуть в придорожные заросли, на него галопом выехали всадники. Это были лучники короля Йилдиза, верхом на взмыленных лошадях.

Проклиная собственную рассеянность, Конан свернул на обочину, не зная, бежать ему или защищаться. Но воины проскакали мимо, даже не взглянув на него. Только офицер, замыкающий колонну, приостановил коня и крикнул:

— Эй, парень! Ты не видал отряд всадников и с ними женщину?

— Какого... — разъярился было киммериец, но вспомнил, что он теперь не капитан Конан, королевский гвардеец. — Нет, господин, не видел, — пробормотал он, не вполне убедительно разыгрывая испуганного слабака.

Чертыхаясь на все лады, офицер прищипорил коня и поскакал за отрядом. Конан, не помня себя от радости, продолжал свой путь на север. Однако постепенно на смену радости пришло удивление. Что-то стряслось в Аграпуре, по сравнению с чем убийство Оркана должно было пока-

заться сущим пустяком. Отряд, проскакавший мимо, даже не заинтересовался его личностью. Возможно, всадники, что умчались по Королевской дороге, разыскивают птицу поважней, чем беглый гвардейский капитан?

Конан надеялся, что разрешит эту загадку, оказавшись в Султанапуре.

Глава 2

БОЛОТНАЯ КОШКА

Путешествовать по болотам Мегары было не менее тяжело, чем пересекать пустыню с караваном верблюдов или плыть на суденышке по бескрайним морским просторам. Тростники — высокие, выше, чем лошадь Конана, — простирались насколько хватало глаз. Желтые стебли прошлогодней травы шуршали монотонно, едва по ним пробегал ветер; меж корней пробивалась молодая нежная поросль, которая служила пропитанием Эджилу.

Всадник, пробирающийся через болота, определял верный путь по солнцу и звездам. Но пешему приходилось туго; высокий тростник, обступавший его со всех сторон, позволял разглядеть только клочок неба над головой.

Сидя на жеребце, Конан видел верхушки тростника, по которому, будто по мирной водной глади, пробежали ровные волны. Поднявшись на пригорок, Конан мог различить вдаль, по правую руку, море Вилайет. По левую руку тянулась гряда невысоких холмов, отделявших Мегарские болота от Туранской возвышенности.

Конан переплыл на коне реку Ильбарс под Акитом и поехал дальше на север, не выпуская море из поля зрения. Чтобы избежать преследования, надо было затеряться в городской толпе или укрыться в совершенно безлюдном месте, где он первым заметил бы напавших на его след королевских всадников.

Конан прежде не бывал на Мегарских болотах. Говорили, что это одно из самых пустынных мест на земле. Заболоченная почва была непригодна для возделывания. Деревья там росли карликовые, с кривыми узловатыми стволами, к тому же встречались редко. Тучи жалящей,

назойливой мошкары были столь огромны, что даже охотники на кабанов и прочую дичь, побывав здесь однажды, зарекались возвращаться вновь в эти края.

Ходили также слухи, будто на болотах водится опасный хищник, которого туманно именовали «болотной кошкой». Конан, правда, не встречал ни одного человека, который бы видел этого зверя воочию, но все дружно утверждали, что хищник свиреп, как тигр.

Пустынность болот превзошла все ожидания Конана. Тишину нарушали только всплески грязи из-под копыт Эджила, шорох тростника да гудение туч бесчисленной мошкары, вившейся над колеблемыми ветром стеблями. Конана надежно защищала кафия, лентами которой были обвиты и голова, и лицо; на руки он надел кожаные гвардейские перчатки. Но бедному коню приходилось постоянно взмахивать хвостом и трясти гривой, чтобы отделаться от жалящих насекомых.

Весь день Конан ехал по бесконечным тростникам. Однажды он заметил стадо диких, с рыжевато-черной щетиной кабанов. Свежая свинина внесла бы разнообразие в его скудный рацион, состоявший из вяленого мяса и сухарей, и Конан потянулся за луком. Но пока он вытаскивал из дорожной сумы гирканийский, с двойным изгибом, лук, кабаны исчезли. Конан решил, что охотиться не стоит: это привело бы к значительной задержке в пути.

Три дня пробирался Конан через болота, а тростники все тянулись и тянулись. На исходе третьего дня с вершины пригорка Конан заметил, что море и холмы стали к нему как будто ближе. Раздумывая, не достиг ли он северного края болот, неподалеку от которого находится город Султанapur, Конан пустил коня рысью.

Вскоре он услышал отчаянный крик: кричали люди, их было несколько, судя по голосам. Повернувшись налево, Конан заметил поодаль небольшой холм, с вершины которого уходил в небо голубоватый дымок. Голоса доносились именно с того холма. Благоразумие подсказывало Конану, что, какова бы ни была причина переполоха, следует ехать дальше. Чем меньше народу встретит он на пути из Турана, тем больше шансов покинуть это царство незамеченным.

Но помимо благоразумия были у Конана и другие соображения. Там, на холме, бивак, там найдет он горячую пищу, а то и хозяина, который даст ему работу. Любопытство также говорило в нем, и чувство чести не было чуждо душе дикаря: поддавшись порыву, он мог действовать не только в собственных интересах.

Сейчас любопытство и мысли о еде победили его осторожность. Конан прищепил коня и поскакал к холму.

Подъехав, киммериец заметил несколько человек, которые бегали по холму, поросшему всяческими цветами: алыми, золотистыми, лиловыми, вносящими живость в унылый пейзаж.

Конан насчитал пятерых человек, суетившихся вокруг шатра, близ которого горел костер. Выючные животные — четыре осла, две лошади и верблюд — были привязаны к узловатому карликовому дереву. Сейчас они, чем-то испуганные, метались, натягивая веревки; люди пытались успокоить их.

— Что случилось? — громко крикнул Конан, стараясь, чтобы его услышали сквозь шорох тростников.

— Берегись! Болотная кошка! — отозвался худощавый мужчина в белом тюрбане.

— Где? — завопил Конан.

Люди замахали, указывая в разных направлениях. Вдруг раскатистое рычание сотрясло воздух, и из тростников выпрыгнул пятнистый зверь, прежде невиданный Конаном. Голова и туловище зверя были крупными, как у тигра или пантеры, но задние лапы всего вдвое длинней, чем у обычного кота. Зверь приближался к Конану огромными прыжками, равновесие его поддерживалось тяжелым и прямым, как палка, хвостом. Хищник казался причудливой помесью пантеры и зайца.

Жеребец, увидев приближающегося зверя, испуганно заржал и метнулся в сторону. За два года службы в туранской армии Конан вполне овладел верховой ездой, но ему не доставало ловкости гирканийских кочевников, выросших в седле. Растерявшись от неожиданности, Конан полетел кувырком с жеребца и, упав в тростниковые заросли, больно ушиб плечо. С громоподобным стуком копыт Эджил умчался.

Вскочив на ноги, Конан выхватил из ножен клинок: зверь уже подскочил к нему на расстояние вытянутой руки.

Шерсть его стояла дыбом, глаза сверкали. Изготовившись к атаке, Конан взмахнул мечом и издал боевой клич киммерийского воина. Услышав этот страшный, нечеловеческий вопль, хищник остановился и зарычал. Вдруг он прыгнул, но не на Конана, а наискось, и стал взбираться на холм. Пятеро путешественников, вооруженные копьями, кинжалами и единственным мечом, ринулись ему наперез. Но болотной кошке нужны были не люди, а привязанные к дереву животные.

Конан взбежал по пологому склону на вершину холма, где весело пылал костер. Схватив горящую головню, он подскочил к хищнику, который подобрался для гигантского прыжка. Взмахнув разгоревшейся головней, он ткнул ею в морду зверю.

С воплем болотная кошка отпрыгнула и, воя, умчалась в тростники — от ее подпаленной шерсти вился слабый дымок.

Конан вернулся к костру; путешественник — тот, что был с мечом и в тюрбане, — подошел, чтобы поприветствовать его. Это был худощавый мужчина средних лет, с остроконечной черной бородкой; он был выше ростом и одет богаче, чем остальные. И все же все шестеро — смуглые, невысокие, сухощавые — выглядели пигмеями в сравнении с огромным киммерийцем.

— Позволь выразить нашу благодарность, господин, — сказал человек в тюрбане, — без вьючных животных мы бы пропали в этой пустыне.

— Не стоит благодарности, — вежливо кивнул Конан. — Вы не поможете поймать моего коня? Надеюсь, его еще не сожрала болотная кошка.

— Возьми мою лошадь, господин, — предложил вожак отряда. — Динак, оседлай вьючную лошадь и сопроводи нашего гостя.

Хищник скрылся из виду, и животных легко было успокоить. Сев в седло, Конан отправился на поиски Эджила, Динак шел за всадником. Пробираться по примятому тростнику было не так уж трудно, Конан повернулся в седле и спросил:

— Вы путешественники из Заморы, верно?

— Да, господин.

— Я угадал по акценту. Тот, в тюрбане, — ваш вожак?

— Его имя Харпагус. Мы купцы. А ты, господин?

— Я просто наемный солдат, оказавшийся не у дел.

Конана так и подмывало спросить, отчего же заморийские купцы бродят по безлюдному болоту, вместо того чтобы следовать по большому тракту, пролегающему вдоль западных холмов. Но он понимал, что замориец вправе задать ему тот же вопрос; не продолжая беседы, Конан стал внимательно всматриваться в примятую поросль.

Алый шар солнца низко навис над западными холмами, когда они нашли наконец Эджила: конь пасся, пощипывая побеги тростника. Уже в сумерки Конан привел беглеца в лагерь. Замориец у костра поджаривал к ужину баранью ногу, и Конан раздул ноздри, вдыхая аромат жаркого. Конан и Динак расседлали коней и оставили их на лужайке посреди цветов, которые покрывали склоны холма.

— Отужинай с нами, господин, — пригласил киммерийца Харпагус.

— С удовольствием, — ответил Конан. — Я не пробова-вал горячей пищи с тех пор, как еду по этим болотам. Там кто-то есть?

Конан ткнул большим пальцем в сторону шатра и потянулся за едой.

Харпагус засмеялся, прежде чем ответить.

— Там дама, — сказал он наконец. — Госпожа не желает, чтобы посторонние ее видели.

Киммериец пожал плечами и принялся за еду. Он мог бы съесть вдвое больше баранины, чем предложили ему заморийцы, и поневоле добавил к ужину два сухаря из дорожной сумы.

Замориец достал кожух с вином, и путешественники отпили из него, передавая друг другу по очереди. Расчесывая бороду пальцами, один из которых был украшен массивным перстнем, Харпагус сказал:

— Ты такой смельчак, молодой господин! Кто ты и как оказался здесь?

Конан пожал плечами:

— Совершенно случайно. Я простой наемный солдат, как я сказал уже Динаку.

— Тогда тебе следовало бы ехать в Аграпур, а не прочь от него. Там ты найдешь офицеров, которые вербуют рекрутов для армии короля Йилдиза.

— У меня другие планы, — коротко ответил Конан, надеясь, что сумеет наскоро сплести подходящую небылицу.

Вдруг Харпагус обернулся, заслышав тихое шуршание шагов по прошлогодней траве. Взглянув в ту сторону, Конан увидел хрупкую женщину, которая шла к ним от шатра.

Отсветы пламени позволяли заметить, что она примерно десятью годами старше киммерийца, миловидна и одета изысканно; платье ее более подходило для гирканийского гарема, нежели для путешествия по безлюдным болотам. Вокруг точеной шеи поблескивала золотая цепочка, на которой держалась крупная камея пурпурного цвета. Освещение было скудное, но Конан отметил, что таким драгоценностям место посреди царских сокровищ. Женщина подошла к костру, взгляд ее был безразличен, как у сомнамбулы.

— Эй, госпожа! — резко окликнул ее Харпагус. — Тебе запрещено покидать шатер.

— Холодно, — пробормотала женщина. — Холодно в шатре.

Она протянула к огню бледные руки, взор ее скользнул безразлично по лицу Конана и вперился во тьму.

Харпагус поднялся и, взяв незнакомку за плечи, повернул к шатру.

— Взгляни! — Он поднес к ее лицу руку с перстнем, на котором сверкал крупный драгоценный камень. — Ты вернешься в шатер. Ты ни с кем не будешь разговаривать. Ты забудешь все, что сейчас увидела. Ты вернешься в шатер...

Харпагус повторил это несколько раз, прежде чем женщина кивнула и вернулась в шатер, завесив за собой вход покрывалом.

Проследив, как она уходит, Конан с удивлением взглянул на Харпагуса в надежде, что тот объяснит ему недавнюю сцену. Ему было непонятно, находится ли госпожа под воздействием некоего зелья или на нее наложены колдовские чары. Где заморийцы нашли ее и куда везут? По ее речам Конан понял, что перед ним туранка знатного рода: говорила женщина чисто, без гирканийского акцента.

Однако Конан, изведавший хитросплетения преступных заговоров и интриг, не спешил обнаруживать свои подо-

зрения. Во-первых, они могли оказаться ложными: не исключено, что заморийцы везут с собой госпожу на законных основаниях; во-вторых, даже если она похищена, Харпагус способен насочинять сколько угодно небылиц, чтобы объяснить свое обращение с пленницей. И в-третьих, хотя киммериец не опасался малорослых заморийцев, он находил неприличным ссориться с людьми, которые предложили ему ужин и ночлег.

Конан решил подождать, пока все уснут, и тогда заглянуть в шатер. Хотя заморийцы настроены к нему дружелюбно, инстинкт варвара подсказывал: творится что-то неладное. Если эти пятеро купцы, где же их товар? И потом, они все молчат, очевидно, что-то скрывая; обычно купцы любят поговорить о ценах, похвастаться выгодными сделками. Конан за годы, проведенные в Заморе, изучил нравы и обычаи страны. Заморийцы — народ, принадлежащий к древней цивилизации, они на удивление привержены ко злу. Их король, Митридат VIII, как говорят, является игрушкой различных жреческих кланов, которые постоянно ведут борьбу за власть.

После ужина замориец достал арфу и взял несколько аккордов. Трое других запели заунывную песнь, которую Харпагус прослушал с молчаливым достоинством.

Музыкант спросил Конана:

— Споешь ли ты нам, странник?

Конан, смутившись, покачал головой:

— Я не певец. Я могу подковать лошадь, заточить клинок или раскроить череп, но петь я не умею.

Заморийцы не отступали, пока Конан не взял наконец инструмент.

— У нас на родине другие арфы, — заметил он, настраивая струны.

Глубоким, низким басом киммериец запел:

В мир мы приходим
С мечом и секирой!
Мы, северяне...

Когда Конан закончил петь, Харпагус спросил:

— На каком языке ты пел? Он мне неизвестен.

— Это язык асиров.

- Кто такие асиры?
- Племя на севере, далеко отсюда.
- Ты оттуда родом?
- Нет, но я долго жил там.

Конан вернул инструмент и деланно зевнул, чтобы прекратить расспросы.

- Пора ложиться спать.

Заморийцы вслед за Конаном тоже зевали — кроме одного, что остался стоять на страже. Конан завернулся в одеяло, подложил под голову седло и закрыл глаза.

Когда прибывающая луна встала высоко над восточным горизонтом и четыре заморийца звучно захрапели, Конан осторожно приподнял голову. Стражник медленно обходил лагерь с копьем на плече. Конан заметил, что всякий раз, переходя на северный склон холма, часовой скрывается из виду.

Дождавшись, пока он опять скроется, Конан тихо и быстро поднялся и крадучись стал подбираться к шатру; двигался он бесшумно, будто тень. Костер почти догорел, только уголья еще тлели.

— Не спится? — промурлыкал кто-то за ним. Конан обернулся: рядом, озаренный бледным сиянием луны, стоял Харпагус. Даже острый варварский слух Конана не сумел уловить, как тот приблизился.

- Я — кхм... по нужде, — пробормотал Конан.

Харпагус сочувственно хмыкнул:

— Бессонница, понимаю... Но у меня есть средство: оно поможет тебе уснуть до утра.

— Никаких снадобий, — запротестовал Конан. Он опасался, что его опоят зельем или отравят.

— Не бойся, добрый господин. Я и не думал предлагать тебе снотворное, — мягко заверил его Харпагус. — Взгляни на меня внимательней...

Конан посмотрел в глаза заморийцу. Что-то притягивало в них, не желало отпускать... Глаза Харпагуса сделались вдруг странно огромными и сверкающими. Конан словно бы оказался в бесконечном черном, беззвездном пространстве, где не было ничего, кроме этих огромных, сверкающих глаз.

Харпагус поднял руку с перстнем к лицу Конана и, то приближая, то удаляя от глаз киммерийца крупный блистающий камень, забормотал:

— Ты засыпаешь... Ты будешь спать долго-долго... Проснувшись, ты забудешь заморийских купцов, с которыми провел ночь. Ты засыпаешь...

Конан проснулся и с удивлением увидел, что солнце стоит высоко над головой. Вскочив на ноги, он взволнованно огляделся — и разразился проклятиями. Не только заморийцы со своими выючными животными, но и его лошадь исчезла бесследно. Седло и дорожная сума лежали там, где он их оставил, смастерив свое грубое ложе, но мощны с золотыми монетами Конан не обнаружил.

Самое худшее было то, что он не мог вспомнить, с кем провел минувшую ночь. Он помнил, как выехал из Аграпура и как сражался с болотной кошкой. Остатки костра и след копыт свидетельствовали о том, что он ночевал на холме с несколькими спутниками, однако Конан не помнил, кто они и как выглядят. Сохранилось слабое воспоминание о том, как он пел, наигрывая на арфе, но слушатели представлялись ему неясно, будто тени.

Конан помнил также, что направляется в Султанапур. Излив свою ярость посреди равнодушно внимавших ему болот, Конан взвалил на одно плечо завернутые в одеяло пожитки, а на другое — седло и направился на север, утрюмо пробираясь меж тростников со своей поклажей. Ориентируясь по солнцу, Конан шел по примятому тростнику — вслед за своими недавними компаньонами.

Глава 3

СЛЕПОЙ ЧАРОДЕЙ

Четыре дня спустя после встречи Конана с заморийцами в двери дома чародея Кушада, который жил в портовом городе Султанапуре, постучали. Дочь Кушада отворила дверь — и в испуге отпрянула.

У порога стоял великан, одетый в лохмотья, — небритый, выпачканный илом; при нем были кожаное седло, две дорожные сумы, лук в чехле и свернутое в узел одеяло.

Вид у великана был устрашающий, но улыбка на потном и грязном лице — широкая и дружелюбная.

— Привет, Тамина! — гаркнул великан. — Ты подросла с тех пор, как мы виделись в последний раз. Какая ты сейчас миловидная и привлекательная!

— Капитан Конан — возможно ли!.. — ахнула Тамина. — Входи! Отец будет тебе рад.

— Когда я расскажу тебе, что со мной приключилось, ты не будешь так радоваться, — проворчал Конан, освобождаясь от поклажи. — Как здоровье отца?

— Неплохо, только глаза слабы, он почти ослеп. Сейчас у него нет посетителей, идем со мной.

Девушка повела Конана в комнату, где на подушках скрестив ноги сидел маленький седобородый человек. Он поднял лицо: глаза его почти полностью были скрыты катарактой.

— Конан? — спросил старик. — Я узнаю тебя и без помощи глаз. От чьей еще поступи так сотрясается мой домишко?

— Да, это я, Конан, — подтвердил киммериец. — Рад тебя видеть, дружище Кушад! Помнишь, ты говорил мне, что, если я попаду в переплет, здесь мне окажут приют?

Кушад хмыкнул:

— Точно, говорил. Но это было всего лишь платой за спасение от шайки головорезов. И помню, как тебя возмутила мысль, что ты — капитан его величества, опора королевства — вдруг окажешься в беде и будешь искать убежища. Сядь и поведай, что привело тебя сюда. Ты ведь не будешь просить, чтобы я, прибегнув к астральному зрению, нашел утраченные тобой деньги?

— Нет, хотя отыскать кошель, полный монет, а заодно пропавшего жеребца мне бы хотелось, — проворчал Конан.

Прежде чем Тамина принесла кувшин вина, киммериец рассказал Кушаду о своем злключении с Наркией и побеге из Аграпура, а также о встрече с заморийцами.

— Странно, — добавил Конан. — Вот уже несколько дней я не могу вспомнить, что это были за путешественники. Все впечатления стерлись, как под воздействием дьявольских чар. Только вчера память начала восстанавливаться, и понемногу я нарисовал мысленно все происшествие. Что это было, как ты считаешь?

— Гипнотическое внушение, — предположил Кушад. — Заморийцы владеют этим искусством. Тот, кого ты встретил, наверное, жрец или чародей. Замора кишит чародеями, как постоялый двор клопами.

— Знаю, — проворчал Конан.

— Ты упорно сопротивлялся его чарам, а то до сих пор ничего бы не вспомнил. Вы, северяне, лишены фантазии, которая сковывает волю у нас, жителей Востока. Я научу тебя, как противостоять подобному колдовству. Расскажи мне о заморийских купцах поподробней.

Конан, как мог подробно, рассказал о путешественниках, добавив, что с ними была женщина; она вышла к костру погреться, но Харпагус велел ей вернуться в шатер. Она казалась как бы безумной или околдованной.

Кушад изумленно приподнял брови:

— Женщина? Как она выглядела?

— Лунный свет едва освещал ее, но я заметил, что она высокая и черноволосая, примерно около тридцати лет. Платье на ней шелковое, вид изнеженный — наверняка не привыкла к...

— Клянусь Эрликом! — воскликнул Кушад. — И ты не знаешь, кто была эта дама?

— Нет. Кто же она такая?

— Ах, я и забыл, что ты две недели провел в полном безлюдье. Ведь ты не слышал, что Джамия, любимая жена короля Йилдиза, похищена?

— Клянусь Кромом, нет! Так вот почему отряд Йилдиза проскакал мимо, даже ни о чем меня не расспросив. Я сначала подумал, что это за мной погоня, а потом только гадал, не случилось ли дельце покруче, чем смерть Оркана.

— Жаль, что ты не знал о похищении. Если бы ты спас госпожу, король бы тебя простил. Люди Его Величества рыщут по всему королевству в надежде напасть на след похитителей.

— Когда я служил во дворце, — сказал Конан, — мне приходилось слышать об этой фаворитке, но видеть я ее не видел. Поговаривали, что Йилдиз — безвольный простофиля и все ответственные государственные дела возлагает на нее. Она — истинный правитель страны. Там был верблюд на привязи — заморийцы, наверное, увезли ее на

верблюде. Но если бы даже я спас ее, возвращаться на службу к королю не стал бы.

— Почему?

Конан усмехнулся:

— Когда я скакал посреди гирканийских степей, убегая от волчьих стай и уворачиваясь от стрел кочевников, для меня не было ничего желанней, чем служба у короля. Мне представлялось: я только и буду что красоваться в великолепном мундире и бросать пылкие взоры на дам. Но, как выяснилось, жизнь капитана королевской гвардии невыносимо скучна. Исключая короткую муштру по утрам, весь день надо стоять как статуя, салютуя королю и его приближенным, да следить, чтобы амуниция подчиненных была в полном порядке. От скуки я и затеял интрижку с этой потаскухой Наркией. Кстати, злополучный Оркан — сын Тугрила, Верховного Жреца бога Эрлика. Насколько мне известны нравы жрецов, рано или поздно он отомстил бы, даже если бы король не одобрил его мести: отравленные иглы в постели, кинжал в спину безлунной ночью. Два года прослужить у одного хозяина — для меня это более чем достаточно, к тому же чужеземцы в Туране не назначаются на высокие посты.

— Что ж, чем слаще яблоко, тем прожорливей червь. Куда ты направляешься теперь?

Конан отхлебнул вина.

— В Замору, где водил дружбу кое с кем, когда еще был вором. Кстати, проклятые заморийцы украли мою лошадь.

— Ты хочешь сказать, лошадь короля Йилдиза?

Конан пожал плечами:

— У него достаточно лошадей. Эти чертовы мумии не только коня увели — они украли золото, которое мне удалось скопить. Ты сам советовал мне откладывать хоть немного из месячного жалованья, теперь видишь, какая от этого польза! Лучше бы я истратил эти деньги на вино и женщин — по крайней мере сохранились бы приятные воспоминания.

— Скажи спасибо, что они не перерезали тебе сонному глотку. — Обернувшись, Кушад позвал: — Тамина!

Девушка явилась на зов, и старик велел ей:

— Подними вон ту половицу и дай мне то, что под ней лежит.

Тамина продела палец в кольцо, прикрепленное к половице, и подняла ее. Наклонившись, она сунула ру-

ку в отверстие и извлекла оттуда небольшой, но тяжелый сверток. Она вручила его Кушаду, а тот передал Конану:

— Возьми, сколько тебе нужно, на покупку новой лошади и на расходы по пути в Замору, — сказал чародей.

Конан запустил руку в сверток и извлек оттуда пригоршню золотых монет.

— Ты так добр ко мне! — с удивлением воскликнул киммериец.

— Но ведь и ты помог мне, когда я нуждался в помощи, мой долг отблагодарить тебя. Что ты смотришь на меня не отрываясь? Иди и купи себе все необходимое.

— Откуда ты знаешь, что я смотрю на тебя?

— Я вижу глазами души, поскольку телесные глаза подвели меня.

— Не многих я встречал за годы странствий, кто отвечает благодарностью на добро и является истинным другом, — ответил Конан. — Большинство только и думает, как бы ухватить побольше да покрепче удержать. Я верну тебе деньги как только смогу.

— Вернешь или не вернешь — не беспокойся. У меня их достаточно, чтобы спокойно провести остаток дней. Дочка, задвинь занавески и достань треножник. Духовным зрением я попытаюсь увидеть, куда направились эти заморийцы. Но на это уйдет какое-то время. Ты, наверное, голоден, Конан.

— Голоден! — взревел Конан. — Да я готов разорвать лошадь! Два дня пришлось обходиться совсем без еды: ведь запасы были рассчитаны на путешествие верхом.

— Тамина, приготовь ужин, а ты пока можешь посетить баню, что на нашей улице. Возьми мой старый плащ и накрой лицо капюшоном. Королевские воины наверняка рыщут повсюду, разыскивая тебя.

Спустя полчаса Конан вернулся в дом Кушада.

— Тише, капитан Конан, — прошептала Тамина. — Отец сейчас в магическом трансе. Он разрешил пройти к нему, только сидеть надо очень тихо.

— Тогда я сниму башмаки, малышка, — прошептал Конан, разуваясь.

С обувью в руках, Конан тихо вошел в святилище. Кушад сидел все там же, скрестив ноги; перед ним стоял узкий медный треножник, на котором помещался кубок; в кубке что-то дымилось. Зеленоватый дымок вился тонкой спиралью, сужая и расширяя кольца, наподобие прозрачной змеи, стремящейся выскользнуть из темной комнаты.

Конан, наблюдая, уселся на пол. Кушад бесстрастно смотрел перед собой. Наконец чародей пробормотал:

— Конан, ты здесь. Молчи, я чувствую, что ты рядом. Я вижу небольшой караван, идущий по песчаной пустыне. Там — сейчас я перемещусь поближе — четыре осла, три лошади и верблюд. Одна из лошадей — большой черный жеребец, он навьючен поклажей. Это, должно быть, твой конь. На верблюде паланкин, но я не вижу, кто внутри; наверное, госпожа Джамия.

— Где они? — прошептал Конан.

— Кругом плоская, бескрайняя равнина.

— Что там растет?

— Мелкая колючая трава. Они идут вослед заходящему солнцу. Это все, что я могу тебе сказать.

Чародей медленно высвобождался из магического транса.

— Наверное, они пересекают пустыню меж западной границей Турана и Кезанкийскими горами, за которыми начинается Замора, — предположил Конан. — Короли Турана частенько грозили очистить эти бесхозные земли от зуагиров и прочих разбойников, но обещания остаются обещаниями. Похитители идут быстро, они уже на полпути от Заморы. Навряд ли мне удастся догнать их, даже если я куплю самого быстрого коня в королевстве. И все же я отправлюсь в путь, чтобы возвратить коня и деньги или хотя бы отомстить.

— Если выпадет случай освободить госпожу Джамию, обязательно сделай это. Королевство нуждается в ней.

— Ладно, если риск не будет смертельным. Но зачем заморийцам жена короля Йилдиза? Хотят получить выкуп? Или разгневать короля? Что ж, они этого добьются. Ведь Туран куда могущественней, чем Замора.

Кушад покачал головой в тюрбане:

— Уверен, король Заморы не желает войны. Митридату не хуже нашего известно о мощи соседнего королевства, в

любом случае он всего лишь игрушка в руках жрецов. Глубокий сон, в который Харпагус тебя погрузил, свидетельствует о том, что он владеет приемами жреческой магии. Ты твердо решил ехать в Замору?

— Да.

— Тогда поживи у меня, пока я не обучу тебя некоторым приемам своей профессии.

Конан нахмурился:

— Я предпочитаю разить клинком, а не бормотать заклинания.

— Но меч не спас тебя в Мегарских болотах, не правда ли? А ну-ка припомни, юноша! Прибыв в первый раз в Султанапур, ты возмущался, насколько бесчеловечна стрельба из лука. Однако, живя в Туране, ты признал полезность этого искусства. Подобное же открытие ты делаешь, изучая магическую науку.

— Я буду держаться подальше от жрецов и чародеев, — проворчал Конан.

— Но будут ли они сторониться тебя? И как ты избежишь их, пускаясь вослед, чтобы вернуть украденное?

— Понимаю, к чему ты клонишь, — хмыкнул Конан.

— Где бы ты ни был, ни одна стрела в твоём колчане не окажется лишней. Ты удивляешься, как легко Харпагус и его сообщники выскользнули из Турана. Стоит королевскому отряду настигнуть их, Харпагус наводит чары — и погоня направляется в противоположную сторону. Так же они поступят и с тобой.

— Хм, — настороженно кашлянул Конан. — И чему же ты намерен меня учить?

Кушад улыбнулся:

— Всего лишь защите от чужих чар. Я не могу столь искусно создавать иллюзию, как это делал, имея острое зрение, но кое-что я еще умею. Пойдем ненадолго в сад.

Конан вышел с мудрецом в сад, находящийся за домом; там было много цветов и плодовых деревьев. Кушад обернулся и приказал:

— Смотри на меня!

Конан взглянул на Кушада и увидел, что его незрячие глаза смотрят так же остро и цепко, как глаза Харпагуса. Кушад стал водить рукой перед лицом Конана, что-то тихо нашептывая.

И вдруг Конан увидел, что находится в джунглях, посреди мощных, увитых лианами вековых деревьев, их корни-подпорки громоздились, переплетаясь, поверх лесной почвы. Треск сучьев заставил его обернуться, рука потянулась к мечу. В десяти шагах от него огромный тигр прокладывал тропу в зарослях высокой травы. Издав протяжный рык, тигр оскалил острые, изогнутые наподобие зуагирских клинков зубы и подобрался для прыжка.

Конан молниеносно выхватил меч. К ужасу своему, он не чувствовал силы в руках. И тут же киммериец заметил, что вместо рукояти широкого, длинного меча сжимает в руках извивающуюся змею. Змея вертела головой, пытаясь впиться в руку Конана острыми, как иглы, зубами. С воплем отвращения Конан отшвырнул от себя змею и отпрянул в сторону, чтобы увернуться от прыгнувшего на него тигра. Конан схватился за кинжал. Зная, насколько слабее даже самый сильный боец, чем эта огромная кошка, Конан приготовился к смерти, которая на этот раз казалась неминуемой... И вдруг он увидел, что лежит на траве в саду Кушада. Ворча, Конан поднялся на ноги.

— Теперь ты понял, о чем я вел речь? — с тонкой улыбкой спросил слепой чародей. — Мне следует быть осмотнительней с моими внушениями — ведь ты едва не снес мне голову. К счастью для меня, ты устал после долгого пути и потому был не на высоте. Иди, постель для тебя готова. Завтра мы приступим к обучению.

— Приготовился? — спросил Кушад. Солнечные блики играли на резной изгороди. — Вспоминай правила сложения и пытайся мысленно удерживать в голове картину моего сада. А сейчас взгляни!

Кушад взмахнул рукой и что-то пробормотал. Тонуший в густой зелени внутренний дворик медленно растаял. Конан очутился на краю бескрайнего болота, в призрачно-алом блеске заходящего солнца. Желтые островки болотной травы и тростника перемежались с озерцами стоячей воды, черная гладь которых отражала кровавый отсвет пылающего неба. Странные твари, наподобие летучих мышей, с головами ящериц, бесшумно метались в воздухе.

Из илистой, стоячей воды высунулась голова рептилии; шея была толстой, как у быков, головы которым Конану доводилось сворачивать в годы ранней юности.

Огромная голова поднималась и поднималась на фоне пылающего диска; шее, казалось, не будет конца. Выше, выше, выше...

Рука Конана потянулась к оружию, но он вспомнил, что оставил дома: Кушад настоял, чтобы киммериец проходил испытание невооруженным.

Голова на гигантской шее поднялась уже втрое выше человеческого роста. С лихорадочным напряжением Конан припомнил наставления чародея. Он сосредоточил внимание на образе сада, где хрупкий седобородый мудрец сидел сейчас на подушках, разложенных у тропы. Понемногу черты воображаемого сада становились все отчетливей и он превращался в настоящий, реально существующий сад.

— Четыре плюс четыре — восемь... четыре — плюс пять — девять... — бормотал Конан.

Болото и его обитатели ящеры постепенно растаяли, и Конан увидел, что снова находится в саду. Утерев рукавом пот со лба, он выдохнул:

— Я как будто час провел в сражении.

— Умственное напряжение не менее тяжело, чем физическое, — мягко заметил Кушад. — Ты делаешь успехи, сынок, но все еще мешкаешь там, где требуется проворство. Давай повторим урок.

— Умоляю, только не теперь. Я так устал, словно пробежал десять лиг.

— Что ж, отдохни немного. Как ты впредь собираешься себя именовать?

— Конан из Киммерии — разве плохо звучит? — фыркнул Конан.

— Не кипятись. За твою голову скоро назначат кругленькую сумму, будь уверен. Судя по слухам, тебя считают похитителем Джамили, поскольку вы оба исчезли в одну и ту же ночь.

— Только трусы живут под чужим именем, к тому же я забуду, что нужно на него откликаться.

— К новому имени привыкаешь довольно скоро. Так или иначе, тебе надо выдавать себя за другого человека,

пока ты не попадешь в страну, где тебя не будут преследовать. Какое имя ты бы предпочел?

Конан свел брови, размышляя. Наконец он сказал:

— Отца моего звали Ниял-кузнец. Он был хорошим человеком.

— Замечательно! Ты станешь Ниялом, по крайней мере ненадолго. Тамина! Наш гость снова проголодался. Накорми его как следует.

— Вы, наверное, думаете, что я ем за четверых, — Конан широко улыбнулся, взглянув на ломоть хлеба, предложенный ему девушкой. — После голодных скитаний по Мегарским болотам надо как следует подкрепиться. Спасибо, Тамина.

Конан отхлебнул из кружки пиво.

— Капитан Конан, — обратилась к нему девушка, — ночью я видела сон, который касается вас.

— Почему ты сразу не рассказала его нам, моя юная волшебница? — спросил Кушад.

— Потому что вы заперлись и велели, чтобы никто вас не тревожил.

— Что тебе снилось, девочка? — поинтересовался Конан. — Подобные предостережения меня не пугают: слишком уж много пророческих снов снилось моим знакомым.

— Мне снилось, будто ты бежишь по длинному ходу в подземелье. Тебя преследует какая-то тварь. Там была ужасная темнота, и все же я знала, что тварь эта — огромных размеров, примерно с быка. Ты убегал, а чудовище тебя преследовало.

— Расскажи подробнее, — настаивал Конан.

— Нет, не могу. Помню только еще, что у него были свешившиеся глаза. Восемь глаз, сверкающих как драгоценности.

— То была стая голодных волков? — предположил Конан.

— Нет, там было одно существо. Но передвигалось оно не как обычные животные. Оно — как бы это сказать — семенило, будто какой-то ужасный призрак. И все приближалось и приближалось. Я знала, что вот-вот оно схватит тебя.

— Да? — восторженно воскликнул Конан. — И что потом?

— А потом я проснулась. Вот и все.

Кушад принялся расспрашивать дочь, но девушка не смогла сообщить больше того, что рассказала.

— Мне кажется, — предположил наконец чародей, — сон этот вещий, мой дорогой Ниял. Только что именно он предвещает? Сны можно толковать по-разному, и любое истолкование может оказаться верным. Возможно, тебе следует избегать подземелий — в случае, если от них будет исходить реальная угроза. А теперь, если ты уже сыт, мы снова испытаем твою душевную стойкость.

Через несколько дней Конан, пряча лицо под капюшонном плаща, который дал ему Кушад, выехал на коне Имире из ворот дома чародея. Ему удалось купить мохногривого гирканийского скакуна, куда менее длинноногого, чем украденный Эджил. Конан знал, что такие лошади, уступающие в быстроте длинноногим северным жеребцам, превосходят их выносливостью и неприхотливостью в еде.

Конан торопливо, хотя и сердечно, простился с Кушадом и его дочерью. Тамина бодро улыбнулась и смахнула слезинку. Конан втайне был рад, что уезжает. Молодая девушка, чьи формы уже округлились, поглядывала на него с нежностью. Из оброненных мимоходом слов Кушада киммериец понял, что старик не прочь иметь его своим зятем, но для этого надо было, распрощавшись с вольной жизнью, поселиться в Султанапуре в качестве законопослушного гражданина и ждать, пока Тамина достигнет брачного возраста.

У Конана не было охоты ни становиться оседлым горожанином, ни связывать свою жизнь с какой бы то ни было женщиной. А как человек чести, он не позволил бы себе обмануть первое девическое чувство Тамины. И потому со вздохом облегчения Конан вскочил в седло, обнял наставника и молодую хозяйку, натянул поводья и поскакал прочь.

Глава 4

«ЗОЛОТОЙ ДРАКОН»

Конан все дальше и дальше продвигался на запад, пуская коня то неспешной рысью, то резвым аллюром. Через день он делал привал, и конь его пастись по несколько часов. Без этих остановок животное могло выбиться из сил или

даже погибнуть от тягот долгого пути, прежде чем они доберутся до цели.

Конан ехал теперь через обширные луга западного Турана, где равнина пестрит алыми, голубыми, золотистыми цветами, а над зеленой травой порхает бесчисленное количество бабочек всех оттенков радуги. Плавность тянущихся на многие лиги лугов разнообразили только пологие спуски и подъемы. Путешественнику, проезжающему тут, просторы эти представляются почти пустынными, разве что попадется изредка стадо пасущихся коров или овец. Раз или два в течение дня Конану встречался караван верблюдов, который двигался, позванивая серебряными колокольчиками; звон их сопровождался поскрипыванием и позвякиванием сбруи лошадей, на которых ехала сопровождающая караван наемная охрана. Еще реже одинокий торговец трусил на своем осле и на привязи шел второй, навьюченный поклажей.

Вскоре Конан увидел, что достиг границы. Здесь, в бревенчатых хижинах, жили воины короля Йилдиза, охранявшие королевство от вторжения кочевых разбойников, населявших дикие степи. Охрана была довольно ненадежной. Первым поручением Конану, когда он поступил в регулярную армию Йилдиза, было вытеснить прорвавшихся в страну грабителей назад, в малонаселенные западные степи. Порой какой-нибудь отряд разбивал шайку степняков, и воины возвращались к себе в укрепление, везя на копьях отсеченные разбойничьи головы. Но чаще головорезы задавали солдатам трепку, и они, понурые, ехали на взмыленных лошадях, перекидываясь невеселыми шутками.

Помимо охраны границ воины имели и другие обязанности. Они останавливали и допрашивали путешественников, идущих в Туран или покидающих его пределы, и задерживали преступников и лиц, разыскиваемых властями. Дорога, по которой ехал Конан, упиралась в песчаный тракт; путешественнику верхом предстоял скудный выбор: то ли ехать по этому тракту, то ли скакать по девственной степи.

Поразмыслив, Конан решил, что ему не стоит показываться на глаза королевским воинам, но лучше будет объехать заставу кругом. Он повернул коня на северо-запад, и вскоре торная дорога исчезла из виду.

Около полудня Конан заметил впереди, на ближайшем подъеме, темное пятно. Подъехав ближе, Конан понял, что это продолговатые обломки скал, из тех, что туранские короли велели водружать вертикально, чтобы обозначить границу. Однако точно определить, где проходит граница, довольно трудно, и потому камни могли оказаться на несколько лиг дальше или ближе той линии, которая обозначала границу на картах Турана.

Конан продолжил свой путь на запад и с наступлением вечера пустил коня пастись, а сам растянулся на одеяле, убежденный, что Туран остался далеко позади.

Проснулся он, услышав, что кто-то подкрадывается к нему. Прежде чем Конан успел вскочить, на него набросили какую-то хитрую ловчую снасть. Чем сильнее он отбивался, тем больше запутывался. Киммериец понял, что угодил в охотничью сеть, которую гирканийцы часто используют в совместной охоте.

Выпутаться ему не удалось: на голову обрушился удар дубинки, перед глазами замелькали искры — и наступила тьма.

Придя в себя, Конан обнаружил, что руки у него крепко скручены за спиной. Подняв голову, он увидел, что лежит во тьме, под звездным небом, и его окружают одетые в мундиры королевские стражники — кто пеший, кто верхом. Один из них, судя по знакам отличия — офицер, скомандовал:

— Поднимайся на ноги, проходимец!

Ворча, Конан попытался встать, но со связанными за спиной руками невозможно было подняться без посторонней помощи. После нескольких неудачных попыток Конан повалился на траву.

— Помогите мне кто-нибудь, — прорычал он.

— Арслан, помоги ему, — велел офицер. — А ты, Эйдин, стой с дубинкой наготове, если он вздумает бежать или кусаться.

Наконец Конану удалось подняться.

— Что это значит? — возмущенно проревел он. — Кто дал вам право совершать насилие над беззащитным путешественником?

— Вот это мы и выясним, — сказал офицер. — Честные путешественники останавливаются у заставы и отвечают на вопросы, а ты постарался улизнуть. К счастью, пастух заметил, как ты свернул с большой дороги, и ночь для погони довольно ясная. А теперь идем и выясним, так ли уж ты безобиден.

Один из воинов накинул на шею Конана гирканийское лассо — веревочную петлю, прикрепленную к шесту, — и сдавил ему горло. Стражники сели на коней и поехали по равнине, один из них вел Имира. Конан, спотыкаясь, брел следом.

Когда они добрались до заставы, солдаты втолкнули Конана в крохотную, набитую людьми каморку. Шестеро человек стояли с саблями наготове, не сводя с Конана глаз, пока их начальник усаживался за грубый складной стол.

— Вот нарушитель, капитан, — доложил лейтенант, который привел Конана.

— Он сопротивлялся?

— Нет, мы схватили его сонным. Но я думаю, что...

— Меня не интересует, что ты думаешь. Эй, парень!

— Да? — проворчал Конан и, прищурившись, взглянул на офицера.

— Кто ты такой?

— Ниал, туранский воин.

— Ты не гирканиец, судя по акценту. Откуда ты?

— Я родился в Пограничном Королевстве, — сказал Конан. Он успел это сочинить по пути на заставу.

— Что за страна?

— На северо-западе, недалеко от Гипербореи.

— В каком полку ты служил?

— В кирасирском полку под командованием капитана Шендина в Хоарезме.

Это был реальный полк, хорошо известный Конану. Конан был рад, что послушался Кушада и оставил свой роскошный мундир у чародея; будь он сейчас с ним, его личность установили бы без труда.

— Почему ты покидаешь Туран? Задумал дезертировать?

— Нет, мне дали отпуск, чтобы я смог навестить свою больную мать. Сейчас я иду домой, а вернуться должен

через три месяца. Пошлите спросить капитана Шендина, если не верите.

— Тогда почему ты пытался обойти заставу?

— Чтобы не тратить времени, отвечая на глупые вопросы, — отрубил Конан.

Капитан побагровел от ярости. Прежде чем он успел ответить, лейтенант сказал:

— Не думаю, что это сбежавший капитан Конан, хоть он и соответствует описанию. Во-первых, с ним нет госпожи Джамили. Во-вторых, он не пытается задобрить нас, как обычно это делают виновные. И наконец, капитан Конан, если верить тому, что о нем говорят, не настолько глуп, чтобы так легко позволить себя схватить.

Капитан поразмыслил и наконец сказал:

— Да, похоже, ты прав. Но его следует высечь за непочтительность и за то, что задал нам столько напрасных хлопот.

— Прости, господин, но люди так часто заблуждаются. К тому же, если он и вправду воин-отпускник, наша грубость заденет его командира и у нас будут неприятности.

Капитан вздохнул:

— Развяжите веревки. И в следующий раз, достопочтенный Ниал, постарайся обойтись без подобных штук, а не то не избежать тебе кнута. Можешь идти.

Невнятно пробормотав слова благодарности, Конан забрал у солдата свой меч и направился к дверям. Он уже отошел на несколько шагов от хижины, когда ему вдруг встретился другой лейтенант.

— Конан! — с удивлением воскликнул лейтенант. — Разве ты забыл Кхурсо, своего старого...

Конан отреагировал мгновенно. Нагнув, как бык, голову, он бросился на лейтенанта и так сильно толкнул его в грудь рукой, что тот покачнулся и рухнул на спину. Перескочив через распростертое туловище, Конан ринулся во тьму.

Имир был привязан к колышку у крайней хижины. Не имея времени вытащить меч или кинжал, Конан рывком оборвал кожаные поводья, прыгнул в седло и больно ударил коня пятками в ребра.

Воины короля как ошпаренные выскочили из хижины и бросились к конюшне седлать своих скакунов, но Конан

был уже далеко — маячил во тьме крохотным пятнышком. Скрывшись за пологим гребнем, он поскакал к дороге. Задолго до того, как шар солнца всплыл над горизонтом, Конан ушел от преследователей.

В заморийском языке слово «мол» обозначает наиболее грязную, пользующуюся дурной славой часть города. В обеих заморийских твердынях — и Шадизаре, и Арэнджу-не — есть трущобы, и даже небольшие города могут похвастаться своим «молом». В трущобах обитает беднота. В лачугах-развалинах находят себе приют полуголодные несчастливцы, потерпевшие жизненный крах и забытые всеми; разорившиеся селяне, перебравшиеся в город в тщетной надежде найти пропитание; воры и разбойники, грабящие и богатых, и своих же соседей-бедняков. Тут же живут скупщики и хранители награбленного добра.

Вонючие извилистые улицы Шадизара вызвали у Конана воспоминания о днях, когда он был заморийским вором. Хотя за последние два года он привык к солдатской жизни, запах трущоб пробудил в нем неумного искателя приключений, который не считается ни с какими законами. В душе Конана зашевелилась тоска по тем дням, когда у него не было хозяина и он не знал иной дисциплины, кроме говорившей порой совести и варварского представления о чести. Досадуя на дисциплинарные ограничения, Конан, в бытность свою наемником, подумывал о том, что, ведя полуголодное существование вора, он вкушал истинную свободу.

Направляясь к гостинице Эриака, Конан шагал по омерзительным переулкам, скудно освещенным факелами и лампами с пылающей нефтью, редкие полосы света перемежались с длинными провалами тьмы.

Конан шел, увязая в грязи и мусоре, отбиваясь от попрошаек и сводников. Две шайки головорезов попались ему навстречу, но он не испугался их хищных и угрожающих взглядов, и разбойники отступили: могучий рост Конана и его огромный меч поумерили их пыл. Наконец киммериец подошел к дому, на дверях которого, освещенная двумя дымящимися факелами, висела темная доска с намалеванным на ней желтым драконом. Это значило, что

здесь располагается гостиница «Золотой дракон», где можно было расположиться на ночлег, а также выпить вина или пива. Протолкнувшись вовнутрь, Конан окинул залу цепким взглядом. С низкого, черного от копоти потолка свисали две медные лампы, свет от горевшей в них нефти падал на стены подвижными бликами. За столами на скамьях располагался обычный для таких заведений сброд: пара подвыпивших солдат, похвалявшихся своими любовными приключениями; трое беглых зуагиров в кафиях, которые пугливо озирались по сторонам, что выдавало в них явно не городских жителей; дурачок, без конца что-то бубнящий себе под нос. Один из посетителей был довольно недурно одет — наверное, глава местной артели воров; за соседним столом сидел астролог, углубленный в вычисления звездных путей на свитке папируса...

Конан подошел к прилавку, за которым стояла смуглая женщина средних лет.

— Тигранес здесь? — спросил у нее Конан.

— Он только что вышел, но скоро вернется. Что будешь заказывать?

— Вина. самого обычного.

Женщина сняла крышку с бочонка, достала черпак и, наполнив сделанную из кожи кружку, подала ее Конану. Киммериец положил на прилавок монету и взглядом окинул комнату. Только одно место было свободно, за небольшим столом на двоих. Там уже сидел худощавый темнокожий заморийский юноша, бездумно созерцавший свою кружку с пивом.

Конан подошел к столу и сел. Юноша нахмурился, и киммериец спросил:

— Не возражаешь?

Замориец с неохотой покачал головой:

— Да нет, располагайся.

Конан выпил вино и, вытерев губы, спросил:

— Что нового в Шадизаре?

— Не знаю. Я только что с севера.

— В самом деле? Что же нового на севере?

Юноша недовольно хмыкнул:

— Я служил охранником храма в Йезуде, но эти вонючие жрецы уволили всех солдат-заморийцев. Теперь Феридун нанимает только чужеземцев, чтоб его разорвало.

Прости, — добавил замориец, спохватившись, — я вижу, ты тоже из дальних стран. Я не хотел тебя оскорбить.

— Пустяки. А кто такой Феридун?

— Верховный Жрец бога Заца.

Конан напряг память:

— Зац — это бог-паук, покровитель Йезуда?

— Да.

— Но почему жрецы предпочитают охрану, набранную из чужеземцев?

Юноша пожал плечами:

— Они говорят, что хотят иметь воинов покруче. Но я полагаю, это всего лишь уловка в ходе бесконечных жресческих войн.

— Что-то вроде ножа в спину?

— Вот-вот. Сейчас жрецы Уруда обладают полной властью над королем, а жрецы Заца намереваются взять над ними верх.

— И жрецы Заца надеются, что чужеземцы для них будут более надежной опорой, чем воины из местного населения. Что ты сейчас собираешься предпринять?

— Буду искать новую работу. Я Азан, сын Вологаса, и пользуюсь доброй славой — хоть и не такой верзила, как ты. А ты не знаешь, где здесь нужда в наемных воинах?

Конан покачал головой:

— Я недавно прибыл в Шадизар и нахожусь в том же положении, что и ты. Говорят, туранцы вербуют наемников в Аграпуре. А вот и нужный мне человек.

Конан допил вино, поднялся и возвратился к прилавку, где лысый мужчина с толстым животом сменил смутлокожую хозяйку.

— Привет, Тигранес! — сказал Конан.

Лысый тостяк, просияв, воскликнул было: «Ко...», — но киммериец остановил его протестующим жестом.

— Меня зовут Ниял, — предупредил он. — Не забывай, пожалуйста. Как поживаешь, друг? Когда мы с тобой расставались, макушка твоя была еще прикрыта волосами.

— Увы, в этой жизни все преходяще, друг. Давно ли ты в Шадизаре? Где остановился? Как нашел меня?

— Отвечу по порядку, — улыбнулся Конан. — Но прежде найдем местечко, где можно поговорить без свидетелей.

— Да, ты прав. Атосса!

Женщина вновь заняла место за буфетной стойкой. Тигранес, сжав локоть Конана, провел его в заднюю комнату, отгороженную занавеской.

— Других отдельных комнат в доме нет, — пояснил Тигранес, разливая по кубкам вино. — А теперь расскажи мне о себе. Что ты делал в последние несколько лет?

— Служил солдатом в Туране, но мне пришлось поспешно убраться оттуда.

Хозяин таверны хохотнул.

— Узнаю тебя, дружище Конан, — то есть, я хотел сказать, Ниял.

— Где ты остановился?

— В гостинице Эриака, в районе трущоб. Я расспрашивал всех о тебе, и мне сказали, как тебя найти.

— Чем ты сейчас занят?

— Ищу для себя подходящее дело, законное или любое другое. Если тебе нужен скупщик краденого, на меня не рассчитывай. Когда меня арестовали, я отдал все, что имел, до последней копейки. Только так и удалось избежать виселицы.

Тигранес многозначительно взглянул на занавеску, закрывавшую дверной проем.

Конан покачал головой:

— Нет уж, полуголодная жизнь мне надоела. Но я был солдатом и участвовал в походе из Шапура в Кхитай, мне бы подыскать что-нибудь в этом роде.

Кстати, вчера сюда приходили туранцы, — вспомнил Тигранес. — Задавали много вопросов. Они разыскивали человека, по описанию похожего на тебя, и с ним какую-то женщину. Это имеет к тебе отношение?

— И да и нет. Как выглядели эти туранцы?

— Старший коренастый, широкоплечий, с седой бородой. Зовут его Парвез. С ним несколько человек селян и охрана из гвардейцев короля Митридата. Наш король, очевидно, помогает ему в поисках.

Парвеза я знаю, — сказал Конан. — Это дипломат короля Йилдиза. Шайка заморийцев похитила любимую жену Йилдиза, и король жаждет ее возвращения. Я к этой проделке не имею никакого отношения, но туранцы меня подозревают. Похоже, мне надо поживей убраться из Шадизара.

— И это не единственная причина, — заметил Тигранес. — Власти еще не забыли твоих походов, несмотря на то что миновало несколько лет. Внешность тебя выдает, как ты там себя ни называй.

Тигранес, прищурившись, взглянул на Конана, и в его маленьких поросычьих глазках засветился огонек алчности.

— Наверное, я поеду в... — начал было Конан, но, почуввав недоброе, замолчал. По опыту он знал, что чувство чести у обитателей трущоб — явление столь же редкое, как птичье молоко. — Впрочем, не знаю, — с деланной небрежностью сказал Конан. — Я пробуду здесь несколько дней, прежде чем решу, куда ехать. К тебе я вскоре опять загляну.

Грубовато посмеиваясь, чтобы Тигранес не заметил его подозрений, Конан вышел из «Золотого дракона» и вернулся в гостиницу Эриака. Но вместо того чтобы отправиться спать, он разбудил хозяина, расплатился за постой и вывел Имира из конюшни. Рассвет он встретил далеко от города, на дороге, ведущей в Йезуд.

На следующее утро Тигранес, который мучился бессонницей, размышляя, как ему поступить, отправился в ближайшую караулку стражников. Он рассказал сержанту, что небезызвестный Конан, который разыскивается заморскими властями за множество совершенных им преступлений и которого ищут всюду посланники из Турана, находится сейчас в гостинице Эриака.

Но когда сержант с отрядом стражников вторгся в гостиницу, ему сообщили, что Конан несколько часов назад уехал неизвестно куда. Тигранес, вместо платы за донос, был наказан кнутом, поскольку запоздал со своей вестью. Потирая синяки, он вернулся к себе домой. Как это ни нелепо, Тигранес призвал проклятия на голову киммерийца, виня его в своих злоключениях.

А тем временем Конан на Имире мчался вперед так быстро, как только мог нести его конь.

Жители деревушки Заминди приготовились к занятому зрелищу. Селяне в заплатанных серых, бурых, коричневых шерстяных туниках все, как один, вышли из домов, многие

держали детей на плечах, чтобы малышам лучше было видно. Всем хотелось посмотреть, как сожгут ведьму Ниссу.

Старуху привязали к сухому дереву на расстоянии полета стрелы от деревенских домов. В лохмотьях, с развевающимися на ветру седыми волосами, ведьма угрюмо наблюдала, как несколько человек громоздят вокруг нее сучья и хворост. Ведьма была крепко прикручена к стволу, но веревки не врезались в ее плоть, потому что старуха была немислимо худа.

Селяне, поглощенные приготовлениями к зрелищу, не слышали стука копыт на тропе, соединяющей дорогу на Шадизар с деревней. Пока старейшина подносил горящий факел к хворосту, сквозь толпу протиснулся коренастый гирканийский гнедой.

Хворост занялся огнем и запылал с веселым треском. Нисса молча смотрела вниз, ее старческие, слезящиеся глаза выражали отрешенность.

Почувствовав толчок и фырканье над самым ухом, селянин, жуящий яблоко, оглянулся и отскочил: это Имир, потянувшись на запах и желая откусить кусок, ткнулся в парня своим бархатным носом. Парень удивленным взглядом скользнул по крупу коня и уставился на сидящего на нем огромного всадника.

— Что это вы затеваете? — проскрежетал Конан.

— Собираемся сжечь ведьму, — с презрительной гримасой ответил селянин.

— А что она сделала?

— Погубила злыми чарами троих детей и корову, все умерли в одну и ту же ночь. А ты кто такой, чтобы спрашивать?

— Вы враждовали с ней?

— Нет, если уж тебе так интересно, — раздраженно ответил парень. — Она была нашей знахаркой. Но злой дух вселился в нее и заставил погубить живые души.

Пламя объяло уже толстые сучья, и Нисса закашлялась от дыма.

— Люди и скот мрут постоянно, — возразил Конан. — Отчего ты думаешь, что тут замешано колдовство?

— Послушай-ка, чужестранец, — закипая, сказал селянин, — не совал же ты нос в чужие дела. Езжай отсюда подобру-поздорову.

Конан не любил ведьм. Ни малейшего понятия не имел он и о судопроизводстве. Но киммериец был убежден, что селяне вымещают свою гору на немощной, безобразной старухе, даже не считая ее в действительности виноватой.

Конан не имел обыкновения вмешиваться в чужие дела. Если парень говорит с ним искренне, только и остается, что пожать плечами и ехать своим путем. Но его задела грубая манера собеседника. К тому же, как варвар, он считал, что обязан покровительствовать женщинам, независимо от их возраста, внешности или положения в обществе. Дерзкие слова парня только раззадорили его. Конан твердо решил, что должен спасти старуху.

Он заставил коня попятиться и выехал из толпы. Взяв разгон, он прищипорил Имира и, издав боевой киммерийский клич, на всем скаку помчался к горящему дереву. Зеваки бросились врассыпную. Замешкавшихся сбил с ног скачущий конь.

Оказавшись близ охваченной кольцом огня жертвы, испуганный Имир закатил глаза и взвился на дыбы. Конан успокоил коня и сквозь дым подъехал к стволу, чтобы перерезать пути.

Сделать это было нетрудно: бережливые селяне принесли на костер самые старые, полусгнившие веревки.

В толпе послышалось недовольное ворчание, когда Конан протянул ведьме руку, взревев:

— Держись-ка, матушка!

Нисса крепко ухватила за его загорелую руку; мощным рывком Конан поднял ее и посадил на загривок лошади перед седлом.

— Держись! — снова крикнул Конан, прижав к себе старуху и пуская Имира вскачь.

Селяне, с ропотом подступавшие к костру, бросились в разные стороны. Промчавшись сквозь толпу, Конан заметил, что самые проворные побежали к своим хижинам. Вскоре они выскочили оттуда кто с серпом, кто с вилами, кто с остройгой.

— Куда тебя отвезти, матушка? — спросил у ведьмы Конан.

— У меня больше нет дома, — дребезжащим голосом ответила старуха. — Они сожгли мою лачугу.

— Так куда же теперь?

— Туда, куда и ты, умоляю, господин.

— Я направляюсь в Йезуд, не могу же я взять тебя с собой.

— Если доехать до главной дороги, а там свернуть налево, на тропу, мы доберемся до моего убежища. Но одолеет ли конь крутой подъем, неся двойную ношу?

— Пойдет ли он, если я его поведу?

— Да, господин, в этом я не сомневаюсь. Но поспешим! Я слышу позади лай собак.

Отдаленный лай достиг ушей Конана. Киммериец имел острый слух, и однако старуха раньше его слышала погоню.

— Ты хорошо слышишь, хоть и стара, — заметил Конан.

— Я знаю способ, как притупить обострившиеся чувства, — ответила ведьма.

— Они пустили собак по нашему следу, — не приведут ли их собаки к твоему убежищу?

— Нам бы только добраться туда, а там уж я сумею их провести.

Когда Конан и Нисса выехали наконец на большую дорогу, шум погони сделался громче: Имир устал, обремененный двумя седоками. Вскоре Нисса различила вдали преследователей.

Конан пустил Имира рысью по крутой тропе, которая вилась и ныряла меж холмов. Лай становился все слышней, Конан понял, что положение почти безнадежно. На равнине, где достаточно места для маневра, его бы не испугала ватага деревенщины, вооруженной серпами и вилами. Но тут, посреди камней и ям, преследователи, при достаточной смелости, могут легко окружить его, перерезать поджилки коню, а всадника изрубить в куски.

— Преследователи скачут верхом, — сквозь зубы проормотал Конан.

— Да, господин. Лошадей в деревне хоть отбавляй, селяне сами их разводят. А парни наши искусны в беге, они всегда одерживают верх над жителями других селений. Я всегда гордилась своей деревней.

Конан знал, что, если он бросит Ниссу, преследователям не догнать его. Но раз уж он взялся ее спасти, ничто не заставило бы его отказаться от этой затеи. В таких случаях Конан всегда проявлял упорство.

Тропа становилась все более крутой и каменистой. Конан спешился и обошел уставшую лошадь.

— Я пойду пешком, — сказал он. — Далеко ли еще?

— С четверть лиги. Как подъедем ближе, я тоже пойду пешком.

Они продолжили путь, Конан шел, ведя под уздцы Имира. Лай собак приближался: преследователи настигали их. Конан ожидал, что они вот-вот появятся.

— Я тоже должна спешиться, — дрожащим голосом сказала Нисса, — помоги мне, господин.

Конан помог ей слезть с коня. Ноги плохо держали ослабевшую старуху, но она тут же, указав рукой на склон, где не было никакой тропы, проворно стала взбираться наверх, хотя дышала затрудненно, с мучительным сипом. Оглянувшись через лужайку, где на редкой траве были разбросаны валуны, Конан увидел, как на солнце зловеще сверкнула сталь.

— Надо поторопиться, — проворчал он. — Я понесу тебя, матушка.

Не слушая протестов, он сгреб ее хрупкое тело и стал торопливо подниматься по склону. Пот градом катился по лицу, дышать становилось все трудней.

— Вон туда, в тот пролом, — прошептала ведьма.

Со старухой на одной руке, другой сжимая уздечку Имира, Конан оказался на дне узкого ущелья, по склонам которого росли редкие чахлые сосны. Пробиваясь сквозь нагромождение валунов, пенился и рокотал ручей. Идти приходилось перепрыгивая с камня на камень; Имир, пошатываясь и спотыкаясь, следовал за хозяином.

— Здесь! — прошептала Нисса.

За выступом скалы Конан заметил вход в пещеру, прикрытый колючим кустарником и свисающими до самой земли лозами дикого винограда. Ведьма села у входа, стараясь отдышаться.

— Поскорей берись за ворожбу, матушка: селяне вот-вот настигнут нас.

Помоги мне развести огонь, — тяжело дыша, попросила ведьма.

Конан набрал сухой листвы и сучьев и высек искру при помощи стали и кремня. Он обернулся к Ниссе, но ведьма исчезла в глубине пещеры. Вскоре она вышла к костру,

сжимая в костлявом кулаке кожаную суму. Порывшись в ней, ведьма достала щепоть порошка, который тут же бросила в огонь. Пламя затрепетало и забилося; от костра, извиваясь, будто змея в предсмертных судорогах, стал подниматься пурпурный дымок.

Шепотом ведьма прочла заклинания на языке столь древнем, что Конан сумел понять только одно-два слова.

— Поторопись, матушка, — прорычал он, так как шум погони становился все ближе. — Они вот-вот будут здесь.

— Не мешай мне, дитя! — отрезала ведьма.

Много лет протекло с тех пор, как кто-либо осмеливался так обращаться к Конану, но он благодушно снес оскорбление.

Сидя на валуне, Конан видел конец ущелья, упирившийся в склон, по которому они поднимались. Заметив всадников, он вскочил на ноги и схватился за меч. Преследователи смогут проникнуть в ущелье через узкий пролом по одному или по двое, если только не вскарабкаются на утес, чтобы атаковать сверху. А если у кого-нибудь из них лук со стрелами? У Конана не было при себе доспехов, и, даже обладая ловкостью пантеры, нельзя увернуться от стрелы, пущенной с близкого расстояния.

Нисса все еще бормотала над костром, когда Конан рывкнул:

— Вот они!

— Молчи и положи клинок, — взмолилась ведьма. — Взгляни-ка теперь! — сказала она, и в ее дребезжащем старческом голосе прозвучало торжество.

Конан взглянул на вход в ущелье: и селяне на лошадях, и их собаки — все промчались мимо.

— Молчи, дитя, а не то они услышат нас, — прошептала старуха.

Вскоре шум погони совершенно затих.

— Благодаря чарам вход в ущелье стал казаться сплошной скалой. Если бы ты крикнул, или лезвие меча сверкнуло бы на солнце, или кто-то из преследовавших попробовал прислонить вилы к мнимой скале — иллюзия рассеялась бы, как туман.

Ведьма устало оперлась на отвесный камень.

— Помоги мне войти в пещеру, умоляю. Я слишком слаба.

Конан помог старухе войти в пещеру, где в беспорядке были сложены съестные припасы, пучки трав и всяческий скарб.

Ведьма, усевшись на пол, спросила:

— Молодой господин! Могу ли я попросить тебя еще об одном одолжении? Надо приготовить ужин. Я слишком слаба, чтобы хлопотать у костра.

— Я немного умею готовить, — сказал Конан. — В придворные повара я точно не гожусь, но на ночлеге в безлюдных степях приходится готовить себе самому.

Порывшись в ведьминых припасах, Конан разложил костерок.

— Расскажи-ка, матушка, — предложил он, — за что на тебя обозлилась деревня?

Старуха прокашлялась и начала свой рассказ:

— Я Нисса из Комата. Много лет я прожила в Заминди, занимаясь скудно оплачиваемым ремеслом белой колдуньи. Я исцеляла от болезней людей и скотину, гадала для влюбленных, предсказывала перемены погоды. Но я всегда говорила людям, что в ворожбе ничего нельзя сказать наверняка, в конечном итоге все зависит от воли богов.

Случилось, что в Заминди начался мор. Многие заболели, и в одну ночь умерло трое детей. Я делала все, что от меня зависело, но ни заклятья, ни снадобья не помогли. В деревне стали поговаривать, что я злая колдунья. Все ограничилось бы сплетнями, если бы не Бабур, наш старейшина. Он давно зарился на клочок земли, где стояла моя хижина. Я отказывалась продать ему участок даже по хорошей цене, вот он и отомстил мне. — Ведьма закашлялась. — Вчера я составила себе гороскоп и увидела, что расположение планет предвещает зло. Сегодня утром я собиралась перенести свои пожитки сюда, в пещеру, которую я давно уже высмотрела на всякий случай. Но опоздала: селяне, ворвавшись в дом, схватили меня и поволокли в деревню. — Нисса усмехнулась: — Нам удалось обмануть предзнаменования. По крайней мере на сегодня. А что произошло с тобой, молодой господин?

Рассказав Ниссе то, что считал нужным, киммериец спросил:

— Что ждет меня в будущем?

Нисса взглядела в даль старческими, слабыми глазами.

— Кое-что я могу тебе сказать. Ты человек страстный, и раздоры сопутствуют тебе, даже если ты сам тому не рад. Несметные полчища идут на тебя. Я — не последняя ведьма, к помощи которой тебе придется прибегнуть в крайней нужде. Осторожней с привязанностями. Тебе будет часто казаться, что счастье близко, но оно ускользнет из рук, растает, как утренняя дымка. Это все, что я сейчас могу тебе сказать. Мои старческие силы подорваны, необходимо отдохнуть. Я не из тех колдунов, кто вливает в себя новую жизнь при помощи магии. Завтра я прибегну к более действенным заклинаниям, чтобы приоткрыть завесу над твоим будущим. А пока прими знак моей благодарности.

— Матушка, мне ничего не... — стал было спорить Конан, но ведьма остановила его жестом.

— Еще никто не называл Ниссу неблагодарной, — сказала она. — Это сущая безделица в сравнении с тревогами минувшего дня.

Порывшись в разбросанном по пещере хламе, ведьма нашла маленький мешочек и протянула его Конану.

— Здесь несколько щепоток Порошка Забвения, — пояснила она. — Если к тебе приблизится враг, брось ему в лицо щепоть порошка. Вдохнув порошок, он забудет, кто ты такой и все, что с тобой связано.

— Как же мне с ним потом поступить? — спросил Конан. — Если он оскорбил меня, его следует убить, но нельзя же убивать человека, который забыл, что мы с ним в ссоре.

— Можно отпустить его, ни о чем не беспокоясь. Убить такого человека — все равно что убить ребенка из-за того, что ты в ссоре с его отцом. Бессмысленно жестокая месть.

Конан проворчал, что он согласен, хотя никогда прежде не задумывался о подобных поступках. Для киммерийцев было обычаем мстить представителям враждебного клана, убивая их детей.

Конан попытался отказаться от порошка, заявив, что не собирается связываться с магией. Но старуха была так настойчива, что он со словами благодарности принял дар, лишь бы только ее не обидеть.

Проснувшись на следующее утро, Конан обнаружил, что Нисса мертва, тело ее давно остыло. Все-таки не удалось ей обойти предзнаменования.

Солнце пряталось за крутыми склонами Карпашских гор, когда Конан направил Имира в узкую долину, ведущую к Йезуду, городу бога-паука. Сгушавшиеся сумерки набросили тень на ущелье. Почва была каменистой, растительность чахлой, потому что покрытые вечными снегами Карпашские, тянувшиеся сплошным массивом с севера на юг, не пропускали в Замору влажные западные ветра. Подковы Имира то звонко цокали по камням, то вязли в лужичках просачивающейся на поверхность нефти.

Тропа вилась над полувысохшим ручьем, который пенился и как будто играл в прятки посреди валунов. Забираясь все круче и круче тропа была узка настолько, что по ней мог ехать только один всадник. Там, где она расширялась, Конана, бывало, поджидал какой-нибудь путник, чтобы, разминувшись, продолжать спуск. Однажды Конану попался торговец, который вел с собой четырех ослов, нагруженных по бокам сосудами с нефтью. В низинах южной Заморы эта черная маслянистая жидкость использовалась для различных нужд: ее употребляли как слабительное, смазывали колеса повозок, заправляли лампы, лечили чесотку.

Конан нагнал стадо коров, которое неспешной вереницей продвигалось вверх по тропе. На одном из поворотов стало видно все стадо, на удивление огромное: Конан насчитал около восьмидесяти голов. Стадо гнали в Йезуд несколько пастухов. Медлительность неуклюжей скотины раздражала Конана, но по узкой, извилистой тропе объехать стадо было невозможно.

Несмотря на то что с заходом солнца долина погрузилась во мрак, небо все еще светилось лазурью; наконец ущелье перешло в узкую долину. Близ дороги приткнулась деревушка. Поодаль высился уступ, делящий долину надвое, и на нем теснился обнесенный стеной акрополь. Купол мраморного храма, где поклонялись богу Зацу, поднимался над розовыми городскими крышами подобно венцу монарха. Йезуд — так назывался город-крепость, а деревня именовалась Кшесрон.

Как только тропа стала шире, Конан объехал стадо и проскакал по деревушке: чумахая ребятня бросилась врассыпную, дворняги отскакивали, отчаянно гавкая вслед Имиру. Единственным общественным заведением в Кшесроне была гостиница, верхний этаж которой высился над грязными деревенскими развалахами; над дверным косяком была прибита ветка.

Чтобы попасть в город, надо было подняться на утес по вырубленной в скале узкой крутой дороге. Это был единственный путь, и Конан заключил, что при упорной защите город будет совершенно неприступен. Склоны утеса почти что отвесны, а с тыла город защищает гроздящаяся над ним гора Чаф. Преодолеть все эти препятствия под силу разве что отряду легковооруженных киммерийских горцев.

Имир, едва ступив на дорогу, отказался идти вперед. Напрасно всадник прищипоривал его: конь стоял будто вкопанный. В конце концов Конан спешился и начал подниматься по склону, ведя под уздцы упирающегося коня. На протяжении всего подъема лошадь закатывала глаза, прядала ушами и вела себя так, как если бы чужла какое зло, неподвластное человеческому восприятию.

Человек и упирающийся конь достигли наконец тесной каменной площадки перед городскими воротами, находящейся на головокружительной высоте. Двое вооруженных стражников, более крупных и рослых, чем заморийцы, стояли перед распахнутыми обитыми бронзой воротами.

— Кто ты такой и по какому делу? — лаконично спросил один из стражей, сурово глядя на Конана.

— Ниал, наемный солдат, — ответил киммериец. — Я слышал, вам нужны такие, как я.

— Были нужны, — язвительно скривив губы, ответил солдат. — А теперь нет. Ты опоздал.

— То есть все вакансии заняты?

— И твое путешествие оказалось напрасным.

Стражник говорил по-заморийски с незнакомым акцентом.

— Вас обоих недавно наняли? — спросил Конан.

— Да, мы из Вольного отряда капитана Катигерна.

Конан, которого раздражала грубая манера стражника, старался сохранять спокойствие.

- Откуда ты родом, дружище?
- Мы бритунийцы.
- Да что ты! Где я только не путешествовал, а в Бритунии не бывал. Мне до зарезу надо поговорить с чиновником, который вас нанимал, какого бы ранга он ни был.
- Сегодня уже поздно. Попробуй завтра утром.

Конан хмыкнул:

- Есть ли в Йезуде постоянный двор, где я мог бы заночевать, оставив лошадь в конюшне?

Солдат презрительно захохотал:

- Любый дурак знает, что только жрецы и работники храма могут приклонить голову в стенах Йезуда.

Конан так и вспыхнул от ярости. Он и без того был раздрадован медлительностью стада и упрямством жеребца, но стражник своей наглостью довел его до белого каления. Удержавшись от грубых слов, Конан постарался запомнить грубияна, чтобы при случае свести с ним счеты. Притворяясь хладнокровным, варвар спросил:

- Где же ночуют путешественники?

— У Бартейка в гостинице, в Кшесроне. Но если там битком набито паломниками, переночуешь под звездным кровом.

— Мне не впервой, — огрызнулся Конан. Он собрался было спуститься вниз, но по дороге уже поднималось стадо. Мыча и вздыхая, коровы и быки вереницей трусили под проклятия пастухов.

— Посторонись, олух, пусть стадо пройдет! — рявкнул охранник.

Конан, стиснув зубы, схватился было за меч, но, вспомнив все же, что высовываться лишний раз не стоит, сдержал свой пыл. Кипя от злости, он стоял и смотрел, как проходит стадо, пока последнее животное не скрылось в воротах. На небе уже мерцали звезды. Ведя Имира, Конан с напряжением вглядывался во тьму, чтобы не оступиться и не рухнуть вместе с конем вниз с крутого утеса.

В гостинице Бартейка было много свободных спален. Паломники стекались в основном в определенные дни года, во время больших праздников в храме Заца. Весенние торжества только что миновали, а праздник Всех Богов еще

не наступил, и потому в комнатах пустовали кровати, а в конюшне — стойла.

Конан, пригнувшись, вошел и осмотрел залу, где несколько посетителей сидели за столами — кто за ужином, кто за выпивкой или игрой. Некоторые были крупного телосложения, с каштановыми или рыжеватыми волосами; по их мундирам Конан догадался, что это наемники-бритунийцы. Другие, довольно невзрачного вида, были местные, за исключением одного стройного смуглого молодого стигийца с бритой головой, в длинном, до пят, монашеском одеянии. Конан встречал уже таких людей в Коринфии и Немедии, где ему объяснили, что это жрецы, монахи или просто ученые. Бритоголовый сидел, склонившись над разложенными на столе пергаментами, папирусными свитками, плоскими деревянными табличками.

За стойкой молодая пышногрудая женщина с вьющимися волосами наливала ковшом пиво в кружки посетителей. Когда Конан подошел, она обернулась и позвала:

— Отец!

Толстяк-хозяин, фартуком вытирая руки, вышел из кухни.

— Слушаю, господин, — учтиво сказал он.

Конан заказал ужин и кровать для себя и кадку зерна и стойло для Имира. Поужинав и выпив пива, киммериец рано улегся спать.

С рассветом Конан уже стоял у ворот Йезуда. Когда ворота распахнулись, Конан увидел незнакомых стражников и с ними офицера в красивом мундире. Офицер был мускулистый и ростом почти с Конана, с жесткими рыжими усами, концы которых лихо закручивались. Увидев киммерийца, офицер сказал:

— Ха! Это ты сюда приходил вчера поздно вечером и расспрашивал о работе в Йезуде? Рубаке здесь нечего делать, мои парни взяли крепость под свою охрану.

— Ты, конечно, капитан Катигерн, — догадался Конан.

— Да. Ну и что?

— Капитан, я хотел бы поговорить с человеком, который нанимает работников. Ведь я умею не только крушить черепа.

Капитан изучающе посмотрел на Конана:

— Не думаю, чтобы у него что-то нашлось для тебя. Расположен ли ты к культу бога Заца?

— Я расположен ко всему, за что мне хорошо платят, — сказал Конан.

Сжав губы, Катигерн поразмыслил над словами киммерийца. Повернувшись к одному из стражников, он сказал:

— Моркант! Отведи этого парня к викарию. Пусть он решает, можно ли ему доверить работу в храме. А ты, чужестранец, оставь пока тут свой меч.

Конан ни слова не говоря вынул из ножен клинок и пошел за Моркантом.

Городская застройка отличалась суровой простотой: один за другим следовали ряды чистеньких, выбеленных лавок и жилищ с красными крышами, почти неотличимых друг от друга. Улицы были чисто выметены — никакого сравнения с другими городами, где пришлось побывать Конану; даже главная улица, по которой вчера провели стадо, была безукоризненно чистой.

Конан спросил у Морканта:

— Вчера я видел, как в город вошло стадо, до восьмидесяти голов скота. Неужто населению требуется такое количество жратвы? Городишко маленький, жителям и за месяц не слопать столько мяса.

— Не любопытствуй, чужеземец, — отрезал бритунийский воин.

Конан поглядывал по сторонам из-под тяжелых бровей, не попадается ли им по пути большой скотный двор, где могли бы разместить всех этих животных. Они проходили мимо конюшен и самых разных мастерских, но загона для скота Конан так и не заметил.

Наконец они приблизились к стенам храма. Конан, задржав голову, глазел, как деревенщина, на огромное строение, каких он прежде не видывал. Храм Заца был грандиозней, чем храмы и дворцы в Шадизаре и Аграпуре. Сложен он был из огромных плит светло-серого мрамора, на которых играли золотые блики солнечного света. От огромного центрального корпуса отделялось восемь крыльев, каждое с отделанными мозаикой колоннами и пилястрами. Концы крыльев соединялись стенами из отполированного гранита, но главный вход в храм не был загорожен,

и к нему вели широкие ступени. Обширный центральный купол возвышался над постройкой, и утреннее солнце играло на его позолоте.

Перед главным входом — огромной двустворчатой дверью, украшенной бронзовыми барельефами, — два бритунийских воина стояли на страже: в алых новехоньких мундирах и блистающих кольчугах, с алебардами наготове.

— Посетитель к викарию, — объявил Моркант.

Стражник открыл маленькую дверцу в одном из бронзовых отсеков главного входа. Конан нырнул под притолоку и оказался в просторном, устланном коврами притворе, от которого в разные стороны тянулись коридоры. Напротив входных дверей была еще одна огромная дверь, украшенная изысканной золотой резьбой. И здесь стояли двое стражников с алебардами. Моркант, кивком поприветствовав стражей, повел киммерийца по одному из коридоров. Конан ощутил слабый запах падали. Он не однажды замечал это в храмах, где животных приносили в жертву божеству либо гадали по внутренностям. И потому он почти не придал значения этому неприятному запаху. Проведя киммерийца по хитросплетению коридоров, Моркант остановился у дубовой двери, которую охранял бритунийский наемник, и постучал. Из-за двери послышалось: «Входите!» — и Моркант, открыв дверь, знаком велел Конану войти.

За большим, украшенным резьбой письменным столом сидел человек в белом тюрбане и что-то писал при свете нефтяной лампы.

Конан вздрогнул и потянулся к мечу, но вспомнил, что оставил его у ворот. Сидевший за столом был не кто иной, как Харпагус, погрузивший его в гипнотический сон на болотах Мегары.

Похоже было, что Харпагус не узнал Конана. Конан вспомнил, что при встрече с заморийцами лицо его было обмотано лентами кафии. Даже за ужином Конан, опасаясь мошкары, ел, приподняв край полотнища надо ртом.

Подавив в себе вспышку ненависти, варвар сказал с напускным спокойствием:

— Меня зовут Ниал, я вольный воитель из Пограничного Королевства. Услышав, что в храме Заца нужны часовые, я приехал сюда.

Человек в турбанае покачал головой:

— Ты опоздал на две недели, сын мой. Капитан Катигерн из Бритунии, которая сейчас не воюет, привел сюда свой отряд.

— Да, мне говорили об этом. И все же, господин, нет ли для меня какой-нибудь работы? Мне нужно хоть что-то заработать, прежде чем пуститься в обратный путь.

Харпагус потер узкий подбородок:

— Храму нужен человек, чтобы вести амбарные книги. Справишься ли ты с этой задачей?

— Нет, — покачал головой Конан. — Такая работа не по мне! Я не способен, дважды сложив колонку цифр, получить одинаковый результат.

— Ну, тогда... а, вспомнил! Храму нужен кузнец, по крайней мере на время: наш кузнец сейчас лежит в лихорадке. Родные говорят, он очень плох. Тебе знакомо ремесло кузнеца?

На лице Конана сверкнула белозубая улыбка:

— Мой отец был кузнецом, и я несколько лет проработал у него в подмастерьях.

— Очень хорошо. Замечательно! По крайней мере, ты для этого достаточно силен. Сегодня же можешь взяться за дело. Этот бритунец покажет тебе, где находится кузница. За ней сейчас присматривает Лар, ученик Парискаса. Он будет твоим подмастерьем.

Выяснив вопросы насчет жалованья и жилья и договорившись о стойле для лошади, Конан выслушал от Харпагуса напутствие.

— Теперь мы все обсудили, сын мой, — сказал викарий. — Но ты должен также понимать, что, находясь в священном Йезуде, нельзя пить опьяняющие напитки, играть в азартные игры и предаваться разврату. И хотя бы раз в десять дней следует посещать богослужения.

Вдруг викарий нахмурился и спросил:

— Приходилось ли нам встречаться с тобой когда-либо прежде?

Конан почувствовал, как у него на голове волосы встают дыбом.

— Нет, господин, — ответил он с безразличным видом. — Разве что в Немедии, когда я там служил солдатом?

Харпагус покачал головой:

— Нет, в Немедии я никогда не бывал. И все же твой голос как будто мне знаком... Ну да ладно. Сейчас стражник покажет, где твое новое жилище. Дел у тебя будет предостаточно.

— Еще один вопрос, господин. Я хочу, чтобы мне вернули мой меч, он сейчас у стражников.

Харпагус тонко улыбнулся:

— Тебе отдадут его. Отнять клинок у кузнеца все равно что забрать стихи у поэта: он тут же сочинит новые.

Топая рядом с бритунийцем по узким улочкам города, Конан угрюмо спросил:

— Викария зовут Харпагус?

— Да.

— Я так и думал. Я правильно его понял, что в Йезуде нет ни вина, ни пива, ни женщин на ночь?

Моркант усмехнулся. Он стал держаться гораздо дружелюбней, как только узнал, что Конана берут на работу в храм.

— Верховный Жрец Феридун — очень праведный человек, и он надеется распространить благочестие по всей Заморе. Нам, наемникам из Вольного отряда, приходится спускаться к Бартейку для греховных увеселений. Феридун давно бы уже закрыл гостиницу, но он не решаетесь это сделать, понимая, что мы тут же покинем Йезуд.

Конан хохотнул, зная, что наемники вовсю предаются разгулу, пока нет военных действий, однако нигде об этом не говорилось столь открыто.

— Не вижу причин для веселья, — обиженно проворчал Моркант.

— Не обижайся, дружище, — серьезно сказал Конан. — Ведь я тоже служил наемником и кое-что знаю об их нравах.

Кузница помещалась в нижнем этаже и состояла из двух комнат: первая, просторней, где был горн, — с дверью на улицу; вторая, поменьше, служила жильем кузнецу.

Конан вошел — и мальчик, что сидел, поигрывая прутком, на наковальне, вскочил на ноги.

— Я — Ниал, новый кузнец, — объявил Конан.

— Меня зовут Лар, сын Яздата, — сказал мальчишка. — Умоляю, господин Ниал, обучи меня кузнечному делу. Старый кузнец не позволял мне даже прикасаться к инструментам. Похоже, он боялся, что я вырасту и займу его место.

— Посмотрим, как у тебя будет получаться, — заметил Конан.

— О, я способный, поверь мне, господин. Я исподтишка учился сам, когда Парискаса не было дома. Порой он ставал меня за работой и награждал колотушками.

Мальчик пылливо взглянул на великана, которому предстояло стать его новым хозяином.

— Если уж тебе от меня достанется, — проворчал Конан, — то только не за то, что ты пытаешься учиться. Давай-ка взглянем на инструменты.

Конану не приходилось работать в кузнице с тех самых пор, как из-за распрей меж соседними кланами он покинул киммерийскую деревню. Но, взвесив на руке тяжелый молот и взявшись за массивные железные щипцы, он почувствовал знакомое волнение. Конану стало ясно, что не пройдет и нескольких дней, как прежние навыки восстанут.

— Лар, — позвал Конан, — я отправляюсь в Кшесрон за вещами и лошадью. Пока я хожу, раскали горн; сегодня же примемся за работу. Кстати, куда девался весь этот скот, что вчера пригнали в Йезуд?

— Его загнали в храм с западного входа, — ответил Лар.

— Такой маленький городок, а брюхо бездонное... — покачал головой Конан.

— Стадо привели не для жителей, и даже не для жрецов, господин. Коровы предназначены в жертву Зацу.

— В самом деле? — изумился Конан. — Невероятно. Я бывал во многих храмах и видел немало жрецов. Везде, где в жертву божеству приносят животное, на алтаре сжигают кожу, кости и требуху. Мясо остается жрецам, которые пируют вдоволь. Почему ты думаешь, что в храме Заца другие обычаи?

— Но, господин, в Йезуде каждому известно, что скотина пожирается Зацем! Был ли ты в святилище храма?

— Нет еще. А что?

— Ты все увидишь сам, как только придеешь на богослужение. Там находится статуя Заца, в облике гигантского паука, вырезанная из огромного камня. Туловище его такое огромное, а ноги... ноги...

Мальчик содрогнулся и замолчал.

— Статуя не может поедать коров, — возразил Конан, удивляясь ужасу мальчугана.

— Каждую ночь статуя оживает, — продолжал паренек. — Сквозь люк в полу святилища Зац спускается в подземелье, где хватает и пожирает приведенных для него животных. Так говорят жрецы.

— Много я встречал удивительного в своей жизни, — задумчиво проговорил Конан. — Но даже если это правда, слопает ли такой паук столько скота за один присест? Ручного паука я не держал, но знаю повадки животных. Думаю, половины быка ему хватило бы на полмесяца.

— Ах, господин, все это священные тайны! Слабому уму смертных не постичь их, — Лар коснулся лба указательным пальцем.

— Возможно, — хмыкнул Конан. — Берись за растопку горна, а я иду в гостиницу за пожитками.

Вскоре, ведя под уздцы Имира, Конан подошел к воротам храмовой конюшни, где для его коня отвели стойло. Пока Конан рассказывал конюху, как надо ухаживать за Имиром, в дальнем стойле послышалась возня. Лошадь вставала на дыбы и била воздух копытами с возбужденным ржанием.

— Что там такое? — спросил Конан.

Конюх обернулся.

— А, это тот проклятый жеребец, которого викарий купил в Туране, — ответил он. — С ним нет сладу: никого к себе не подпускает.

— Вот как! — хмыкнул Конан. — А можно взглянуть?

Подойдя к стойлу, он узнал Эджила. Конь радостно заржал и ткнул в него носом. Не смея заговорить со своим любимцем, Конан обратился к конюху:

— Я ему как будто понравился, одному небу известно почему.

Конюх оперся на лопату, раздумывая. Наконец он пробурчал:

— Может быть, ты, господин, объездишь его? Возьмешься за это? Жрецы разрешат, я уверен.

Конану так и хотелось сказать «да!», но он боялся, что Харпагус тотчас догадается: новый кузнец и прежний хозяин Эджила — одно и то же лицо. И потому он ответил:

— Посмотрим. Сейчас у меня нет времени даже на Имира.

Глава 6

ХРАМ БОГА-ПАУКА

В Йезуде не было ни гостиницы, ни харчевни. Конану не хотелось всякий раз тащиться в Кшесрон, и он договорился с матерью Лара, чтобы она готовила для него пищу. Вечером Конан смывал с лица и рук копоть и шел вместе с Ларом в их небольшой домик, где жили мальчик и его рано овдовевшая мать. Свежевыбеленный домик был чист и уютен, с тенистым садом во внутреннем дворе.

Амитис, женщина средних лет, с морщинистым лицом и седыми волосами, готовила довольно вкусно, хоть Конан и ворчал, что нет пива — прихлебывать за ужином. Молча он слушал, как хозяйка болтает о себе, о своей родне и сыне, о незабвенном супруге.

— Нам приходится туго с тех пор, как он скончался, горемычный, — вздыхала она. — Но Лар получает как подмастерье, да еще заработок дочери в храме, да я кое-что зарабатываю, стирая белье, — вот и сводим концы с концами.

— У вас есть дочь? — с любопытством спросил Конан.

— Да, Рудабэ — главная танцовщица храма; помимо того, на ней много других обязанностей. Очень смышленная девушка, счастлив будет тот, чьей женой она станет.

— Танцовщицам разрешается выходить замуж?

— Да, по истечении срока службы в храме. Жрецы поощряют брак: если девушка работала старательно, ее наделяют приданым.

— Как выбирают для храма танцовщиц? — спросил Конан, принимаясь за еду.

Жрецы ежегодно устраивают смотр, — пояснила Амитис, — чтобы выбрать двух самых красивых девушек. Иные семьи приезжают из Шадизара, привозят дочерей,

но в основном приходят жители окрестностей. Считается честью, если дочь берут в услужение Зацу.

— Каков срок их службы?

— Избранницы работают в храме пять лет.

Конан взглянул на Лара:

— Почему ты не сказал мне, что у тебя есть сестра?

Мальчик скривил губы:

— Разве я думал, что такой великий человек заинтересуется какой-то девчонкой?

Конан обернулся к Амитис, чтобы скрыть улыбку от своего юного почитателя, и спросил:

— Ваша дочь когда-нибудь навещает вас?

— Да, примерно раз в неделю ее отпускают поужинать с нами. Не далее как три дня назад она провела вечер дома.

Конан лениво потянулся и поднялся из-за стола.

— Лар, — бросил он небрежно, — тебе придется взять меня в храм на службу и пояснить обряды. Викарий велел посещать храм не менее трех раз в месяц, мне следует повиноваться.

Попрошавшись с Ларом и Амитис, Конан вернулся к себе в кузницу. Он подумал, не пойти ли ему в гостиницу Бартейка, чтобы весело провести остаток вечера, но день работы с тяжелым молотом давал себя знать. И поэтому Конан улегся спать гораздо раньше, чем хотелось бы.

Весь следующий день Конан провел у горна и наковальни. Он подковал нескольких лошадей, перековал зазубренный серп, расправил вмятину на шлеме одного из бритунийцев и между делом выковал множество гвоздей самой разной величины; Лар при этом исправно раздувал мехи. Конану приятно было сознавать, что он не забыл ремесло, которому с охотой обучался еще мальчишкой.

Наутро Конан вместе с мальчиком отправился в храм Заца, народ стекался на богослужение со всего города.

И огромная входная дверь, и дверь в притворе были распахнуты. Стражи с алебардами стояли не шевелясь, но глаза их были скошены на хорошеньких женщин, сочетавших набожность с веселым нравом.

Возвышаясь над толпой, Конан вошел в святилище. Запах падали тут ощущался сильнее, но Конан привык к

запаху смерти на полях битвы и потому не почувствовал тошноты. Круглый зал святилища, располагаясь в центре храма, вмещал тысячи молящихся. Но так как до большого праздника было далеко, около сотни местных жителей собралось в огромной ротонде. Конан заметил, что весь пол украшен изысканной мозаикой в виде узора из паутинок. Каждая сеть была не шире, чем плечи человека; в центре одной из них поместился Лар и жестом пригласил Конана встать рядом.

Конан с изумлением глядел на высокие колонны, поддерживающие купол. Всюду повторялся узор паутины. Он украшал алебастровые стены, колонны, огромной сетью простирался по золоченой поверхности купола. Нити паутины были то черными на белом фоне, то белыми на черном, алыми на голубом, золотистыми на зеленом, пурпурными на серебристом; было и много других цветовых сочетаний.

Блеск позолоты, отражающий блики сотен ламп, которые свисали на бронзовых цепях из углублений в куполе, и бесконечно повторяющийся узор паутины зачаровывали зрителя. Конан закрыл глаза, чтобы не видеть ни круглых ламп, ни мозаики, и постарался представить тихий садик чародея Кушада.

Решившись наконец открыть глаза, Конан сосредоточился на том, что было перед ним.

Наполовину вдаваясь в стену и наполовину выступая в святилище, располагалось священное ограждение, по форме представляющее квадрат. Площадка эта возвышалась над полом, чтобы молящимся лучше было видно храмовое действо; к ней вели три широкие ступени.

Медные полированные перила на подпорках, по поясу высотой, плавной линией огораживали ступени от остальной части святилища.

На площадке, с правой стороны, стоял тяжелый старинный сундук из черного эбенового дерева с бронзовыми замками, позеленевшими от времени. Сундук был украшен вездесущей паутиной, сплетенной из серебряной проволоки, искусно вделанной в полированную поверхность дерева.

Как бы уравновешивая сундук, на левой стороне площадки возвышалась, наподобие алтаря, позолоченная мраморная плита; вся она была покрыта вязью древних заморских писем. На этом великолепном основании выси-

лась чаша, вырезанная из халцедона; в ней горел неугасимый огонь — в знак преклонения, понял Конан, пред богом-пауком. В дальнем конце площадки, декорированной кроваво-алой тканью, была ниша, перед которой помещалась статуя Заца. Идол был вырезан из черного оникса с такой тщательностью, что и впрямь можно было поверить, будто он оживает по ночам.

Тяжелое овальное туловище опиралось на подставку, покрытую алым бархатом; в мерцающем сиянии ламп казалось, будто оно висит без опоры; восемь членистых ног паука, каждая прочней галерного весла, покоились на мраморном основании. Статуя напомнила Конану огромного паука, с которым он когда-то сражался в Слоновой Башне, но представленное здесь насекомое было вдвое крупней.

Спереди на голове у паука — или на том отростке, что пауки имеют вместо головы, — помещались четыре огромных глаза, отливавшие голубоватым цветом. С места, где стоял Конан, были видны еще четыре глаза: два по бокам и два на верхушке. Воровской инстинкт пробудился в Конане, и он спросил:

— Из чего сделаны глаза, парень?

— Тсс! — прошептал Лар. — Жрецы идут.

И слева, и справа на площадку выходили двери: одна располагалась за чашей с неугасимым огнем, другая — за эбеновым сундуком.

Внушительная процессия появилась слева: дюжина жрецов в шелковых тюрбанах и парчовых халатах, у каждого в руках — жезл с золотым или серебряным набалдашником. Процессию возглавлял самый рослый жрец, в белоснежном балахоне и дымчато-черном тюрбане; кустистые черные брови, орлиный нос и пышная белая борода придавали ему внушительный вид.

Другие жрецы были одеты в балахоны яркие, как цвета радуги. Один был в алом балахоне и лазурном тюрбане, другой — в пурпурном балахоне и головном уборе цвета шафрана, третий — в сапфирно-голубом балахоне и тюрбане цвета морской волны. На Харпагусе, как всегда, был черный балахон и белоснежно-белый тюрбан.

Двенадцать жрецов выстроились в ряд перед богом-пауком. По знаку Харпагуса молящиеся воздели руки и воскликнули:

— Хвала Зацу, богу всех! Хвала Феридуну, Верховному Жрецу Заца!

Самый молодой из жрецов зашел в вонючем воздухе длинными тонкими пальцами, и молящиеся запели гимн Зацу. Понятнее всего Конану показался припев: в нем утверждалось, что величие бога Заца летит по всей Заморе, как паутина на крыльях ветра.

Четверо жрецов медленно подошли к неугасимому огню и встали полукругом. Каждый вытащил из рукава какой-то предмет. Конан увидел серебряный кубок, кинжал с инкрустированной драгоценными камнями рукояткой, бронзовое полированное зеркало и золотой ключ. Жрецы исполнили некий сложный ритуал: над чашей взвился и рассеялся по площадке дымок, при этом жрецы произносили заклинания, из которых Конан не понял ни слова.

Жрецы, ступая размеренным шагом, перестроились и стали в два ряда вдоль стен площадки; правая дверь открылась, и оттуда вышли восемь девушек-танцовщиц и приблизились к богу-пауку. На них не было ничего, кроме длинных нитей, унизанных черными блестящими бусинами; нити хитро переплетались в виде огромной паутины. Драгоценные камни сверкали в эбеновых волосах и на пальцах девушек, подобно каплям росы.

Жрец в сапфирно-голубом балахоне достал флейту и заиграл чарующую мелодию, и девушки исполнили величественный танец вокруг огромного идола. Стройные тела танцовщиц сплетались и изгибались, бусины сверкали и сталкивались при каждом движении.

— Я понял, что Зац — бог чистоты, — прошептал Конан. — Но эти девушки никак не вяжутся с проповедью о воздержании.

— Тсс! Господи, ты не понимаешь, — выдохнул мальчик, глаза которого горели религиозным восторгом. — Это священный танец, древний и почитаемый.

Конану словно кто на ухо шепнул, что украсть такую девицу и сделать ее своей наложницей — затея, достойная похвалы.

— Которая твоя сестра? — не отставал он.

— Вон та — слева от центра, сейчас она за статуей. Она самая высокая.

— Хорошенькая, — пробормотал Конан. — Если это только она.

Девушка была и в самом деле и выше ростом, и красивей сложена, чем большинство низкорослых, сухощавых замориев. Глядя на нее, Конан почувствовал, как кровь у него закипает.

Танец закончился тем, что восемь девушек простерлись вокруг идола, каждая у края паучьей лапы. Поднявшись и взявшись за руки, они цепочкой покинули площадку. Верховный жрец Феридун выдвинулся вперед и, оперевшись костяшками левой руки о крышку старинного сундука, воздел правую, призывая ко вниманию. Он начал свою проповедь:

— Возлюбленные! Мы переживаем дурные времена, времена падения некогда великой Заморы. Мы, жрецы, множество раз твердили — увь, напрасно! — о греховной распущенности народа. Развращенность распространена среди вас, источник ее — королевский трон: мы, некогда великая нация, варимся в котле интриг, преступлений и прочих злодеяний. Привычными стали воровство, убийство, разврат. Культы других богов, призванные остановить падение нравов, оказались бесполезны или — увь! — способствуют несправедливому обогащению и утопанию в грязи чувственных удовольствий.

Ораторские интонации Феридуна раздражали киммерийца, Конану так и хотелось выкрикнуть, что, в каких бы злодеяниях ни погряз народ Заморы, он ничуть не хуже, чем любой другой народ. Но, понимая, что один человек ничего не сделает против сотен воодушевленных религиозным пылом фанатиков, Конан попридержал язык. Тем временем Верховный Жрец продолжал:

— Только истинная вера, вера в бога Заца, способна в корне пресечь разложение. Только вера в Заца способна очистить королевство от порока и восстановить Замору во всем ее древнем величии. Уверяю вас, возлюбленные, день очищения недалек. Все, преданно собравшиеся здесь, доживут до него. Это будет великий переворот, схватка со злом, какой мир еще не видывал, но вы ее увидите. Пламя великого отмщения охватит страну, поглощая грешников, как насекомых, попавших в костер! Час близится! Готовьтесь, дорогие, вступить в ряды священной армии Заца...

Конан, слушая Феридуна, беспокойно ерзал на месте. Наконец Верховный Жрец закончил свое выступление молитвой. Восемь девушек, одетые в соблазнительные полупрозрачные накидки всех оттенков радуги, торжественно вышли и пропели гимн, пока жрец в сапфирно-голубом балахоне и тюрбане цвета морской волны подыгрывал им на флейте. Под музыку служители в изумрудно-зеленых туниках обходили верующих, потряхивая чашами для сборов. Позвякивание монеток весело, хотя и не в такт, аккомпанировало звонкоголосому пению девушек.

Один из служителей протянул чашу Конану. Заглянув в чашу, Конан увидел грудку самых разных монеток. Ворча, киммериец выудил из своего тощего кошелька медную монету и бросил в чашу.

Служитель презрительно фыркнул.

— Ты не слишком щедр к богу, чужеземец, — пробормотал он.

— Пусть жрецы побольше платят мне за работу в кузнице, — прорычал Конан. — Тогда я стану щедрей.

Служитель уже приготовил резкий ответ, но сердитый блеск в глазах Конана заставил его прикусить язык.

Когда сборы подаяния завершились, девушки умолкли и исчезли. Верховный Жрец Феридун подошел к сундуку, церемонно отпер его и откинул крышку. Служители торжественно прошествовали мимо, опоражнивая свои чаши; эхо от гремящих монет гулко разносилось под куполом храма.

Феридун пропел еще одну молитву, благословил приношения и запер набитый монетами сундук. Воздев руки, молящиеся вновь возгласили хвалу богу Зацу, и богослужение закончилось.

Когда Конан и его юный провожатый вышли из храма, Лар, кипя воодушевлением юности, воскликнул:

— Разве Верховный Жрец Феридун не замечательный человек? Не наполняет ли он сердца духовным горением?

Конан помедлил, прежде чем ответить:

— Я уверен, что жрецы ничем не отличаются от прочих людей. Они стремятся к власти, деньгам и славе, как и все мы, только маскируют свои желания благочестивой болтовней.

— Ах, господин! — воскликнул мальчик. — Не дошли бы твои слова до ушей жрецов! Возможно, они простят тебя, как невежественного чужеземца, но ты не должен отзываться непочтительно ни о боге, ни о его служителях, находясь в священном Йезуде, — если не хочешь послужить пищей для бога-паука.

— Такова судьба всех нечестивцев? — поинтересовался Конан.

— Да, господин. Так обычно казнят нечестивцев.

— Как совершается казнь?

— Служители бросают преступника в подземелье под храмом. Когда наступает ночь, бессмертный Зац принимает облик паука и спускается вниз, чтобы пожрать виновного.

— Кто-нибудь видел превращение Заца?

— Только жрецы, господин.

— Но хоть один житель Йезуда присутствовал при этом чуде?

— Н-нет, господин. Никто не осмеливается входить в обиталище бога-паука, кроме жрецов. В прошлом году, говорили, один нечестивец тайком проник в подземелье, надеясь похитить сокровища. Вы слышали о заморийских ворах?

— Я слышал, что никто не сравнится с ними в ловкости и смелости. Так что же случилось с тем храбрецом? Его сожрал Зац?

— Нет, ему удалось ускользнуть. — Мальчик содрогнулся. — Но он вышел оттуда сумасшедшим и через несколько дней умер.

— Хм. Да, подземелья вредны для здоровья. Скажи-ка мне, Лар, из чего сделаны глаза Заца?

— Из того же, что и твои и мои, думаю, но когда Зац возвращается на пьедестал и застывает в своем каменном облике, тогда, наверное, его глаза состоят из какого-то голубоватого минерала. Большого я не могу сказать.

До конца пути Конан не промолвил больше ни слова — все его мысли были связаны с новой затеей. Глаза Заца, конечно, сделаны из какого-то драгоценного камня. Если удастся украсть хотя бы парочку, он обеспечит себя на всю жизнь. Обычно Конан с легкостью принимал культ чужого бога, но он не мог поверить в божественность паука, пусть даже самого огромного. Превращается или не превращается статуя в живое существо, Конан ни за что не стал бы

поклоняться ей как богу. Он чувствовал, что жрецы Заца надувают доверчивых заморийцев и что поступит справедливо, если лишит их несправедно нажитых сокровищ.

К вечеру Конан, устав от царящей в Йезуде трезвости, прицепил меч и отправился в Кшесрон, в таверну Бартейка. Посетителей было немного, чем Конан остался доволен, так как ему хотелось поразмышлять в одиночестве.

Конан, с кружкой пива, сел в дальний угол. Он сожалел, что так цинично беседовал с Ларом о богах и жрецах, потому что его неосторожные слова давали набожному и впечатлительному мальчику власть над ним, Конаном. В случае если они поссорятся или Лар сделает какую-нибудь глупость, а Конан накажет его, мальчик может пойти к жрецам и, сгустив краски, рассказать о ереси кузнеца. Из жизни в цивилизованных странах он усвоил многое, но трудней всего было научиться держать язык за зубами и взвешивать каждое слово, которое собираешься сказать.

Мрачные размышления киммерийца были прерваны перебранкой: на противоположном конце тускло освещенной залы препирались сидящие за столиком мужчина и женщина, меж ними стояла пустая бутылка вина. Женщина, в плотно прилегающем платье из алого с белым ситца, с огромным декольте, из которого выступала пышная грудь, была Мандана, дочь хозяйина гостиницы. В мужчине Конан узнал капитана Катигерна, которого мог бы приметить сразу, как тот вошел, по закручивающимся кверху рыжим усам. Но, поглощенный собственными мыслями, Конан не заметил присутствия офицера. Катигерн нагрузился так, что не мог подняться из-за стола, и женщина бранила его за это. Капитан, тупо слушая ее, громко рыгнул, уронил голову на руки и захрапел.

Женщина, придвинув к столу свой табурет, обвела взглядом комнату и, подойдя к Конану, сказала:

— Могу я посидеть с тобой, господин?

— Конечно! Что-нибудь случилось, детка?

— Сам видишь!

Большим пальцем руки она ткнула в сторону спящего Катигерна.

— Он обещал мне восхитительный вечер, а сам напился как свинья. Я уверена, что ты, например, не уснешь, когда придет время доставить девушке удовольствие.

Мандана зазывно улыбнулась и поправила лиф платья так, что ее пышные груди едва не вывалились из декольте.

Конан приподнял тяжелые брови.

— Ого! — пробормотал он голосом, охрипшим от вождения. — Если хочешь получить удовольствие, назначь только место и время встречи.

— Наверху, в моей комнате. Но сначала выпьем, а потом ты уплатишь отцу за мое к тебе расположение.

Кивком Мандана указала на буфетную стойку, где работал Бартейк.

Конан озабоченно взглянул на нее:

— Сколько он просит?

— Десять медяков. Да, кстати, ведь ты не вернулся в гостиницу и провел здесь всего одну ночь. Наверное, жрецы дали тебе работу в Йезуде?

— Да, я теперь кузнец при храме, — ответил Конан, вынимая из кошелька необходимое количество монет. — В соответствии с мирным ремеслом, неплохо бы...

Но Конан не договорил: капитан Катигерн проснулся, поднялся на ноги и теперь возвышался над столом, где сидели Конан и Мандана.

— Что ты делаешь тут с моей девчонкой, ты, неотесанный олух?

Конан, прищурив глаза, смотрел на капитана, пытаясь определить, насколько тот пьян.

— Убирайся к чертям, капитан, — ровным голосом сказал он. — Девушка выбрала меня, пока ты храпел, свалившись, как мешок с дерьмом.

Взяв свою кружку с пивом, Конан неторопливо отхлебнул.

— Наглый щенок! — завопил Катигерн и размахнулся, метя противнику в лицо. Костяшки его пальцев ударились о предплечье Конана, и пиво выплеснулось из кружки.

Конан невозмутимо поставил кружку и, вскочив с ловкостью пантеры, залепил Катигерну в челюсть левым кулаком. Голова капитана дернулась, он зашатался и тяжело рухнул. Обыкновенный человек от такого удара лишился бы сознания, а то бы и с жизнью распрощался, но рослый капитан Катигерн был силен чрезвычайно. Он тут же вскочил и вытащил меч из ножен.

— Я вырежу у тебя печень и брошу псам! — прорычал он, ринувшись на Конана.

Не обращая внимания на жалобные вопли хозяина, Конан ловко отразил удар Катигерна. Скрещенные клинки сверкнули в желтоватом свете лампы. Посетители таверны, забравшись под столы, в страхе наблюдали, как два великана кружат, обрушивая и отражая удары. Звон стали, крики перепуганных наблюдателей наполнили вечерний воздух дьявольским эхом.

После первой смерчеподобной атаки у капитана Катигерна появилась одышка, и тогда он переменял тактику. Меч его, сработанный где-то на Севере, имел прямой клинок. Бритунец, вместо того чтобы обмениваться с противником рубящими ударами, принялся делать стремительные смертельные выпады.

Конан сам любил сражаться длинным широким мечом. Однако ему редко доводилось встречать столь умелого бойца, сжимающего в руках оружие северных племен. Трижды лишь пантероподобная ловкость в сочетании с лихими отражающими ударами спасла его от участи быть изрубленным в куски разящим мечом Катигерна. Один из выпадов, подобный броску змеи, проколол тунику Конана и оставил кровавую зарубку на плече.

Конану стало ясно, что бритунец — бывалый воин, которого трудно одолеть даже пьяного. Хотя Конан был выше, крепче, моложе и проворней, он радовался, что искусный в сражении наемник не вполне трезв.

Бартейк приплясывал вокруг сражающихся, заламывал свои пухлые ручки и вопил:

— Выйдите на улицу, прошу вас, почтенные! Не деритесь в моей таверне! Вы меня погубите!

Соперники не слушали его. Вдруг из полутемного угла залы выскользнул маленький невзрачный человечек и приблизился к Катигерну. Конан увидел, как в свете лампы блеснул кинжал.

Конан охотно убил бы противника в честном сражении, но он был не способен на коварный удар в спину. Однако предупредить бритунца было нельзя: Катигерн почел бы это за отвлекающий маневр.

Все эти мысли промелькнули в голове у Конана, пока капитан заносил оружие над головой. Молниеносно, как леопард, Конан отпрыгнул назад и опустил меч.

— Оглянись! — воскликнул он. — Предательство!

Мигом сообразив, что сейчас он вне досягаемости меча Конана, Катигерн не замедлил оглянуться. В то же время убийца сделал выпад, намереваясь вонзить клинок в бритунца. Катигерн с воплем проклятия обрушил на незнакомца меч. Лезвие вонзилось меж ребрами и едва не перерубило позвоночник. Убийца рухнул возле стола, на пол вывалились окровавленные внутренности. Он коротко простонал и затих.

— Мощный удар, — заметил Конан, все еще держа меч опущенным. — Желаете продолжить?..

— Вы, олухи... — начал было Бартейк, но умолк, увидев, как свирело сверкнули глаза Конана и Катигерна.

— Нет, не хочется, — ответил капитан.

Он вытер меч о край платья убитого и вложил его в ножны, убедившись только, что и Конан делает то же самое.

— Я не могу убить человека, который только что спас мне жизнь, пусть даже он за минуту до того пытался уложить меня самого. А что касается девушки — кстати, где же малышка?

— Пока вы тут сражались, — вставил Бартейк, — она ускользнула к себе в комнату с другим посетителем. Он из твоего же отряда, капитан.

Хозяин крикнул сыновьям, чтобы те убрали мертвое тело и вымыли и отскребли дочиста пол.

— Зац да спасет меня от пары других таких глупцов! Катигерн криво усмехнулся:

— Ты прав, дружище, мы оба были дураками, рискуя жизнью из-за простой потаскухи. — Он зевнул. — Что касается меня...

— погоди, — проворчал Конан. — Давай-ка поглядим на того, кто пытался воткнуть в тебя кинжал. Поставь поближе лампу, хозяин.

Перевернув мертвеца, Конан увидел, что это был типичный замориец, маленький, худой и смуглый.

— Тебе он знаком, Бартейк? — спросил Конан.

— Конечно! — ответил хозяин. — Он приехал сегодня на муле и намеревался переночевать, назвался он Вартраном из Шадизара.

— Прежде ты его когда-нибудь видел?

— Нет. Почтить бога-паука съезжаются паломники со всей Заморы.

Конан ловко обшарил мертвое тело. К поясу Вартрана был подвешен кошель, полный серебряных и медных монет, там же Конан нашел маленький пергаментный свиток.

Развернув его, Конан нахмурился:

— Катигерн, ты читаешь по-заморийски?

— Нет! Я с трудом читаю на своем родном языке. А ты?

— Как-то выучил несколько заморийских букв, но давно уже позабыл.

— Дайте-ка мне взглянуть, — попросил хозяин таверны.

Поднеся пергамент поближе к лампе, он беззвучно зашевелил губами, пытаясь разобрать замысловатую вязь строк. Но, разочарованно пожав плечами, он все же вернул свиток Конану.

— Это старый заморийский алфавит, — сказал он. — Мы не используем его с тех пор, как Митридат Первый усовершенствовал нашу систему письма. Возможно, какой-нибудь жрец в Йезуде сумеет это разобрать, а я не могу.

— Можно взглянуть? — промурлыкал некто тихим высоким голосом с особым иноземным акцентом. Стигиец, которого Конан видел ранее, стоял теперь возле него и глядел выжидательно. Наверное, я смогу помочь вам.

— А кто ты будешь?

Бритоголовый улыбнулся:

— Я Псамитек из Луксура, бедный ученый-окультист.

Хмыкнув, Конан передал ему свиток, и стигиец принялся изучать его при колеблющемся свете лампы.

— Ну-ка, ну-ка... «Я — Тугрил, Верховный Жрец Эрлика, клянусь своим богом, что уплачу десять тысяч золотых монет за голову...» Что за имя?.. «Конана... киммерийца». Что вы скажете, почтенные? Кто такой этот Конан? Есть ли среди нас человек с таким именем?

Катигерн мельком оглядел комнату. И он, и Конан отрицательно покачали головами.

— Припоминаю, что два года назад, — сказал Бартейк, — будучи в Шадизаре, я что-то слышал о знаменитом воре по имени Конан. Я давно забыл эту историю, но сейчас пергамент напомнил мне о ней. Говорили, наглость этого вора была столь велика, что каждый стражник в Шадизаре

мечтал о его поимке. Но в конце концов киммериец бежал из страны неизвестно куда.

— Вот оно что... Не сомневаюсь, здесь есть некая загадочная связь. Этот Конан и в самом деле незауряден, иначе бы туранский жрец не предлагал за его жизнь королевское вознаграждение. На эту сумму можно приобрести библиотеку оккультных трудов, величайшую в Стигии. — Вздохнув, ученый свернул пергамент и положил его в свою суму. — Послание не относится ни к кому из присутствующих; надеюсь, не будет возражений, если я оставлю его себе. Хороший пергамент стоит дорого, а этот я выскоблю и использую снова. Доброй ночи вам всем.

Он скромно поклонился и ушел. Конан хотел было потребовать, чтобы ему вернули свиток, но понял, что тогда все догадаются, кто он такой в действительности. Чтобы скрыть свое неудовольствие, он повернулся к Катигерну:

— Капитан, самое лучшее сейчас — выпить. Мы это заслужили, к тому же я не знаю наиболее подходящего способа промотать добычу.

— Ладно, — согласился Катигерн. — А завтра я доложу об убийстве викарию. Тебе, наверное, придется быть моим свидетелем.

— Разве цивилизация не похожа на преисподнюю? — спросил Конан. — Убил противника, защищаясь, — тут же пиши докладную какому-нибудь чинуше.

Поздно вечером, когда уже загорелись звезды, стражники из Вольного отряда с удивлением увидели, как их капитан и городской кузнец, обнявшись, поднимаются по крутой дороге на утес. Оба ревели во всю глотку, не одну, а сразу две песни — каждый свою.

Глава 7

ВИНО ИЗ КИРОСА

Спустя три дня Конан вместе с Ларом пришел домой к Амитис и застал там Рудабе.

— Здорово, сестра! — воскликнул мальчик. — Это наш новый кузнец, всемогущий господин Ниал. Он решает мне держать заготовку на наковальне, пока он

кует. А сегодня он объяснил мне, как металл меняет цвет, когда нагревается или охлаждается. Я тоже буду кузнецом.

— Ты так добр, господин Ниал! — просяив, сказала Рудабе.

Конан взглянул на девушку, и глаза его вспыхнули жгучей голубизной. Рудабе была выше и несравненно красивей, чем другие заморийки; не из тех красавиц, что выбирают правители для своих сералей, но миловидная, румяная, с правильными чертами лица. Незамысловатого покроя туника и панталоны из грубой шерсти — повседневный наряд замориек — не могли полностью скрыть привлекательности округлых форм танцовщицы.

— Мама пересказала мне несколько историй с необыкновенными приключениями, которыми ты потчевал ее с братом. Твои повествования правдивы?

— Да, почти, — усмехнулся Конан. — Хотя хороший рассказчик должен кое-что приукрасить ради увлекательности. Не тебя ли я видел во время последнего богослужения танцующей перед Зацем?

— Да, меня, если ты был среди молящихся.

— Сейчас ты одета теплей, чем тогда.

Девушка улыбнулась, ничуть не смутившись.

— Верно. Но пусть тебя не обольщает мой храмовый костюм: я не хочу стать жертвой Заца за то, что доставила мужчине минутное удовольствие.

— Каждый, кто попытается скормить тебя этому раздувшемуся клопу, будет иметь дело со мной, — пробурчал Конан.

— Красивая и смелая речь, господин Ниал, но вряд ли ты сможешь изменить мою судьбу, если жрецы вынесут такое решение. — Девушка вздохнула. — Иногда мне кажется, что святые отцы доводят добродетель до степени порока, но, раз уж я сделала выбор, надо идти до конца.

— Когда истекает срок твоего служения?

— Через восемь месяцев.

— И что же потом? — расспрашивал Конан, пока Амитис расставляла тарелки с тушеным мясом.

— Выйду замуж за местного парня, надеюсь. Некоторые давно уже поглядывают на меня, но мне сейчас не до того. Храмовые обязанности поглощают меня целиком.

— В чем они состоят?

— Как старшая труппы, я возглавляю девушек в танцах и пении, учу новеньких. Вдобавок мы служим на побегушках у жрецов, делаем уборку в храмовых помещениях. Но и это еще не все. С тех пор как умер старый распорядитель собственностью, распорядительницей сделали меня. Жрецы не могли меж собой решить, кто из них подходит для этой должности, и потому все обязанности свалили на меня.

— Что ты делаешь как распорядительница?

— Я отвечаю за храмовое имущество, слежу, чтобы мозаика, мебель, священная утварь были в полном порядке. Вот почему я так редко навещаю маму.

— В дни посещения, наверное, ты ночуешь дома?

— Нет, до полуночи я должна возвратиться в храм.

Какое-то время Конан ел молча. Когда Амитис унесла тарелки и послала Лара за водой, чтобы вымыть посуду, Конан спросил:

— Ты была когда-нибудь в гостинице Бартейка в Кшесроне, Рудабе?

Много лет назад, когда еще отец был жив, он брал нас туда с собой. Но я мало что помню.

— У них там сейчас новый арфист — говорят, очень хороший. Хочешь, я сопровожу тебя туда сегодня? К полуночи я доставлю тебя в храм.

Девушка опять вздохнула:

— Как бы мне этого хотелось! Но пока я служу в храме, мне запрещено отлучаться из Йезуда, разве что в сопровождении жреца. Меня высекут кнутом, если я нарушу это правило.

— Пойдем со мной! Надень плащ с капюшоном и не открывай лица. У девушки твоего возраста должна быть какая-то жизнь помимо работы.

— Ты искушаешь меня, господин. Я так мало знаю о внешнем мире. И все же...

Они долго еще так спорили, стараясь говорить как можно тише, и наконец Рудабе уступила.

— Погоди немного, — сказала она.

Когда Рудабе появилась вновь, она была закутана с ног до головы.

— Кром! — воскликнул Конан. — Ты похожа сейчас на стигийскую мумию. Что ж, пойдем, самая пора.

В обеденном зале гостиницы стоял гул. Конан испытующим взором окинул столы, чтобы убедиться, что ни ему, ни девушке ничто не угрожает, и провел Рудабе в затененный угол.

Стигийский ученый сидел за соседним столом, разложив свои таблички. За другим столом поблизости сидело несколько новоприбывших — гирканийцы в дорожных костюмах; штанины их были заправлены в сапоги, шапки с загнутыми краями, сшитые из овчины, прикрывали бритые черепа. Они шумно играли в кости, потягивая пиво из огромных кружек.

Из Турана, наверное, подумал Конан, во всяком случае, один из них, углубившийся в какие-то бумаги, точно был туранец. Туранцы, одна из ветвей гирканийского племени, считали себя наиболее цивилизованными и презирали родственников зуагиров, которые кочевали по бескрайним степям к востоку от моря Вилайет. Однако туранцы сохраняли многое от облика и повадок своих предков-варваров, общих и для них, и для кочевников-зуагиров.

Туранец, склонившийся над свитками, был невысокий, коренастый, с аккуратно подстриженной седой бородкой. Одет он был богаче, чем его спутники, короткие седые волосы покрывала черная бархатная, красиво расшитая жемчугом тюбетейка. Отодвинув в сторону тарелку с остатками пищи, туранец внимательно изучал разложенные на столе документы.

Конану показалось, что он где-то видел этого человека, однако не удавалось припомнить, где же именно и при каких обстоятельствах. Одно было ясно: в Йезуде он с ним не встречался, и потому можно было пока не думать о нем. Конан пощелкал пальцами, чтобы подозвать стоявшую за стойкой Мандану.

— Вина для меня и для госпожи, — вполголоса велел Конан. — Хорошего вина, а не вашей кислятины. Что ты можешь предложить?

Мандана, недружелюбно взглянув на закутанную в плащ фигуру, ответила:

— У нас есть красные нумалийское и иантийское и белое аккарийское.

— А что-нибудь получше у вас есть?

Мандана презрительно фыркнула:

— Да, мы держим бочонок вина из Кироса, но это для благородных господ. Тебе не по карману.

— Не твоя забота считать деньги у меня в кошельке, — отрезал Конан, высыпая на стол пригоршню серебряных монет. — Принеси лучшего вина.

Мандана ускользнула. Теперь у Конана вдоволь было денег: пока Парискас болел, накопилось много заказов, и заказчики щедро платили за то, чтобы работа была сделана вне очереди. Эти чаевые значительно превышали жалованье, которое платили Конану жрецы.

Вскоре два кубка с золотистым киросским уже стояли на столе. Конан, вместо того чтобы залпом выпить вино, как он делал обычно, вдохнул в себя изысканный аромат, подражая цивилизованному обычаю, и выпил не спеша, смакуя каждый глоток. Хотя Конан легко относился к деньгам, вино это стоило так дорого, что киммерийцу хотелось растянуть удовольствие.

— Какое чудесное вино! — прошептала Рудабе, которая пила чуть приподняв край капюшона. — В жизни ничего подобного не пробовала.

— Я знал, что тебе понравится, — откровенно заявил Конан. — Как у вас там в хра... то есть там, где ты работаешь, насчет интриг?

— Что-то затевается, — задумчиво, тихим шепотом ответила девушка. — Мой хозяин заговорил об очищении неспроста: он слов на ветер не бросает. Он вынашивает какой-то ужасный замысел и намекает, что вскоре осуществит его — возможно, через месяц.

Конан, наклонившись к ней, прошептал:

— Что он за человек, ваш Верховный Жрец?

Рудабе чуть заметно вздрогнула.

— Все его боятся, — призналась девушка. — Это жестокий надсмотрщик, верный своим правилам; он не знает жалости, если уверен в своей правоте, — а в правоте своей он уверен всегда.

Конан, сузив глаза, пристально взглянул на Рудабе.

— Интересно, что он затевает?

— Не знаю. И потом, визит этих... — девушка кивнула в сторону стола, за которым сидели посетители в овчинных шапках и седобородый мудрец в унизированной жемчугом тюбетейке.

— Что тебе о них известно? — спросил Конан.

— Они прибыли из Аграпура с миссией от короля Йилдиза. Не знаю, как зовут этих головорезов, а старик — это господин Парвез, туранский дипломат.

Конан хлопнул себя по лбу широкой, крепкой ладонью:

— Конечно же! И как это я... — Он вовремя осекся и не сказал, что видел однажды Парвеза при дворе короля Йилдиза, то есть там, где кузнец Ниал никогда не бывал. Желая скрыть замешательство, он сделал знак Мандане, чтобы та вновь наполнила кубки. Рудабе, заметив его смущение, тихо спросила:

— Ты знаешь этого Парвеза?

— Нет, но я слышал о нем, будучи в Шадизаре, — пробормотал Конан. — Что ему нужно от Феридуна? Короли обычно направляют послов к другим королям, а не к иноземным жрецам.

— Не знаю, наверное, здесь существует какая-то связь с женщиной в вуали.

— Женщина в вуали? А кто она такая? — живо поинтересовался Конан. Догадка уже зашевелилась у него в мозгу.

— Незадолго до того, как ты пришел в Йезуд, из долгого путешествия возвратился наш викарий и с ним женщина, покрытая разноцветной накидкой. Она тут же была заключена в храме, в отведенной для нее комнате, и теперь ее не видит никто, кроме жрецов и одной-единственной рабыни. Эта служанка, темнокожая девушка, привезена из какой-то дальней страны и ни слова не понимает по-заморийски.

Конана наконец осенило: женщина в вуали — да ведь это Джамиля, любимая жена короля Йилдиза! Он покрепче сжал губы, боясь проговориться, что ему известно о похищении Джамили. Пытаясь казаться равнодушным, он небрежно спросил:

— Эту женщину жрецы похитили ради выкупа?

Рудабе покачала головой:

— Нет. Зац и его служители несказанно богаты. Монеты в сундуке — это всего лишь символ храмового богатства. Подлинные сокровища Заца — сосуды из золота и серебра, набитые алмазами, рубинами и изумрудами, слитки драгоценных металлов, груды цельных

самородков, — все это хранится под семью замками в сокровищнице. Помимо десятины, которую платят верующие, и приношений короля, храм получает доход от продажи нефти: она повсюду сочится из-под земли, и по приказанию жрецов ее вычерпывают из луж и сбывают по выгодной цене. Таковы богатства Заца, и потому даже королевский выкуп не заставит жрецов пойти на преступление. Скорее всего, эта женщина — какая-нибудь особа королевской крови, пожелавшая избежать жестокого обращения супруга.

— Или ставшая из-за этого отравительницей, которой необходимо убежище, — добавил Конан.

Глаза киммерийца блестели от алчности, планы лихо-радочно роились в голове, но он не стал расспрашивать девушку ни о храмовых сокровищах, ни о запертой женщине, чтобы посетители за соседним столом ничего не заподозрили. Напустив на себя веселость, он беззаботно улыбнулся, осушил свой кубок и вновь подозвал Мандану. Мандана с угрюмым видом наполнила кубки и вновь дерзко взглянула на Рудабе. Танцовщица еще больше натянула на лицо капюшон и съехала в углу.

— Не обращай внимания на эту девку, — посоветовал Рудабе Конан. — Ей завидно, что ты красиво одета, только и всего. Лучше расскажи мне, как ты проводишь день.

Конан уже заметил, что Рудабе — хорошая рассказчица, говорит она рассудительно, ясно и не без остроумия. Женщины, которые ему попадались, с тех пор как он покинул Киммерию, молили всякую чепуху, болтовня всякий раз являлась либо предисловием к любовной схватке, либо предлюдией к отказу, если такое случалось. Но беседа с Рудабе доставляла Конану неведомое ранее удовольствие: он наслаждался острым умом девушки.

— Одна из моих задач, — тихо рассказывала Рудабе, — следить за уровнем масла, которым подпитывается неугасимый огонь.

— Как это делается? — спросил Конан.

— Скрученный из волокон фитиль, пропитанный жидким топливом, вставлен во впадину, выдолбленную в мраморной плите прямо под халцедоновой чашей. Из углубления около двери, из которой в святилище появляются жрецы, выведена трубка, в которую вставлен бронзовый

вентиль. Я поворачиваю вентиль влево — масло течет, вправо — масло прекращает течь.

— Экая хитрость, — пробормотал Конан, — такого и в королевских дворцах не увидишь. А как наполняется емкость?

— Каждый день, — продолжала девушка, — я проверяю, каков уровень жидкого топлива. Если он довольно низок — например, на третий день, — я сообщаю об этом жрецу, которому поручено наполнять емкость. Он наполняет кувшин и вливает топливо в резервуар. В прошлом году жрецы, отговариваясь тем, что и без того очень заняты, поручили мне эту работу. Первый раз, как я попробовала это сделать, еще не имея навыка, я пролила немного нефти. Верховный Жрец пришел в ярость. Можно было подумать, что я украла глаз у Заца. Позднее он обвинил меня, что я плохо вытерла мраморный пол, из-за чего жрец Мирзес поскользнулся и опалил свой балахон..

— Как же это случилось?

— Мирзес был не слишком осторожен во время Представления Телесмов, то есть священного ключа, зеркала и прочих вещей, — он взмахнул рукавом против пламени. Край рукава вспыхнул, и было очень много суеты и крика, прежде чем удалось загасить огонь.

— Чем же все кончилось?

— Мирзес две недели ходил с перевязанной рукой. Когда он выздоровел, Верховный Жрец поручил ему наливать масло в емкость, заявив, что он-то уж будет осторожен. Я была несказанно рада, избавившись от этой работы, хотя и негодовала на Феридуна за его колкое замечание насчет женской глупости.

— Где вы берете это топливо?

— Не знаю точно, но мне говорили, что подземная труба выходит за пределы храма и ведет к ущелью, где нефть сочится из земли, образуя озеро.

Конан понимающе кивнул:

— Кстати, насчет глаз Заца. Наверное, они из драгоценных камней — во всяком случае, тогда, когда Зац принимает вид статуи. Ты не знаешь, что это за камни?

— Говорят, это восемь искусно подобранных, одинаковых огненных опалов. Стоят они, наверное, не меньше, чем все остальные сокровища Заца.

Окинув взглядом залу, Рудабе вдруг замерла и схватила Конана за руку:

— Ниал! Надо поскорей уходить!

— Почему? Что случилось, девочка?

— Видишь вон того, что сейчас вошел? — незаметным кивком девушка указала Конану, куда следует смотреть. — Только не поворачивайся. Это Дариус, один из жрецов! Если он заметит меня, я пропала!

Дариус был одним из младших жрецов, худощавый, аскетического вида молодой человек, примерно одних лет с Конаном; одет он был в янтарно-желтый балахон и изумрудно-зеленый тюрбан. Не обращая внимания на прочих посетителей, он напрямик двинулся к столу, где сидел стигиец. Они приветствовали друг друга поклонами и величавыми жестами, после чего жрец отодвинул табурет и сел напротив Псамитека. Они принялись шептаться, время от времени стигиец что-то помечал на вошеной деревянной табличке.

— Я слышала, что этот стигиец, — сказала Рудабе, — путешествует, изучая культы разных богов, сюда он прибыл, интересуясь поклонением Зацу. Похоже, Дариус рассказывает ему об этом. Идем?

Конан чуть заметно покачал головой:

— Мы не должны вскакивать и уходить в спешке, привлекая всеобщее внимание. Впрочем, он сейчас совершенно поглощен беседой со стигийцем.

— Дариус из тех, кого я меньше всего боюсь, — шепнула Рудабе. — Он идеалист, не от мира сего; ходят слухи, что он не в ладах с Верховным Жрецом и викарием. Смотри, вот идет арфист. Может быть, стоит остаться и послушать?

— Конечно! — ответил Конан. — Я закажу еще вина, пока он не начал.

Конан махнул рукой Мандане. Рудабе зевнула и улыбнулась за своей вуалью.

— Мне не следует так много пить, но это вино так освежает. Как оно называется?

— Это вино из Кироса, что на шемитском побережье. Я слышал, что сочетание климата и почвы делает его лучшим в мире, а если есть еще лучше, мне предстоит его отведавать.

Арфист сел на табурет и настроил арфу. Проворные пальцы забегали по струнам, и он запел трагическую песнь, в его звенящем голосе слышалась безысходность. Когда он умолк, слушатели заплодировали. Арфист поклонился и с перевернутой шапкой обошел комнату, собирая плату.

Затем последовала разухабистая баллада о прославленном разбойнике, который грабил богатых и раздавал награбленное беднякам. Но на сей раз нежные переливы струн и красивый голос певца были заглушены грубой перебранкой: меж четырьмя туранцами вспыхнула ссора. Несколько посетителей попытались призвать их к тишине, но безуспешно. Говорили на гирканийском, и потому Конан сумел понять причину ссоры.

Туранцы спорили о том, кто из них нынешним вечером воспользуется расположением Манданы. Конан был в замешательстве, когда впервые узнал, что Бартейк торгует телом своей дочери. Несмотря на то что киммериец позабыл многие нравственные предписания своего варварского отчества, все же он находил бесчестным поведение отца, заставляющего родную дочь заниматься непотребством. Но чего еще ожидать, говорил он себе, от развращенных заморийцев? Тем не менее сам он был не прочь, до того как встретил Рудабе, прибегнуть к услугам девки из таверны.

Спорящие наконец решили, что их разногласия покончит удачный бросок игровой кости. Какое-то время бряцание арфы сопровождалось стуком игровых костей. Внезапно самый удачливый игрок воплем возгласил о своей победе, прочие приветствовали его громкими выкриками и непристойными жестами.

Рудабе, отпив вина, сказала:

— Да ведь это... ведь это позор, невозможно слушать арфиста. Ниал, нельзя ли успокоить этих невеж?

Однако Конан не имел намерений впутываться в какую-нибудь заварушку. Киммериец опасался, что его самого либо его спутницу могут узнать или — что еще хуже — Бартейк откажется его впускать. С другой стороны, не в его характере было сидеть сложа руки, когда женщина взывает о помощи.

Прежде чем он успел взвесить, как ему следует поступить, пьяный туранец поднялся и, пошатываясь, подошел

к столу Конана. Он хлопнул Конана по плечу и пробубнил на ломаном заморийском:

— Эй, парены! Уступи свою девушку на ночь.

Стараясь не взорваться, Конан сказал:

— Моя девушка, как ты сам назвал ее, не сдается внаем или напрокат. И потом, ты ведь уже договорился с дочерью хозяина?

Туранец, покачнувшись, сплюнул на пол:

— Нет, она досталась Тутушу. А я, козел похотливый, остался без бабы. Сколько ты возьмешь? Я не поскуплюсь.

Конан скрипнул зубами:

— Я тебе уже сказал, что эта девушка не продажная.

Туранец шлепнул Конана по плечу, что можно было счесть и дружеским похлопыванием, и враждебным тычком.

— Э-э, не задирай нос! Я Чагор, известный боец. Клянусь Эрликом, я беру то, что хочу...

Конан вскочил на ноги и резко выбросил кулак, метя Чагору в подбородок. Челюсть лязгнула, и туранец повалился на спину как подрубленный. Конан, с бесстрастным лицом, сел и отпил глоток вина.

Однако туранец быстро пришел в чувство. Он слабо зашевелился, пытаясь встать на ноги. Конан снова поднялся из-за стола, перевернул Чагора концом сапога, сгребая его за края одежды и понес к выходу. Пинком открыв дверь, Конан вышел во двор и погрузил туранца в лохань, из которой поили лошадей. Окунув соперника несколько раз, он швырнул его в грязь и вернулся в гостиницу.

Едва переступив порог, Конан оказался лицом к лицу с товарищами Чагора, каждый из них держал наготове обнаженный клинок. С ловкостью пантеры вытащив собственный меч, Конан готов был уже броситься в атаку, зная, что только молниеносное наступление спасет его от участи быть окруженным и изрубленным в куски. Вдруг из-за спин туранцев повелительный голос провозгласил на гирканийском:

— Смирно! Вложить мечи в ножны! Назад к своему столу, болваны!

Седобородый туранец в тюбетейке, поднявшись с места, громовым голосом отдал какой-то приказ — резкий, будто

удар кнута. К изумлению Конана, неотесанные туранцы моментально повиновались. Они побрели назад к своему столу, с недовольным ворчанием вкладывая сабли в ножны.

Конан тоже убрал оружие и возвратился к столу. Там он увидел, что Рудабе спит, прислонившись к стене, несмотря на шум вокруг.

Арфиста не было. Молодой жрец, беседовавший со стигийцем, встал, отвесил прощальный поклон и тоже ушел.

Конан допил остаток вина и, подняв глаза, увидел, что рядом стоит Парвез.

— Добрый вечер, капитан Конан! — приветствовал его дипломат. — Как тебе живется в Йезуде?

— Спасибо, что помешал драке, почтенный, — буркнул Конан, — но меня зовут Ниал, я здешний кузнец.

Хмыкнув, туранец выдвинул свободный табурет и уселся.

— Так вот чем ты тут промышляешь. Что ж, я буду звать тебя Ниал. Только не думай, что я не узнал тебя. Кстати, куда ты девал Чагора?

— Я хорошенько его выкупал, теперь его можно учуять издали. А вот и он сам.

Чагор шел пошатываясь, вода каплями стекала с него. Он вызывающе оглядел комнату, но Парвез сурово ткнул пальцем, и боец послушно поплелся к столу, где сидели его товарищи.

— Что ж, я рад, что ты не причинил ему серьезного вреда, — сказал Парвез. — Они хорошие ребята, но по временам в них как будто дьявол вселяется.

Конан придвинул кубок Рудабе к Парвезу.

— Допей, раз уж моя спутница спит.

Парвез вдохнул аромат вина и отпил глоток.

— Киросское? Должно быть, ты при деньгах.

— Что ты здесь делаешь? — пропустив мимо ушей замечание дипломата, спросил Конан.

— Дипломатическое поручение, — почти шепотом ответил Парвез и огляделся по сторонам. — Возможно, мы сумеем быть полезными друг другу. Я кое-что расскажу тебе, потому что на тебя, знаю, можно положиться. Ты от меня зависишь, и мне известно о тебе более, чем ты думаешь. Давай же доверять друг другу. В Аграпуре я слышал

о тебе как о человеке, который держит слово, несмотря на вспыльчивость.

Конан, набычившись, проворчал:

— Я не разглашу твоих тайн, как и ты — моих.

— Итак, договорились? А теперь скажи, что тебе известно о похищении госпожи Джамили?

Конан рассказал Парвезу о своей встрече с Харпагусом в Мегарских болотах. Рассказал он также и то, что сообщила ему Рудабе о женщине в вуали. Наконец киммериец спросил:

— Как тебе удалось выследить, где находится госпожа?

— Это не составило труда. Верховный Жрец Заца в послании сообщил нашему королю, что его любимая жена жива и здорова, но ее не отпустят, пока планы Феридуна не осуществятся.

— На кой черт, — спросил Конан, — понадобилась жрецам Заца туранская фаворитка? Богатства храма невозможно даже вообразить. Не хотят ли они насадить поклонение Зацу в Туранском королевстве?

— Нет — во всяком случае, пока. Я был сегодня на приеме у Верховного Жреца, чтобы получить ответ на этот же самый вопрос. Феридун с презрением отмечает всяческие предложения выкупа, и, конечно же, речь его изобилвала всевозможными аллегориями и иносказаниями. Если собрать воедино все намеки и бахвальство, то становится ясно: в Заморе готовится некий переворот, который сбросит с трона «развращенного и изнеженного», по словам Феридуна, правителя. Очевидно, госпожа им нужна, чтобы предотвратить вмешательство короля Йилдиза, если тот вознамерится спасти своего брата монарха, как предписывает старинный договор. Верховный Жрец уверял меня, что пленнице обеспечен надлежащий уход и она получит свободу, как только в стране завершится «очищение».

— Я не причастен к ее похищению, как некоторые подозревают, — резко заявил Конан. — Не в моих правилах использовать женщин будто пешек в игре.

Господин Парвез насмешливо приподнял брови:

— Я первый был уверен, что ты замешан в похищении госпожи, поскольку вы исчезли в одну ночь, и даже послал вслед погоню. Теперь я рад, что тебе удалось бежать, так как убедился в твоей непричастности, но в Туране тобой недовольны из-за убийства Оркана.

— Я убил его, так как был вынужден защищаться, — буркнул Конан, — что бы там Наркия ни наплела.

Парвез пожал плечами:

— Это меня не касается, как бы там ни было на самом деле. Верховный Жрец Тугрил поклялся, что отомстит за смерть сына, но это его и твоя забота, а не моя. — Парвез задумчиво почесал подбородок.

— Мне известны его замыслы. — И Конан рассказал Парвезу о нападении Вартрана на Катигерна и о том, какая сумма назначалась за его, Конана, голову. — Не понимаю только, — продолжал Конан, — почему этот мерзавец напал на Катигерна, а не на меня. Разве мы похожи?

— Это нетрудно объяснить, — сказал Парвез. — Представь, Тугрил посылает человека, чтобы тот нанял надежного убийцу. Среди подонков Шадизара посланник встречает Вартрана и говорит ему: «Иди и убей Конана-киммерийца — это дюжий детина, который бежал в Йезуд и служит там стражником в храме». Вартран прибывает сюда и видит двух огромных детин, вступивших в драку. Но один из них в штатском платье, а на другом — мундир наемного воина. Разумеется, в качестве жертвы он намечает Катигерна.

— Тебе известен каждый мой шаг, — недовольно заметил Конан.

— Твое дело — сражаться, а мое — собирать сведения. А теперь, друг, — ах, вспомнил! — Ниал, у меня есть для тебя предложение.

— Ну? — буркнул Конан, и глаза его засветились интересом.

— Нам нужна Джамия, живая и невредимая. Ты единственный человек, кто может нам помочь.

Конан, подумав над его словами, сказал:

— Как же я, по-твоему, это сделаю? Госпожа упрятана в лабиринте храмовых коридоров, где именно — мне неизвестно. И даже если я узнаю, где она, — удастся ли провести ее мимо бритунийских стражников? Там их великое множество — что днем, что ночью.

Парвез небрежно махнул рукой:

— В прежние и не столь почтенные времена — не думай, что мне неизвестно о них, — тебе удавались кражи, где требовалось не менее смелости и изворотливости.

— Но и тогда я не умел взламывать замки. Мои друзья во... мои помощники говорили, что у меня слишком грубые, неловкие пальцы, бесполезно даже учить меня. Как же я войду к ней в комнату сквозь запертую дверь? Слабаком меня не назовешь, и все же сломать толстые дубовые двери не под силу человеку. Мне бы понадобился топор, а на его стук сбежится стража.

Дипломат улыбнулся:

— Вот тут я смогу тебе помочь. Посылая меня сюда, Его Величество приказал освободить госпожу, даже если для этого понадобится тайком проникнуть в храм. В случае неуспеха он велит отрубить мне голову. Но чтобы увеличить мои шансы, он заставил дворцового чародея отдать мне вот эту безделушку.

Парвез достал украшенную драгоценными камнями серебряную стрелку, длиною не больше пальца.

— Это, — пояснил он, — Ключ Гаприка, волшебная безделушка из королевской сокровищницы. С ее помощью ты откроешь любую дверь. Мне не доводилось воровать, и потому страх не оставлял меня, но вот я встретил тебя — и это упрощает задачу.

— Как этой штуковиной пользоваться? — спросил Конан.

— Прикоснись концом стрелки к замку и скажи: «*Катинин ачиллр гениши!*» — и замок сам откроется. Волшебный ключ способен отодвинуть засов, но не слишком тяжелый. Пусть эта стрелка будет у тебя, пока ты не освободишь госпожу Джамилю.

— Хм. А сколько мне заплатят за эту работу?

— Я могу заплатить тебе пятьдесят золотых монет из тех, что у меня с собой. Мне понадобится много денег, прежде чем я вернусь в Туран с госпожой.

— Ха! — воскликнул Конан. — За такой риск? Нет уж, мой господин. Подобные услуги стоят гораздо дороже.

— Вернувшись домой, я похлопочу о присвоении тебе более высокого звания и увеличении жалованья. Я пользуюсь влиянием при дворе и уверен, что тебя назначат старшим капитаном.

Конан покачал головой:

— Если бы это случилось до несчастного происшествия с сыном Тугрила... Но Тугрил уже подослал ко мне одного

убийцу и может подослать другого. Подстроить ловушку, подсыпать яду — на это он скор, как говорят. В Туране мне от него не спрятаться.

— Тогда скажи, что бы ты хотел получить от меня — в пределах моих возможностей?

Глаза Конана блеснули голубым пламенем:

— Пятьдесят золотых монет — в качестве аванса — и эту серебряную стрелку, но не на время. Мне бы хотелось владеть ею постоянно.

Парвез горячо спорил, отказываясь отдать Ключ Гац-рика Конану насовсем, но киммериец твердо стоял на своем, и посланник уступил.

— Стрелка твоя, — сказал он наконец. — Король будет недоволен, но благодарность за возвращение Джамили перевесит огорчение из-за утраченной безделки.

Парвез передал Конану волшебный ключ и отсчитал пятьдесят золотых монет.

— Полагаю, эта стрелка понадобится тебе для иных затей. Король Йилдиз высоко бы оценил глаза Заца.

Парвез, подмигнув, протянул руку киммерийцу, которую тот пожал в знак заключения сделки. Глядя на спящую Рудабе, посланник добавил:

— Как ты доставишь свою прекрасную спутницу домой? Хоть она и закутана, я полагаю все же, что это красавица.

Конан потряс девушку за плечо. Он даже шлепнул ее легонько, но без успеха. Рудабе продолжала спать.

— Я отнесу ее, — проворчал Конан, поднимаясь. Он взял танцовщицу на руки и пожелал Парвезу доброй ночи. Когда он проходил мимо стола, где сидели спутники Парвеза, Чагор сплюнул на пол и пробормотал грозное ругательство. Не обращая внимания, Конан вышел из гостиницы. Небо было усыпано звездами.

Прохладный ночной воздух не пробудил Рудабе, которая продолжала спать мертвым сном. Конану пришлось подниматься по дороге на холм к воротам Йезуда, неся девушку на руках. Молча прошел он мимо стражников, которые открыли для него маленькую дверцу в воротах. Он был уверен, что бритунийцы не станут наущничать и

жрецы ничего не узнают: наемные солдаты и сами частенько впутывались в сомнительные приключения.

Поначалу Конан хотел отнести Рудабе прямо к дверям храма. Но потом он сообразил, что, если он там оставит ее спящую, трудно даже вообразить, какие неприятности могут последовать. Да и Конану жрецы будут задавать щекотливые вопросы. Поразмыслив, он пронес ее через кузницу в свое собственное жилище.

Ночь была безлунной, и в комнате Конана было темно, как в яме, только угольки светились в жаровне. Продвигаясь наугад, Конан уложил девушку на свой соломенный тюфяк и снял с нее плащ. Рудабе шевельнулась, но продолжала спать.

Конан зажег щепку от жаровни и засветил свечу. Когда он подошел со свечой поближе, он увидел, что Рудабе и в самом деле красавица. Любуясь ею, он пришел в волнение. Кровь ударила в виски, киммериец поставил свечу и принялся тихонько раздевать спящую гостью.

Он развязал тесемки плаща и откинул его полы, затем расшнуровал тонкую сорочку Рудабе, обнажив ее крепкие груди. Слабо освещенная комната поплыла перед глазами Конана, едва только он взглянул на свой трофей. Дыхание участилось. Конан принялся быстро стаскивать с себя платье, но внезапная мысль поразила его.

Конан гордился тем, что никогда не брал женщин силой или обманом. Он охотно откликался на их желания, но ему еще не приходилось ни принуждать, ни обманывать девушку ложными обещаниями. Овладеть Рудабе, пока она спала, по его понятиям, было почти что равно насилию.

И все же желание овладеть ею не покидало его. Конан стоял неподвижно как статуя, раздираемый противоположными устремлениями.

Неожиданно к варвару явился образ матери, прекрасной Маев, погибшей от руки вожака гиперборейских бандитов — злобного Дуума. Видение лишь на миг мелькнуло перед ним, это перевесило чашу весов. Сказав себе, что у него еще будет возможность открыто заслужить любовь девушки, он наклонился и принялся завязывать тесемки ее сорочки, и тут Рудабе вновь шевельнулась и открыла глаза.

— Что ты делаешь? — пробормотала она.

— О! — воскликнул Конан. — Ты жива, хвала Митре. Я собирался послушать, бьется ли твое сердце.

— Думаю, ты замыслил что-то другое, — сказала она, поднимаясь. — Кхм... сейчас меня стошнит!

— Только не на пол! Вот сюда! — Конан подтолкнул ее к умывальнику и нагнул голову над тазом.

Спустя полчаса, незадолго до полуночи, Конан оставил Рудабе, умытую и трезвую, у двери храма на северной стороне.

— Спасибо, — сказала девушка, — но тебе не следовало так щедро угощать меня киросским.

— В другой раз я буду скупей. Когда мы увидимся снова?

Девушка вздохнула:

— До того как Феридун стал Верховным Жрецом, можно было подойти к этой двери и стукнуть четыре раза. Старик Оксиатрес открывал, и ты, заплатив ему монетку, вызывал девушку, с которой хотел поговорить. Но с Феридуном все это прекратилось. Теперь нужно ждать, пока жрецы снова отпустят меня домой, а когда это будет — и самому хитроумному астрологу не предсказать. Встретимся опять при случае в доме у моей матери.

— Тебе бы хотелось пойти опять в гостиницу Бартейка?

— О нет! Я не отважусь теперь и носа высунуть за городскую стену. Чудом Дариус не узнал меня, но второй раз я не пойду на такой риск.

Девушка быстро поцеловала его и ушла. Конан возвратился к себе в кузницу, угрюмо ворча. Если бы он воспользовался ею сонной, навряд ли бы он чувствовал себя таким дураком, как теперь.

Глава 8

ВОСЕМЬ ГЛАЗ ЗАЦА

Несколько дней Конан провел за работой. Он надеялся вновь увидеться с Рудабе в доме ее матери, но девушка не появлялась.

— Жрецы так загрузили бедную девочку, — жаловалась Амитис, — что никак нельзя угадать, когда она опять

заглянет к нам. Они обещали, что будут отпускать ее четырежды в месяц; но надо считать везеньем, если удастся выкроить хотя бы три свободных вечера.

Когда Конану удалось наконец справиться со всей накопившейся еще при старом кузнеце работой, он почувствовал себя свободней. Ежедневно час-другой он объезжал своего коня. Однажды он остановился близ гостиницы Бартейка, чтобы побеседовать с Парвезом, который выказывал явное беспокойство.

— Не могу же я освободить ее, не зная, где ее прячут! — возразил Конан.

— Постарайся узнать, — сказал Парвез. — Ходят слухи, что переворот, на который намекали жрецы, начнется уже через неделю.

— Возможно, ты прав, — проворчал Конан. — Я сделаю все, что смогу.

На следующий день Конан вновь посетил службу в храме Заца — отчасти из желания быть на хорошем счету у жрецов, но также и затем, чтобы освоиться с планировкой. Он выслушал разглагольствования Феридуна о грядущем великом очистительном перевороте. Когда появились танцовщицы, он сосредоточил все свое внимание на Рудабе. В нем закипало желание при виде ее обнаженного тела, прикрытого только редкой паутиной из черных блестящих бусин. В чашу прислужника он опустил большую по стоимости, чем в первый раз, монету: пусть думают, будто он склоняется к культу Заца.

С немалым вождением Конан смотрел на огромные драгоценные камни, украшавшие статую паука, — крупные опалы, каждый величиной с детский кулачок, — четыре камня, уложенные в ровный ряд спереди, по одному с каждого бока и два на верхушке. Если бы удалось, завладев ими, ускользнуть и добраться до какой-нибудь отдаленной страны, тогда он купил бы себе поместье и титул или высокую должность в армии и был бы обеспечен до конца своих дней. Нет, он не собирался порывать с жизнью, полной опасности и приключений, но приятно было бы сознавать, что существует уголок, куда бы он мог вернуться и спокойно передохнуть после очередной отчаянной вылазки. Конан

перебрал уже несколько планов, как бы он мог заполучить эти сокровища, но ни один из них не годился вполне.

После службы он задержался в притворе, сделал вид, что вытряхивает камушек из обуви. Когда все молящиеся вышли, он не последовал за ними, но свернул в коридор направо, если стоять лицом к святыню, — туда, куда Моркант повел его в первый раз. Он прошел уже половину пути, озираясь по сторонам и пытаясь угадать, что лежит за толстыми дубовыми дверьми.

Коридор поворачивал, и, зайдя за угол, Конан наткнулся на стражника-бритунийца, который охранял проход в другой, примыкавший к первому, сумрачный коридор. Конан, судя по экстерьеру храма, сообразил, что этот коридор проходит внутри первого из четырех крыльев храма, лежащих на правой стороне.

Необходимо было немедленно отвести подозрения стражника.

— Привет, Урайн! — небрежно проговорил Конан. — Ты опять потерял свой выигрыш?

Стражник нахмурился:

— Ничуть не бывало. Но что ты тут делаешь, Ниал? Мирские люди наподобие тебя могут появляться здесь только в сопровождении жреца или послушника...

— Да я ради храма и стараюсь, — начал было Конан, но замолчал, заметив, что бритуниец смотрит ему за спину. — Оглянувшись, он увидел викария Харпагуса, в черном балахоне и белом тюрбане, который неслышными шагами приближался к нему.

— Наверное, многие изделия из металла здесь, в храме, нуждаются в починке, викарий. Надо бы проверить каждый крючок и гвоздь без отлагательств.

Харпагус холодно улыбнулся:

— Это хорошо, что ты беспокоишься о том, чтобы у нас было все в полном порядке, Ниал. Но слуги Заца ревностно стараются выявлять недостатки. Если возникнет необходимость, они обратятся к тебе. Как обстоят дела в кузнице?

— Спасибо, ничего, — пробормотал Конан. — Работы хватает.

— Вот и хорошо! Один из заказчиков жаловался, что выделка груба по сравнению с твоим предшественником.

Я объяснил ему, что ты долго служил солдатом и давно не держал в руках молота. Со временем, надеюсь, дела пойдут успешней.

Конана подмывало сказать викарию, как неудачливому заказчику следует поступить с починенным изделием, но он сдержался.

— Я постараюсь, господин. Сейчас я перековываю чугунный узор для двери.

— Минуточку, почтенный Ниал. Поговорим у меня в кабинете, надо кое-что выяснить. Пожалуйста, идем со мной.

Пытаясь угадать, зачем бы это он понадобился жрецу, Конан вернулся за Харпагусом в притвор и вышел из храма через главную дверь. Молящиеся, как оказалось, еще не разошлись по домам: бритунийские стражи, скрестив алебарды, удерживали их на ступенях. Через городские ворота, заполняя улицы, входило большое овечье стадо, животные, теснясь, проходили перед храмом и сворачивали, скрываясь за западным крылом; их гнали двое пастухов в кожаных туниках, при пастухах была собака. Когда бритунийцы наконец подняли алебарды, викарий повел Конана вслед за стадом, к западному крылу. Стадо сгрудилось у двери в конце первого крыла на западной стороне. Эта дверь, подобно двери на противоположной стороне, была высокой и прочной.

Собака бегала с лаем вокруг стада, сгоняя животных в гурт, если они пытались разбрестись. Пастухи стояли опершись на посохи и ждали. Викарий протолкнулся меж овцами к двери. Он отодвинул засов, отпер замок ключом и отворил дверь. Отступив на шаг, он махнул пастухам, чтобы те вели стадо.

Под громкий лай собаки пастухи принялись загонять овец в зияющее отверстие. Когда овцы почти все уже вошли, собака вдруг отскочила назад, с вставшей дыбом шерстью и рыча, как если бы почуяла чужой, угрожающий запах. Пастухи толкали оставшихся овец при помощи увесистых посохов.

Харпагус затворил дверь, запер замок на ключ и опустил огромный засов. Спрятав ключ, он достал маленький кошель, который передал старшему пастуху. Пастухи поклонились, пробормотали на своем наречии слова благодарности и удалились, ведя за собой собаку.

— А теперь, господин Ниал, направимся в мой кабинет. Не зная, как отговориться, Конан проследовал за Харпагусом в его кабинет. Харпагус сел за свой большой письменный стол и приказал:

— Взгляни на меня, Ниал!

Жрец поднял руку с перстнем, украшенным камнем огромной величины. Он пристально глядел в глаза Конану и то приближал, то удалял от его лица блистающий камень. При этом он монотонно приговаривал:

Ты засыпаешь, засыпаешь, засыпаешь... Воля твоя спит... И ты правдиво расскажешь мне все, что я хочу о тебе знать.

Глаза жреца, казалось, стали нечеловечески огромными, очертания комнаты растаяли, и Конан стоял словно в густом тумане, не видя ничего, кроме этих огромных глаз.

Однако Конан вовремя припомнил уроки, которые получил от Кушада, слепого чародея из Султанапура. Сделав над собой могучее усилие, Конан отвел взгляд и сконцентрировал внимание на мысленном образе комнаты, где он сейчас находился, повторяя про себя: «Дважды три — шесть... Трижды три — девять...»

Понемногу туман рассеялся и вновь стали видны очертания кабинета. Конан молча смотрел на викария, который говорил:

— А теперь расскажи мне, Ниал, чего ты в действительности хотел, разгуливая по храму после службы, вместо того чтобы с народом отправиться домой?

— Мне попался камушек в ботинок, господин. А потом я подумал вдруг, что буду добросовестным кузнецом, если проверю, нет ли каких недостатков в металлических изделиях в храме.

Харпагус недоуменно нахмурился и повторил свой вопрос, на который Конан ответил то же самое.

— Ты поддался моему влиянию, — спросил викарий, — или притворяешься?

— Спрашивай что тебе угодно, господин, я расскажу всю правду.

— Глупейший вопрос, — пробормотал Харпагус, — но можно попробовать. Ответь мне, какие чувства ты испытываешь к танцовщице Рудабе и в каких ты с ней

отношениях, — Расскажи все, до мельчайших подробностей.

— Госпожа Рудабе — дочь женщины, у которой я столюсь, — пояснил Конан. — Однажды я ужинал с ней вместе, когда она навещала мать, вот и все.

— А ты никогда не сопровождал ее, скажем, в гостиницу Бартейка в Кшесроне?

— Нет, господин, она сказала, что это запрещено правилами храма.

— О чем вы говорили с ней, когда ужинали вместе в доме ее матери?

— Обсуждали местные сплетни, я рассказывал о своих приключениях.

— Путался ли ты с публичной девкой?

— Нет, господин, я знаю, это запрещено.

Харпагус коснулся поверхности стола указательным пальцем.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь я щелкну пальцами по столу, и ты проснешься, но забудешь весь наш разговор. И потом можешь идти.

Жрец щелкнул пальцами. Конан глубоко вздохнул, прямил свои могучие плечи и спросил:

— Так о чем ты хотел спросить меня, почтенный викарий?

— Я позабыл, — раздраженно отозвался Харпагус. — Иди работай.

Конан кивнул, повернулся и пошел к двери.

— Эльдок! — окликнул Харпагус.

Бритуниец, стоявший на страже у дверей викария, просунул голову в кабинет:

— Да, викарий?

— Покажи господину Ниалу, где находится выход. А ты, Ниал, — добавил он сурово, — не забывай, что мы не позволяем мирским людям блуждать по храму без сопровождения. Надеюсь, мне не придется еще раз напоминать тебе об этом.

Оказавшись в коридоре, Конан вытер концом рукава взмокший лоб и в ярости проскрежетал зубами. По крайней мере, он надеялся, викарий поверил, что гипнотическое влияние подействовало.

Придя вечером в дом Амитис, Конан вновь застал там Рудабе. Лето было в разгаре, темнело поздно, и после ужина они вышли в сад.

— Смотри не наступи на нашу капусту, — сказала Рудабе.

Нахваставшись своими приключениями, Конан спросил:

— Что за погибель обещает напустить на нас Верховный Жрец?

— Не знаю, — ответила девушка. — Внутренний круг хранит свои тайны.

— Похоже, он грозит чумой. Я знаю, можно насылать мор при помощи волшебства.

Рудабе пожала плечами:

— Узнаем, когда придет время.

— Случается, чародею не совладать с собственным творением, — размышлял Конан. — Все мы можем оказаться в числе жертв.

— Ты всегда можешь бежать.

— А ты?

Девушка вновь пожала плечами:

— Что будет, то будет. Йезуд мой родной город, я не странник, которому все равно, где жить.

— Но чума может опустошить весь город, и у тебя не останется ни родни, ни знакомых.

— Что ж, — пробормотала девушка, — такова, значит, моя судьба.

— Ох уж эти восточные суеверия! Почему бы тебе не бежать вместе со мной?

Девушка спокойно взглянула на него:

— Я все гадала, когда ты до этого дойдешь. Так вот, Ниал, знай, что я никогда не буду игрушкой в руках мужчин. Когда кончится срок моего служения, я выйду замуж за какого-нибудь пригожего паренька, буду вести хозяйство в его доме и растить детей.

Конан скорчил кислую мину:

— Такая же скука и в моей родной деревне. Я бы показал тебе настоящую жизнь.

— Не сомневаюсь, но быть подругой неприкаянного искателя приключений — не в моем вкусе.

— Откуда тебе знать, девочка, если ты никогда не странствовала.

— Если жизнь хозяйки дома покажется мне невыносимо скучной, я всегда смогу бежать с храбрецом вроде тебя. Но если я уйду сейчас с тобой, я никогда уже не смогу вернуться в Йезуд: жрецы скормят меня Запу.

Конан воздел к небу руки:

— Митра да сохранит меня от умных женщин, которые планируют свою жизнь, как командир предстоящее сражение! Да ведь вся прелесть жизни состоит в том, что ты никогда не знаешь, что ждет тебя завтра и будешь ли ты вообще жив. И все же ты мне нравишься куда больше всех прочих женщин, хоть и остаешься холодна как лед.

— Ты мне тоже нравишься, Ниал, но не настолько, чтобы потерять голову. Конечно, если бы ты переменял образ жизни — осел на месте, как говорится, — но нет, я не должна давать опрометчивых обещаний. Пожалуйста, проводи меня обратно в храм.

Пожелав Рудабе доброй ночи, Конан вернулся к себе в кузницу. Не зная, куда девать себя от скуки, он спустился в Кшесрон, где в гостинице застал Парвеза за изучением карты Заморы.

— Мне кажется, наше предприятие, — заявил Конан, — должно осуществиться извне, а не изнутри. Покои храма усиленно охраняются. — Он рассказал о своей попытке обследовать храмовые коридоры и о последующем допросе у Харпагуса. — И потому, — заключил он, — мне понадобится длинная прочная веревка, примерно в сорок — пятьдесят локтей. Ты не подскажешь, где такую достать?

— Нет, я не знаю, — ответил дипломат, — но возможно, наш хозяин ответит. Эй, Бартейк!

Бартейк сообщил им, что веревку можно купить в деревне Каршой, расположенной в долине в двух лигах от Кшесрона.

— Хорошо, — сказал Конан. — Во сколько может нам обойтись пятьдесят локтей веревки?

Когда Бартейк, прикинув в уме, назвал им сумму, Конан протянул к Парвезу руку:

— Деньги на веревку, господин.

— Трудный же ты человек, — вздохнул дипломат, роясь в своем кошельке. — Но погоди.

Кисло взглянув на Конана, Парвез поднялся из-за стола и ушел.

Оставшись один, Конан оглядел залу. Вошел капитан Катигерн, и Конан приветствовал его кивком. Оба они заказали вина — дешевого, местного, потому что Конан не видел причины разоряться на киросское, если уж не с кем было сегодня разделять это изысканное удовольствие. И он, и Катигерн не потратили слишком много.

Хотя Конан пил больше, чем обычно, вино Бартейка не вызывало опьянения. Через час и он, и бритуниец были все еще трезвы, и Конану было скучно как никогда.

Дочь хозяина подошла, чтобы лишний раз показаться на глаза мужчинам. Конан зевнул и сказал:

— Довольно, капитан. Я, наверное, пойду спать.

— В одиночестве? — лукаво спросила Мандана. Поймав его взгляд, она чуть подалась вперед.

Конан глядел на нее безо всякого интереса.

— В кузнице тяжело работать, — проворчал он. — Ковать мечи — все равно что сражаться. Работа отнимает у меня все силы.

— Ха! — фыркнула Мандана. — Такому силачу, как ты, надо еще и ночью потрудиться, чтобы устать. Ты бегаешь за танцовщицей из храма. Думаешь, я не узнала ее, несмотря на то что она была спеленута, как мумия! По крайней мере, я не скачу перед народом голая, нацепив на себя только нитку бусин.

На другом конце стола раздался кашель: Катигерн безуспешно старался сдержать свое веселье. Сердито взглянув на капитана и на дочку Бартейка, Конан сдержанно попрощался и ушел.

Разыскав на ощупь в темноте свой матрас, Конан улегся, но сон не шел к нему. Он мог думать только о Рудабе, ее образ преследовал его. Хотя он и твердил себе, что о девушке надо забыть, что с нею он утратил бы независимость и свободу, которые были для Конана дороже всего, — лицо Рудабе стояло у него перед глазами.

С нею, размышлял Конан, он перестанет быть борцом. Она опутает его клейкою паутиной домашней рутины, из которой невозможно будет с честью выбраться. Или паук

и в самом деле символ Йезуда? Он будет привязан к одному и тому же месту жительства и к одной и той же отупляющей работе всю свою жизнь, пока не станет седым беззубым стариком, живущим на жидкой похлебке. А скольких городов он не увидит, скольких приключений не изведает!

Но хотя Конана и ужасала мысль, что остаток жизни он проведет как кузнец в Йезуде, иное, более сильное побуждение донимало его гораздо сильнее: ему хотелось снова видеть Рудабе, любоваться ее милым лицом, слушать нежный голос, созерцать горделивую походку танцовщицы, держать девушку за руку. Это было не просто вожделение, хотя и оно присутствовало.

Не было это также и простым желанием обладать женщиной. Он мог бы проводить ночи с этой глупой девкой Манданой, внеся только назначенный отцом выкуп. Но он хотел именно ту женщину, а не какую-нибудь другую.

Эта потребность, эта зависимость была для Конана новой, и оттого ему было не слишком уютно. Вновь и вновь пытался он разорвать невидимые путы, пока еще не поздно. Но всякий раз, едва только он собирался выбросить Рудабе из головы, он понимал, что это невозможно, как невозможно ограбить калеку нищего.

И однако он уже согласился на предложение Парвеза освободить Джамиллю, а за это получить доступ в храм, откуда он надеялся похитить глаза Заца. Но если он украдет их, ему придется бежать как можно дальше от Йезуда. Ладно, если Рудабе поедет с ним, — а если девушка не решится? Отказаться ли ему от замысла, чтобы вести оседлую жизнь в Йезуде? И если он поступит так, переживут ли они затеваемый Феридуном переворот? Глупо трудиться над замыслом и затем рисковать, освобождая Джамиллю, если потом ему не удастся использовать Ключ Гацрика.

Мысли его крутились и крутились, как молоко в маслобойке, не складываясь в какой-либо вывод. Наконец Конан понял, что не уснет, и поднялся с постели.

За полночь капитан Катигерн обходил своих бритунийских стражей. Идя вдоль стены Йезуда, он заметил, что на дороге в Шадизар что-то шевелится. Он разглядел человека, минующего Кшесрон и бегущего наверх по каменной тропе.

Катигерн, обернувшись к лейтенанту, возглавлявшему стражников, поинтересовался:

— Кто это там? Посыльный от короля?

— Нет, — ответил лейтенант. — Если не ошибаюсь, это наш кузнец Ниал. Час тому назад он вышел из города, сказав, что нуждается в хорошей пробежке.

Конан, пытаясь отдышаться, ждал, пока ему откроют дверцу в воротах. Все еще тяжело дыша, он нырнул в дыру, бегло поприветствовал бритунийцев и исчез.

— Не сошел ли кузнец с ума? — предположил лейтенант. — Я не видел, чтобы так проворно убегали от врагов.

— Да, можно сказать, он безумен, — хохотнул Катигерн. — Любовь заставляет человека проделывать штуки почудней, чем ночные пробежки!

Глава 9

ПОРОШОК ЗАБВЕНИЯ

Ухаживая за Рудабе, если это так можно назвать, Конан делал приготовления на случай внезапного побега, несмотря на то что пока еще не видел повода для бегства. Он, у которого было в обычае принимать мгновенные решения и тут же следовать им, испытывал теперь опасные колебания.

Каждый день на час или более он оставлял кузницу и объезжал своего коня. Он натачивал свой меч. Он чинил и начищал обувь, седло и прочую экипировку. Он запасался пищей, которую можно долго хранить: солониной, сухарями и финиками, купленными у зуагирских торговцев. Он взял у Парвеза карту Заморы и тщательно изучил ее.

Если он сбежит из Йезуда с глазами Заца, куда ему следует направиться? Возвращаться в Туран нельзя, поскольку Тутрил не откажется от мести. Верховный Жрец Эрлика, чьего сына он убил, в своей жажде мщения способен прибегнуть даже к заклинаниям чародеев.

Западнее Йезуда, с юга на север, тянулся на много лиг центральный хребет покрытых вечными снегами Карпашских гор. Конан, рожденный в горах, не сомневался, что сумеет пешком пробраться через уступы горного кряжа, но коню наверняка это окажется не под силу. Можно ли было

помыслить путешествовать по ту сторону гор, в чуждой стране, без коня? К тому же, если Рудабе согласится бежать с ним, ей необходима будет лошадь.

Он мог бы пробраться на север, где кончается хребет, и оттуда податься в расположенную западнее верхнюю Бритунию. Там, в этой малонаселенной стране, он мог бы жить долгие годы — но какими бы событиями он заполнил их? Да, он мог бы купить участок земли и возделывать его. Но гнуть спину на пашне и ковыряться в грядках не пристало отважному воину! Стоило ли тогда покидать родную Киммерию?

Можно было отправиться также на юг, к другому концу Карпашей, и оттуда пробраться в Коринфию либо еще южней, в Хауран. Тогда его путь будет пролегать через Шадизар, где какой-нибудь дружественно настроенный скупщик краденого выложит Конану кругленькую сумму за его добычу. С другой стороны, множество заморийцев из приближенных короля Митридата помнят его прошлые похождения и точат на него зуб. Замора — страна небольшая, здесь трудно спрятаться; вдобавок Конан выше ростом любого заморийца на целую голову — его нетрудно будет разыскать.

Через несколько дней после ночной пробежки Конан на три дня отлучился из Йезуда, спустившись в долину. Киммериец возвращался из деревушки Каршой с мотком веревки, прикрепленным к седлу.

Он мирно трусил по извилистой тропинке, которая змеилась по узкому ущелью ниже долины, где лежал Кшесрон. Скалистые склоны ущелья круто поднимались по обе стороны, изъеденные эрозией валуны или поднимались к небу пиками, или валялись, раскиданные там и сям. Прекрасное место для засады, подумал Конан, обводя округу тревожным взглядом: в каменном хаосе можно отыскать множество мест, чтобы притаиться, а лошадь навряд ли преодолет такой подъем, не сломав ноги.

Только он успел это подумать, как вдруг услышал столь знакомый по службе в туранской армии звук: хлопок туго натянутой тетивы, сопровождаемый ноющим свистом летящей стрелы.

Конан тут же метнулся вперед и повис на правом боку коня, потому что звук пришел с левой стороны ущелья. Зацепившись ногой за седло и обвив рукой Имира за шею, он теперь не был удобной мишенью для невидимого лучника. Едва Конан спрятался, стрела пропела как раз там, где только что был всадник, и раскололась о камень по правую руку от Конана.

Конан в ярости вскочил в седло и вытащил меч. Он развернул коня и впился взглядом в каменистый склон, как если бы сверкание его голубых глаз могло испепелить скалы, за которыми спрятался убийца. Имиру передалось возбуждение седока: конь затанцевал и зафыркал. Однако в скалах ничто не шевельнулось.

Конан мог бы направить Имира вниз по склону ущелья и пересечь ручей, но потом бы ему пришлось спешиться и карабкаться вверх, без щита и доспеха, под прицелом меткого лучника, надежно укрытого в засаде; ясно было, что это равносильно самоубийству. Собственный лук киммерийца оставался вместе с колчаном в Йезуде. Конан, с бьющимся сердцем, вглядывался в камни, но враг оставался невидим.

Наконец киммериец вновь направил коня на север, намереваясь продолжить путь: если нельзя вступить в сражение, лучше поскорее уйти от опасности.

Но едва Конан пустил коня галопом, как вновь запела стрела. Вновь Конан стремительно пригнулся, но на этот раз стрела вонзилась коню в бок. Имир сделал огромный скачок — и свалился на край дороги; содрогаясь в конвульсиях, животное скатилось вниз по склону.

С потерей коня Конан всецело сосредоточился на обороне. Ловко, как кошка, он вскочил на ноги, но склон был таким крутым, что киммериец упал и покатился вниз. И все же, оказавшись на середине спуска, Конан снова поднялся и в два прыжка очутился на дне ущелья. Перепрыгнув через ручей на другую сторону ручья, киммериец стал по камням карабкаться вверх. Поскольку на смену ярости явилась расчетливая осторожность, Конан поднимался вверх более обдуманно, прячась за валунами и выступами, пристально всматриваясь в открытые пространства и делая стремительные броски к следующему укрытию.

Преодолев значительную часть подъема, он вновь внимательно оглядел валуны и выступы утеса, за которыми прятался убийца. Но киммерийцу так и не удалось его заметить, даже когда он выбрался из ущелья.

Наверху простиралось неширокое травянистое плато, тянувшееся на расстояние полета стрелы, далее оно переходило в склоны и вершины скалистых Карпашских предгорий. Конан, нахмурившись, обошел плато. Вдруг дыхание его участилось: он заметил на песке след лошади. Пройдя чуть далее, он заметил еще несколько отпечатков копыт и колышек, воткнутий в землю. Очевидно, кто-то недавно поднялся на это плато, привезя с собой колышек. Спешившись, незнакомец воткнул колышек в землю, привязал лошадь и отошел, чтобы пускать стрелы в Конана. Промажнувшись оба раза, он возвратился к своей лошади и уехал так быстро, что даже колышек с собой не захватил.

Конан сновал вокруг следов, как ищейка, учуявшая запах, чтобы разгадать, в каком направлении скрылся лучник. Но плато местами сильно поросло травой, местами же было каменистым, и потому следов больше не было видно.

Наконец Конан отказался от своей затеи и спустился вниз, где у ручья лежал его мертвый конь. Он снял седло и уздечку и, поднявшись на тропу, потащился к Йезуду, мрачный, с веревкой и седлом на плече. Он брел, раздумывая, как убийца мог так ловко пробраться на плато незамеченным, — наверняка без магии тут не обошлось.

Да, решил Конан, это единственное объяснение. Чародей был не настолько силен, чтобы убить Конана посредством только лишь волшебства, однако он сумел, как викарый, навести морок. Для убийства были использованы лук и стрелы, а чары — только как прикрытие, благодаря которому лучник остался незамеченным.

Конан вернулся в Йезуд в ярости: конь потерян, а враг ушел неотмщенным. Но гнев киммерийца значительно ослаб, когда он увидел Рудабе.

Рудабе не выглядела счастливой.

— Выйдем в сад, Ниал, — сказала она взволнованно. — У меня есть новости.

— Да? — оживился Конан, идя за ней по тропке меж грядок с капустой.

— Ты знаешь викария Харпагуса? Ему стало известно, что я была с тобой в Кшесроне.

— Как он узнал?

— Он вызвал меня и заявил, что некая женщина — имени он не назвал — сообщила ему об этом.

— Клянусь Сэтом! — прорычал Конан. — Уверен, что это шлюха из таверны, Мандана.

— Зачем бы ей это понадобилось? Я ничего плохого ей не сделала!

— Из ревности, моя девочка, разве ты не знаешь женщин? И каковы же намерения Харпагуса?

— Ему хотелось бы получить от меня то, в чем я отказала тебе. В противном случае он угрожает донести господину Феридуна.

Голос Конана стал подобен рычанию леопарда:

— Еще одно свидетельство против этого пса! Если это не он подослал убийцу сегодня на дороге, считай меня стигийцем.

— Что случилось? Тебя пытались убить?

Конан вкратце рассказал Рудабе о своем приключении по дороге из Каршоя.

— Какая жалость, что убили коня! — воскликнула Рудабе. — Но зато ты невредим, а это куда важнее.

— Не беспокойся. Расскажи лучше, как может отомстить тебе Харпагус, если ты не уступишь?

— Отдаст на съедение богу-пауку, — мрачно сказала Рудабе. Лицо ее было бледно даже в лучах заходящего солнца. — Или велит высечь кнутом и переведет в младшие прислуги. Что меня ждет? Я могу уступить Харпагусу, но, даже если обойдется без последствий, стану так или иначе кормом для Заца; могу отказать похотливому викарию, пригрозив пожаловаться Феридуна. Я могу и заблаговременно пойти к Верховному Жрецу. Но викарий обличит меня, и его слово перевесит.

— Ты не учла четвертую возможность: бежать со мной, — проворчал Конан.

Рудабе покачала головой:

— Мы уже об этом говорили. Я бы, наверное, предпочла быть убитой Зацем, чем вести такую жизнь, как ты

обрисовал. Но ты, наверное, поделишь мою участь: если Феридун узнает, что ты обесчестил девушку, служащую в храме, тебе несдобровать.

— Развратники! — фыркнул Конан. — Все они развратники. Ваши жрецы, как и прочие правители, не желают подчиняться тем законам, которые они предписывают другим.

— Когда правил предшественник Феридуна, ненасытный сластолюбец, никто и не думал о законах, но Феридун настолько нравственно чист, что его оскорбляет, когда другие позволяют себе наслаждаться жизнью. Да, насчет Харпагуса, — ты уже решил, как поступить?

Девушка имела в виду, решил ли Конан стать ее скромным, не жаждущим приключений мужем. Конан сжал кулаки и заскрежетал зубами от противоположных чувств, терзающих его. И вдруг ему пришло в голову, что есть еще одно решение, которое спасло бы их от роковой развязки.

— Ты слышала что-нибудь о Порошке Забвения? — спросил он у девушки.

— Нет. А что это такое?

— Это волшебное средство, меня снабдила им одна знающая колдунья. Брось щепотку в лицо врага, сказала она, и враг позабудет все о тебе, как если бы никогда тебя не знал. Если ты зайдешь ко мне, я... — Конан умолк, так как Рудабе протестующе взглянула на него. — Да, да, понимаю. Нельзя, чтобы нас видели вместе. Подожди меня здесь.

Вскоре Конан вернулся с волшебным порошком, который дала ему Нисса. Передавая его Рудабе, Конан вздохнул:

— Я и вправду люблю тебя, девочка. Я покажу тебе такую любовь, какая местным чурбанам и во сне не снилась!

— А когда ты умчишься от меня навстречу новой любви и новым безумным приключениям, оставив с младенцем на руках, — что тогда я буду делать?

Конан возмущенно фыркнул:

— Вам, госпожа, следует вести диспуты с философами во внутреннем дворе храма! Уверен, вы бы посрамили их

— У тебя ум острее, чем ты полагаешь, но не хватает навыка.

— Я умею рубить мечом, стрелять из лука и скакать на боевом коне, искусству словопрений меня не обучали.

— Это дело поправимое. Дариус, младший жрец, ведет занятия с детьми, он мог бы и тебя научить.

— Клянусь Кромом! — рявкнул Конан. — Ты, девчонка, пытаешься взять надо мной верх? Как бы не так!

Когда им надоело спорить, Конан проводил Рудабе до храмовых дверей. Убедившись, что ночные улицы пустынные, Конан схватил девушку, прижал к себе и покрыл ее лицо горячими поцелуями.

— Поедем со мной! — бормотал он голосом, охрипшим от страсти.

Высвободившись из объятий, Рудабе мягко сказала:

— Я допускаю, Ниал, что смогла бы любить тебя, — но только в том случае, если ты позволил бы мне «взять над тобою верх». Это значит отказаться от странствий и обосноваться в Йезуде в качестве примерного мужа и хозяина дома.

— С другой женщиной о таком и помыслить было бы смешно, — проворчал Конан. — Но что касается тебя — я подумаю.

На следующее утро Конан отпустил Лара из кузницы и принялся за новое изделие, которое ему не хотелось показывать подмастерью. К полудню футовый крюк, загигающийся внизу тремя концами, был готов. Он как раз привязывал его к купленной в деревне веревке, продев ее в ушко на верхнем конце, когда взволнованный голос позвал его:

— Ниал!

В дверях кузницы стояла девушка. Конан узнал Рудабе, несмотря на то что она была в накидке с капюшоном. Конан отложил работу и вышел наружу.

— Заходи, — сказал он. — Нам нельзя говорить тут, где каждый нас может увидеть. И не опасайся за свою проклятую девственность.

Оба вошли в кузницу, Конан плотно прикрыл дверь.

— Что случилось?

— В храме такой переполох, что, думаю, меня не скоро хватятся.

— Вот как, а что случилось?

— Твой порошок действовал — да еще как! Харпагус заглянул сегодня ко мне в спальню и вновь принялся уговаривать меня, не скупясь на лстивые уговоры. Едва он коснулся меня своими похотливыми руками, я открыла коробочку и вытряхнула на него весь порошок.

— Одной щепотки было бы достаточно.

Девушка пожала плечами:

— Не сомневаюсь, но я так волновалась, что не могла умереть с точностью. Харпагус расчихался, раскашлялся, стал утирать слезы. Придя в себя, он уставился на меня невинными, как у ребенка, глазами! Спросил, кто я такая и где он находится. Вот пустая коробочка.

— Кром! Похоже, порошок начисто отшиб ему память! А что было дальше?

— Я вытолкала его из комнаты, и он ушел, бормоча что-то невнятное. Потом мне сказали, что жрецы нашли его в таком состоянии и отвели к Верховному Жрецу, который при помощи магии пытался восстановить память викария, но безуспешно! Я так тебе благодарна, Ниал...

— Ладно. Я попросил бы тебя об одной ответной услуге... О нет, совсем не то, что ты думаешь, — поспешил он ее заверить, заметив, что Рудабе отпрянула в сторону. — Хотя, надеюсь, и до этого со временем дело дойдет. А сейчас я должен узнать, где прячут пленную туранку.

— Я не вправе открывать храмовые секреты, — начала было возражать Рудабе, но Конан перебил ее:

— Чепуха! Разве ты не знаешь, что священники используют других людей для своих целей? Та госпожа — пешка в игре Феридуна, который добивается неограниченной власти, и я должен знать, где они ее держат. Кстати, я ведь не чужой, я тоже работаю для храма, как и ты. Так ты скажешь мне, девочка?

— Хорошо. Ты представляешь, где расположен второй этаж северной части храма?

— Да, издали видны окна второго этажа, если идти вокруг храма.

— Та госпожа живет в помещении на втором этаже меж самым северным из западных крыльев и ближайшим к нему.

Конан сел на корточки и начертил пальцем несколько линий на пыльном полу.

— Верно. Стена тянется от одного крыла к другому, образуя внизу замкнутый треугольник.

— А что за стеной? Наверное, цветник?

— Нет, там Феридун держит гирканийского тигра, по кличке Кирмизи. Вот почему, когда Феридун хочет изолировать гостя, он помещает его именно в те покои.

— Тигр! — хмыкнул Конан. — Этакий ручной, игривый котенок.

— Нет, он дик и свиреп и слушается одного только жреца Феридуна. Господин Феридун умеет покорять животных, используя магию. Возможно, это просто случайность, но, когда он и жрец Зариадрис соперничали, кому из них быть Верховным Жрецом, а избрали Феридуна, Зариадрис отправился в Шадизар пожаловаться королю, что выборы были мошенническими. Но по пути его окружила стая волков, звери стащили его с коня и разорвали. И потому, если ты затеваешь...

— Это мое дело, что я затеваю, — буркнул Конан. — Отправляйся домой к матери, я скоро приду туда.

Поздней ночью, при бледном свете полной луны, Конан осторожно обошел храм вдоль огромной стены. Подойдя к дворику под окнами Джамили, он размотал веревку и попытался забросить крюк на стену. Вторая попытка оказалась удачной.

Через миг Конан, ловко вскарабкавшись по веревке, был уже на стене. Он оглянулся с осторожностью: улицы Йезуда были пусты. В городе отсутствовали пивные и прочие увеселительные заведения, и потому жители рано ложились спать. Городской сторож уже обошел улицы и отправился на покой, Катигерн закончил разводить своих бритунийцев на посты у городских ворот и внутри храма. В Йезуде преступления были столь редким явлением, что не стоило предпринимать серьезных мер для их предупреждения.

Конан внимательно взгляделся в треугольный дворик и примыкающие к нему крылья храма. Деревья и кусты отбрасывали бархатные тени, казавшиеся черными заводями

в потоках лунного света. Острые глаза Конана вскоре различили темный силуэт, простершийся под деревом.

Зверь, почувствовав взгляд Конана, вскочил и подошел к стене. Он издал продолжительный рык, подобный шуму пилы, вгрызшейся в древесный ствол.

Конан определил, что окно Джамили находится примерно в три человеческих роста над двориком, где разгуливал Кирмизи. Едва тигр приблизился, Конан снял с кладки свой крюк и спрыгнул на землю по ту сторону стены. Смотав веревку, Конан вернулся к себе в кузницу.

Глава 10

ТИГРИНАЯ ПАСТЬ

На следующий же день Конан пошел в гостиницу к Бартейку. Склонившись над маленьким столиком, Парвез и Псамитек, ученый-стигий, играли в шахматы. Помимо двух туранцев, спутников Парвеза, и торговца с юга, в зале таверны никого не было. Едва Конан появился, ученый и дипломат оторвались от игры.

— Здравствуй, дружище Ниал! — приветствовал его Парвез. — Ты объезжаешь своего коня?

— Обычно я так и делал, — отозвался Конан. — Но два дня назад какой-то негодяй убил коня, пустив в него стрелу, прямо подо мной. Однако я не это хотел тебе сообщить.

Конан многозначительно взглянул на Псамитека.

— Мы просим извинить нас, — обратился Парвез к стигийцу. — Пусть Чагор играет вместо меня.

Псамитек, поднявшись, поклонился, пробормотал извинения и перенес доску на другой стол, стараясь держать ее ровно, чтобы фигуры не соскользнули. Тут же он и Чагор склонили головы над доской, хмуро глядя на фигуры и попеременно делая ходы.

Конан сел на освободившийся табурет и, понизив голос, сказал:

— Я узнал, где держат госпожу.

Он рассказал туранцу о предварительной ночной разведке.

— Тигр, говоришь? — раздумывал туранец. — Такому силачу, как ты, пожалуй, удастся его одолеть.

— Нет уж, благодарю! — проворчал Конан. — Однажды мне пришлось убить льва в саду у чародея, который держал таких кисок вместо сторожевых псов. Но, считаю, мне просто повезло. Страна теней была ко мне в тот миг ближе, чем во время битв и поединков.

— Так что же ты собираешься предпринять? — спросил Парвез. — Пробраться в комнату госпожи по храмовым коридорам?

— Нет, коридоры охраняются и днем и ночью. Есть ли у тебя магическое средство, чтобы убить тигра или хотя бы заставить уснуть?

— Увы, нет! Я не искушен в магии, только и было у меня, что серебряная стрелка, которую ты забрал. Но, думаю, у меня найдется средство, чтобы справиться с полосатым котеночком Феридуна. — Он порылся в суме и достал оттуда флакон с зеленоватой жидкостью. — Принадлежность моей профессии: три капли в бокал — и человек уснет на много часов. Но не знаю, как мы уговорим тигра принять снадобье...

— Это нетрудно. Погоди, — сказал Конан.

Сквозь узковый для него дверной проем он протиснулся на кухню, где застал Бартейка за приготовлением ужина. Когда тот заметил его, Конан спросил:

— Хозяин, не продашь ли нам хороший кусок сырого мяса?

— А на что вам, черт побери... — начал было Бартейк, но, встретив злобный взгляд Конана, умолк. — Да-да, конечно. Это будет стоить...

— Господин Парвез заплатит, — сказал Конан, ткнув большим пальцем через плечо в сторону зала. — Принеси мясо. Мы собираемся устроить пирушку для одного нашего друга.

Бартейк исчез и вскоре вернулся, неся на тарелке кусок говядины, которого хватило бы, чтобы накормить дюжину воинов. Положив тарелку на свободный стол, он ушел подсчитывать, сколько надо взять денег с Парвеза. Вытащив меч, Конан сделал несколько надрезов — так глубоко, как входил клинок, потом влил в эти надрезы содержимое флакона. В это время в залу вошел Бартейк.

— Что это? — полюбопытствовал он. — Наверное, приправа?

— Да, замечательная приправа из дальних земель. У тебя найдется мешковина, чтобы завернуть мясо?

Когда кусок говядины был завернут в мешковину, Конан вернулся в залу, неся сверток на плече.

— Когда ты собираешься это сделать? — шепотом спросил у него Парвез.

— Сегодня ночью. Медлить нельзя: жрецы уже подозревают меня. Как мне убедить госпожу, что я не новый похититель?

— Возьми вот это, — сказал Парвез, снимая с пальца перстень с печатью и передавая его Конану. — Лучшего доказательства не найти.

Конан надел кольцо на мизинец и, со свертком на плече, вышел из гостиницы.

Луна, едва на ущербе, лила свой серебряный свет сквозь разрывы в облаках. Она еще не достигла зенита, когда Конан, неслышно передвигаясь по пустынной улице, подошел к стене, за которой помещался Кирмизи. Остановившись, Конан крепко стиснул огромный кусок говядины обеими руками и, дважды крутанув его над головой, рывком забросил за стену. Приманка упала с тяжелым влажным шлепком. Тигр с рычанием поднялся, и вскоре по урчанью и чавканью киммериец понял, что зверь наслаждается неожиданным поздним ужином.

Конан ждал, присев на корточках за выступом стены, чтобы скрыться от предательского лунного света. Со спокойствием охотника в дикой пустыне он дожидался, не двигаясь и почти не дыша, пока луна уйдет по своей пересекаемой облаками тропе к западному краю неба.

Услышав мощный сиплый зев, Конан разулся и, не снимая перевязи, закинул меч за спину. Размотав веревку, он закинул крюк на стену и взобрался наверх.

Какое-то время внизу ничего нельзя было различить, потому что тень от огромного облака надвинулась на храм и прилегающие к нему улицы. Но вот луна выглянула вновь, и Конан увидел тигра, который мирно спал, положив голову на лапы. Взглянув в очистившееся небо,

киммериец с неудовольствием вспомнил ту ночь, когда он взобрался по плющу к окну Наркии. Благоприятно ли для него расположение светил сегодня ночью?

Конан тихо присвистнул и подождал. Тигр не пошевелился, и Конан снял крюк со стены. Повиснув на руках, он спрыгнул; зверь продолжал спать.

Конан осторожно оглядел загон. Тигр лежал неподвижно, только бока вздымались и опускались. Черные полосы были видны отчетливо, тогда как оранжевый мех меж ними отливал мутным серебром в призрачном лунном свете.

Над спящим зверем поднималась узкая полоса каменной кладки, разделявшей два примыкавшие к ней крыла храма. На уровне земли находилась железная дверь, через которую, по-видимому, входил и выходил служитель, кормивший тигра. А прямо над воротами находилось окно комнаты, где помещалась Джамиля; ставни были распахнуты, чтобы теплый летний ветер мог проникать вовнутрь; оконный проем темным прямоугольником выделялся на фоне мерцавших под луной мраморных плит: свет в комнате был погашен.

Скользящей тенью Конан прокрался мимо спящего тигра к внутренней стене. Вновь размотав веревку, он раскрутил над головой трехконечный крюк и швырнул его, метя в темный оконный проем. Крюк стукнулся о стену с металлическим лязгом, необыкновенно громким в ночной тишине, и упал на землю. Вторая попытка тоже оказалась неудачной.

Сматывая веревку перед третьей попыткой, Конан проклинал себя за то, что не догадался потренироваться, прежде чем приступить к делу. С третьей попытки Конан попал в окно, но крюк не зацепился, когда он дернул за свободный конец веревки. И только четвертая попытка оказалась удачной.

Перебирая веревку руками, Конан полез наверх; мускулы его вздувались, напрягаясь, как у питона. Перевалившись через подоконник, с легким шлепком босых ног о каменные плиты, он встал на непокрытый ковром пол.

Странствующая луна бросала наискось в окно серебряные стрелы, расплывавшиеся продолговатыми пятнами на шелковых занавесках. Бледный свет вырисовывал ложе с

покоящейся на нем хрупкой фигуркой. Ночь была теплой, и спящая сбросила с себя одеяло; длинные черные волосы, разметававшиеся вокруг опаловых плеч, не закрывали от света луны ее роскошные груди.

Конан скользнул к кровати и прошептал:

— Госпожа Джамиля!

Красавица не шелохнулась. Тогда киммериец легонько потряс ее за нежное покато плечо. Джамиля медленно открыла глаза. И вдруг ресницы ее затрепетали, она тихо ахнула. Конан широкой ладонью зажал ей рот, и потому вместо крика вышел слабый стон.

— Тсс, госпожа! — прошипел он. — Я пришел освободить тебя.

Он отнял ладонь от ее губ, но не убрал руку совсем, на случай если Джамиля вздумает звать на помощь.

— Кто... кто ты? — прошептала Джамиля.

— Зови меня Ниал, — пробурчал Конан. — Я здесь по поручению господина Парвеза, посла короля Йилдиза. Посол ждет поблизости.

— Как ты докажешь, что это правда?

Конан снял перстень с печатью и передал его женщине.

— Вот это посол велел показать тебе. Здесь слишком темно, чтобы увидеть печать, но ты можешь нащупать ее большим пальцем.

Джамиля погладила кольцо.

— Как ты вошел сюда?

— Через окно.

— А тигр?

— Кирмизи спит со снотворным в брюхе. Идем! Ты должна довериться мне, если не хочешь оставаться здесь пленницей.

Джамиля, вдруг вспомнив, что она обнажена, потянулась за одеялом.

— Я не могу встать, пока ты на меня смотришь! Отвернись хотя бы.

— Вот они, женщины! — с отвращением прошипел Конан. — Наша жизнь висит на волоске, время ли соблюдать церемонии!

Все же он отошел к окну и повернулся спиной, напряженно прислушиваясь, не решится ли Джамиля в порыве страха и недоверия ударить его кинжалом в спину. Однако

было слышно только шуршание надеваемых в спешке дорогих шелковых одежд.

— Ты можешь повернуться, достопочтенный Ниял, — прошептала наконец Джамиля. — Что теперь?

Конан втащил веревку; когда она четкими кольцами легла на полу, киммериец на свободном конце завязал большую петлю и опустил ее за окно.

— Погоди, — сказал он. — Есть у тебя еще подходящий плащ, кроме этих вычурных одеяний? Если тебя увидят в таком виде на улице...

— Понимаю.

Джамиля подошла к сундуку и достала оттуда черную бархатную накидку с капюшоном. Конан, свернув накидку, бросил ее вниз, стараясь не попасть в спящего тигра.

— Подойди сюда, — сказал он. — Сядь на подоконник, и я поддержу тебя, пока ты не упрешься ногами в петлю. Не смотри вниз, но держись за мою руку, пока не почувствуешь под собой веревку. Готово! А теперь держись за веревку обеими руками.

— Веревка колет пальцы, — пожаловалась Джамиля. — И такая высота!

— Что поделаешь, госпожа. Держись, начинаю опускать.

Перебирая руками веревку, Конан медленно опустил женщину на землю. Потом он ощупал крюк, крепко упирающийся в подоконник. Если спуститься сейчас по веревке, сообразил Конан, то нельзя будет рывком освободить его, а веревка еще нужна, чтобы взобраться на внешнюю стену.

Конан втащил веревку в комнату, снял крюк с подоконника и придвинул к окну массивную кровать Джамили. Пропустив свободный конец веревки под ножкой кровати, он тянул ее до тех пор, пока веревка не сложилась пополам.

Опустив оба конца веревки за окно и крепко уцепившись за них, Конан перевалился через подоконник и повис довольно высоко над землей. Развязав петлю, он с ловкостью пантеры прыгнул на землю и тянул за крюк до тех пор, пока вся веревка не легла, свернувшись кольцами, у его ног.

Перепуганная Джамиля, прижавшись к стене, смотрела на спящего тигра широко раскрытыми глазами; в ноздри ей бил неприятный, резкий запах зверя. Быстро сматыв

веревку и подобрав с земли плащ госпожи, Конан покровительственно обнял ее за плечи и в молчании провел по зеленому дерну мимо спящего Кирмизи. Оказавшись у внешней стены, Конан вновь раскрутил железный крюк и вновь забросил его на стену. Он уже собрался было лезть вверх, когда Джамиля, вскрикнув, предупредила его о надвигающейся опасности. Обернувшись, он увидел, что тигр поднялся на четыре лапы и, пошатываясь, бредет к нему. Очевидно, доза снотворного была невелика, несмотря на то что Конан полностью опустошил флакон.

Конан вовремя успел выхватить меч: тигр, раскатисто прорывав, сжался для прыжка — и тут же, как распрямившаяся струна, взвился в воздух с открытой пастью, в которой пенилась слюна.

Конан, широко расставив ноги, взмахнул мечом — и поразил огромного, летящего на него с оскаленными зубами и выпущенными когтями зверя: удар пришелся в голову, прямо меж сверкающих изумрудами глаз. Под тяжестью чудовищной туши Конан потерял равновесие и отлетел назад к стене, тигр рухнул на него.

Джамиля, не видя Конана, взвизгнула, но тут же прикрыла рот униженной драгоценностями рукой.

— Ты жив, Ниял? — прошептала она.

— Почти, — проворчал Конан, выбираясь из-под полосатой туши, как жук из-под камня.

Поднявшись на ноги, он взглянул на зверя, который лежал распростертый, с мечом Конана, застрявшим в расколоте черепа. Встав босой ступней тигру на голову, Конан могучим рывком высвободил клинок.

— Проклятье! — пробормотал он. — Клянусь, никогда больше не впутаюсь в такую заварушку. Это выше сил человеческих. К счастью, добрая сталь выдержала удар.

— Ты ранен? — с трепетом в голосе спросила Джамиля.

— Кости целы, хотя царапин и синяков достаточно. Меня как будто сквозь строй прогнали.

Вытерев лезвие о тигриный мех, Конан вложил меч в ножны. Взобравшись по веревке вверх, Конан сел верхом на стену, поднял принцессу и с осторожностью опустил ее на улицу. Освободив крюк, он спрыгнул вниз и обулся.

— Надень плащ и опусти капюшон, — приказал Конан. — У городских ворот стоят стражники, и потому

тебе придется сыграть роль моей возлюбленной — одной из девиц, что живет в Кшесроне. Понятно?

— Надеюсь, уважаемый Ниал, что ты не допустишь со мной излишних вольностей, — предупредила Джамиля. — Ведь я особа приближенная к государю.

— Не беспокойся, хотя тебе лучше позабыть об этом, если хочешь выбраться из Йезуда.

— Но...

— Никаких «но», госпожа. Или ты делаешь, что я велю, или остаешься здесь. Выбирай.

— О, я поняла, поняла, — закивала Джамиля.

Прихрамывая от ушибов, Конан повел смирившуюся особу прочь.

Проходя мимо одного из огражденных стеной внутренних дворигов храма, Конан вдруг замер на месте и велел остановиться Джамиле.

— Что там? — прошептала женщина.

— Послушаем. — Он приложил ухо к камню, знаком приказав госпоже молчать.

Из-за стены доносились голоса: двое во внутреннем дворе о чем-то усиленно спорили. Звучный, будто колокол, голос принадлежал Верховному Жрецу; второй из собеседников, по-видимому, был жрец более низкого ранга.

Верховный Жрец произнес:

— Боюсь, дети не успеют достаточно вырасти за несколько месяцев.

— Но, ваше святейшество! — возразил другой голос. — Мы не сумеем избавиться от короля при помощи одних лишь пустых угроз. Он подумает, что мы запугиваем его воображаемыми призраками.

— Это он попусту хвастает, а не мы, дорогой мой Мирзес. Королю неплохо бы знать, что его разношерстная армия, едва завидит детей Заца, тут же рассеется в панике. Мы обладаем самым ужасным орудием с тех пор, как изобретен меч.

— Но как убедить его?

— Вскоре придет еще один посол. Если не подействуют уговоры, я возьму посланника Митридата с собой в подземелье и покажу ему их.

— Допустим, и это не поможет.

— Тогда мы претворим наш Великий Замысел в действие. Хотя дети не вполне еще выросли, они достаточно велики, чтобы исполнить предназначенное.

— Зац да благословит вашу затею, господин, — пробормотал Мирзес.

— Не беспокойся, — звучным голосом ответил Феридун. — Я сумею управлять ими, как и другими животными. Как моему новому викарию, тебе следует также знать, что...

Голоса зазвучали тише — наверное, беседующие удалились в храм. Конан кивнул Джамиле, и они продолжили путь. Но хрупкая туринка не поспевала за Конаном: обутая в изящные туфельки, она то и дело спотыкалась о булыжники.

— Позволь, я понесу тебя! — предложил Конан. Она слабо запротестовала, но киммериец подхватил ее на руки и понес к городским воротам.

Вскоре, при свете луны, низко висящей над Карпашами, Конан предстал перед удивленными бритунийцами с ношей на руках. Поставив закутанную в плащ женщину на землю, он обвил ее загорелой рукой:

— Играй свою роль, черт побери, но молча! Их может насторожить твой выговор.

— Ниал-сердцеед, ты опять за свое! — развеселился один из стражников.

— Спокойно, ребята, — откликнулся Конан. — Я должен проводить девушку домой: ее родичи не свободны от предрассудков!

Рывком он притянул к себе Джамилю. Она принужденно захихикала и положила голову ему на плечо. Стражник отпустил сальную шуточку насчет недавнего времяпрепровождения парочки — и Конан почувствовал, как женщина застыла от негодования. Но дверца в воротах была уже открыта, и он немедленно вывел свою спутницу из города и заторопился вниз, к подножию утеса.

Громовые удары в дверь разбудили хозяина гостиницы Бартейка. Он с неохотой вылез из постели и через окно выкрикнул проклятия, добавив:

— Любому олуху известно, что на ночь гостиница запирается!

— Да провались ты со своей гостиницей! — взревел Конан. — Сейчас же разбуди господина Парвеза, а не то я по бревнышку раскатаю этот свиарник! Скажи ему, что прибыл знатный путешественник.

Вскоре позевывавший туранец появился у порога, запахнутый в пестрый домашний халат.

— Вот она, — отрывисто бросил Конан. — Здорова, но очень слаба.

Парвез опустил на одно колено.

— Моя госпожа! — воскликнул он, и слеза блеснула у старика на щеке. — Входи, умоляю!

— Ты совершил чудо, молодой господин! — обратился он к Конану. — Но могу ли я получить обратно свой перстень с печатью?

— Ах да, я и забыл про него, — отозвался Конан. — Он снял кольцо и отдал его Парвезу.

— Еще вопрос: не видел ли ты моего прислужника Чагора?

— Нет. А что случилось?

— Парень исчез вместе с лошастью. Никто ничего не знает. Что ж, мы должны проститься: нельзя ждать, пока жрецы обнаружат пропажу пленницы. Бартейк, будь добр, разбуди мою охрану, надо выехать до рассвета.

— Позволь мне поблагодарить тебя, достопочтенный Ниал, — сказала Джамиля. — Если ты окажешься в Туране, проси у меня сколь угодно великой награды, и я буду страстно убеждать короля даровать ее тебе. Прощай! — И туринка скрылась за дверями гостиницы.

Проспав остаток ночи в своей каморке, Конан с утра ревностно принялся за работу; четыре жреца и два бритунийских стражника, зайдя в кузницу, застали его у наковальни. Жрец, в алом тюрбане и темно-голубом балахоне, перешагнул через порог, возвысил голос, дабы перекрыть удары молота:

— Это ты кузнец Ниал, верно? Из храма похищена знатная госпожа. Ты не видал ее?

— Что еще за госпожа? — проворчал Конан, внимательно разглядывая свое изделие. Ударив молотом еще несколько раз, он сунул железяку в печь и повернулся к вошедшим.

— Высокая, темноволосая, миловидная, чуть больше тридцати лет, — продолжал жрец.

— Я не знаю такой женщины, — покачал головой Конан.

— Далее, посол Парвез со своими туранцами сегодня ночью поспешно покинул гостиницу в Кшесроне. Что тебе известно об этом?

— Ничего не известно. Я был с ним знаком, мы иногда выпивали вместе.

— О чем вы разговаривали?

— Об оружии да о лошадях.

— К тому же, — злобно добавил жрец, — ночью одним ударом меча или топора был убит тигр нашего Верховного Жреца Феридуна. Кто бы мог еще это сделать, если не ты?

Конан пожал плечами:

— Почти все бритунийцы крепкие и сильные. Да вам, заморийцам, любой мужчина покажется горою мускулов. А что до меня, так я впервые слышу об этих новостях.

— Все варвары — лжецы! — с презрением воскликнул жрец. — Не беспокойся, мы докапаемся до истины, и тебе еще придется доказывать свою невиновность. — Он шагнул по направлению к Конану.

Киммериец вытащил раскаленную заготовку щипцами из печи и стоял держа перед собой кусок светящегося железа.

— Поосторожней у наковальни, дружище. Не подходи, а то бороду опалишь.

Жрец торопливо отскочил в сторону, а Конан положил болванку на наковальню и принялся изо всей силы лупить молотом.

Жрец вышел за порог, присоединившись к своим спутникам. Лар, с широко раскрытыми глазами слушавший перепалку, воскликнул:

— Ах, господин Ниал, ты не повинуюешься жрецам Заца! Они призовут божественное проклятие на твою голову, если ты будешь непочтителен!

— Как зовут того, что сейчас со мной разговаривал? — спросил у мальчика Конан.

— Святой отец Мирзес.

— Мне как будто знаком его голос, — размышлял Конан. — Это новый викарий? А ну-ка, паренек, поддай жару! На таком огне только воду кипятить.

Глава 11

ЗАПАХ ПАДАЛИ

Конан не встречался с Рудабей почти неделю, он видел ее только во время ритуального танца перед статуей Заца. Конан приходил в храм рано и выбирал место поближе, чтобы лучше видеть изваяние паука. В ясные дни солнце светило через отверстие в куполе, и Конан отчетливо различал четыре глаза на верхней части идола с расстояния в двадцать локтей.

Острые глаза варвара сумели различить тонкие кольца вокруг каждого глаза — по цвету чуть светлей, чем черный монолит статуи. Наверное, это были металлические либо цементные кольца, при помощи которых драгоценные опалы прикреплялись к камню. Чтобы забрать драгоценности, необходимо было снять эти кольца, причем сделать это очень бережно, не повредив сокровище. Конан, в бытность свою вором, имел дело с драгоценными камнями и потому знал, как хрупки опалы.

И однако страсть его к Рудабей не ослабевала, но мучила его все больше и больше. Как только Амитис сказала, что дочь должна прийти к ужину, Конан вышел в сад и взволнованно бродил там, поджидая девушку.

С одной стороны, думал Конан, жгучая страсть, будто стремительный вихрь, увлекает его за собой, побуждая бросить бродячую жизнь, полную приключений, жениться на Рудабей согласно заморийским законам и стать почтенным гражданином, который печется о своей разрастающейся семье, служит в городской страже, молится в храме и платит церковную десятину.

Но, с другой стороны, свободолюбивая, необузданная душа Конана с ужасом отшатывалась от этой картины,

как от ядовитой змеи. Значит, надо было забыть девушку и бежать немедленно — либо с похищенными драгоценностями, либо без них. Если Феридун найдет на страну мор, и так и так придется бежать — вместе с девушкой или одному.

Рудабей вышла в сад, и Конан раскрыл ей свои объятия. Но она, покачивая головой, сказала:

— Не мучь меня, Ниал. Я и вправду люблю тебя, но ты знаешь, на каких условиях я согласна стать твоей.

— Но, девочка моя, — начал было возражать Конан, однако Рудабей остановила его жестом:

— У меня есть новости... Ты знаешь, что исчезла госпожа Джамиля?

— Да, до меня дошли слухи.

— Верховный Жрец в ярости. Некоторые жрецы поспевают тебя.

— Меня? — тоном оскорбленной невинности переспросил Конан. — На что мне сдалась туранка?

— Им известно, что ты встречался в гостинице Бартейка с дипломатом, который исчез в ту же ночь. Тебя бы уже схватили, но Феридун утверждает, что улики недостаточно. Надо признать, старик верен своим принципам. И потом, — продолжала Рудабей, — если слухи правдивы, Верховный Жрец точно назначил день переворота. Джамилю держали как заложницу, чтобы обеспечить лояльность туранского короля. А теперь, когда женщина бежала, Верховный Жрец вынужден действовать незамедлительно, прежде чем король услышит о ее освобождении. Феридун приказал всем храмовым служителям быть в готовности через семь дней. Когда колокол забьет тревогу, мы должны разойтись по своим комнатам и запереться там.

Конан хмыкнул, обдумывая новость. Ему следовало бы спрятать подальше веревку, пока какой-нибудь жрец не разнюхал, что к чему.

Амитис позвала ужинать, и они вошли в дом. Потом Конан проводил Рудабей в храм и отправился в Кшесрон. Ему предстояло срочно разработать план набега, а размышлять он любил, сидя в одиночестве за кружкой вина.

— Здорово, Ниал! — приветствовал его зычный голос Катигерна, капитан дружески подтолкнул приятеля локтем. — Сыграем?

Бритуниец тряхнул игральными костями, зажатыми в кулаке.

— Спасибо, но не сейчас, — уклонился Конан. — Мне нужно побыть одному.

Катигерн пожал плечами и пошел искать другого компаньона. Конан вновь погрузился в раздумье. Опустошив еще несколько кружек, он вдруг услышал гортанный, чуть шепелявый голос. Рядом стоял Псамитек, стигиец.

— Достопочтенный Ниал, — произнес худощавый смуглокожий книжник. — С тобой желает поговорить вне таверны некий человек.

— Пусть войдет сюда, — буркнул Конан. — Здесь, на свету, он разглядит меня лучше.

Ученый слегка улыбнулся,

— Это женщина, — уточнил он. — Не пристало ей находиться в этой грязной забегаловке.

— Женщина? — хмыкнул Конан. — Какого демона...

Он встал, гадая, не Джамиля ли вдруг вернулась по какой-либо непредвиденной причине, но это было бы безумием.

У порога гостиницы, при свете ущербной луны, стояла Рудабе; пламя, горевшее в лампаде над дверью, бросало на нее свои отблески. У Конана при взгляде на девушку перехватило дыхание: Рудабе вместо скромного уличного платья была одета в костюм храмовой танцовщицы, состоявший из переплетенных бус.

— Конан, милый! — взволнованно заговорила девушка. — Ты был прав, а не я. Пойдем, и я дам тебе все, что может дать женщина мужчине. Там, наверху, трава густая и мягкая.

Она повернулась и быстро пошла прочь, а Конан последовал за ней, как зачарованный. В душе его шевелилась догадка: что-то тут неладно, — но страсть пересилила здравый смысл. Кровь звенела у него в ушах.

Рудабе провела Конана мимо убогих хижин за деревню. Ее округлые бедра соблазнительно покачивались при каждом шаге. За Кшесроном поднимался ввысь крутой каменный склон, и Конан спешил за девушкой в жажде достичь обещанной лужайки.

Наконец они добрались до площадки, и Рудабе повернулась лицом к Конану. Она протянула к нему руки — и

вдруг исчезла. На ее месте стоял туранец Чагор, пропавший слуга Парвеза, — тот самый, которого Конан выкупал в лошадином поиле. Чагор держал массивный, дважды изогнутый гирканийский лук, и стрела лежала на натянутой тетиве.

— Ха! — воскликнул туранец. — Вот теперь гляди! — И он отпустил стрелу, причем тетива тенькнула, точь-в-точь как тогда, в ущелье, где Конан потерял коня. Но теперь, с такого малого расстояния, промахнуться было невозможно.

Однако, едва Чагор выпустил стрелу, увесистый камень вылетел из-за спины Конана и ударил туранца в грудь. Стрела просвистела мимо уха Конана.

Прежде чем Чагор успел достать из колчана другую стрелу, Конан с ревом разъяренного льва напал на противника. Туранец бросил лук и выхватил меч, отражая атаку киммерийца.

Сталь звенела и скрежетала, блистая в лунном свете. Позади Конан слышал шум борьбы, но оглянуться ему было некогда. Туранец оказался опытным бойцом, и Конан был поглощен поединком. Удар плеча — отражающий удар — нападение справа — отражающий удар — обманный выпад — отражающий удар... Танцующие клинки сплелись, звенели, им вторил тяжелый топот сапог, затрудненное дыхание и ругань.

Брачился Чагор, ибо Конан дрался в мрачном молчании. Чагор задыхался.

— Я покажу тебе, пес... Я отдам твою голову жрецу Эрлика! То-то будет потеха...

Но вот Чагор недостаточно расторопно парировал удар. Клинок Конана вонзился ему в предплечье. Завопив от ужаса, Чагор уронил саблю. Конан ловко, как кошка, подскочил к врагу и с силой, порожденной бешенством, описал лезвием горизонтальную дугу. Клинок прошел сквозь шею туранца, голова его, словно сброшенная дыня, отскочила в ближайшие кустарники. Туловище, извергая фонтан крови, черной при лунном свете, рухнуло на землю, будто срубленное дерево.

Позади Конана продолжали бороться. Киммериец обернулся и увидел катающихся по земле капитана Катигерна и стигийца Псамитека.

Конан схватил стигийца за руку и выкрутил ее. Вдвоем с Катигерном они одолели книжника: Псамитек замер, с руками, заломленными за спиной, и острием кинжала, который Катигерн приставил к его горлу.

— Вовремя же ты поспел! — удивленно заметил Конан.

— Я увидел, ты идешь за этим псом, — объяснил Катигерн, — хотя сказал мне, что хочешь побыть один. Как тут не заподозрить неладное? Я никогда не доверял этому стигийскому выродку. Потом гляжу, ты идешь за Чагором на холм, бормоча нежности, а Псамитек спешит за тобой по пятам, нашептывая заклинания. Ты был сам на себя не похож, Ниал, вот я и пустился следом. Когда туранец наставил на тебя стрелу, я швырнул в него камнем, чтобы он промахнулся, а сам напал на стигийца. Ты с ним поосторожней: он сильнее, чем кажется. Укусил меня, мерзавец.

— А ну-ка, Псамитек, — потребовал Конан, — объясни нам, в чем дело. Если нас удовлетворит твое объяснение, возможно, мы сохраним тебе жизнь.

— Ты слышал, что говорил Чагор, — объявил Псамитек. — Он подслушал, как посол называет тебя «Конан», а мне было известно, сколько Тугрил обещает за голову Конана. Мы сговорились с Чагором, что он сбежит от Парвеза и поможет мне, а награду мы поделим пополам. И если бы ваши дуры головы были способны уловить смысл...

Ровный голос Псамитека завораживал — и Катигерн, и Конан, слушая, поневоле ослабили хватку. Вдруг Псамитек, верткий, как угорь, выскользнул и вскочил на ноги. Конан прыгнул к нему и ударил с такой силой, что мог бы разрубить хрупкого стигийца пополам. Но клинок со свистом рассек воздух: стигиец исчез, как язычок потухшего пламени.

— Стой, назад! — взревел Конан, размахивая мечом направо и налево, с треском круша тернистые кустарники. В ответ послышался холодный, издевательский смех.

— У тебя свои приемы, варвар, — донесся шепелявый голос, — а у меня свои, как ты еще увидишь. Прощай, неотесанный болван!

Конан метнулся на голос, но клинок вновь распорол пустоту.

— Не трать силы попусту, Ниал, — вмешался Катигерн. — Парень мастерски насылает морок и становится невидим. А почему тебя называли Конан и почему назначают цену за твою голову?

— Мы с тобой оба наемники — так надо ли ворошить прошлое?

— Верно, дружище, забудь мои слова... Давай-ка перетащим тело туранца в деревню. Придется снова писать рапорт жрецам.

— А почему бы не оставить его гиенам?

— Его дух будет тревожить нас.

— И в самом деле, — согласился Конан. Схватив труп за пятку, он потащил его вниз. — А ты носи голову, хотя следовало бы отослать ее Тугрилу. И спасибо, что спас мне жизнь.

С наступлением праздника Всех Богов храм Заца гудел от оживления. Рудабе была полностью поглощена своими обязанностями, и потому Конан с ней больше не встречался. Гостиница Бартейка была переполнена: жрецы со всех концов Заморы съехались в Йезуд, и тем, кто прибыл позднее, приходилось ночевать в лачугах селян либо разбивать шатры в окрестных полях.

Празднество началось три дня спустя после гибели Чагора. Посланцы богатых и более мелких святилищ различных заморийских божеств торжественно шествовали по широким ступеням храма. Бритунийцы Катигерна, в начищенных кольчугах, сияющих на солнце, стояли в два ряда по краям ступеней. И пока жрец, в блистающих драгоценностями балахоне и головном уборе, медленно всходил вверх, они торжественно поднимали свои алебарды, а потом опускали их с громовым стуком. Насколько было известно Конану, жрецы различных культов находились друг с другом в непримиримой вражде и вечно затевали погибельные козни. Но сегодня каждый жрец, лучезарно улыбаясь, милостиво приветствовал сборище жрецов Заца.

Конан смотрел на процессию жрецов, стоя в отдаленном углу предхрамовой площади. Когда последний жрец-посланник вошел в храм и жители Йезуда, а с ними набожные паломники устремились в храм, чтобы почтить

богов заморийского пантеона, Конан присоединился к толпе. В притворе ему пришла мысль улизнуть, чтобы вновь попытаться исследовать коридоры, но бритунийцы стояли на страже у каждого выхода. И потому Конан решился вытерпеть весь бесконечно длинный ритуал.

Он занял место подалеже от возвышения и отстоял всю трехчасовую церемонию, на протяжении которой жрецы каждого божества по очереди восславляли своих чудесных покровителей и умоляли их даровать всяческие милости. Конан не прислушивался к смыслу речей, но любовался блеском усыпанных драгоценностями жреческих регалий. Если бы ему удалось снять хоть с одного жреца балахон и тюрбан, нашитые на них драгоценные камни обеспечили бы жизнь киммерийца до конца дней, хотя стоили они несравненно меньше, чем любой глаз Заца.

Через два дня, когда праздник Всех Богов подошел к концу, потоки дождя обрушились на Йезуд, хлеща мощные улицы города. Приезжие жрецы, закутавшись в пышные накидки, чтобы не промокнуть, церемонно распрощались с Феридуном и новым викарием на ступенях храма и отправились в путь — кто в повозках и портпезах, кто верхом на лошади, муле или на верблюде.

Ночью, когда дождь продолжал лить, огромный человек в черном плаще и мокалинах неслышно, как тень, пробрался к храму. Оказавшись у крайнего южного, с восточной стороны, крыла, Конан достал серебряную стрелку Парвеза. Прикоснувшись острием стрелки к замку, киммериец пробормотал:

— *Капинин ачиллр гениши!*

Сквозь шум дождя послышался слабый ржавый скрежет, как если бы кто-то повернул ключ в давно не открывавшейся двери. Конан толкнул ее, но она не поддавалась.

Конан в ярости подналег на дверь, надавив на нее своим мощным плечом. Но и это не помогло. Тогда он сделал передышку, чтобы подумать.

Наверное, жрецы, не полагаясь на единственный замок, заперли дверь изнутри на засов, наподобие того засова с внешней стороны западной двери, в которую вошли овцы. Поднимая Ключ Гацрика то повыше, то пониже, Конан

повторял: *«Капинин ачиллр гениши»*. Наконец он услышал, как лязгнуло, откидываясь, засов по ту сторону двери. Конан опять толкнул дверь — и она открылась.

В храме было темно, только на расстоянии в тридцать локтей, где к притвору примыкал главный кольцевой коридор, смутно виднелся четырехугольник света. Конан прислушался: кругом было тихо, как в стигийской гробнице. Все, от Верховного Жреца до рабов, спали — должно быть, утомившись после трех дней праздничных хлопот.

Конан прокрался в глубь притвора, озираясь, нет ли поблизости бритунийских стражников. Осторожно он обогнул угол, но бритунийцев нигде не было видно. Как он и надеялся, стражники, не желая нести тоскливое ночное дежурство в одиночестве, собрались где-то вместе — возможно, в вестибюле, — чтобы поиграть в кости или поболтать, отдыхая от дневных обязанностей.

Коридор, в котором оказался Конан, был освещен единственной лампой, державшейся в настенном кольце. Конан повернул направо и, продолжая свой путь, подошел к левой двери. Если он верно оценил пространственные соотношения, это, должно быть, один из боковых входов в святилище.

Вновь он приложил Ключ Гацрика к двери и прошептал заклинание — замок, по-видимому хорошо смазанный, отперся с легким щелчком. Но, открыв дверь, Конан отпрянул назад. Вместо святилища перед ним была узкая спальня с двумя кроватями, на которых спали служки, один из них храпел. Конан тихо прикрыл дверь и скользнул прочь.

Следующая дверь была той, что он искал. Конан юркнул в святилище, ярко залитое неровным оранжевым светом неугасимого огня. Конан поспешил на противоположный край, к черной каменной статуе Заца.

И вновь он был потрясен детальной проработкой изваяния. Статуя была точной копией огромного паука, помимо разве что волосков на лапах, которые скульптор, не имея возможности воссоздать в камне, обозначил перекрещивающейся штриховкой.

Конан скинул с себя накидку. Он был в рабочем переднике, с карманами и петлями для прихваченных инструментов. Вытащив кузнечный молот, Конан с затаенным дыханием осторожно ударил по паучьей ноге. Звук был

точь-в-точь как при ударе по камню, никаких признаков жизни статуя не подавала.

Конан встал поближе, прямо перед статуей. Четыре передних глаза светились в мерцающем блеске неугасимого пламени; в зеленовато-таинственной глубине каждого из них плясала шестиконечная алая искорка.

Конан понял, что для работы ему понадобится более яркое освещение, чем горящая нефть. Из-под передника он вынул колышек, в локоть длиной, конец которого был обмотан промасленным тряпьем. Подойдя к светящейся чаше, в которой пылал неугасимый огонь, он поднес конец своего факела к пляшущему пламени и подождал, пока тот не загорится.

Вернувшись к статуе, Конан укрепил свой факел в щели меж двумя из восьми ног Заца так, чтобы пляшущий желтый свет падал на него с нужной стороны. Наклонившись, Конан ощупал пальцами гладкие сферические выпуклости глаз и кольца, благодаря которым они держались на камне. Опалы были примерно с кулачок ребенка. Кольца были сделаны из свинца. Это облегчает задачу, подумал Конан.

Из кармана передника он достал пригоршню сверел и стамесок. Среди них было плоское, заостренное к концу долото. Поместив конец его в щель между свинцовым кольцом и камнем, Конан принялся аккуратно постукивать молотом. Раз, еще раз — долото продвинулось под кольцом, еще несколько ударов, и кольцо можно будет снять.

Вдруг за стенами святилища послышался шум. Кто-то разговаривал, слышались шаги, открывались и закрывались двери. Конан различил бряцанье бритунийских доспехов. Что именно, черт побери, подняло обитателей храма на ноги в этот поздний час?

В скажине двери, через которую Конан недавно вошел, загремел ключ. Прежде чем он успел спрятаться, дверь распахнулась. Отложив инструменты, Конан, беззвучно выругавшись, обернулся. Увидев в дверях Рудабе, он буркнул:

— Как ты сюда попала, девочка?

Танцовщица, на миг застыв с широко распахнутыми ресницами, спросила:

— Что ты здесь делаешь, Ниал?

Конан с напускной безмятежностью отвечал:

— Жрецы велели мне приладить кольцо к сундуку для приношений.

— В такой поздний час? Который из жрецов? — взволнованно спросила девушка.

— Не помню, — пожал плечами Конан.

— Я тебе не верю.

— Но почему же, скажи на милость? — поинтересовался Конан с видом оскорбленной невинности.

— Потому что подобные приказы исходят лишь от меня, распорядительницы собственностью. Ты пробрался сюда, чтобы украсть. Это святотатство.

— Но, Рудабе, дорогая, тебе ли не знать, какие лгуны и развратники эти жрецы...

— Однако Зац остается богом, каковы бы ни были его... Ниал, милый! Зачем бы ты ни пришел, сейчас же уходи! Только что к нам прибыли жрецы Арэнджуна. Их задержали ливни, размывшие дороги, и потому они опоздали на празднество Всех Богов. Сейчас господин Феридун водит их по храму, и вот-вот они явятся сюда. Новый викарий, Мирзес, послал меня взглянуть, достаточно ли топлива в чаше с неугасимым огнем.

Словно в подтверждение ее слов, за огромной бронзовой дверью святилища послышались шаги и голоса множества людей.

— Беги! — воскликнула Рудабе. — Или ты пропал!

— Иду-иду, — проворчал Конан.

Но вместо того чтобы направиться к двери, через которую он вошел, Конан, схватив факел и инструменты, ринулся в левый дальний угол святилища, где из стены выступала труба для подачи нефти. Прямо под ней находилась широкая крышка люка.

Когда он наклонился и отодвинул засов, Рудабе вскрикнула от ужаса:

— Что ты делаешь?

— Собираюсь спуститься вниз, — буркнул Конан, берясь за кольцо и открывая люк. Из разверстого черного отверстия сильно пахнуло гнильем.

— Не ходи туда! — заклинала его Рудабе. — Ты сам не знаешь, что ты... о боги, жрецы идут!

Рукоять огромной бронзовой двери повернулась — и двери со скрипом начали отворяться, голоса зазвучали

громче. Рудабе метнулась из святилища, хлопнув дверью, а Конан, озираясь, как затравленное животное, ступил на лестницу, ведущую во тьму подземелья. Закрыв над собой крышку люка, он остался во мраке, который рассеивало только колеблющееся оранжевое пламя его небольшого факела.

Массивные бронзовые двери отворились настежь, и голоса зазвучали над мраморным полом и сквозь тонкие доски люка. Конану был слышен звучный, как колокол, голос Верховного Жреца Феридуна. Однако слов разобрать было нельзя. Но разговор тек спокойно, бессодержательный и елеинный; значит, жрецы не заметили ничего особенного.

Конан осторожно сошел вниз по каменным ступеням, вглядываясь во тьму, насколько позволял свет его факела. Он находился в просторном коридоре, много выше его самого и шире, чем раскинутые в стороны руки. Потрескивание пламени, едва различимое даже для острого слуха варвара, отчетливо раздавалось в могильной тишине. Запах падали ударял в нос. Медленно продвигаясь по каменному полу подземелья, Конан споткнулся о какой-то массивный предмет неправильных очертаний. Предмет этот оказался черепом быка с доскутнями гниющей плоти на нем. Конан пнул ногой отвратительный кусок падали и двинулся дальше, перешагивая через различные части остова — ноги, ребра и прочие кости. Хотя киммерийцу было не привыкать к запаху трупов и падали, поскользнувшись на склизких, гниющих кишках, он едва удержался от приступа рвоты и чуть было не пустился бежать с возгласами ужаса.

Дойдя до перекрестка, Конан свернул налево и несколько шагов прошел по коридору, который резко поднимался вверх. Он все еще находится под храмом, размышлял Конан. В конце коридора, наверное, будет дверь, через которую ввели стадо овец.

Вернувшись к перекрестку, Конан продолжил свой путь вниз и вперед. Какое-то время он шел, натываясь на останки расчлененных животных. Когда коридор стал извилистым, расходясь на множество боковых ответвлений, Конан, испугавшись, что заблудится в этом лабиринте, вновь вернулся к первому перекрестку.

На этот раз он попробовал свернуть направо. Коридор тянулся и тянулся на расстояние полета стрелы, а потом

тоже разошелся на множество ветвей, как и основной, ведущий вниз ствол.

Конан стал беспокоиться, не погас бы факел. Медлить было нельзя, потому что остаться без света во тьме лабиринта значило погибнуть. Под передником у него был запасной факел; если первый погаснет прежде, чем он успеет зажечь второй, ему долго придется возиться в потемках с огнивом, но, с другой стороны, если он зажжет запасной факел слишком рано, он догорит скорее, чем требуется.

Конан шел осторожно, простирая тлеющий конец факела к зияющим в стенах проходам и вглядываясь в них, насколько позволял слабый свет. Под ноги ему по-прежнему попадались кости и гниющие комки плоти. Вскоре помимо запаха падали он уловил другой острый запах — запах живого существа, но какого — он не мог понять. Это не зверь и не рептилия, не растение и не корм из знакомых ему. Запах совершенно особый — острый, но не отталкивающий.

Конан двигался крадучись, прислушиваясь и вглядываясь во тьму. Вдруг до него донесся негромкий перестук, как если бы кто-то ударял рогом о камень. Он не был уверен, что и в самом деле слышит стук; возможно, ему мерещится это от ужаса.

На один только безумный миг Конан вообразил, что статуя Заца и в самом деле ожила и, спустившись из святилища, преследует его теперь в подземелье. Но разум твердил Конану, что ониксовый бог-паук по-прежнему висит на своем пьедестале. Если бы статуя действительно ожила, когда Верховный Жрец показывал гостям святилище, Конан наверняка услышал бы крики и беготню там, наверху.

И все же *некая тварь* гигантских размеров пожрала всех этих животных, чьи останки разбросаны по полу коридоров. Внезапно Конан, который ничего не боялся ни на земле, по которой ходил, ни на воде, ни в небе, почувствовал, что трепещет от ужаса при одной только мысли о неведомом звере.

Он свернул в один из боковых коридоров, высоко держа факел, но не обнаружил там ничего, кроме призрачно белеющих костей козла или овцы. Вернувшись назад, он

исследовал другую боковую ветвь — она заканчивалась тупиком.

Однако теперь Конан был уверен, что постукивание не было плодом его воображения. Затухающие звуки, казалось, теперь были ближе, но было непонятно, откуда они исходят. С ужасом прикинув, что его, возможно, загонят в угол в этом тупике, Конан вернулся в главный коридор.

Мгновение Конан стоял недвижно, водя факелом над головой и пытаясь определить, откуда слышится загадочное постукивание. Наконец он уловил, что звуки доносятся оттуда, с того конца коридора, — и, несомненно, приближаются.

У Конана мороз пробежал по коже, когда постукивание усилилось, хотя он и не знал, кто его производит. Во тьме, куда не досягал свет его факела, что-то зашевелилось. И наконец пламя выхватило четыре ослепительных пятна примерно на уровне груди Конана.

Ослепительные пятна приближались, напоминая драгоценный узор на доспехах какого-нибудь вооруженного короля. Но это был не человек. За сверкающими пятнами колыхалась неопределенных очертаний туша. Конан, тщетно сясь рассмотреть чудовище получше, вытащил кузнечный молот. Меч, который мог насторожить не в меру любопытных стражей, киммериец оставил дома.

Яркие пятна застыли где-то на границе меж тьмой и светом факела. Постукивание прекратилось и потом возобновилось. Блестящие пятна приблизились, и за ними Конан рассмотрел кошмарное, покрытое волосами туловище, покачивающееся на множестве ног.

Конан повернулся и ринулся прочь, пламя факела ярко разгоралось на бегу. За собой киммериец слышал перестук огромных когтистых лап, который раздавался все ближе и ближе. Конан сам не заметил, как пробежал перекресток — первый, на который вышел после спуска в подземелье. В мыслях у него мелькнуло вернуться к люку, распахнуть его и, если жрецы еще в святилище, сразиться с ними открыто. Но потом он решил, что еще лучше свернуть направо, в спускающийся вниз туннель, который, возможно, выведет его наверх, за пределы обнесенного стеной Йезуда.

Конан бросился назад. Но было слишком поздно: четыре светящихся глаза, отражая шафрановый свет факела, появились на перекрестке — путь был отрезан. Конан был загнан в этот конец коридора.

Конан ринулся по коридору, ведущему наверх. Коридор заканчивался массивной дверью, через которую, несомненно, ввели при нем стадо овец. Дрожа от недоброго предчувствия, он опустил молот, достал Ключ Гацрика и поднес его к замку. Проговорив заклинание и услышав звяканье замка, он надавил на дверную ручку, но дверь не поддавалась. Конан вспомнил, что дверь закрыта на засов с внешней стороны.

Следуя прежнему опыту, Конан поднял стрелку на высоту, где, по его предположениям, находился засов, и громко повторил:

— *Капинин ачиллр гениши!*

Когда и это не подействовало, он выкрикнул заклинание во всю мощь своих легких.

Но засов остался недвижим, зато Конан почувствовал, как серебряная стрелка раскаляется у него в руках. Держать ее стало невозможно, и он выронил ее. Стрелка вспыхнула, потом засветилась алым. На полу она растаяла и превратилась в лужицу, которая быстро остыла и затвердела. Конан вспомнил, что Ключ Гацрика способен открыть дверь, если засов не слишком тяжел. Он переоценил возможности талисмана и без остатка израсходовал его волшебную силу. Что ж, поделом ему за обращение к магической силе.

Конан схватил молот и обрушил на дверь яростный удар. Дверь загудела, но не отворилась. Конан увидел вмятину в железе: насквозь пробить дверь ему не удалось. Дерево было слишком прочным, и понадобилось бы не менее часа работы с молотом и долотом, чтобы проломить дверь.

Конан, обезумев от отчаяния, вновь ударил по двери молотом, однако, услышав постукивание за спиной, обернулся. Над ним стоял огромный паук — живая копия статуи в храме, за исключением жестких, в палец длиной, волосков, покрывавших паучьи лапы. Четыре огромных глаза отражали пляшущее пламя факела.

Пониже глаз пара волосатых членистых усов протянулась вперед наподобие рук. Когда один из усов дотянулся

до Конана, он ударил по нему молотом. Послышался треск переломленной роговой оболочки — паук отступил на шаг и подогнул поврежденный ус под покрытое волосами туловище.

Затем чудовище перешло в наступление. Стоя на шести задних лапах, паук протянул к Конану две передние вместе с неповрежденным усом, намереваясь схватить свою жертву. Конан почувствовал себя мухой в паутине, ожидающей неизбежной гибели.

Чуть ниже шупалец у паука были видны зубы — два блестящих, остроконечных, наподобие бычьих рогов, изогнутых вовне, а потом вовнутрь, со сближающимися остриями. Паук тянулся клыками к Конану, чтобы пронзить его с боков; из отверстий капал зеленоватый яд. Членистые челюсти паука возбужденно двигались вверх-вниз.

На мгновение противники застыли друг против друга. Конан, с поднятым молотом, готовый нанести последний сокрушительный удар и погибнуть, и паук, с протянутыми вперед чудовищными усиками, стремящийся стиснуть человека в последнем объятии.

Вдруг из-за спины Заца Конан услышал полный ужаса голос Рудабе:

— Ниал! Милый! Я...

Заслышав этот страдальческий выкрик, паук отступил от Конана. Он развернулся — в свете факела блеснул один из его боковых глаз. Шаркнув по стене животом, так как коридор был узок, паук заспешил на голос. Девушка испуганно вскрикнула — и в наступившей тишине стало слышно, как, затихая вдали, постукивают по полу когтистые лапы. Еще мгновение — и факел Конана погас.

С воплем ярости Конан ринулся за пауком в полной тьме, но он потерял дорогу и ударился о каменную стену. Вскочив на ноги, он вытащил второй факел из-за пояса. Киммериец изрыгал проклятия, словно безумный. Конец старого факела светился темно-красным, как остывающая под пеплом лава.

Соединив концы, Конан яростно дул на них, пока не запыхал второй факел. Бросив на пол старый, Конан побежал вниз по склону, преследуя Заца.

На главном перекрестке он задержался, заметив, что на полу простерто нечто, никак не похожее на останки быка

или овцы. С ужасом догадываясь, что он сейчас обнаружит, Конан приблизился к телу Рудабе. Девушка, казалось, спала; встав на колени, он приложил ухо к ее груди — сердце не билось.

Прислонив факел к стене, Конан принялся ощупывать и осматривать тело. На Рудабе было полупрозрачное легкое одеяние, в каком танцовщицы пели при окончании службы. Сняв его, Конан перевернул красивое тело девушки. На плече и на середине спины он увидел пунктиры ранок, окруженных черными пятнами: воздействие яда.

— Рудабе! — позвал он. — Скажи хоть слово!

Он растирал ей руки, размеренно надавливал на ребра, надеясь, что она начнет дышать. Но ничего не помогало.

Горячие слезы скользнули по его грубому лицу — впервые за много лет. Он сердито вытер их, но они бежали неудержимо. Те, кто знал Конана как свирепого, безжалостного воителя, были бы удивлены при виде того, как он плачет в этом склепе, забыв, что ему угрожает опасность.

Девушка, должно быть, осмелилась спуститься в это вонючее подземелье, после того как жрецы ушли, чтобы предупредить его об опасности. Никто еще не отдавал свою жизнь, желая спасти его, Конана. Осознание жертвы, принесенной Рудабе, наполнило его душу сожалением, стыдом и ненавистью к себе.

Вдруг в нем вскипела ярость, и, схватив факел и кузнечный молот, Конан огляделся. Паук, наверное, выронил свою жертву, испугавшись яркого света пламени, и уполз туда, где сидел прежде.

С бешеным воплем Конан устремился в дальний конец коридора, ища там Заца; пламя факела ярко пылало. Он пробежал около четверти лиги, крича:

— Зац! Выходи биться!

Но паук не показывался. Наверное, испуганный светом пламени, он спрятался в один из боковых коридоров. Однако, для того чтобы найти его там, надо было потратить много дней.

Конан вернулся на главный перекресток. Рудабе, уже остывшая, лежала все там же. Конан подумал, что ему нельзя оставить ее здесь, в этом зловонном подвале, на

съедение Зацу: среди варваров считалось обязательным хоронить тела своих дальних и близких родственников.

Дух непогребенного родича, как учили Конана в детстве, станет являться ему. В чужих землях у киммерийца не было ни друзей, ни родных. Потому Конан не заботился о мертвецах, которых за последние годы ему пришлось навидаться вдоволь. Однако Рудабе была единственной, кто его действительно любил и кого он любил тоже, с тех пор как покинул родину; бросать ее тело на произвол судьбы нельзя. Надо было вынести ее из подземелья и похоронить в безлюдном месте: выкопать могилу, если придется, руками и положить ее там. На могилу навалить больших камней, чтобы волки или гиены не тронули тело, и, посадив какой-нибудь дикий цветок, уйти своей дорогой.

Конан поднял мертвую девушку и, взвалив ее на плечо, побрел к выходу под святилищем. Он был уверен, что в такой поздний час там уже никого нет. Положив Рудабе возле лестницы, он поднялся по ступеням и прислушался.

С удивлением он услышал, что наверху еще разговаривают. Он узнал зычный голос Верховного Жреца, высокий голос Мирзеса, голос третьего жреца был ему незнаком.

— Зац да проклянет твои глаза, Дариус! — грозно рычал Феридун. — Ты обещал, что в течение трех дней праздника сохранится хорошая погода, — и что же, наши гости мокнут под проливным дождем! Где же твое умение заклинать духов воздуха, коим ты похвалялся? Если тебе не справиться, мы поручим изучать магию погоды другому жрецу!

Дариус невнятно оправдывался, его перебил Мирзес, новый викарий:

— Я подозреваю, ваше святейшество, что Дариус нарочно так поступил, чтобы умалить наше влияние и укрепить свое.

— Вовсе нет! — запротестовал Дариус. — Я и не думал, что...

Все трое заговорили одновременно, и нельзя было разобрать слов.

Конан подумал, не подняться ли ему в святилище и, оставив на сундуке тело Рудабе, снять долотом глаза Заца и бежать. Но это невозможно было осуществить, пока там находятся люди. Дикая мысль пришла ему в голову: по-

явиться неожиданно перед жрецами с телом Рудабе на руках. Но у Конана не было с собой меча, а жрецам стоило лишь крикнуть, и тут же прибежала бы бритунийская стража.

Конан немедленно отбросил этот самоубийственный замысел. Если жрецы поймут, что Рудабе действовала заодно с Конаном, — а они быстро это раскусят, — навряд ли они похоронят девушку с подобающими почестями. И он не смог бы сражаться с бритунийцами, имея при себе хрупкие драгоценные опалы. Значит, надо было похоронить девушку самому, а потом вернуться за опалами, когда в святилище никого не будет.

Тяжело вздохнув, Конан спустился вниз, поднял мертвое тело и пошел вперед. Миновав перекресток, он продолжил свой путь по главному коридору. Когда начались разветвления, он выбрал из них самое широкое.

Глава 12

ДЕТИ ЗАЦА

Вдруг коридор расширился, и Конан оказался у входа в просторную пещеру, где сталактиты нависали над тянущимися к ним сталагмитами. Несколько ступенек вели вниз, на дно пещеры, которая хорошо просматривалась вся, вплоть до дальней стены. Свет факела был слишком слаб, чтобы осветить пространство, но с противоположной стены зияло отверстие, служившее выходом наверх. Сквозь отверстие было видно темное ночное небо с мерцающими на нем звездами. По-видимому, дождевые облака, висевшие над городом накануне, рассеялись.

В дальнем конце пещеры, под самым проемом, поблескивало обширное пятно: вглядевшись, Конан различил круглый водоем, в котором отражалось звездное небо. Водоем этот преграждал путь к выходу. Острый запах, который киммериец ощутил перед столкновением с Зацем, наполнял пещеру, едва ли не вызывая тошноту.

На полу пещеры там и сям, меж сталагмитов, при оранжевом колеблющемся свете факелов можно было различить выпуклые предметы, похожие на огромные серо-коричневые

грибы. Когда Конан стал спускаться, намереваясь пробиться к выходу, ему показалось, что они слабо шевелятся. Подойдя поближе, киммериец заметил, что один из предполагаемых грибов оживает. Он выпростал длинные членистые лапки, поднялся на них над полом и устался на Конана четырьмя светящимися глазами.

Паук был уменьшенной копией Заца, примерно вдвое меньше по размерам в сравнении с богом-пауком. И все же он был значительно крупнее, чем тот паук, с которым Конану довелось сражаться в Слоновой Башне несколько лет назад. Подобное чудовище легко могло убить Конана, а в пещере их были сотни.

Паук, проснувшийся первым, надвигался на Конана, а на полу пещеры повсюду оживали и поднимались на когтистые лапы другие гигантские пауки. Заметив Конана, они ползли к нему, постукивая жесткими коготками. Куда ни взгляни, всюду светились, отражая пламя факела, четверки паучьих глаз.

Конан повернулся и бросился бежать по коридору, слыша, как пауки толпой преследуют его, будто многоногий поток. Конан побежал еще быстрее. Шум погони стих: по-видимому, от преследователей удалось оторваться. Но с тяжелой ношей на плече далеко не убежишь... Постукивание сотен когтистых лап нарастало. Вот это и есть те самые дети Заца, о которых говорил Верховный Жрец, подумал Конан.

Стены коридора тянулись бесконечно. Конан был уверен, что, если бы не мертвое тело, он давно ушел бы от пауков: тяжелая ноша замедляла бег. Но бросить мертвую девушку он не мог. Конан чувствовал себя как в ночном кошмаре, когда бежишь и бежишь во тьме, а неведомая опасность настигает тебя неотвратимо. Он опасался, что выберет неверный поворот и заблудится в лабиринте коридоров.

Уже в отчаянии, он достиг наконец главного перекрестка. Никуда не сворачивая, Конан оказался у лестницы, ведущей к люку.

Поднявшись по ступеням, Конан прислушался. Наверху было тихо — ни разговоров, ни шарканья, ни других признаков человеческого присутствия. Наверное, проклятые жрецы отправились спать. В предутренние часы в храме

все спят, кроме бритунийских стражников. Конан не знал, как ему удастся выскользнуть из храма незамеченным, неся тело Рудабе, но постукивание когтей пауков слышалось все ближе, и раздумывать было некогда.

Кулаком, в котором он сжимал факел, Конан ткнул в крышку люка. Но квадратная панель не шелохнулась. Конан, беззвучно чертыхаясь, решил, что кто-то обратил внимание на отодвинутый засов и вернул его в прежнее положение.

Когти детей Заца стучали все громче, и засов не представлялся Конану преградой. Если хороший толчок не поможет, придется действовать молотом, хотя лучше обойтись без этого во избежание лишнего шума.

Конан сошел по ступенькам вниз и положил мертвую Рудабу на пол. Горящий факел он прислонил к стене. Вновь поднявшись по ступеням, он приложил к крышке обе ладони и сильно надавил на нее.

Поначалу крышка не поддавалась, как если бы сверху мешала тяжесть. И вдруг сопротивление прекратилось: послышался крик, грохот падающего тела, и люк открылся.

Едва Конан показался над полом, струя масла брызнула в него, испачкав одежду. При колеблющемся свете неугасимого пламени Конан увидел викария Мирзеса, который пытался встать на ноги. Рядом с ним лежал кувшин, из него на мраморный пол выливалось, растекаясь лужицей, масло.

Конан тут же все понял. Не дождавшись Рудабе, Мирзес отправился ее искать. Но девушки нигде не было, и ему самому пришлось наливать масло в резервуар. Он стоял на крышке люка, наполняя нефтью свой кувшин, когда Конан рывком поднял крышку и повалил его наземь.

Мирзес, пытаясь встать, воскликнул:

— Кто?.. Почему?.. Ниал! — Вновь поскользнувшись, он упал.

Конан шагнул к Мирзесу, и тоже чуть не поскользнулся. Пошатнувшись, он все же устоял на ногах.

— Помогите! — захрипел Мирзес. — Стража!

Поскальзываясь и выпрямляясь, Конан успел добраться до Мирзеса прежде, чем тот поднялся. Едва викарий открыл рот, чтобы опять позвать стражу, Конан ударил его кулаком в челюсть. Викарий рухнул без сознания на мозаичный пол.

Склонившись над своей жертвой, Конан хотел было уже прикончить викария, проломить ему череп тяжелым молотом, но, уже замахнувшись, вдруг отказался от своего кровавого намерения. Убить человека спящего или лишенного чувств не соответствовало его понятиям о чести. Лучше изрезать тюрбан на куски и сделать кляп.

Однако Конан оставил Мирзеса лежать на месте: надо поскорее забрать свой факел и тело Рудабе, пока дети Заца не хлынули в святилище. Конан шагнул к двери, сообразив, что кран все еще открыт и поток нефти продолжает течь в подземелье. Надо срочно перекрыть его, опустить на люке засов и потом уже вернуться к Мирзесу.

Затем, думал Конан, он займется драгоценными камнями. Покончив с ними, он подбежит к дверям, станет кричать и звать на помощь. Когда бритунийцы откроют дверь, он с криком «Разбой! Убийство! На помощь викарию!» проскочит мимо стражников, которые бросятся в святилище, и выбежит из храма.

Конан уже шагнул к люку, как вдруг оттуда вырвался огромный столб пламени, сопровождаемый густыми клубами дыма. Видимо, струя масла соприкоснулась с горячим факелом Конана. Киммериец попытался сойти вниз, но пламя колыхнулось ему навстречу, опалив волосы и брови; Конан выскочил, хлопками пытаясь потушить загоревшуюся одежду.

Поняв, что уже ничего не сможет сделать для Рудабе, Конан подскочил к статуе и вытащил инструменты, пытаясь отделить хотя бы один глаз Заца, прежде чем пожар распространится по храму. Дым вырывался наружу, становясь все гуще и гуще. Конан начал кашлять, из-за дыма он едва видел и саму статую, и украшавшие ее драгоценные камни.

Но он упрямо продолжал свою работу. Ударив молотом по долоту, Конан с удовлетворением почувствовал, как оно вошло под свинцовое кольцо. И все же едкий дым вызвал у него приступ кашля — пришлось схватиться, скорчившись, за ближайшую ногу статуй.

Вдруг свет в святилище вспыхнул ярче, сквозь волнующуюся стену дыма Конан увидел, что занавеска позади статуи занялась огнем. Раздались крики:

— Пожар! Пожар!

Дым продолжал валить. Конан поглядел в сторону люка — и содрогнулся. Огромный серо-коричневый паук выбирался из прямоугольного отверстия. Его массивная туша шаркала о края люка, пока он проталкивался наверх; казалось, некий демон восстает из пылающего ада. Наконец-то Зац покинул служившее ему тюрьмой подземелье.

Зац повернулся на своих членистых длинных лапах и увидел Конана. Побросав инструменты, киммериец кинулся прочь. Волочащееся чудище настигало его. Схватившись за бронзовые двери, киммериец попытался открыть их, но они были заперты. Оглянувшись, он увидел, что паук ползет за ним.

Ключ щелкнул в замке, и дверь отворилась. Конан предстал перед изумленными бритунийцами, один из них держал в руке большой тяжелый ключ. За наемниками толпились жрецы и служители. Дым, просочившись сквозь щели дверей, встревожил обитателей храма.

Конан, кашляя, выскочил из святилища. В притворе была сумятица: жрецы Заца, жрецы Арэнджуна, служители, танцовщицы, наемные солдаты и рабы бегали туда-сюда. Жрецы выкрикивали различные распоряжения.

Окутанный дымом, Зац показался в дверном проеме. Заметив его, все кинулись к выходу. Несколько человек застряли в проходе, стараясь выскочить одновременно.

Конан, с бешеными усилиями пробившись к выходу, вцепился в дверные ручки, повернул и мощным толчком растворил главную дверь. Люди, толпившиеся возле, повалили наружу, толкая друг друга. Конан увидел, как двое служителей выводят из храма бывшего викария. Харпагус с младенческим изумлением озирался по сторонам.

Конан сбежал вниз, прыгая через ступеньку. На полпути он мельком оглянулся. Густой дым валил из открытых дверей. Небо над головой было ясным, усыпанным звездами, полумесяц стоял высоко на востоке.

В проеме дверей показались двое. Один — гигантский паук, с опаленными длинными волосками и все же целехонький; другой — почти рядом с чудовищем — худой горбоносый Верховный Жрец Феридун, в белом балахоне

и черном тюрбане. Жрец делал магические пассы и произносил нараспев какое-то заклинание.

Паук, который уже приподнял передние лапы, чтобы схватить Феридуна, замер на месте. Жрец продолжал петь — громко, едва ли не переходя на крик, жестикулируя так неистово, что его белая борода сотрясалась в темном задымленном воздухе. Две гротескные фигуры выделялись темными силуэтами на фоне бушующего позади них пламени. Паук на один шаг отступил к святилищу, потом еще на шаг. Феридун, благодаря своей прославленной способности управлять животными, мог бы заставить чудовище броситься в огонь.

Но вдруг Феридун, глотнув дыма, закашлялся. Тут же паук, не сдерживаемый более властью хозяйского голоса, ринулся на Феридуна. Жрец испустил вопль, барахтаясь в обхвативших его членистых лапах.

Дородный воин в доспехах взбежал мимо Конана по ступеням, размахивая мечом. По рыжим развевающимся волосам Конан узнал капитана Катигерна. Подскочив к пауку, бритуниец ударил его мечом, из раны потекла черная жидкость. Зац, который вышел теперь из дверного проема и громоздился на верхней ступени, уронил тело жреца и повернулся к новому противнику. Он протянул свои щупальца к Катигерну, капитан отскочил, отчаянно размахивая мечом. Паук наступал, и разделял их только клинок.

— Держись, Катигерн! — прокашлявшись, крикнул Конан.

На ступенях он заметил алебарду, которая принадлежала одному из стражников. Бритуниец выронил ее на бегу. Прыгая по ступенькам, Конан подхватил алебарду. Подскочив к Зацу сбоку, он взмахнул алебардой и опустил ее на грудь чудовища.

Лезвие алебарды вонзилось в складчатую плоть паука. Удар был такой силы, что рукоять алебарды переломилась на середине. Зац, тяжело переступая, повернулся к Конану. Забежав с другой стороны, Катигерн вонзил свой меч глубоко в ногу паука и перерубил ее.

Зац стал поворачиваться к бритунийцу, но двигался все медленнее. Прежде чем он сделал полный оборот, ноги его подкосились — и паук рухнул на мраморные ступени, из ран его обильно текла липкая жидкость. Его раскинутые

лапы еще шевелились, но судороги их затихали. Зац был мертв.

Катигерн обхватил Конана за плечи.

— Хвала всем богам, ты подросел вовремя! Захочешь стать лейтенантом в моем отряде, скажи лишь слово.

— Я подумаю, — кашляя, ответил Конан.

К ним подошел другой бритуниец:

— Капитан, жрец Динак просит, чтобы мы помогли потушить пожар.

Узнав, что паук мертв, жители города начали скапливаться на площади перед храмом. Горожане высыпали из домов — кто в ночном халате, кто в торопливо натянутой рабочей одежде. Жрецы руководили борьбой с огнем. Густой маслянистый дым продолжал вырываться из дверей храма.

— Держи! — крикнул Катигерн Конану, сунув ему ведро. — Становись в цепи!

Конан хотел было уже зайти к себе в кузницу, собрать пожитки и отряхнуть пыль Йезуда со своих ног. Храм Заца был пристанищем зла, как никакой другой из заморийских храмов. Конан был равнодушен к его архитектурным красотам, и чем больше служителей злого божества погибнет в огне, тем лучше. Если уж ему не удалось похоронить Рудабэ, горящий храм будет для нее подходящим погребальным костром. С ее смертью в Йезуде не осталось никого, чья судьба беспокоила бы Конана.

И все же это не было правдой. Капитан Катигерн стал ему товарищем, и каждый из них спас другому жизнь. Если бритунийцам приходится сражаться с огнем, Конан обязан помочь им.

Небо побледнело: близился рассвет. Но вдруг оно начало хмуриться. Небольшое, но очень темное облако повисло над Йезудом. Вспышки молний одна за другой освещали купол, за ними следовали оглушительные раскаты грома. Начался ливень, да такой сильный, какого Конан прежде не видывал. Киммерийцу казалось, что он стоит под водопадом.

Конан, заняв место в цепи, под хлещущим в лицо ливнем размеренно передавал ведра туда и обратно. Ведра наполнялись водой из фонтана на площади и передавались по цепи в храм.

и черном тюрбане. Жрец делал магические пассы и произносил нараспев какое-то заклинание.

Паук, который уже приподнял передние лапы, чтобы схватить Феридуна, замер на месте. Жрец продолжал петь — громко, едва ли не переходя на крик, жестикулируя так неистово, что его белая борода сотрясалась в темном задымленном воздухе. Две гротескные фигуры выделялись темными силуэтами на фоне бушующего позади них пламени. Паук на один шаг отступил к святилищу, потом еще на шаг. Феридун, благодаря своей прославленной способности управлять животными, мог бы заставить чудовище броситься в огонь.

Но вдруг Феридун, глотнув дыма, закашлялся. Тут же паук, не сдерживаемый более властью хозяйского голоса, ринулся на Феридуна. Жрец испустил вопль, барахтаясь в обхвативших его членистых лапах.

Дородный воин в доспехах взбежал мимо Конана по ступеням, размахивая мечом. По рыжим развевающимся волосам Конан узнал капитана Катигерна. Подскочив к пауку, бритуниец ударил его мечом, из раны потекла черная жидкость. Зац, который вышел теперь из дверного проема и громоздился на верхней ступени, уронил тело жреца и повернулся к новому противнику. Он протянул свои щупальца к Катигерну, капитан отскочил, отчаянно размахивая мечом. Паук наступал, и разделял их только клинок.

— Держись, Катигерн! — прокашлявшись, крикнул Конан.

На ступенях он заметил алебарду, которая принадлежала одному из стражников. Бритуниец выронил ее на бегу. Прыгая по ступенькам, Конан подхватил алебарду. Подскочив к Зацу сбоку, он взмахнул алебардой и опустил ее на грудь чудовища.

Лезвие алебарды вонзилось в складчатую плоть паука. Удар был такой силы, что рукоять алебарды переломилась на середине. Зац, тяжело переступая, повернулся к Конану. Забежав с другой стороны, Катигерн вонзил свой меч глубоко в ногу паука и перерубил ее.

Зац стал поворачиваться к бритунийцу, но двигался все медленнее. Прежде чем он сделал полный оборот, ноги его подкосились — и паук рухнул на мраморные ступени, из ран его обильно текла липкая жидкость. Его раскинутые

лапы еще шевелились, но судороги их затихали. Зац был мертв.

Катигерн обхватил Конана за плечи.

— Хвала всем богам, ты подросел вовремя! Захочешь стать лейтенантом в моем отряде, скажи лишь слово.

— Я подумаю, — кашляя, ответил Конан.

К ним подошел другой бритуниец:

— Капитан, жрец Динак просит, чтобы мы помогли потушить пожар.

Узнав, что паук мертв, жители города начали скапливаться на площади перед храмом. Горожане высыпали из домов — кто в ночном халате, кто в торопливо натянутой рабочей одежде. Жрецы руководили борьбой с огнем. Густой маслянистый дым продолжал вырываться из дверей храма.

— Держи! — крикнул Катигерн Конану, сунув ему ведро. — Становись в цепь!

Конан хотел было уже зайти к себе в кузницу, собрать пожитки и отряхнуть пыль Йезуда со своих ног. Храм Заца был пристанищем зла, как никакой другой из заморийских храмов. Конан был равнодушен к его архитектурным красотам, и чем больше служителей злого божества погибнет в огне, тем лучше. Если уж ему не удалось похоронить Рудабэ, горящий храм будет для нее подходящим погребальным костром. С ее смертью в Йезуде не осталось никого, чья судьба беспокоила бы Конана.

И все же это не было правдой. Капитан Катигерн стал ему товарищем, и каждый из них спас другому жизнь. Если бритунийцам приходится сражаться с огнем, Конан обязан помочь им.

Небо побледнело: близился рассвет. Но вдруг оно начало хмуриться. Небольшое, но очень темное облако повисло над Йезудом. Вспышки молний одна за другой освещали купол, за ними следовали оглушительные раскаты грома. Начался ливень, да такой сильный, какого Конан прежде не видывал. Киммерийцу казалось, что он стоит под водопадом.

Конан, заняв место в цепи, под хлещущим в лицо ливнем размеренно передавал ведра туда и обратно. Ведра наполнялись водой из фонтана на площади и передавались по цепи в храм.

С оглушительным грохотом центральный купол содрогнулся и рухнул. Облако искр, дыма и пыли поднялось из зияющей ямы, в нее хлынул дождь. Понемногу, усилиями людей и благодаря дождю, пламя затухало, оно отступило к святилищу.

Жители Йезуда все еще боролись с огнем, но Конан, увидев, что солнце уже тронуло алой краской предрассветные облака, потихоньку покинул площадь. Вскоре он, в чистой одежде и сапогах, появился в конюшне, держа на одном плече седло, а на другом — завернутые в одеяло пожитки. Молодой флегматичный конюх Яздан спросил:

— Зачем ты пришел, достопочтенный Ниял? Разве твой конь не убит?

— Да, один убит, — буркнул Конан, идя вдоль ряда стойл туда, где помещался Эджил. — Но этот тоже мой.

— Что?! — воскликнул Яздан. — Да ты, должно быть, бредишь. Этот норовистый жеребец принадлежит храму, его купил в дальних землях викарий Харпагус.

— Не купил, а украл у меня! — рявкнул Конан. — Отойди, а не то пожалеешь!

— Нет, да проклянет Зац... — Юноша расставил руки, загораживая проход.

— Что ж, сам виноват, — проворчал Конан, кладя на пол седло и сверток. — А ну-ка!

Он поднял брыкающегося и молотящего кулаками воздух Яздана и швырнул его о стену. Конюх без чувств сполз на пол.

Через минуту Конан уже выводил оседланного Эджила из конюшни. Конь радостно ржал и пританцовывал, довольный, что его старый хозяин опять с ним.

Конан заглянул к Бартейку, чтобы запастись провизией: сухарями, сушеным мясом, пивом, которое было налито в кожаную бутылку. Он уже отсчитывал монеты зевающему Бартейку, которого поднял из постели в этот ранний час, когда вдруг услышал знакомый голос.

— Ах, вот ты где! А я-то думаю, куда ты пропал? — Перед ним стоял капитан Катигерн — перепачканный сажей, с рукой на перевязи. — Судя по узлу с пожитками, ты оставляешь нас.

— Да, — сказал Конан. — Поищу счастья где-нибудь в другом месте. Что у тебя с рукой?

— На меня упала балка. Наверное, перелом. Как только освобожусь, пойду к костоправу. Пламя почти погашено, и я передал командование Гвотелину.

— Храм сильно поврежден?

— Святилище превратилось в неопишное месиво: балки рухнули, разбив эту проклятую статую паука на тысячу кусков. Но в остальном повреждения незначительные. Здание сложено из камня, и масло перестало течь из трубы: наверное, озерцо, из которого оно текло, обмелело досуха.

— С культом Заца покончено?

— Митра! Нет!.. Они уже поговаривают о ремонте. Думаю, Верховным Жрецом изберут Дариуса: это он вызвал ливень, чтобы погасить пламя. Мастерам вроде тебя найдется дело.

— Не сомневаюсь, но у меня другие планы.

Конан подумал, что, если опаловые глаза Заца не разбились при падении купола, они наверняка переплавились от жара в кусочки белого простого камня. Что ж, решил киммериец, если уж кража не удалась, пусть они никому не достанутся.

— Дело твое, — сказал Катигерн. — Этот черный жеребец — точная копия одной храмовой лошади.

— Эджил принадлежит мне, — отрубил Конан. — Когда-нибудь я расскажу тебе, как Харпагус украл его у меня. Если не веришь, могу показать, как слушается он моего голоса.

— Я не собираюсь спорить, — заметил Катигерн. — С новым Верховным Жрецом, надо надеяться, больше не будет чудовищных наук в подземелье.

— Где Феридун взял этого?

Катигерн пожал плечами — и поморщился от боли в руке.

— Не знаю. Наверное, такие обитали в древние времена, а может быть, при помощи чар он вывел его из обыкновенного таранула.

— Где же викарии?

— Харпагус все еще безумен, а Мирзес мертв. Мы нашли его в святилище — очевидно, он задохнулся от дыма.

— Отлично! — буркнул киммериец.

Катигерн проницательно взглянул на киммерийца:

— Да, вспомнил. Один из моих ребят клянется, что видел, как ты выскочил из святилища, преследуемый пауком, но не видел, как ты туда входил. Связано ли твое тайное посещение храма с гибелью Мирзеса?

— Возможно, — ответил Конан. — Но тебе следует знать еще кое-что. — И Конан рассказал Катигерну о пещере с детьми Заца. — Паук, наверное, сделал кладку яиц, после того как Феридун поместил его в подземелье. Если бы король не принял его условий, Феридун напустил бы на Замору полчище гигантских пауков. Наверное, они предполагали осушить водоем в пещере, чтобы дети Заца выбрались из подземелья и рассеялись по стране.

Катигерн присвистнул:

— Значит, это была паучиха, хотя они считают Заца мужским божеством! А эти твари все еще там?

— Да, если не сварились в пылающем потоке нефти, устремившемся по коридору. Наверное, так и случилось, а иначе они бы выбрались наружу вслед за большим пауком.

— Надо взглянуть, — задумался бритунец. — Ты можешь показать мне вход в пещеру?

Конан покачал головой:

— Он где-то в близлежащих холмах, но на поиски ушло бы не менее месяца. Лучше спуститься в подземелье через люк, как это сделал я.

Катигерн поежился.

— Что ж, я поведу туда своих парней с пиками и факелами, чтобы убедиться, что эти проклятые твари и в самом деле мертвы! — пробормотал он. — Феридун был по-своему честен, но да спасут меня боги от фанатиков!

— Мне говорили, что он обладает властью над животными, — сказал Конан, зевнув во весь рот, — вместо паука он мог бы натравить на заморийцев волков, львов или орлов. Ну, пора ехать.

Катигерн проводил Конана до дверей:

— Осталось множество загадок, и жрецы хотят, чтобы я расследовал их. Но я не желаю ничего выпытывать у человека, дважды спасшего меня и расстроившего безумную затею Феридуна.

Конан сжал здоровую руку Катигерна и стал было уже отвязывать коня, как вдруг заметил бочку с нефтью для ламп, стоявшую за углом гостиницы.

Конан оставил коня и открыл дверь.

— Мандана! — позвал он.

— Да? — Дочь хозяина выглянула из кухни, вытирая руки передником.

— Прощай, дружище, — обратился Конан к капитану. — Мне надо перемолвиться с девушкой словечком наедине.

Катигерн, плотоядно усмехнувшись, вошел в таверну.

— Мандана, ты не могла бы выйти сюда? — крикнул Конан. — На два слова.

Неверно истолковав зловещую улыбку Конана, девушка поспешила выйти к нему и, жеманничая, спросила:

— Тебе уже надоела эта костлявая потаскушка из храма?

— С ней мы уже не увидимся, — отрезал Конан. — Харпагус, до того как сойти с ума, говорил мне, что ты донесла ему о посещении Рудабе вашей таверны.

— Ну и что такого я сделала? Она, нарушив правила храма, явилась сюда, чтобы отбивать у меня клиентов. Как же быть, если видишь такое нечестное соперничество?

Конан понимающе кивнул.

— Я тебе кое-что покажу. — Отступив к бочке, он поднял крышку. — Прямо сейчас. — Обняв Мандану за талию, он подхватил ее на руки.

— Ниал! — воскликнула Мандана. — Прямо здесь, в грязи! Вы, варвары, так нетерпеливы! У меня наверху прекрасная спальня...

— Сойдет! — хмыкнул Конан. Держа на руках смеющуюся Мандану, он наклонил ее над бочкой и окунул ее длинные пышные волосы в нефть.

Сделал он это так быстро и четко, что Мандана ничего не сообразила, пока ее макушка не окунулась в вязкую черную жидкость. От неожиданности девушка вскрикнула.

В одну минуту Конан снова поставил ее на ноги. Мандана так и застыла, пока нефть стекала вниз по ее пухлым розовым щекам. Поднеся руки к волосам, слипшимся в

жесткие черные жгуты, и увидев черные следы на ладонях, Мандана пронзительно завизжала.

— Достойная награда за болтовню, — заключил Конан. — До тех пор пока отрастут новые волосы, ты, возможно, научишься не соваться в чужие дела.

Конан отвязал коня и вскочил в седло. Слыша за собой крики: «Я тебя ненавижу! Ненавижу!», он пустился рысью по дороге на Шадизар.

Съехав от Йезуда к узкому горному ущелью, Конан миновал Кашрой и выбрался на широкие пространства центральной Заморы. Солнце только миновало зенит, когда Конан, натянув поводья, остановил коня на крутом подъеме, откуда был виден весь путь, который он только что проделал. Позевывая, Конан достал куриную ножку и сухарь из седельной сумы и сел скрестив ноги на землю, чтобы позавтракать. Эджил, с волочащимися поводьями, пощипывал придорожную траву. Сон одолевал Конана, но он не решался отдохнуть, потому что еще недостаточно далеко отъехал от Йезуда.

Вдруг воздух перед ним заколебался, закрутив небольшой столб пыли. Пыль рассеялась, и Конан увидел стигийца Псамитека, с треножником, на котором была укреплена дымящаяся жаровня. Пока Конан взирал на стигийца с изумлением, чародей наклонился и поставил треножник на землю. Он делал над ним пассы, гортанно напевая; слов заклинания Конан не понимал.

— Какого демона? — воскликнул Конан, вскакивая и хватаясь за рукоять меча. — Клянусь Кромом, на этот раз...

Пока он говорил, Псамитек прошептал какое-то слово. Дым над жаровней тут же сгустился в плотную извивающуюся ленту.

С чуть заметным жестом стигиец прошептал еще одно слово — и голубая лента дыма обвилась вокруг Конана, словно змея. Кольца ее стискивали киммерийца наподобие питоньих, прижав к телу руку с наполовину вытянутым клинком. Одно из колец обвило его горло и сжималось, не давая дышать.

Конан бился, пока изо рта не показалась пена. Левой рукой он пытался освободить горло, мускулы от напряже-

ния бугрились под его туникой. Лента на ощупь оказывалась гладкой, упругой, живой — наподобие угря, только не влажная.

Конан протиснул большой палец меж нею и своей шеей, оцарапав себе ногтем кожу, и оттянул ленту от горла настолько, чтобы хоть как-то дышать, но кольцо сжалось, словно стальное. Лицо Конана побагровело. Вены вздулись так, что, казалось, вот-вот лопнут.

Псамитек холодно улыбался.

— Я обещал, что поближе познакомлю тебя со своим искусством. За твою голову я получу солидное вознаграждение. Мне не придется делить его с этим дикарем туранцем. У меня будет лучшая в Стигии библиотека оккультных наук!

Конан попытался перекусить петлю, но не мог достать ее зубами. Кинжал тоже нельзя было достать, так как он был прижат к туловищу одним из голубых колец. Конан слышал, как позади него топчется жеребец, настороженно наблюдая за тем, что происходит.

При виде отчаянной, но бесплодной борьбы Конана Псамитек ядовито рассмеялся.

— Это, — промурлыкал он, — доставляет мне большее удовольствие, чем бои гладиаторов в Аргосе!

Все потемнело и поплыло перед глазами Конана. Последним отчаянным рывком он оттянул голубую петлю от горла и прохрипел:

— Эджил! Убей его!

Фыркнув, отлично обученный боевой конь промчался мимо Конана и взвился над Псамитеком. Испуганный стигиец широко открытыми глазами взглянул на неожиданно явившуюся помеху. И тут же одно из копыт Эджила опустилось на его бритый череп, треснувший под ударом.

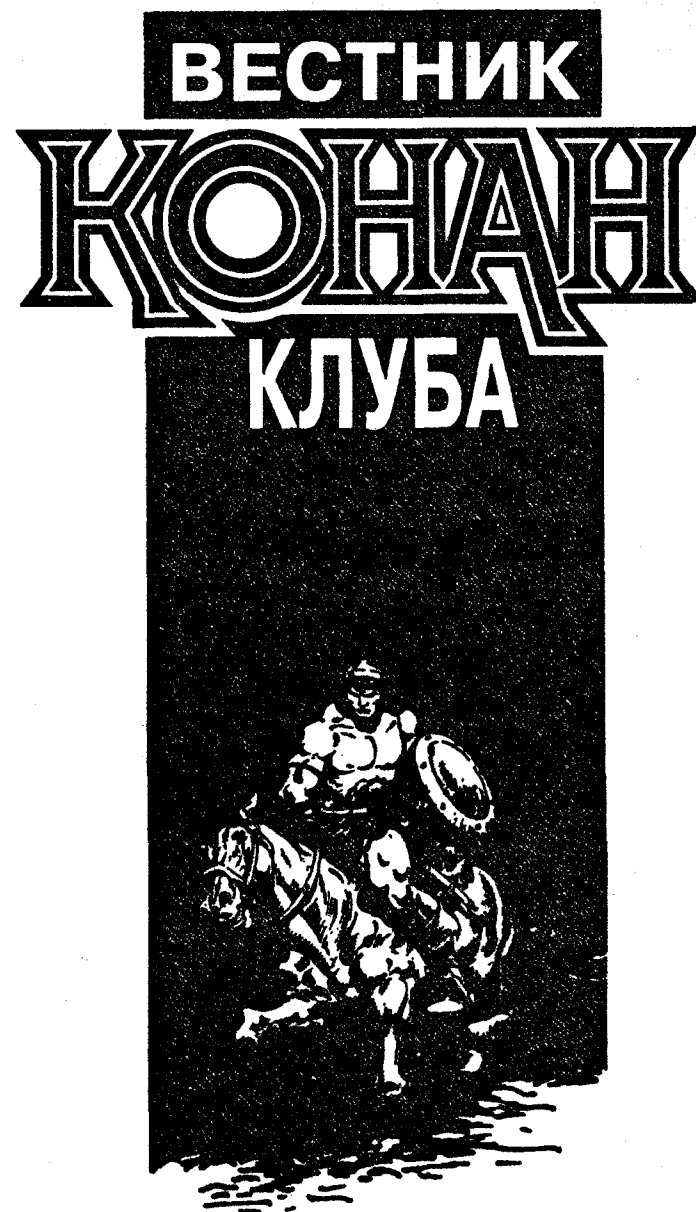
Магическая лента немедленно растаяла, и дым развеялся по ветру. Конан глубоко вздохнул, набрав полные легкие воздуха.

Придя в себя, киммериец выпрямился и нетвердо шагнул к лежащему на земле Псамитеку. Вытащив кошелек стигийца, он обнаружил там множество золотых монет, а также маленький пергаментный свиток с письмом Тутрила. Деньги Конан пересыпал к себе в кошелек.

Взглянув на свиток, он попытался разобрать его витиеватые письма. Не годится, подумал киммериец, оставлять подобный документ. Кто-нибудь доберется до сути и, подобно Псамитеку, соблазнится наградой за его, Конана, голову.

Конан, наклонившись, подул на слабо курящийся в жаровне дымок: треножник как стоял, так и продолжал стоять на прежнем месте. Раздув пламя, Конан опустил край свитка в жаровню и дождался, пока пергамент займется огнем. Он держал свиток, поворачивая его над углями. Загадочные письма заалели — и исчезли. Вскоре свиток превратился в золу.

Конан вскочил в седло и галопом поскакал прочь. Тело стигийца он оставил на съедение гиенам.

КЛУБНЫЕ НОВОСТИ

Сегодняшний выпуск «Вестника Конан-клуба», как и весь этот том, посвящен творчеству Леона Спрэга де Кампа и Лина Картера. В нашем архиве были найдены рассказы этих писателей, ранее на русском языке не издававшиеся.

Читайте сами и не забывайте о соседях и приятелях.

* * *

Приносим свои извинения за то, что в этом томе Вы не найдете обещанного обзора писем, присланных на «Хайборийскую викторину». Он будет опубликован в ближайшем томе «Саги о Великом Воителе»

Просим не волноваться тех, кто прислал заявки о вступлении в «Конан-клуб». Бесплатный каталог уже печатается и весьма скоро окажется в Вашем почтовом ящике.

* * *

По просьбе Антона Шишкина из Барнаула сообщаем полный список книг о Конане, выпущенных в

«Малой серии»:

1. Конан идет по следу
2. Конан против Звездного Братства.
3. Конан и Секира Света.
4. Конан Разрушитель.
5. Конан и Осквернители праха.
6. Конан и Живой Ветер.
7. Конан Изменник.
8. Конан и огненный зверь.
9. Конан в цитадели Мрака.

В ближайшее время выйдут:

10. Конан и сокровища Пифона.
11. Конан и сердце Хаоса.
12. Конан Гладиатор.
13. Конан Победитель.
14. Конан не знающий страха.

«Малая серия» продолжается, хотя будет выходить несколько реже, но именно в ней будут опубликованы самые «свежие» романы о Конане — те, что будут изданы в Америке в 1996 году. Напоминаем, что только «Азбука» представляет в России настоящего говардовского Конана. Происхождение всех прочих — крайне сомнительно.

В 1996 году исполняется девяносто лет со дня рождения Роберта Говарда.

«Конан-клуб» и издательство «Азбука» посвящают свой новый издательский проект памяти Великого Мастера.

В течение 1996 года будет выпущена в свет новая серия книг о Конане, куда войдут лучшие романы, написанные друзьями и учениками Говарда.

Серия состоит из двенадцати томов большого формата. В каждом Вы найдете два романа одного автора (соавторов). Вот полный список серии под названием «Сага о Великом Воителе».

1. Дж. Маддокс Робертс.
«Конан. Солдат удачи».
2. Л. Спрэг де Камп, Л. Картер.
«Конан. Небесная Секира»
3. Л. Карпентер.
«Конан. Одинокий волк»
4. С. Перри.
«Конан. Меч на продажу».
5. Дж. Маддокс Робертс.
«Конан. Рука Крома»
6. Л. Карпентер.
«Конан. В пустыне и джунглях».
7. Л. Карпентер.
«Конан. Путь воина»
8. Роберт Говард.
«Конан и другие Бессмертные» (Юбилейный том.)
9. Р. Грин.
«Конан. Дорога во мгле».
10. Э. Оффут
«Конан. Убийца колдунов»
11. К. Вагнер, Б. Ниберг
«Конан. Пепел империй»
12. Л. Спрэг де Камп, Р. Джордан.
«Конан. Колесо страданий».

И еще одна приятная новость: рыночная цена томов «Большой серии» о Конане будет практически такой же, как цена книг из «Малой серии».

Два романа по цене одного!

Читайте «Конана» только от «Азбуки»!

Кто не с нами, тот против нас!

Л. Спрэг де Камп и Лин Картер

ЛЕГИОНЫ СМЕРТИ

1. Охота

Олень оторвал голову от ледяного ручья и настороженно втянул в себя морозный воздух. С его морды, словно брызги расплавленного хрусталя, сбегали капли воды. Застывшее невысоко над землей солнце сверкало на ветвистых, покрытых легким инеем рогах.

Ни звук, ни запах, побеспокоившие зверя, не повторились. Олень снова склонился над журчащим ручьем и фыркнул, подняв фонтанчик ледяных брызг.

Оба пологих берега ручья были покрыты свежим, только что выпавшим снегом. Густой кустарник почти вплотную подходил к воде, местами покрытой тонким, еще совсем прозрачным льдом. Ни единого звука, кроме еле уловимого шептания подтаивающего на солнце снега, не доносилось из темного леса.

Из этого молчаливого, почти мертвого леса вылетело пущенное чьей-то сильной и верной рукой копье, застывшее врасплох успокоившегося зверя. Олень успел сделать несколько прыжков в сторону от ручья, но его ноги подкосились, и он рухнул на снег, заливая все вокруг себя кровью. Еще несколько раз все его тело напряглось, словно в последнем рывке, а затем все мышцы расслабились, глаза животного закрылись, и олень затих.

Сбоку из-за деревьев выскользнули, осторожно оглядываясь вокруг, два человека. Один — старший по возрасту и, несомненно, по положению — был настоящим широкоплечим, сильным великаном с тяжелыми, длинными руками. Из-под расстегнутого мехового плаща виднелись мощные мышцы груди и плеч. Под плащом этот человек носил лишь шерстяные штаны, заправленные в сапоги. Широкий ремень из сыромятной кожи с золотой пряжкой перепоясывал его, а капюшон из волчьего меха почти закрывал лицо.

Шагнув вперед, человек откинул с лица капюшон, из-под которого показались золотистые кудри, чуть тронутые сединой. Короткая, неровно подстриженная борода закрывала широкие скулы и тяжелый подбородок. Цвет волос, светлая кожа, большие голубые глаза — все это свидетельствовало о том, что их обладатель принадлежит к племени асиров.

Стоявший рядом юноша во многом не был похож на него. Еще почти подросток, ростом он лишь чуть-чуть уступал северянину-великану, но был еще не столько крепок, сколько строен и жилист. По плечам юноши рассыпалась копна черных как смоль волос, а из-под густых темных бровей сверкали ярко-голубые глаза — такого же цвета, как и у его спутника. Но если глаза старшего были полны радости охотника, удачно подкараулившего дичь, то в глазах юноши сверкал огонь неудовлетворившего жажду крови хищника. Молодой человек не носил бороды, но сейчас его подбородок был покрыт темной жесткой щетиной.

Бородатого звали Ниял. Он был ярлом — вождем асиров и главарем банды, наводившей ужас на пограничье Асгарда и Гипербореи. Его юного спутника звали Конаном. Он был родом из той горной страны, где вечные снега и ледники покрывали горные вершины, страны Киммерии, лежащей южнее этих мест.

Не скрывая удовольствия от удачного завершения охоты, оба воина перешли вброд ручей и направились к месту, где на залитом кровью снегу лежала их жертва. Олень весил едва ли не больше, чем они оба, поэтому нести его целиком было бы затруднительно, да и ненужно. Старший из охотников наклонился над поверженным красавцем, привычным, уверенным ударом ножа вспорол ему брюхо и начал освежевывать тушу. Сняв шкуру, он разрубил оленя на части, отбросив в сторону внутренности, голову и крупные кости.

— Выкопай яму, парень, да поглубже, — приказал старший младшему.

Сорвавшись с места, юноша выхватил из-за спины боевой топор на длинном топориче и в два счета вырыл в еще не замерзшей земле яму, достаточную, чтобы спрятать в ней все отходы. Пока Ниял промывал кровоточащие куски в ручье, Конан сгреб в яму не только остатки туши, но и весь забрызганный кровью снег. Затем принес в плаще с

другого берега чистого снега, присыпал им яму, стараясь по возможности скрыть от глаза случайного прохожего следы охоты.

Ниял положил мясо на свежееобдранную шкуру и связал ее за концы, превратив ее таким образом в импровизированный мешок. Пока вождь отчищал от крови свое копые, Конан срубил подходящую сосенку, приготовив жердь примерно в рост человека. Продев ее в горловину мешка, воины взвалили ношу себе на плечи и направились к лесу.

В этих местах, на самой границе с Гипербореей, леса были густыми и тянулись далеко-далеко за горизонт. С вершины каждой гряды, по которой проходили охотники, открывался вид на бескрайний океан зеленой хвои, покрытой шапками только что выпавшего снега. Время от времени с разных сторон доносился вой волков, а в воздухе беззвучными тенями проносились огромные белые совы.

Двоим хорошо вооруженным охотникам не были страшны обитатели этих лесов. Однако, когда наперерез им прошествовал сквозь чащу огромный медведь, они почтительно остановились, уступая ему дорогу.словно два привидения, шли они по лесу, не создавая ни малейшего шума и почти не оставляя следов. Ни один сухой сучок не хрустнул под их сапогами, пока они приближались к своему отряду, остановившемуся на дневной отдых у подножия скалистого кряжа.

Лагерь был замаскирован так удачно, что путники сначала слышали приглушенный шум голосов, а уж затем заметили скрытый среди камней костер. Голоса же не смолкли лишь потому, что часовые вовремя подали знак, что к лагерю приближаются свои. Пожилой асир, чьи кудри и борода уже давно превратились из золотых в серебряные, встал и молча поприветствовал пришедших. Один глаз он потерял в каком-то давнем бою, и теперь прикрывал страшный шрам кожаной повязкой. Это был Горм, певец и поэт асиров. За его плечами виднелась арфа в футляре из оленьей кожи.

— Есть новости от Эгиля? — первым нарушил молчание вернувшийся с охоты вождь, опуская на землю жердь с мешком.

— Нет, Ниял, — мрачно ответил одноглазый старик. — Не нравится мне это.

Он беспокойно поежился, словно зверь, почуявший опасность.

Ниал обменялся взглядом с Конаном, но тот не проронил ни слова. Два дня назад передовой отряд под покровом ночи вышел на разведку подступов к замку Халого, находившемуся недалеко, за ближайшим хребтом, к юго-востоку.

Тридцать воинов — проверенных, опытных бойцов — отправились на разведку подступов и оборонительной системы крепости гиперборейцев. Конан, мнения которого никто не спрашивал, заявил, что было бы неразумно разделять силы отряда, находясь так близко от логова врага. Ниал, недослушав, приказал ему заткнуться. Правда, позднее он смягчился и в качестве извинения за свою грубость взял парня с собой на охоту.

Посланцы Эгиля должны были вернуться уже много часов назад. То, что они до сих пор не появились, очень беспокоило Ниала. Где-то в глубине души он уже ругал себя за то, что не послушался совета киммерийца.

Причина раздражительности Ниала и того, с какой срочностью он повел своих людей к границам Гипербореи, была в следующем: пол-луны назад гиперборейские гроботорговцы — с красной эмблемой Халого на их черных одеждах — похитили и увезли с собой его единственную дочь Ранн.

Вождь с трудом подавил пробежавшую по его телу дрожь. Колдуны Гипербореи славились своими достижениями в черной магии, а жестокую хозяйку замка Халого и вовсе звали Черной Смертью.

Собрав в кулак всю волю, Ниал спокойно приказал Горму:

— Скажи повару, пусть приготовит мясо. Только на углях, мы не можем рисковать, разжигая дымный костер. И пусть все едят побыстрее. Как только стемнеет — выходим.

2. Кошмар на крепостной стене

Всю ночь отряд асиров шел по заснеженным холмам, словно стая волков. Сначала их путь освещали звезды, затем от земли поднялась морозная мгла, северный туман, плотно скрывший от путников небо. Даже вышедшая луна

едва-едва пробивалась нечетким пятном сквозь густую пелену.

Несмотря на то что эту болотистую, поросшую лесом землю укутывал непроницаемый туман, воины Асгарда старались использовать любые холмы, густые буреломы, валуны и скалы для прикрытия. Халого — сильная крепость, и часовые наверняка стоят уже на дальних подступах к ней. Как бы ни хотелось Ниалу побыстрее освободить дочь, он понимал, что единственная надежда на успех — это внезапное нападение.

К тому времени, когда асиры добрались до замка, туман рассеялся, но и луна уже зашла. Крепость Халого стояла на небольшом холме в центре круглой, похожей на котел долины. Высоко в небо вздымались стены замка. Мощная каменная кладка обрамляла тяжелые крепкие ворота. Несколько окон виднелось на верхних этажах башен, а ниже — лишь узкие бойницы для стрелков из лука разрывали монолитную отвесную поверхность стен.

«Тяжело же будет штурмовать такую крепость», — подумал Ниал. И куда же подевались его разведчики? Опытные следопыты отряда оказались бессильны: выпавший снег скрыл все следы.

— Может, посмотреть стены вблизи? — спросил Ниала один из воинов — беглый раб родом из Ванахейма, если судить по характерной рыжей бороде.

— Нет. Проклятье! Скоро рассвет, — прохрипел вождь. — Нужно дождаться темноты или молиться, чтобы эти белокрысы дьяволы настолько потеряли осторожность, что рискнули бы опустить мост и поднять решетку на воротах. Передай остальным: пусть спят. Только сначала набросайте на шубы снега, чтобы нас днем не заметили. Отделение Трора Железной Руки дежурит первым.

Ниал лег и закутался в меховой плащ. Он долго не мог уснуть, а когда все же заснул, его забытие, полное предчувствий опасности, было беспокойным и тяжелым.

А Конан и вовсе забыл про сон. Юношу продолжало мучить полученное от Ниала оскорбление. Дело было не в тоне, а в том, что мнения киммерийца даже не выслушали до конца. В Асгарде он был чужаком. Вынужденный

покинуть родную Киммерию, он с трудом заработал хоть какой-то авторитет среди этих опытных златокудрых воинов. Они оценили его способность переносить все тяготы и лишения разбойничьей жизни без единой жалобы, а самые задиристые уже ощутили на себе тяжесть его кулаков. Несмотря на молодость, дрался Конан, как загнанная в угол крыса. Стоило большого труда оторвать парня от уже поверженного соперника. Но, как все молодые воины, Конан мечтал заслужить похвалу старших, проявив настоящий героизм, совершив настоящий подвиг...

Конан внимательно рассматривал стены и окна замка. Нет, слишком высоко. Рожденный в горной стране, Конан прекрасно лазал по скалам. Но на любой скале всегда найдешь неровности, позволяющие хотя бы зацепиться пальцами рук и ног. Камни, составлявшие стены Халогии, были отполированы, словно стекло, и пригнаны друг к другу так точно, что по ним не могло вскарабкаться ни одно живое существо крупнее насекомого.

Другое дело — бойницы. Их нижний ряд находился на высоте всего в три человеческих роста, чтобы дать лучникам удобный угол для стрельбы по приближавшимся к стенам врагам. Несомненно, бойницы слишком узки для любого из взрослых, широкоплечих, могучих асиров. Но столь ли безнадежно узки они для куда более худого и гибкого Конана.

На рассвете выяснилось, что в отряде не хватает одного бойца — киммерийского изгнанника Конана. «Кишка тонка у парня оказалась, сбежал», — мимоходом подумал Ниал. Ему и без того было над чем поразмыслить.

Вождь асиров только что обнаружил своих разведчиков. В первых лучах солнца они были хорошо видны: на крепостной стене, привязанные к специальным перекладинам, висели все тридцать воинов. Они были еще живы.

Хриплый от боли и гнева голос Ниала изрыгал проклятия; ногти вонзались в ладони — сжав кулаки, Ниал, содрогаясь от ужаса, все же не мог отвести взгляд от страшной картины.

На стене, лениво улыбаясь алыми губами, стояла вечно молодая королева Халогии, Вамматар Жестокая, — ее длинные светлые волосы развевались по ветру, чувственные

изгибы тела проступали сквозь белоснежное одеяние. Двое сопровождавших ее были настоящими гиперборейцами — с блеклыми, невыразительными глазами и гривами бесцветных волос.

Сгорая от бессильного гнева, кусая руки и сдавливая в себе стоны, асиры наблюдали, как одного за другим их соплеменников предавали мучительной смерти при помощи страшных, безжалостных крюков и кривых ножей. Те, кто еще вчера были мужественными воинами, стонали и выли, извиваясь в последних судорогах. Долгие часы пришлось им мучиться, дожидаясь смерти как избавления.

Ниал постарел на много лет за это страшное утро. Самое страшное — то, что он ничего не мог изменить. Командир не может бросить легковооруженный отряд на каменные стены. Будь у него большая, хорошо оснащенная армия, готовая месяцами продолжать осаду, — он разрушил бы эти стены таранами и катапультами, подкопал бы под них туннели, подогнал бы осадные башни и сам, перекинув мостик, первым бросился бы в рукопашную на территории противника. Можно было бы запастись терпением и уморить защитников замка голодом. Не имея такого превосходства, можно было бы рискнуть, на худой конец воспользовавшись приставными лестницами и организовав хорошее прикрытие из отряда лучников и метателей дротиков. Но даже в таком случае самым важным делом была внезапность.

А вот именно внезапность, единственное преимущество Ниала, была безвозвратно потеряна. Как удалось гиперборейцам захватить в плен всех воинов Эгиля — загадка. Но сам факт пленения продемонстрировал гарнизону Халогии, что асиры где-то поблизости. Скорее всего, черные колдуны предупредили своих о приближении неприятеля. Мрачные легенды об их могуществе получили сегодня кровавое подтверждение. Теперь в Халогии знали, что асиры неподалеку, и готовились отразить любое нападение. Ничто, никакие боги Асгарда не могли помочь отряду Ниала.

Вдруг из одного из окон на стене потянулась струйка черного, густого дыма, вскоре сменившаяся плотным, смоляным столбом чада. Палачи с криками исчезли в

глубине замка, взмахнув, словно вороны крыльями, своими черными плащами. Ленивая кошачья улыбка слетела с губ повелительницы Халог. В глубине души у Ниала, вождя асиров, затеплился слабый огонек надежды.

3. Призрак мести

Подняться по стене оказалось не легче, но и не труднее, чем предполагал Конан. С пятнадцатой или шестнадцатой попытки ему удалось накинуть петлю на резной, в виде головы дракона, водосток. На крепкой веревке аркана через равные промежутки были завязаны узлы — поэтому взбираться по ней было проще простого.

Вскарабкавшись до уровня бойницы, Конан дотянулся до стены и ухватился одной рукой за камень, другой продолжая удерживать веревку. Затем, изогнувшись в воздухе, киммериец сумел просунуть ноги в отверстие в стене. Медленно-медленно он перенес вес тела и оказался по пояс в толще стены. При этом Конан продолжал удерживать веревку левой рукой, сообразив, что она еще может здорово ему пригодиться, особенно в случае срочной необходимости спастись бегством из этого страшного места.

В глубине бойница оказалась уже, чем с внешней стороны стены. Это было сделано для того, чтобы лучник имел более широкий угол ведения стрельбы. Пыхтя и извиваясь, Конан продвигался вперед ногами сквозь узкий лаз. В какой-то момент задрывшаяся на груди шерстяная рубаха застопорила движение. Конана прошиб пот. Вот ведь смеху-то будет, когда его найдут застрявшим по пояс в бойнице. Эти колдуны наверняка навеки замуруют чужака в этой стене. А если даже его и не обнаружат — то через некоторое время, полумертвый от голода и жажды, он станет лакомым куском для воронов днем и сов ночью.

Спасительная мысль молнией пронеслась в его голове. Несколько раз глубоко вздохнув, Конан сделал резкий выдох и, уменьшив таким образом ширину грудной клетки, проскользнул внутрь, затем перевалился через край бойницы и наконец коснулся ногами пола из грубых толстых

досок. Помогая себе руками, он разжал кулак и чуть не потерял веревку, змеей скользнувшую вниз. Лишь в последний момент киммерийцу удалось схватить ее.

Наконец Конан смог оглядеться. Он находился в маленькой круглой комнате — помещении для лучника. В ее центре стоял большой пень, по форме похожий на стул со спинкой, — «рабочее место» стрелка, к нему-то Конан и примотал веревку: тяжелый кусок дерева послужит отличным якорем при спуске. Потянувшись, киммериец поморщился от боли. Ему показалось, что как минимум несколько солидных кусков его кожи осталось на камнях бойницы.

Напротив окна в каменной кладке внутренней стены был оставлен дверной проем. Вынув из ножен свой длинный кинжал, Конан шагнул вперед. Деревянная винтовая лестница вела куда-то вверх и вниз, но, несмотря на то что в стенах кое-где торчали чадающие факелы, тьма была — хоть глаз выколи.

Прижимаясь к стене, все время прислушиваясь, Конан шаг за шагом пробирался к центральной темнице, где, по его предположениям, должны были содержаться важные пленники. Снаружи уже должно было рассвети, но сюда, внутрь замка, сквозь узкие окна и бойницы свет почти не проникал. По душераздирающим стонам, пробивающимися даже сквозь толстые стены, Конан мог смутно догадываться о том, чем были заняты палачи на стене замка.

В одном из коридоров, освещенном намного лучше, Конан наткнулся на двух стражников, охранявших запертую клетку. Никогда раньше не доводилось ему видеть гиперборцев, и сейчас, взглянув на них, Конан издрогнул.

Они казались дьяволами из какого-то черного ада. Длинные худые лица, бледная кожа, бездумные янтарные глаза, бесцветные волосы. С ног до головы они были одеты в черное. Лишь алая эмблема Халог горела на костлявой груди. Конану показалось, что эти алые пятна — все, что осталось у них вместо вырванных сердец. Похоже, легенды не врут, утверждая, что эти люди — не более чем оживленные демонами мертвецы.

Но оказалось, сердца у них все же были, а из раны течет теплая алая кровь. Кроме того, их можно убить, как

убедился Конан, налетев на стражников из-за поворота коридора. Первый из них не успел даже пошевелиться, когда нож киммерийца вонзился ему в грудь.

Второй стражник, на миг застыв в удивлении, встряхнулся и потянулся за мечом. Но клинок Конана, сверкнув в воздухе, словно жало серебряной змеи, рассек гиперборею горло, оставив на тонких бледных губах стражника непонимающую улыбку.

Конан, не мешкая, снял с погибших оружие и подтащил трупы к свободной камере, где закидал валявшейся на полу соломой. Затем он вернулся к охранявшейся ими клетке-темнице.

Высокая девушка с молочно-белой кожей, длинными волосами цвета спелой пшеницы и ясными голубыми глазами гордо стояла посреди камеры, ожидая своей участи. При виде короткого боя она задышала чаще от волнения, но в ее глазах не появилось ни тени страха.

— Кто ты? — спросила она.

— Конан, киммериец. Я из отряда твоего отца. Если ты, конечно, дочь Ниала.

Девушка гордо вскинула подбородок:

— Да, я — Ранн, дочь Ниала.

— Ну и хорошо, — буркнул он, вставляя в замок ключ, снятый с пояса одного из стражников. — Я, вообще-то, за тобой пришел.

— Один? — недоверчиво спросила она.

Конан кивнул. Подав девушке руку, он вывел ее в коридор. Здесь он вручил ей один из мечей-трофеев. Сам, сжимая в руке новое оружие, он повел Ранн по уже знакомым ему коридорам и переходам.

Киммериец двигался неслышно, словно дикий кот, в любую секунду готовый к отчаянному прыжку. В его глазах отражалось танцующее пламя факелов, довершая облик не человека, а какого-то создания дикой природы.

Конан понимал, что его самого и его спутницу могут обнаружить в любой момент. Не все же обитатели замка сейчас любят работу палачей на стенах. В глубине души Конан даже призвал на помощь Крома — бесстрастного бога своей родной Киммерии, прося его дать им возможность незамеченными добраться до знакомой бойницы.

Те же мысли одолевали и Ранн, столь же беззвучно, как и ее провожатый, пробиравшуюся вслед за ним по коридорам в неверном свете факелов.

Пока что им никто не встретился, но Конан понимал, что везение не может продолжаться бесконечно. Хорошо, если они наткнутся на двух-трех гипербореев. Скорее всего, им удастся прорваться. Конан знал, что женщины Асгарда не были изнеженными куклами, а, наоборот, отлично владели мечом и при необходимости вставали в строй плечом к плечу со своими мужьями, сражаясь храбро как тигрицы.

Но что, если им навстречу попадутся шесть, а то и десять воинов Халог? Как бы юн Конан ни был, он твердо знал, что ни один смертный не может противостоять одновременным ударам со всех сторон. Даже если удастся отбиться спина к спине с Ранн — все равно замок будет поднят по тревоге.

Нужно было отвлечь внимание гарнизона. Но как? Неожиданно смоляной факел навел киммерийца на спасительную мысль. Смола горит медленно и коптит при этом, но, с другой стороны, пламя на ней держится долго, и погасить его нелегко. Конечно, стены замка сложены из камня, но полы и перекрытия — деревянные. По лицу Конана пробежала недобрая усмешка.

Нужно было найти склад факелов. Конан стал открывать все попадавшиеся ему по пути незапертые двери. Первая комната оказалась пуста. Во второй стояли две незастеленные кровати. Третья была завалена сломанным оружием и доспехами, требующими ремонта.

Следующая дверь была чуть приоткрыта. Заглянув в щелку, Конан отшатнулся. Там в свете свечи он разглядел кровать и лежащего на ней человека. На маленьком столике рядом с ним стояли пиалы и кубки — видимо, с лекарствами для больного. Так подумал Конан, увидев покрытое испариной лицо спящего.

Тихо прикрыв дверь, Конан двинулся дальше. Вдруг из-за поворота коридора до его слуха донесся звук шагов и голоса. Словно кошка метнулся киммериец к следующей двери и втащил за собой в темную комнату девушку.

— Тсс! — прошептал он, прижав палец к губам.

Сжав в руках мечи и затаив дыхания, Конан и Ранн слушали, как шаги и гортанные голоса гиперборцев сначала приблизились, поравнявшись с их комнатой, а затем затихли вдали.

Только тогда Конан с облегчением вздохнул. Приоткрыв дверь, он увидел лишь пустой коридор. Тогда киммериец распахнул дверь пошире и, увидев содержимое комнаты, довольно потер руки. В одном углу лежала кipa приготовленных факелов, в центре помещения стоял бочонок со смолой, а противоположная сторона комнаты была забита соломой, используемой для постели узников тюрьмы замка.

Для Конана оказалось делом одной минуты разбросать по всему полу солому и опрокинуть бочонок. Черная смола растеклась во все стороны. Выдержав из держателя в стене один из факелов, киммериец швырнул его в середину комнаты. Солома вспыхнула, зажигая след и смолу. Густой, едкий дым потянулся по коридору.

В сажу с головы до ног, Конан выскочил в коридор и, схватив Ранн за руку, потащил ее вперед за собой по закручивающимся ступеням к уже знакомому выходу. Киммериец очень рассчитывал, что пожар привлечет внимание всех обитателей замка настолько, что он и его спутница успеют пролезть в узкую бойницу, спуститься вниз по веревке и добежать до спасительного леса.

4. Погоня ведьмы

Ярл Ниал со слезами на глазах обнимал дочь, прижимая ее к своей широкой груди. Но при этом он не забыл благодарно посмотреть в глаза Конану и дружески хлопнуть его по плечу (такой хлопок мог бы сбить с ног любого, но не киммерийца).

Направляясь вместе со всем отрядом к границам Асгарда, Конан вкратце описал свои приключения. Прекрасным подтверждением его словам служила черная туча, поднимавшаяся в предвечернее небо за спинами асиров. Время от времени до них доносился громopodobный треск проваливающихся бревен перекрытий. Конечно не все, но наверняка многие белокурые дьяволы сгинут навеки в огне этого страшного пожара.

Несомненно, оставшиеся в живых гиперборцы бросятся в погоню. Поэтому Ниал потребовал немедленно возвращаться. Только далеко в глубине территорий Асгарда асиры смогут почувствовать себя в безопасности. Решив не медлить с отходом, асиры решили пожертвовать скрытностью ради того, чтобы как можно скорее оказаться подальше от объятых пламенем замка Халоба.

С гребня стены вслед им смотрела красивая, невзирая на возраст, королева Вамматар. Ее глаза горели ненавистью, а на губах застыла злая ухмылка.

По мере того как солнце клонилось к горизонту, от еще не покрытых льдом болот потянулись клубы тумана, наполняя тревогой и дрожью сердца людей.

Время от времени то один, то другой асир прикладывал к земле ухо, но гула приближающихся лошадей не было слышно. Чуть приободренные, воины Асгарда, не снижая скорости, продвигались вперед сквозь густой туман. Но прежде чем на день спустилось покрывало морозного неба, Конан остановился и пристально посмотрел назад.

— Нас преследуют! — крикнул он.

Асиры остановились и тоже стали вглядываться в гаснущий горизонт. Некоторое время все молчали и уже собрались идти дальше, подшучивая над киммерийцем, как вдруг один из воинов, известный своим орлиным зрением, воскликнул:

— Он прав! Это не всадники, это пешее войско!

— Вперед! — прорычал вождь асиров. — Сегодня мы не будем устраивать ночной лагерь. В этом тумане противнику ничего не стоит подобраться к нам вплотную, сколько часовых мы бы ни выставили.

Отряд двинулся дальше. Дневной свет сменился сумерками, сумерки — ночной тьмой. Когда же туманную равнину осветило серебряным светом ночное светило, у всех асиров волосы встали дыбом: темная полоска на горизонте превратилась в уже близкую массу отряда преследователей.

Ниал — железный человек — продолжал идти, держа на руках обессиленную дочь. Эту ношу он не доверил бы никому на свете. Конан и остальные воины шли следом, стараясь

не замедлять шаг. А их преследователи, казалось, вовсе не знали усталости. Отряд из Халогии не только не сбавлял скорости, но, наоборот, все быстрее и быстрее нагонял беглецов. Изрыгая проклятия, Ниал подбадривал своих воинов. Но вот и сам вождь асиров понял: скоро придется остановиться и, собравшись с силами, вступить в бой.

Каждый раз с гребня очередного невысокого холма они оглядывались и видели, как приближается отряд преследователей, превосходящий их по численности как минимум вдвое. Что-то странное было в воинах-преследователях. Но что? Ни Ниал, ни Горм, ни Конан не могли этого определить.

По мере того как погоня приближалась, беглецам удалось рассмотреть, что не все преследователи были гиперборейцами — более высокими и стройными, чем асиры. В темноте вырисовывались могучие плечи, а так же украшенные рогами шлемы воинов Асгарда и Ванахейма. Ниал вздрогнул, в первый раз ощутив ледяное дыхание отчаяния.

Нет, как-то странно они шли, эти преследователи...

Впереди показался очередной холм. Его склоны вздымались к вершине круче, чем у других возвышенностей на этой равнине. «Что ж, — решил для себя вождь асиров, — лучшей позиции здесь не найдешь, да и убегать дальше нет смысла». Ниал развернулся и закричал во все горло:

— Все на тот холм! Живее! Там занимаем оборону!

Глаза асиров, резво взбиравшихся по склону, засверкали извечным огнем, сверкающим в глазах любого воина перед сражением.

Троп Железная Рука и другие командиры пустили по рядам кожаные фляги с вином и водой, хотя и того и другого оставалось немного. Воины переводили дыхание, отдыхали, подтягивали тетиву луков. Длинные легкие щиты из прутьев и кожи были сняты с заплочных ремней и установлены сплошной стеной вокруг вершины холма. Одноглазый Горм достал арфу и затянул сильным голосом древнюю воинскую песню.

Клинки наши пламенем были
В кипящих недрах земных,
Их темные воды калили
В глубинах рек ледяных.

На дне синеструйных потоков
Белеют кости врагов,
Напоминая потомкам
О подвигах наших отцов.

Передышка была недолгой. Из тумана у подножия холма вынырнули одна за другой шеренги зловещих фигур, плечо к плечу шагнувших вверх по склону. Они двигались как-то не так... словно спящие или словно куклы на веревочках. Град копий и стрел не замедлил их неумолимого приближения к стене из щитов. Вот уже асиры занесли над головами мечи, топоры и боевые молоты, готовясь вступить в бой.

Из горла Ниала вырвался древний боевой клич асиров. Но не успел он дозвучать до конца, как что-то оборвалось в груди ярла — вождя племени. Человек, вышедший ему навстречу, готовый к бою противник, оказался не кем иным, как Эгилем. Тем самым Эгилем, лучшим разведчиком и заместителем Ниала, погибшим сегодня в муках на крепостной стене. Бледная луна осветила знакомое лицо, и Ниал на миг опустил оружие.

5. «Человек не умирает дважды!»

Лицо противника Ниала, без сомнения, было лицом его старого приятеля. Всё, даже шрам на скуле, полученный в бою против ваниров пять лет назад, — всё в точности совпадало с лицом Эгиля. Но мертвые голубые глаза, пустые, как ночное небо без звезд, не узнали своего друга, командира и вождя.

Понимая, что отступать некуда, Ниал размахнулся и полоснул мечом по груди Эгиля так, чтобы не убить, а лишь ранить его. С изумлением вождь асиров обнаружил, что из раны на груди его противника не идет кровь, а сам Эгиль продолжает идти вперед, не обращая внимания на нее.

За спиной погибшего утром соплеменника показалась фигура полусгоревшего гиперборейца, его обгоревшее лицо застыло в маске ужаса и боли. Без сомнения, это один из обитателей Халогии, погибший в сегодняшнем пожаре.

— Прости, брат, — прошептал вождь асиров и изо всех сил рубанул мечом по телу Эгиля. Разделенное на две части тело покатилося вниз по склону. Но его место тут же занял оскаленный полуобгоревший гиперборей.

Командир и вождь асиров сражался грамотно, умело, но безо всякой надежды. Если твой противник может победить саму смерть, оживив мертвых, как можно надеяться на победу в схватке с ним.

Вдоль строя тут и там раздавались удивленные хриплые возгласы. Это воины-асиры сбились со своими товарищами, погибшими тем же утром на крепостной стене. Но не только это поражало людей из отряда Ниала. Помимо обожженных гипербореев и своих соплеменников, они натыкались на тела давно умерших людей, из которых при ударе мечом или топором вылезали длинные белые черви. Все они без оружия в руках навалились на строй асиров. В воздухе повис отвратительный трупный запах.

Песня Горма сбилась с ритма и оборвалась. Старый бард прохрипел:

— Да помогут нам боги! На что еще мы можем надеяться, скрещая мечи с самой смертью! Человека нельзя убить дважды!

Строй асиров начал редеть. Один за другим храбрые воины погибали, разорванные на куски ледяными руками нападающих. Да, все они были безоружны, лишь крючковые пальцы и оскаленные зубы тянулись к жертвам. Но этих оживших мертвецов было много. Слишком много.

Киммериец стоял во второй шеренге. Когда перед ним рухнул на землю с перегрызенным горлом и изуродованным лицом опытный воин, Конан издал душераздирающий клич и закрыл образовавшуюся брешь в строю. Одним ударом трофейного меча он снес голову полуразложившемуся гиперборю, только что вонзившему ногти в грудь асира. Череп с почти истлевшей кожей покатилося вниз по склону.

В этот момент сердце Конана замерло в груди: обезглавленный полуразложившийся труп продолжал тянуть к нему свои костлявые руки. Страхнув оцепенение, киммериец ткнул мечом под торчащие из-под гниющей кожи ребра. Труп покачнувшись, отшатнулся назад, но затем снова пошел на киммерийца, скрипя по снегу костями ступней.

Перехватив меч обеими руками, Конан вложил всю свою молодую силу в следующий удар. Наконец-то! Рассеченное надвое по диагонали — от правого плеча до левого бедра — тело больше не поднималось с земли. На мгновение перед Конаном не оказалось противника. Тяжело дыша, киммериец вытер пот со лба и огляделся.

Ниял погиб, разнесся на куски не менее дюжины своих противников. Одноглазый старик Горм с дьявольским мастерством орудовал своим боевым топором. Но исход битвы был уже предreshен.

— Всех не убивать! — пронесся над полем боя ледяной голос. — Кого можете, берите в плен.

Вглядываясь в темноту, Конан пытался найти хозяина этого страшного голоса. Вдруг его взгляд наткнулся на королеву Вамматар, сидевшую верхом на черном жеребце. Конан понял, что это ее команды слушают и выполняют с нечеловеческим усердием ожившие мертвецы.

Неожиданно в поле зрения киммерийца попала еще одна женская фигура. Ранн! Видевшая, как погиб ее отец, как рухнул, не выдержав натиска, Горм, она сжала в руках поднятый с земли меч и приготовилась умереть, сражаясь. Слезы текли по ее щекам, но в самих глазах не было страха. Вдруг в голове Конана, словно подарок Крома, промелькнула мысль. Сражение проиграно. Те, кто останется в живых, попадут в рабство к гиперборейцам. Это так же очевидно, как то, что за ночью последует день. Но все же есть шанс спасти хоть кого-то, дать надежду хотя бы одному человеку.

Конан подскочил к Ранн и, подхватив ее, перекинул через плечо. Затем, прорубая себе путь мечом и пинками, он потащил ее туда, где у подножия холма ждала окончания боя одетая в белое королева.

В темноте Вамматар, поглощенная зрелищем боя, не заметила приближающегося Конана. Ее интуиция молчала до того мгновения, когда железные пальцы киммерийца не сомкнулись на ее руке. Один рывок — и королева полетела прочь из седла, в болотную жижу в нескольких шагах от своего скакуна. В этот же миг Конан легко забросил протестующую Ранн в освободившееся седло.

Прежде чем он успел запрыгнуть на круп коня, у него на руках повисли сразу два мертвеца, повиновавшиеся

отчаянным воплям-приказам королевы, доносившимся из болота.

Последним усилием киммериец сумел поднять меч и сильно уколоть острием черного скакуна.

— Скачи, девочка, скачи! — кричал Конан. — Домой, в Асгард!

Конь, напуганный боем, не выдержал еще и укола в бок. Он всхрапнул и понесся по снежной равнине прочь от битвы живых с мертвыми. Прижимаясь заплаканной щекой к шее животного, Ранн с развевающимися на ветру волосами с каждым мгновением уносилась дальше и дальше от опасности.

Когда жеребец, огибая холм, повернулся боком к полю боя, Ранн успела заметить, как над храбрым юношей, дважды спасшим ей жизнь, сомкнулись костлявые руки оживших мертвецов. Королева Вамматар, выбравшись из болота, стояла в лунном свете, все так же улыбаясь своей дьявольской улыбкой. В следующий миг склон холма и клубы тумана скрыли от плачущей девушки картину бойни.

По заснеженной равнине, с трудом передвигая ноги, брели два десятка выживших воинов-асиров. Их руки были связаны за спиной ремнями из сыромятной кожи. Пленных окружили и конвоировали оживленные мертвецы — те, кто не был разрублен на части в жестоком сражении. Во главе колонны шли два человека: Конан и королева Вамматар.

С каждым шагом королева, чье лицо было искажено яростью, хлестала Конана хлыстом. Множество красных полос перекрещивались на его лице и теле. Но киммериец шел, распрямив плечи и высоко подняв голову. Не только боль пронзала все его тело. Не менее страшно было вспоминать о том, что еще ни один беглый раб не возвращался из этой проклятой страны. Конану ничего не стоило убить сброшенную с коня злодейку королеву, но законы его страны запрещали воину поднимать оружие против женщины. Юноша не смог переступить те правила, которые впитал еще с молоком матери.

Когда небо на востоке чуть просветлело, Ранн, дочь Ниала, добралась до границы Асгарда. У нее на сердце

было очень тяжело, но вдруг в памяти всплыли последние строки древней воинской песни, спетые старым Гормом в ночном бою.

Прольется кровь на камни,
И грудь пронзит клинок,
Но мести вскинут знамя
Все те, кто выжить смог.
Вперед, северяне!

Пусть пытка вспыхнет болью,
Ударит рабства плеть —
Сердце свободных волю
Врагу не одолеть.
Вперед, северяне!

Слова песни храбрых воинов распрямили ее спину, высушили слезы, заставили вспомнить о том, чья она дочь. Расправив плечи, распустив по плечам длинные золотые волосы, Ранн в первых лучах восходящего солнца властно взялась за поводья и направила жеребца к дому.

НАРОД ВЕРШИН

Невысокий, жилистый туранец, несшийся во весь опор на своем скакуне, резко дернул поводья и остановился, повинаясь жесту командира — настоящего великана с яркими голубыми глазами. Оба всадника были одеты одинаково — в изрядно пропыленные и влажные от пота красные рубахи и белые шаровары. Такой была форма в отрядах пограничной кавалерии Турана, дополнявшаяся шлемом в виде закрученного тюрбана. На широком рукаве голубоглазого всадника была вышита золотой нитью кривая сабля — знак сержантского звания.

Рядовой пограничник удивленно посмотрел на своего командира:

— Останавливаться сейчас — это безумие.

Сержант разматал полотнище тюрбана, закрывавшее почти все его лицо, чтобы уберечь рот и нос от дорожной пыли и палящего солнца, и, вздохнув, сказал:

— Лошадям нужно отдохнуть.

Морды скакунов, покрытые пеной, и бока, ходившие ходуном, подтверждали правоту этого решения. Однако туранец продолжал протестовать:

— Слушай, Конан, а что, если эти чертовы козгары все еще гонятся за нами?

Его рука беспокойно нащупала рукоятку кривой сабли, висевшей в ножнах на левом боку, затем пробежала по притороченному к седлу копыю. Пошевелив плечами, туранец удовлетворенно ощутил за спиной тяжесть большого лука и полного колчана стрел.

— Проклятый идиот этот посол! — зло выпалил ким-мериец. — Джамаль, ты свидетель: я его сто раз предупреждал, что козгарам нельзя доверять! А у него в голове — одни торговые договоры да караванные пути. Он даже не слушал меня. А теперь эта дурная башка украшает алтарь

жрецов племени вместе с головами семи ребят из нашей роты. Провалился он в преисподнюю, да и лейтенант вместе с ним! Зачем он потащился на переговоры в самую деревню?

— Брось ты, Конан. Что мог поделать лейтенант. Ему было приказано охранять и защищать посла, подчиняясь ему во всем. Посмей он ослушаться приказа — и капитан на глазах у всего полка сорвал бы с лейтенанта офицерскую эмблему и разжаловал бы его в солдаты. Ты что, капитана не знаешь?

— Лучше уж в солдаты, чем без башки, — нахмурившись, буркнул Конан. — Да, нам-то с тобой очень повезло. Знать бы еще, что эти дьяволы прекратили погоню... Тихо! — Сержант поднял руку в предупредительном жесте. — Слышал? Это еще что за шум?

Конан привстал в стременах и, обхватив рукоять сабли рукой, внимательно осматривал окружающие их изрезанные склоны ущелья. Джамаль снял со спины лук и вынул из колчана стрелу.

Через несколько мгновений Конан неожиданно прыгнул с коня и, словно атакующий бык, бросился к ближайшим скалам. Мгновенно преодолев ровное пространство, он с ловкостью обезьяны стал карабкаться вверх по камням.

Легкость, с какой он двигался по склону, несомненно была следствием многолетней привычки. Он мгновенно добрался до гребня скалы и, высунув голову, был вынужден резко отпрянуть в сторону, чтобы избежать удара дубинкой, опустившейся на то самое место, где только что появилась его голова. Прежде чем дубинка успела вновь подняться и с силой опуститься на него, Конан успел подтянуться, перекатиться на бок, вскочить и схватить противника за руки.

Лишь тогда он разглядел свою добычу: в его стальных руках оказалась девушка — грязная и растрепанная, но с фигурой, достойной внимания лучшего скульптора королевского двора. Красота ее лица проглядывала даже через слой пыли и недовольные гримасы, с которыми пленница пыталась высвободить руки.

Конан крикнул Джамалю:

— Тут за нами, оказывается, следят. — Затем, обернувшись к девушке, он спросил: — Ты из какого племени?

Перестав вырываться, пленница гневно взглянула на киммерийца изумрудными глазами и с достоинством ответила:

— Я — Шания, дочь Шафа Караза, вождя козгаров, властелина этих гор! Он тебя насадит на копье и изжарит на костре перед всем племенем за то, что ты посмел поднять на меня руку!

— Интересно, почему это дочь вождя шляется по горам одна, без охраны?

— Никто не посмеет прикоснуться ко мне. Когда я выхожу на охоту, другие охотники стараются обходить эти места стороной, чтобы не помешать мне и не вызвать гнев отца. Слушай, ты, туранский пес! Отпусти меня немедленно!

Она вновь попыталась сбросить железные тиски со своих рук, но безуспешно.

— Отпущу, красotka, только не сейчас. Ты послужишь нам отличным пропуском для безопасного возвращения в Самарру. Поедешь со мной на лошади, и лучше сиди смирно, а не то — остаток пути сделаешь связанной и с кляпом во рту.

— Скотина! — крикнула она, но, увидев в глазах незнакомца решимость в точности выполнить обещанное, сказала: — Ладно, я выполняю то, что ты требуешь. Но мой тебе совет: не вздумай когда-нибудь еще оказаться на земле козгаров!

— Каких-то два часа назад твои соплеменники окружили нас. Да только ваши лучники и в здоровенный валун не попадут. Один Джамаль запросто уложит дюжину таких стрелков раньше, чем они подберутся к нам. Ладно, хватит об этом. Нам нужно возвращаться домой, да побыстрее. Напоминаю: сидеть тихо, и не вздумай без спросу открыть рот. Кляп вставить — секундное дело.

Губы девушки скривились, она едва удержалась, чтобы не вылить на своего похитителя гневные проклятия.

— Как поедem? — поинтересовался Джамаль.

— Назад возвращаться не стоит. Не по душе мне прикрываться заложницей. Лучше отпустим ее, как только доберемся до безопасного места. А сейчас поедem на юг, к дороге на Тарму, потом через Туманные Горы по перевалу Бханбар. Так мы через два дня уже будем в Самарре.

Девушка неожиданно обернулась, глядя на Конана округлившимися от страха глазами:

— Идиот! Тебе что, жить надоело? Только самоубийца может сунуться в Туманные Горы. Это территория Народа Вершин, оттуда еще никто не возвращался. А сам Народ Вершин лишь однажды спустился со своих гор во времена вашего короля Ангарзеба, который послал в Туманные Горы отряд, чтобы восстановить контроль над погребениями древних туранцев в горах. Народ Вершин наголову разбил тогда всю туранскую армию при помощи колдовских чар и неведомых чудовищ. Это земля ужаса и смерти. Не вздумай ехать туда!

Выслушав все это, Конан спокойно ответил:

— Ох уж мне эти сказки про демонов и чудовищ. Болтовня. Зато это кратчайший путь. Будем надеяться, что твой родственнички, если они так боятся этих мест, не сунутся за нами. А мне неохота на гауптвахте сидеть за опоздание. Чем быстрее доберемся до своих, тем лучше.

Киммериец направил своего коня дальше — вверх по ущелью. Единственным звуком, нарушавшим мертвую тишину вокруг, был цокот копыт двух коней.

— Проклятый туман! Он гуще, чем кобылье молоко! — воскликнул Джамаль.

Действительно, путники видели тропу лишь на два шага вперед. Лошади шли бок о бок, часто останавливаясь, продвигаясь вперед осторожными шагами. Время от времени в разрывах тумана вырисовывались отвесные склоны обрывов и огромные черные скалы.

Зрение, слух и обоняние Конана были напряжены до предела. В одной руке у него поблескивала обнаженная сабля, другой он крепко держал пленницу. Напрягая взгляд, киммериец старался воспользоваться любым разрывом в пелене тумана, чтобы рассмотреть дорогу хотя бы на лишний шаг вперед.

Неожиданно крик Шании заставил их остановиться. Девушка откинулась назад, прижимаясь к груди Конана и показывая рукой куда-то в сторону.

— Там что-то шевелится! Я видела только что! Это не человек!

Конан внимательно всмотрелся в туманную мглу, но, ничего не увидев, пожал плечами и с чуть преувеличенным спокойствием в голосе сказал:

— Чего может бояться храбрая дочь вождя козгаров?

Но, проехав еще несколько шагов, киммериец и его спутники вздрогнули при виде представшего их глазам зрелища.

Чуть покачиваясь в воздухе, на двух местах висел человеческий скелет. Побелевшие кости были связаны между собой обрывками веревок и кожаных ремней. Череп лежал на земле, зияя пустыми глазницами и огромной, как от удара топором, дырой на макушке.

В этот миг тишину разорвал какой-то непередаваемый звук: сначала он напоминал демонический смех, переходящий в гневное рычание и заканчивающийся жалобным воем. Девушка задрожала и, повернувшись к Конану, заметила:

— Это демоны, демоны Вершин. Они жаждут нашей плоти и крови. Солнце еще не успеет зайти, а наши кости уже будут разбросаны по камням. О боги! Нет, я не хочу умирать!

Конан и сам почувствовал, как его волосы встали дыбом. По коже пробежали мурашки... Но, отогнав страх, киммериец спокойно сказал:

— Раз мы уже здесь, нам нужно двигаться дальше. Пусть этот голосистый шутник подойдет поближе, посмотрим, как он тогда запоеет.

Конь киммерийца сделал несколько шагов, но раздавшийся вдруг сзади грохот заставил Конана оглянуться. В этот момент он почувствовал, как петля аркана упала на плечи Шании и стащила вскрикнувшую пленницу с седла. Девушка моментально скрылась в тумане, оборвался и ее крик. Конь Конана резко взбрыкнул, сбросив с себя растерявшегося всадника, и цокот его копыт тоже затих в туманной мгле.

Вскочив на ноги, киммериец увидел, что Джамаль и его конь похоронены под огромным камнем, сорвавшимся или сброшенным с обрыва. Из-под камня торчала лишь рука туранца, сжимающая лук и колчан. Сейчас не время оплакивать погибшего друга, решил Конан. Молниеносным движением перекинув через плечо лук и приладив к ремню

колчан, киммериец вновь напряженно застыл, сжимая в руке саблю.

Острый слух и первобытный инстинкт спасли его от петли аркана. Отскочив в сторону, Конан перехватил веревку свободной рукой и издал хриплый крик человека, на шею которого захлестнулась петля. Подчиняясь неведомой силе, он потащился по земле, держась за веревку.

Сильные руки вцепились в Конана, когда наконец его подтащили к скалам. Киммериец так и не разобрался, как выглядят его похитители, казавшиеся в тумане бесплотными тенями. Резким движением он сбросил с себя чужие руки и вонзил саблю в ближайшую тень. Крик боли и знакомое легкое сопротивление клинку подсказали киммерийцу, что удар пришелся во что-то живое. Тени угрожающе приближались к Конану.

Никогда ему еще не приходилось вести бой с таким неуловимым, почти невидимым противником. Тени то появлялись, нанося удары, то исчезали в пелене тумана. Их клинки сверкали с разных сторон, словно жала гигантских змей. Но вскоре Конан понял, что его противники — никудышные фехтовальщики. Приободрившись, он даже начал издеваться над молчаливыми тенями.

— Эй вы, шакалы из тумана! Сначала научитесь меч в руках держать, а уж потом к людям приставайте. Нет, вам крупно повезло со мной. Так и быть, научу вас, как нужно саблями орудовать. Вот смотрите! Режущий удар снизу — раз! Скользящий по руке — два! Прямой укол в голову — вот так! Боковой под ребра — смотрите!

Одна за другой стонущие тени падали на каменистую землю и вскоре затихали навсегда. Конан орудовал саблями хладнокровно и убийственно четко. Вот и еще один противник рухнул на камни с распоротым горлом. Оставшиеся в живых застыли в нерешительности, а затем обратились в бегство, растаяв в тумане.

Конан вытер рукавом пот со лба и наклонился над одним из упавших противников. В следующее мгновение киммериец издал возглас удивления: лежавшее тело принадлежало не человеку. Узкий лоб, близко посаженные глаза, плоский, с широкими ноздрями нос, выдающаяся вперед челюсть — сомнений не было, перед ним лежала огромная обезьяна. Правда, это животное не было похоже на тех,

что Конан встречал в джунглях на побережье моря Вилайет. На теле этой обезьяны с головы до пят не было ни единого волоса. Толстая веревка кольцом обвивала живот зверя. Никакой одежды на его теле не было.

Конан был поражен. Обезьяны, даже специально дрессированные в цирке, не умеют пользоваться оружием и тем более изготавливать его. А меч, поднятый киммерийцем с земли, был выкован из лучшей туранской стали и заточен, как бритва.

Раздув ноздри, Конан аккуратно втянул носом воздух. От мертвой обезьяны исходил специфический мускусный запах. Принюхавшись, Конан запомнил его и теперь мог без труда преследовать в тумане скрывшихся обезьян.

— Надо спасать эту дуру, — пробурчал он себе под нос. — Она, конечно, дочь вражеского вождя, но оставлять девочку в лапах лысых обезьян — не дело.

Словно охотящийся леопард, он двинулся по следу.

Пелена тумана стала чуть менее плотной, а запах от обезьян показывал, что они метались из стороны в сторону, в панике уходя от свирепого преследователя. Конан зло-радно улыбнулся. Лучше быть охотником, чем загоняемой или выслеживаемой дичью.

Время от времени ему на глаза попадались проступающие сквозь туман невысокие пирамиды из крупных камней размером с человеческую голову. Конан знал, что это могилы вождей древних туранских племен. Время тронуло эти каменные сооружения. Киммериец почтительно обходил пирамиды, не только опасаясь засады, но и из уважения к древним могилам.

Ближе к вершине туман почти рассеялся. Неожиданно за очередной пирамидой Конан увидел, что дальше тропа идет по узкому гребню, обрывающемуся почти отвесно в обе стороны в глубокую пропасть. А впереди, в конце тропы, возвышалась на фоне дальних склонов огромная башня из цветного, драконового камня. Спрятавшись за погребальным холмиком, Конан решил понаблюдать за местом, где, скорее всего, спрятались его противники. Но очень долго ничто не тревожило безмолвный покой одинокой башни.

Очнувшись, Шания долго не могла прийти в себя от пережитого. Она обнаружила, что лежит на мягком ложе, покрытом грубой черной тканью. Она не была связана, но чьи-то руки сорвали с нее и куда-то подевали всю одежду. Вскочив на ноги, девушка оглянулась и вздрогнула.

В резном деревянном кресле рядом с ее ложем сидел человек. Таких людей Шания никогда раньше не видела. Его лицо было словно вылеплено из смеси воска и меха, глаза были абсолютно черными — без белка вокруг огромных зрачков. Человек был лыс, он сидел, спрятав руки в рукава какой-то черной хламиды, накинутой на плечи.

— Вот уже много-много лет не появлялась молодая, красивая женщина в башне Шангара, — сказал незнакомец с сильным свистящим акцентом. — Вот уже двести лет не было свежей крови у Народа Вершин — наследника древней могущественной расы. Ты будешь отличной матерью для моих детей и детей моего сына.

Шания передернулась. В глазах гордой девушки сверкал огонь гнева и презрения.

— Да чтобы дочь вождя в сотом поколении связалась с таким мерзким ублюдком! Я скорее брошусь с ближайшего обрыва, чем останусь у тебя в доме. Отпусти меня немедленно, или эти стены рухнут под градом козгарских копий!

Насмешливая улыбка показалась на губах ее собеседника.

— Глупая, самоуверенная девочка! Ни одно копые не проникнет сквозь туманы Бхамбара. Ни один смертный не проникнет сюда. Приди в себя, детка. Если будешь упрямиться, то тебе не удастся уйти от судьбы, всего лишь бросившись в пропасть. Твое прекрасное, полное жизни тело будет отдано на растерзание тому, кто с незапамятных времен жил в этих заповедных горах, а теперь превращен в верного слугу Народа Вершин.

Это Он помог нам разбить вторгшегося в наши владения короля Турана. Тогда, столетия назад, нас было еще много, а теперь всего дюжина человек осталась от некогда могучего народа. Мы спрятались здесь, скрывшись в тумане, под защитой наших обезьян. Нам по-прежнему нечего бояться врагов, ибо Он жив и готов сражаться за нас. Можешь взглянуть на Него и выбрать свою судьбу.

Старик хлопнул в ладони, и в комнату вошли еще два человека. Повинуясь его жесту, они подошли к одной из стен и взялись за вделанные в каменные плиты большие ручки. Тяжелые створки сдвинулись с места, открыв взору помещение, заполненное густым туманом, хлынувшим к ногам Шании и ее собеседника. Когда мгла чуть рассеялась, глазам пленницы предстала неподвижная тень. Присмотревшись к темному силуэту, девушка вскрикнула и потеряла сознание.

Тяжелые каменные двери вновь плотно закрылись.

Конан сгорал от нетерпения. Он уже долгое время сидел, спрятавшись за каменной пирамидой, но ни единого звука не доносилось до его ушей, ничто не шевелилось на башне. Если бы не доносящийся оттуда мускусный запах обезьян, можно было подумать, что башня покинута. Конан нетерпеливо поглаживал рукой то рукоятку сабли, то снятый с плеча лук.

Наконец кто-то показался на вершине башни и остановился, оглядывая окружающие склоны. Судя по одежде и движениям, это был человек. Губы Конана сжались в жесткой улыбке.

Одним движением он выдернул из колчана стрелу, приладил ее, натянул тетиву и выстрелил. Стрела вонзилась человеку в грудь; он покачнулся, сделал шаг вперед и рухнул со стены вниз, в бездонную пропасть.

Достав вторую стрелу, Конан приготовился к продолжению. И точно, на этот раз ждать пришлось недолго. У подножия башни отворилась тяжелая дверь, из-за которой выскочила и побежала по узкой тропе целая стая лысых обезьян. Одну за другой посылал Конан стрелы, каждым выстрелом сбрасывая с обрыва одного из противников.

Когда колчан опустел, на тропе, преграждая проход к башне, осталось лишь две человекоподобные фигуры. Бросившись вперед, Конан легко увернулся от неумелого удара мечом одной из обезьян, а в следующий миг сам вонзил свою саблю глубоко в тело противника. Вторая обезьяна двигалась порезвее. Киммериец едва успел выдернуть из трупа окровавленную саблю, чтобы отразить сильнейший удар, направленный ему в голову. При этом он не успел

удобно встать и, потеряв равновесие, был вынужден упасть на колени, чтобы не свалиться в пропасть. Почувствовав близкую победу, обезьяна подскочила к человеку, намереваясь столкнуть его с обрыва.

Молниеносное движение сабли застало обезьяну врасплох. Взвыв от боли, она не рассчитала прыжка, споткнулась о Конана и, перевалившись через него, рухнула вниз, в бездонную пропасть.

Избавившись от противников, Конан быстро подбежал по неохраямой тропе к открытому входу в башню. Вдруг что-то свистнуло в воздухе рядом с его головой. Реакция не подвела киммерийца: нырнув в сторону, он вонзил клинок в одетого в черное человека, стоявшего на страже за дверью. Раздался слабый стон, за которым последовал звон упавшего на пол оружия.

Конан наклонился над лежащим человеком. Это был высокий, очень худой мужчина, смотревший в потолок остановившимися навеки черными глазами. Его лицо было скрыто под маской из какого-то непонятного полупрозрачного материала. Конан снял маску и внимательно рассмотрел ее.

Никогда раньше он не видел ничего похожего. Повертев маску в руках, Конан засунул ее себе за пояс и вошел в башню.

Он медленно шел по спирали уходящему вверх коридору. Камни стен были влажными на ощупь, влага висела в самом воздухе, концентрируясь в маленьких капельках на руках и лице киммерийца. Коридор неожиданно вывел Конана в большой зал, в котором расположилась престранная, на его взгляд, компания: десять человек, одетых во все черное, среди которых были две женщины, стояли вдоль стен неподвижно, как нарисованные привидения, сжимая в руках длинные отточенные ножи.

В центре зала находилось нечто вроде каменного алтаря, на котором неподвижно лежала обнаженная девушка. Присмотревшись, Конан узнал в ней Шанию. Лишь легкое движение груди говорило о том, что она еще жива. Дочь вождя козгаров либо была без сознания, либо крепко спала под воздействием каких-то снадобий.

Конан непроизвольно крепче сжал рукоятку своей сабли, когда увидел полные нескрываемой ненависти черные глаза обернувшихся к нему людей.

Первым нарушил тишину высокий лысый человек, стоявший напротив входа в зал:

— Что привело тебя сюда? Кто ты? Хотя на тебе одежда туранского воина, ты не похож на уроженца этой страны. Ты не гирканиец и не житель гор. Откуда ты пришел?

— Я Конан из Киммерии. Эта девушка — моя заложница, и я пришел, чтобы забрать ее и ехать дальше, куда мне нужно.

— Ким-ме-ри-я. Язык ломаешь. Что-то я о такой стране не слыхал. Ты, часом, не шутишь?

— Если бы ты когда-нибудь бывал на севере, ты бы знал, кто такие киммерийцы. И уж за шутников нас никто не держит. Будь со мной половина моего племени, я покорил бы весь огромный Туран и правил в нем.

— Врешь, — прошипел старик. — Страна Северных Ветров — это край света. За нею нет ничего — только бескрайние снежные пустыни, в небе над которыми даже не горят звезды. Девчонка — наша по праву победителя. Она даст нашей расе новую силу, вынашивая в своем чреве здоровых, сильных детей. А ты, дерзко вторгшийся в обитель Народа Вершин, будешь отдан на съедение Ему, нашему древнему защитнику.

— Если мне суждено погибнуть здесь, ты отправишься в преисподнюю раньше меня, — отчеканил Конан, поднимая саблю.

Его собеседник резко ударил в серебряный гонг, висевший рядом с ним. Звон эхом отразился от стен. По сигналу двое из десяти людей, стоявших в зале, подбежали к каменной двери и приоткрыли тяжелые створки. Из образовавшейся щели потянулся густой, почти непрозрачный туман. Уже почти ничего не видя, Конан заметил, что все черные фигуры закрыли свои лица какими-то масками.

Киммериец тоже выхватил из-за пояса прозрачную маску, снятую с поверженного противника, и спешно приложил ее к лицу. К его удивлению, материал, из которого она была сделана, плотно обхватил кожу, повторяя до мельчайших подробностей форму лица Конана. Но самое главное для него было не в этом. Оказалось, что для человека под маской становился прозрачным этот проклятый туман, под покровом плотной завесы которого двое из десяти противников уже подошли к Конану вплотную, занеся для

удара ножи. Их намерения не вызвали сомнений, и Конан, учитывая численное соотношение, первым нанес удар.

То, что произошло потом, можно описать одним словом — бойня. Наследники некогда сильной, но выродившейся расы были бессильны против юного, жаждущего мести за погибшего друга и похищенную девушку киммерийца. Одна за другой падали на каменный пол черные фигуры, роняя свои ножи. Сначала Конан, следуя неписаным законам своей страны, всячески избегал столкновения с обеими женщинами, но, поняв, что ему не удастся отделаться от них миром, ответил ударом на удар.

Наконец он оказался в зале один, не считая десяти поверженных и все еще лежащей без сознания девушки. Киммериец, опираясь на саблю и тяжело дыша, удовлетворенно осмотрел место боя. Вдруг один из лежащих на полу, собрав остатки сил, протянул к нему руку и сказал, с трудом разжимая зубы от боли:

— Мерзкий варвар, ты уничтожил нашу расу, но и сам ты умрешь мучительной смертью. Наш древний защитник сдерет мясо с твоих поганных костей и высосет из них мозг. Дай же мне сил, древний защитник...

Конан остоленел: невероятным усилием тяжелораненый старик поднялся на колени и почти ползком преодолел два шага, отделявшие его от каменной двери. Дотянувшись до ручки, он всем весом потянул ее на себя. Тяжелая плита с грохотом откатилась в сторону.

Волосы Конана встали дыбом при виде показавшегося в облаках тумана существа. Оно было похоже на гигантского паука. Множество ног окружало огромное яйцевидное тело. Почти осязаемый поток злости лился из ворочающихся глаз и мощных подрагивающих челюстей. Это было порождение древних эпох, тех времен, когда человек еще не ходил по земле.

Преодолев инстинктивный ужас, Конан бросился вперед и схватил на руки бесчувственное тело девушки. Положив ее на плечи, он, не дожидаясь, когда чудовище окончательно проснется и откроет дверь пошире, бросился вниз по винтовому коридору, выскочил из башни и побежал, стараясь не потерять равновесие, по узкой тропе.

Добравшись до ее конца, киммериец обернулся. Чудовище, быстро передвигая всеми десятью лапами, уже

достигло середины тропы. Положив Шанию на землю рядом с одной из погребальных пирамид, Конан пригнулся к бою.

Отскочив в сторону от бросившегося на него чудовища, Конан изо всех сил рубанул саблей по одной из ног гигантского паука. Тот на мгновение отскочил, и Конан воспользовался моментом, чтобы нанести удар по яйцевидному туловищу. Бесплезно — клинок не смог проломить роговую броню, а чудовище приготовилось к новой атаке.

Конан в отчаянии огляделся в поисках выхода. Вдруг его взгляд упал на погребальную пирамиду. Подбежав к ней, киммериец схватил обеими руками один из круглых булыжников и, подняв его над головой, с размаху запустил в уже почти подобравшееся к нему создание.

Древние заклятия, наложенные туранскими жрецами на могилы своих вождей, видимо, не потеряли силу. Получив удар в голову, чудовище издало душераздирающий вопль и забилось в каком-то диком припадке, дергая одновременно всеми десятью лапами.

Конан, не дожидаясь, чем кончится дело, выхватил из основания пирамиды второй камень и отшвырнул его в сторону, потом еще один и еще... Лишившаяся части опоры пирамида обрушилась, засыпав градом камней многолапое чудовище и утащив его вместе с большинством булыжников в пропасть.

Конан вытер ладонью пот со лба и перевел дух. За его спиной послышалось какое-то шевеление. Обернувшись, он увидел, что Шания пришла в себя и удивленно оглядывается.

— Где я? Где этот злодей с меловым лицом? Он... — она вздрогнула, — он хотел скормить меня...

Голос Конана приободрил ее:

— Я хорошенько почистил это змеиное гнездо. А чудовище отправилось в пропасть, из которой его, видно, и вызвали эти колдуны. Тебе повезло, что я вовремя добрался сюда, чтобы спасти твою симпатичную шкурку.

Шания зло посмотрела на него:

— Я бы и сама смогла справиться с ними, потянув время. А отец бы сумел освободить меня без твоей помощи.

Конан ответил:

— Даже если бы он нашел дорогу сюда и сумел избежать ловушек этих лысых обезьян, чудовище устроило бы себе добротный завтрак из козгарских воинов. Лишь по чистой случайности я обнаружил оружие, способное убить этого таракана-переростка. Ладно, надо выбираться отсюда. Мне нужно как можно быстрее добраться до Самарры. И заложница мне по-прежнему необходима. Так что пошли!

Шания пристально посмотрела на красивого варвара, чей силуэт четко вырисовывался на фоне темно-синего неба. Конан протянул ей руку, помогая встать. Взгляд девушки смягчился. На мгновение она опустила глаза и тут же покраснела, вспомнив о своей наготе. Но, взяв себя в руки, она гордо вскинула голову, пожала голыми плечами и сказала:

— Я пойду с тобой, Конан, но не как заложница, а как проводник в незнакомой тебе стране. Ты спас мне жизнь и в награду получишь безопасный путь до границы страны козгаров.

В ее голосе послышались теплые, до сих пор не слышанные Конаном нотки. Чуть помолчав, девушка с легкой улыбкой добавила:

— По дороге ты мне расскажешь о северных странах. Это, наверное, так интересно...

Опираясь на протянутую руку, она легко встала на ноги. Заходящее солнце заиграло розовыми отблесками на ее красивом теле.

Конан внимательно осмотрел ее, а затем одобрительно кивнул:

— Кости Крома! Я думаю, несколько дней задержки в пути с тобой стоят недели на гауптвахте!

ТЕНИ ВО ТЬМЕ

На улице Чародеев в шемитском городе Эрук практикующие предсказатели в обычный час закрывали свои заведения. Ясновидцы заворачивали в шерстяные платки свои хрустальные шары; гадалщики по огню гасили волшебные светильники, в пламени которых они черпали свои видения-предсказания; колдуны, шевеля губами, стирали белыми тряпками начертанные на плитах пола пентаграммы.

Астролог Разес как раз собирался закрыть дверь в свою лавку, когда на пороге появился одетый в кафтан эрукиец с тюрбаном на голове.

— Не закрывай, друг Разес, — сказал он, — король прислал меня к тебе, чтобы последний раз выслушать твои предсказания перед тем, как ты уедешь из нашего города в Хорайю.

Разес, высокий, полный человек, недовольно пробормотал что-то неразборчивое, но сумел спрятать свои чувства за любезной улыбкой.

— Входи, входи, дорогой Датхан. Что же хочет от меня король в столь поздний час?

— Он хочет узнать, что говорят звезды о судьбах соседних королевств и их властителей.

— Ты принес положенную плату? Серебром? — заинтересовался астролог.

— Разумеется, почтенный маг. Король считает твои предсказания весьма точными и очень сожалеет о твоём отъезде.

— Если Его Величество так расположено ко мне, то почему бы ему не сделать так, чтобы мои эрукийские собратья по ремеслу перестали завидовать мне, чужеземцу, и всячески мешать работать? Ну да что теперь об этом. На рассвете я уезжаю в Хорайю.

— И ничто не изменит твоего решения?

— Ничто. Там меня ждет куда большая награда, чем то, что может предложить мне ваш город-государство.

Датхан нахмурился:

— Жаль. Кстати, путешественники утверждают, что Хорайя тоже изрядно обеднела из-за войны с Натохком, чтоб ему пусто было.

Разес, не обращая внимания на последние слова своего посетителя, сказал:

— Ну, посмотрим, что говорят звезды. Прошу тебя, садись.

Датхан сел на стул. Разес поставил перед ним на стол какую-то сложную штуковину — ящик не ящик, со множеством зубчатых медных колесиков внутри и несколькими кругами с цифрами и символами звезд снаружи.

Астролог установил круги в нужное ему положение, а затем несколько раз повернул серебряный рычажок, торчащий из боковой поверхности диковинной машинки. Колесики повернулись, в окошечках появились новые символы и цифры. Разес внимательно посмотрел на них, молча пошевелил губами, глядя куда-то в потолок, и наконец объявил:

— Я вижу разительные перемены. Звезда Митры скоро войдет в соединение с восходящей звездой Нергала. Похоже, перемены начнутся в Хорайе.

Я вижу трех человек, все они — царствуют либо в прошлом, либо в настоящем, либо в будущем. Одна из них — красивая женщина, пойманная в сеть, вроде паутины. Другой — молодой человек высокого рода — окружен каменной стеной. Третий — человек невероятной силы, старше второго, но тоже молодой. Помимо силы ему присущи недюжинная отвага и доблесть. Женщина зовет его к себе в сеть, которую он безжалостно уничтожает. А в это время самый юный из них тщетно пытается голыми руками пробить окружающую его стену.

Странные тени появляются в моих видениях. Ведьмы, летающие на облаках в свете луны, призраки утопленников поднимаются из зловонных болот, Великий Червь продирается сквозь землю, разыскивая могилы королей.

Разес тряхнул головой, стряхивая оцепенение.

— Можешь передать своему повелителю, что в Хорайе грядут большие перемены, так же как и в стране Коф.

А теперь — прошу извинить меня. Я должен приготовиться к долгой дороге. Прощай, и пусть звезды будут благосклонны к тебе.

По залам королевского дворца Хорайи, по гладким мраморным плитам пола, под резными сводами лазуритовых потолков шел Конан-киммериец. Грохоча сапогами и звеня шпорами, он вошел в личные покои Ясмелы — принцессы-регентши королевства Хорайя.

— Ватесса! — крикнул он. — Где твоя госпожа?

Темноглазая женщина появилась из-за портьеры.

— Генерал Конан, — сказала она, — принцесса Ясмела готовится к приему посланника из Шумира и не может сейчас дать вам аудиенцию.

— К дьяволу шумирских послов! Я не видел принцессу со дня новолуния, и она это прекрасно знает. Если у нее есть время принять какого-то вонючего конокрада из одного из этих бесчисленных государств-городишек, значит, она найдет время и для меня.

— Что-нибудь случилось в вашем войске?

— Нет, малышка. Почти все не желавшие служить под командованием генерала-варвара погибли под Шамлой. Сейчас до моего слуха доходят только обычные для мирного времени жалобы на скудную плату да медленное продвижение по службе. Но я пришел к тебе не с докладом! Мне нужно увидеть твою госпожу, и, клянусь Кромом, я...

— Ватесса! — слышался мягкий голос. — Пусть войдет. В конце концов, посланник действительно может немного подождать.

Конан прошествовал в комнату, где принцесса Ясмела восседала перед туалетным столиком в полном блеске всех королевских нарядов и атрибутов. Две служанки помогали ей: одна легкими движениями заканчивала красить ей губы, а вторая закрепляла на черных как ночь волосах сверкающую тиару.

Отослав служанок, принцесса встала и повернулась лицом к киммерийцу. Конан развел руки, готовясь обнять ее, но она сделала шаг назад, жестом остановив его.

— Не сейчас, любовь моя! — выдохнула она. — Ты испортишь мой парадный официальный наряд.

— Кром! Когда же я наконец смогу прижать тебя к себе? Кстати, безо всей этой мишуры ты мне нравишься куда больше.

— Конан, дорогой, я могу только повторить то, что уже говорила тебе. Как бы я тебя ни любила, я принадлежу и народу Хорайи. Мои враги, словно хищные птицы, поджидают любую мою ошибку, чтобы воспользоваться этим. То, что мы сделали тогда, в разрушенном храме, — глупость и безрассудство. Если я еще раз отдамся тебе и слух об этом поползет по городу, трон подо мной пошатнется. А представь себе, что начнется, если я буду ждать от тебя ребенка? И кроме того — я так устаю за день от государственных дел, что, поверь, к вечеру мне уже не до любви.

— Ну так пойдем к верховному жрецу вашей богини Иштар, пусть он объявит нас единой плотью.

Ясмела вздохнула и покачала головой:

— Это невозможно, любимый, пока я исполняю обязанности регента. Если бы мой брат был свободен, можно было бы попытаться как-то все уладить, хотя брак с чужеземцем нарушает наши обычаи.

— Ты думаешь, что если я смог бы освободить короля Коссуса из темницы Морантеса, то он возьмет на себя всю эту ерунду, которая занимает сейчас все твое время и не позволяет нам быть вместе.

Принцесса всплеснула руками:

— Ну конечно же, король вернулся бы к своим обязанностям. Позволил бы он нам вступить в брак, я не знаю, но думаю, что я смогла бы убедить его.

— Значит, королевство не может заплатить назначенный Морантесом выкуп?

— Увы. Перед войной с Натокком мы собрали сумму, устраивавшую тогда Морантеса. Но король Офира поднял цену, а наша казна изрядно опустела за время войны. Боюсь, что Морантес продаст моего брата королю Кофа. Эх, был бы у нас настоящий колдун, способный вытащить бедного Коссуса из темницы! А теперь мне пора идти, дорогой. Точность всегда была вежливостью королей. И я не хочу нарушать традиции нашего двора.

Ясмела позвонила в маленький серебряный колокольчик. Тотчас же в комнату вошли служанки, принявшие

наводить окончательный лоск на принцессу. Конан направился к дверям, но на пороге остановился, обернулся и сказал:

- Принцесса, ваши слова навели меня на одну мысль.
- На какую же, мой генерал?
- Я сообщу, когда у вас будет время выслушать меня

А пока — прощайте.

Таурус — канцлер Хорайи — убрал седую прядь со лба, иссеченного множеством морщин. Он пристально посмотрел на Конана, сидевшего напротив него в служебном кабинете. После некоторой паузы канцлер сказал:

— Ты спрашиваешь, что будет, если Коссус погибнет? Ну, тогда совет старейшин города и самые знатные граждане выберут его преемника. Поскольку прямых наследников у него нет, то, скорее всего, выбор падет на его сестру. Ясмелу очень любят и уважают в городе.

— А если она отклонит это почетное право?

— Корона перейдет к ближайшему родственнику — ее дяде Бардесу. Послушай меня, Конан. Если ты и подумывал о том, как будет смотреться корона на твоей голове, выкинь эту мысль. Мы, хорайцы, дорожим своими кланами и родами. Никто не потерпит в качестве правителя чужеземца. Пойми, я не хочу оскорбить тебя. Просто сообщаю все как есть...

Конан не стал выслушивать извинения Тауруса.

— Я уважаю твою честность. Но, скажи, что будет, если на троне окажется дурак и размазня?

— Лучше дурак, но выбранный всеми, чем двое умных, раздирающих страну на части. Но ты ведь пришел ко мне не для того, чтобы обсудить судьбу короны. Ты сказал, что у тебя есть ко мне какое-то предложение.

— Я тут вот что подумал... Если я тайно проберусь в Офир и освобожу Коссуса, ваше государство получит большую выгоду?

Как бы ни был умудрен опытом Таурус, он не смог скрыть своего изумления:

— Что? Услышать от тебя эти слова?! Невероятно! Несколько дней назад один астролог сделал такое предположение. Он сказал, что звезды предсказывают: Конан возь-

мется за это дело и доведет его до успешного конца. Не слишком доверяя всякому колдовству, я пропустил это предсказание мимо ушей. Но, услышав эти же слова вновь от тебя, я...

— Что это за предсказатель? — перебил его Конан.

— Разес, из Коринфии. Он недавно прибыл в наш город из Эрука.

— Я его не знаю, — сказал Конан. — Просто одна фраза принцессы навела меня на эту мысль.

Таурус внимательно посмотрел на воина-варвара. До ушей канцлера доходили слухи о взаимной симпатии Конана и Ясмелы, но опытный дворцовый чиновник считал за благо не обращать на это внимания. Мысль о союзе обожаемой принцессы и грубого варвара-наемника заставила его вздрогнуть. Но, стараясь действовать во благо государства, канцлер заставил себя по-иному взглянуть на это дело.

— Шансов спасти короля, как ты предлагаешь, почти никаких. Но если рискнуть и пойти на такую авантюру, то сделать это надо сейчас, или будет поздно. Так как мы не можем выплатить требуемую Морантесом сумму, боюсь, он отправит нашего короля Страбонусу — королю Кофа, который предлагает офицрам союзный договор. Как только Коссус попадет в лапы кофийца, тот начнет пытаться его, пока не заставит подписать отречение от трона в пользу Страбонуса, передав ему право управлять нашей страной. Мы, конечно, будем сражаться за нашу независимость. Но, думаю, печальный конец здесь неизбежен.

— Мы же победили армию Натохка, — сказал Конан.

— Да, благодаря тебе. Но у Страбонуса настоящая, большая, хорошо вооруженная и обученная армия, не то что сброд Натохка. Да и союзников у него много.

— А если я освобожу короля, какая награда мне будет положена?

Таурус рискнул улыбнуться и пошутить:

— Ты сразу добьешься своей цели. Надеюсь, я тебя правильно понимаю, а, генерал? Разве ты не рассчитываешь на большее внимание принцессы к твоей особе с того момента, когда король возьмет на себя бразды правления страной?

— А что, если и так? — угрожающим голосом спросил Конан.

— Только без обид. Ничего плохого лично я в этом не вижу. Скажи, тебе этого будет мало?

— Конечно мало. Чтобы завоевать уважение и признание вашей городской аристократии — мне понадобится состояние, а не мое офицерское жалованье. Я согласен на половину той суммы, которую первоначально назначил Морантес.

С кем-нибудь другим Таурус стал бы торговаться, но с Конаном дело обстояло не так. Этот непредсказуемый киммериец мог выкинуть что-нибудь эдакое: рассмеяться, взбеситься от гнева, разбушеваться, а то и просто уехать из Хорайи именно тогда, когда он тут больше всего нужен.

— Хорошо, — согласился Таурус, — по крайней мере, деньги останутся в королевстве. Я пошлю людей за этим Разесом, и вместе мы обсудим твою экспедицию.

Конан вошел в зал, где его ждали Ясмела, Таурус и незнакомый человек средних лет в одежде из тонкой ткани, на лице которого застыло сонное выражение. В свою очередь, за Конаном по пятам семенил маленький, грязный человечек, тощий как скелет, одетый в лохмотья.

— Приветствую тебя, принцесса, — поздоровался Конан, — доброго дня тебе, канцлер, и тебе, незнакомец, кем бы ты ни был.

Таурус прокашлялся.

— Генерал Конан, позвольте представить господина Разеса Лимнейского, выдающегося астролога. А кто этот господин, следующий за вами?

Конан проглотил смешок:

— Да будет вам известно, друзья мои, это никакой не господин, а просто Фронто — самый упрямый вор во всем вашем королевстве. Я нашел его сегодня ночью в одном заблеванном трактире в тот час, когда все честные люди давно спят.

Фронто низко поклонился, что не помогло Таурусу снять с лица гримасу отвращения.

— Вор? — переспросил канцлер. — Рад, что он пойман, но не понимаю, зачем он может понадобиться в нашем деле.

Конан спокойно ответил:

— Я и сам когда-то промышлял этим делом и кое-что смыслю в воровском ремесле. Но я так и не научился открывать замки — у меня для этого слишком грубые пальцы. А в нашем предприятии человек, умеющий вскрывать любой замок, может оказаться очень даже полезен. Лучшего специалиста по этой части, чем Фронто, вы не найдете. Я поговорил с другими ворами, посоветовался со знакомыми...

— У тебя очень интересный круг знакомств, — сухо заметил Таурус, — но как... как можно положиться на человека... человека такого круга?

Конан ухмыльнулся:

— У Фронто есть свои причины, чтобы помогать нам. Расскажи им, приятель.

Воришка заговорил с легким офирским акцентом:

— Уважаемые господа и многоуважаемая госпожа. Я должен свести старые счета с королем Офира Морантесом. Я хоть и не благородной крови, но имею представления о чести и праве на месть. Я — единственный сын Гермiona, в свои годы бывшего архитектором Офира.

Несколько лет назад, когда Морантес, тогда еще совсем юноша, воцарился на троне Офира, он решил выстроить новый дворец, больше прежнего. Архитектором стал мой отец. Король приказал, чтобы из дворца был выведен за пределы городской стены секретный подземный ход. Это на тот случай, если придется спасаться бегством во время бунта или осады города врагами. Когда строительство было закончено, Морантес приказал убить всех, кто строил туннель, чтобы никто не смог раскрыть эту тайну. Однако отца он убивать не стал. Сказав, что его он пожалел, король ограничился тем, что выколол ему глаза и вырвал язык.

Через месяц отец умер, однако перед смертью он сумел начертить передо мной схему тайного подземного хода. Так что я смогу провести вас прямо во дворец. А если учесть, что туннель выведет сразу в тюремный подвал, то у нас в руках оказывается козырной туз в деле спасения короля.

— И что же попросит уважаемый господин вор за свою услугу? — поинтересовался Таурус.

— Главное для меня — отомстить за отца. Но если Хорайя простит мои преступления и назначит небольшую

пенсию, наподобие той, что платят отставным солдатам, я не откажусь.

— Ты ее получишь, — объявил канцлер.

Конан бросил взгляд на астролога и спросил:

— А какова ваша роль в этом деле, господин Разес?

— Я предлагаю свои услуги в вашей экспедиции, генерал. — Показав Конану странную коробочку с медными колесиками и цифрами, он сказал: — С этой машиной, высчитывая положение звезд, я могу определить самое благоприятное время для каждого шага в вашем путешествии.

Разес покрутил рычажок и внимательно посмотрел на появившиеся символы.

— Отличное совпадение! — объявил он, чуть помедлив. — Лучшее время для отправления в ближайшие два месяца выпадает на завтрашнее утро. А кроме того, я, конечно, не колдун, но кое-какие полезные фокусы мне известны, что тоже может быть нелишним в опасном путешествии.

Конан нахмурился:

— Я немало лет прожил, обходясь без всей этой колдовской ерунды. Не вижу повода обращаться к ней за помощью именно сейчас.

Разес сделал вид, что не расслышал возражений киммерийца, и продолжал:

— И еще: я хорошо знаю язык кофитов и говорю на нем без акцента, а раз уж нам придется пересечь это государство на пути в Офир...

— К дьяволу все это! — оборвал его Конан. — Еще не хватало по дороге попасть в лапы к Страбонусу. Нет, Коф мы обойдем, проследовав через Шем и Аргос...

— Разес прав, — вставил Таурус, — сейчас самое важное — выиграть время, а твой маршрут намного длиннее.

Ясмела присоединилась к мнению канцлера; вдвоем они выбили из Конана неохотное согласие на более короткий маршрут и на участие коринфийца в предприятии. Затем канцлер продолжил:

— Вам понадобится охрана, прислуга для устройства ночного лагеря и...

— Нет! — рявкнул Конан, ударяя кулаком по столу зала для аудиенций. — Каждый лишний человек — это пара

глаз, которые смотрят, пара ушей, которые слушают, и лишний язык, готовый выболтать наши секреты. Я ночевал под открытым небом в разных странах и при любой погоде. Фронт тоже не избалован удобствами. Если господин астролог имеет что-то против, пусть остается в Хорайе.

Таурус покачал головой:

— Это неслыханно, генерал. Чтобы человек вашего звания путешествовал по стране даже без денщика, который чистил бы вам сапоги...

— Я всю жизнь обслуживал себя сам и не имею ничего против того, чтобы вновь пожить так же. В таком деле одинокий путник движется быстрее и безопаснее, чем компания.

Толстый астролог вздохнул.

— Ну что ж, я согласен. Только не требуйте от меня, чтобы я дрова рубил.

— Вот и договорились, — сказал Конан. — Канцлер, выдайте Фронт пропуск на выход из дворца, а не то бдительные стражники немедленно закут его в цепи.

Не глядя, Конан бросил Фронт монету, которую тот молниеносным движением перехватил на лету.

— Купи себе одежду, Фронт. Что-нибудь поприличнее твоих лохмотьев, но не слишком шикарное и вызывающее. Встретимся у офицерской казармы перед ужином. А теперь, принцесса, позвольте мне проводить вас до ваших покоев.

Когда они подошли к комнатам Ясмелы, Конан пробормотал:

— Можно я приду сегодня ночью?

— Я... не знаю даже... это рискованно...

— Может быть, это наша последняя ночь, и ты это прекрасно знаешь.

— Искуситель, откуда ты взялся на мою голову! Хорошо, я отошлю служанок перед сменой стражи.

Три всадника с вьючным мулом в поводу направились в сторону северной части Кофийского плато. Время от времени им навстречу попадались разные люди: то пеший коробейник, то селянин на телеге, в которую был запряжен тощий осел. Иногда мимо них гордо шествовал караван верблюдов

с погонщиками-ломитами или хорайский аристократ, погоняющий лошадей, запряженных в коляску.

Наконец путники добрались до обрывистых склонов плато. Издалека они казались отвесной монолитной стеной, но вблизи оказалось, что множество трещин-ущелий пересекает эти скалы. Въехав в один из каньонов, путешественники лишь к вечеру поднялись по узкой извилистой тропе на Кофийское плато.

С одной стороны горизонт разрезал горный хребет, в центре которого выделялась вершина Кроша, над которой стоял столб черного дыма, подсвеченного снизу сполохами пламени, бушевавшего в кратере.

Во все остальные стороны равнина сливалась с горизонтом. У самого края плато стояла группа солдат в кофийских шлемах. Вновь прибывшие к границе Кофа были остановлены пограничной стражей.

Разес сказал негромко:

— Позвольте мне уладить это дело, генерал Конан.

Охая и кряхтя, толстый астролог вылез из седла и направился к командиру отряда пограничной стражи. Взяв офицера под руку, он отвел его в сторонку, что-то доверительно бормоча ему на кофийском диалекте, то и дело показывая руками в сторону своих спутников. Суровое лицо офицера вдруг расплылось в улыбку. Затем, приказав что-то своим солдатам, командир махнул Конану и Фронто рукой.

— Проезжай, — благодушно посмеиваясь, разрешил он.

Когда пограничный пост остался позади, Конан спросил:

— Что ты наговорил этим лопухам, Разес?

Астролог скромно улыбнулся:

— Я сказал, что мы направляемся в Асгалун и что мы в курсе о войне в западном Шеме.

— Понятно, а с чего это он так засмеялся?

— Да так, пустяки. Я сказал, что Фронто — мой сын и что мы едем принести жертвы в храме Деркетто, призывая богов послать ему ребенка. Я сказал... что он страдает от... скажем так, слабости в отдельных частях тела.

— Старый ублюдок! — прохрипел Конан, складываясь пополам от смеха, глядя на рассерженно задышавшего Фронто.

Луна стала полной, затем вновь сжалась до узкой полоски, похожей на изогнутую саблю, а они всё шли по бескрайним просторам Кофа. Путники прошли степи, где пастухи на лошадях пасли огромные стада; затем они преодолели холмы центрального Кофа. Реки, стекавшие с этих холмов, впадали в озеро, настолько соленое, что на его берегах росли лишь колючие кусты, как в пустыне. Добравшись наконец до более плодородной земли, путешественники остановились на ночлег.

Конан все время внимательно присматривался к своим спутникам. Фронто начал беспокоить его. Маленький ворюшка был отличным помощником — сообразительным и веселым, но он все время что-то бормотал про личных врагов и кровную месть.

— Если боги подкинут мне такой шанс, я зарезу этого негодяя Морантеса. А потом — пусть меня хоть в смоле сварят.

— Надеюсь, что обойдется без этого, — сказал Конан. — Месть — сладкое чувство, я тоже, бывало, наслаждался им. Но для того, чтобы почувствовать эту сладость, желательно все же остаться в живых. Не забывай, что наша цель — освободить Коссуса, а не убить Морантеса, пусть он хоть трижды заслуживает смерти. Если после всего у тебя останется желание найти короля Офира и расправиться с ним — это твое дело.

Фронто внимательно слушал, не переставая, однако, нашептывать мстительные обещания и угрозы Морантесу.

Разес был совсем другим. Астролог не брался ни за какую работу, пока Конан не приказывал ему. Но и тогда все валилось у него из рук, так что становилось ясно, что проще будет сделать порученное самому. Зато он всегда был в хорошем настроении и развлекал спутников историями из древних мифов и легенд, а также дразнил их своими знаниями предсказаний по звездам.

Правда, астролог владел каким-то умением уходить от прямого ответа на прямо поставленный вопрос. Так змея ускользает от занесенного над ней каблука. Конан чувствовал, что не доверяет до конца этому человеку, хотя конкретно не мог сказать о нем ничего плохого.

Когда путешественники разбили лагерь на опушке леса к востоку от Хоршемиша, Разес сказал:

— Сегодня надо будет посмотреть, ждут ли нас опасности в кофийской столице.

Он вынул из кожаного мешка свою астрологическую машину и долго крутил ее и так и этак. Затем он внимательно изучал небо над головой и снова возвращался к механизму, поворачивая рычажок и вновь принимаясь за вычисления. Наконец он объявил:

— Сомнений нет: в Хоршемише нас ждут большие опасности. Я предлагаю обойти город. Эти места мне знакомы, так что много времени мы не потеряем. Чуть помолчав и потрогав пальцем свой инструмент, астролог добавил: — И еще. Звезды указывают на другую опасность. Она совсем рядом.

— Какая опасность? — заволновался Конан.

— Этого я не знаю, но стоит быть начеку.

Разес бережно опустил свой аппарат в кожаный мешок и вынул оттуда свернутую в клубок веревку.

— Хотите, я покажу вам один фокус, которому научил меня мой старый приятель, колдун из Заморы? Вот, видишь это? Лови!

Разес бросил Конану веревку. Киммериец легко поймал ее на лету и вдруг отскочил как ошпаренный, крепко выругавшись. И было от чего: прямо в воздухе веревка превратилась в живую, шипящую змею. Упав на землю, она осталась лежать неподвижно, снова представ перед глазами куском обычной веревки.

— Чтоб тебе пусто было, Разес! — выпалил Конан, наполовину вынув из ножен меч. — Ты что, убить меня захотел?

Астролог с улыбкой подобрал веревку:

— Иллюзии, мой генерал, иллюзии. Это всего лишь веревка. Даже если бы она и впрямь превратилась в змею, не следовало бы так пугаться — она была бы не ядовитой.

— По мне, змея есть змея, — буркнул Конан, снова садясь на место. — Скажи спасибо, что твоя башка все еще сидит у тебя на плечах.

Разес невозмутимо положил веревку на место и сказал:

— Я предупреждаю, что в мой мешок лучше не соваться без спросу. Некоторые вещички в нем не так безобидны. Например, вот эта шкатулочка.

Он вынул из мешка небольшую, украшенную чеканкой медную коробочку и, показав ее своим спутникам, положил на место.

Фронт расплылся в ехидной улыбке:

— Наконец-то — я свидетель — сам бесстрашный генерал Конан чего-то испугался.

— Ладно-ладно, — пробурчал Конан. — Когда мы доберемся до стен дворца, посмотрим, кто больше испугается...

— Не двигаться! — раздался хриплый голос с сильным кофийским акцентом. — Вы под прицелом двенадцати стрелков с натянутыми луками.

Конан скосил глаза и увидел подходящего к костру из темноты леса худого человека с повязкой на одном глазу, одетого в обноски некогда дорогой одежды. Движение в зарослях вокруг выдавало присутствие его приятелей.

— Кто ты? — поинтересовался Конан.

— Скромный человек, скромно собирающий плату за пользование его угодьями, а именно — этой милой зеленой рощицей, — сказал незнакомец, а затем обернулся к лесу и крикнул: — Ребята, можете вылезать. Покажите этой компании наконечники своих стрел.

В банде грабителей оказалось не двенадцать, а всего семь лучников, но и они, окружив троих путников, уверенно держали их на прицеле.

Конан подобрал под себя ноги, изготавившись к тому, чтобы мгновенно вскочить, если потребуеться. Будь он один, он давно бы сделал это и, полагаясь на надежность кольчуги под туникой, атаковал бы разбойников. Но то, что его друзья неминуемо погибнут при этом, удерживало киммерийца от столь решительных действий.

— Так-так, посмотрим, что тут у нас есть. — Довольно потирая руки, главарь банды наклонился над кожаным мешком, откуда извлек медную шкатулку. — Что там внутри? Золотишко? Легковато будет... Камешки? Ну-ка, ну-ка...

— Я предупреждаю: не стоит открывать эту штуку, — сказал Разес.

Одноглазый бандит коротко усмехнулся и поднял крышку коробки.

— Что? — воскликнул он. — Да здесь пусто... нет, смотри-ка... дым какой-то повалил..

Неожиданно грабитель с криком отбросил шкатулку в сторону. Из медной коробочки показалось что-то, в неверном свете костра напоминающее облако дыма. Оно быстро выросло до размеров человека и, подлетев к одноглазому, обмоталось вокруг него. Бандит, закричав, стал прыгать, затем повалился на землю и со стонами стал кататься по траве, хлопая себя руками по одежде, словно пытаясь сбить невидимое пламя. Разес сидел неподвижно и только что-то бормотал себе под нос.

Шкатулка лежала там, где ее кинули, но из нее вышло еще одно дымное облако, затем еще одно. Бесформенные, бестелесные тени, они носились в воздухе, словно неуловимые стайки рыб в толще воды. Одно из них набросилось на второго бандита, который тоже застонал от боли и покотился по земле.

Остальные разбойники выстрелили в черные мечущиеся тени — но стрелы прошли сквозь дым безо всякого сопротивления, не нанося никакого вреда. Главарь банды и второй лучник, перестав стонать, затихли на земле. В считанные секунды их сообщники исчезли в ночном лесу, оглашая округу ругательствами и испуганными криками.

Разес встал, подобрал шкатулку и, держа ее в вытянутых руках, произнес нараспев какую-то непонятную фразу. При этих звуках облака дыма одно за другим безропотно втянулись в свою медную клетку.

Наконец астролог захлопнул крышку и злорадно заметил:

— По крайней мере, он не сможет утверждать, что я его не предупреждал. Или, скажем точнее, его привидение ни в чем не сможет меня упрекнуть.

Конан пробормотал:

— А ты смыслишь в колдовстве куда больше, чем прикидываешься. Что это были за чертики?

— Самые элементарные духи, материализованные и загнанные в шкатулку древним могущественным заклинанием. В темноте они повинуются мне, но не выносят дневного света. Эту коробочку я выиграл у колдуна Луксура из Стигии. Звезды предсказали мне, что эта партия будет за мной.

— Это уже похоже на шулерские штучки, — сказал Конан.

— Может быть, но он-то тоже пытался сжульничать, заколдовывая кости!

Конан задумчиво посмотрел в костер:

— Твои пожирающие человечину тучки спасли наше имущество, а может быть, и нашу шкуру. Но если бы я не заслушался твоей болтовней, то услышал бы приближение бандитов и не позволил застать себя врасплох, как ягненка. А что касается азартных игр — я столько проиграл в своей жизни... Иной человек за всю жизнь столько золота не видел. Но чтобы я сел играть с колдуном — Митра меня сохрани! Ладно, — оборвал сам себя киммериец, — хватит болтать. Ложитесь спать, я дежурю первым.

Разес обвел приятелей вокруг Хоршемиша и вывел их вновь на главную дорогу, ведущую в Офир.

Чем дальше они шли, тем более беспокойным становился Конан. Его пугала не возможная перспектива оказаться самому в темнице Морантеса — киммериец уже не раз бывал за решеткой в своей жизни. Не пугали его и пытки, и даже смерть, постоянный его спутник по жизни, на которого он даже перестал обращать внимание.

Наконец Конан понял причину своего беспокойства: слишком уж гладко идет путешествие. Их тройцу беспрепятственно пропускают все патрули и посты на дорогах, поддаваясь на шуточки и пикантные истории Разеса. Никакие колдуны не насылают на них порчу, никто не устраивает погони... Конан усмехнулся: он так привык преодолевать опасности и трудности, что их отсутствие начинало тяготить его.

Наконец впереди показались стены Ианты — столицы Офира. В прозрачном после летнего дождя воздухе заходящее солнце отражалось от куполов и башен. Кое-где над стенами выступали крытые красной черепицей крыши домов.

Фронто сказал:

— Можно переправиться по наплавному мосту здесь, тогда мы окажемся у главных городских ворот. А ближайший брод — примерно в тысяче шагов вверх по течению.

— Выход из туннеля — на том берегу? — спросил Конан.

- Да, генерал.
- Тогда поехали к броду.

Разес внимательно посмотрел на Фронто и осторожно поинтересовался:

- К полуночи мы успеем добраться до подземного хода?

— Конечно, здесь не так далеко.

Астролог молча кивнул.

Полукруг луны пробивался сквозь ветви деревьев, освещая призрачным светом трех человек, спешившихся со своих лошадей в роще у северо-западного угла городской стены, вырисовывавшейся в ночном небе на расстоянии полета стрелы. Конан достал из вьюка связку факелов — длинных сосновых палок, на одном конце которых были толстым слоем намотаны промасленные и просмоленные тряпки.

— Разес, ты останешься присматривать за лошадьми. В туннель мы с Фронто полезем вдвоем, — негромко сказал Конан.

— Нет, нет, генерал, — твердо заявил астролог. — Я пойду с вами. Стреноженные животные никуда не денутся. Мои волшебные вещишки могут вам пригодиться.

— Он прав, генерал, — высказался Фронто.

— Он слишком толст и стар для акробатических номеров.

— Я лучше двигаюсь, чем ты думаешь, — возразил Разес. — А кроме того, звезды говорят, что моя помощь тебе понадобится.

— Ладно, согласен, — буркнул Конан. Он, сам того не желая, стал внимательно прислушиваться к предсказаниям Разеса, особенно после его мелких, но удачных предсказаний касавшихся погоды и ночлега в том или ином трактире.

— Но учти, — добавил киммериец, — если ты отстаешь и тебя схватит стража, не рассчитывай, что я вернусь, чтобы спасти твою шкуру.

— Я готов встретить свою судьбу, какой бы она ни была, — спокойно сказал Разес.

— Ну, тогда пошли, — нетерпеливо заявил Фронто. — Я жду не дожусь вспороть кинжалом брюхо этому Морантесу.

— Не вздумай забыть про наше дело! — рявкнул на него Конан. — Мы тут не на охоте для удовольствия. Пошли.

Недовольно бормоча, маленький воришка повел своих приятелей к зарослям кустов в нескольких шагах от городской стены. Неожиданно в вышине лунный свет блеснул на шлеме часового, совершающего обход по стене. Друзья замерли, словно окаменев, и не двигались, пока часовой не скрылся из виду.

В самой гуще кустов они обнаружили место, где росла лишь невысокая редкая травка. Пошарив руками в земле, Фронто нащупал бронзовое кольцо. Схватив его, он потянул кольцо вверх, но безо всякого результата.

— Генерал, — выдохнул Фронто, — вы посильней меня будете. Попробуйте поднять.

Конан глубоко вздохнул, взялся за кольцо и напряг все мускулы. Медленно-медленно, со звуком разрываемого дерна поднялась крышка люка. В лунном свете показались уходящие в темноту ступени.

— Отец знал толк в своем деле, — прошептал Фронто. — Даже такой высокий человек, как ты, Конан, сможет идти, не задевая головой потолок.

— Оставайся здесь, закроешь за нами люк, когда я зажгу факел, — сказал Конан, спускаясь на несколько ступеней.

Достав камень и трут, Конан несколько раз высек искру, но пламя так и не появилось.

— Проклятье, во время дождя трут промок. Есть что-нибудь сухое?

— Есть кое-что другое, — сказал Разес. — Ну-ка, позволь мне...

Вынув из мешка заостренный металлический стержень, астролог воткнул его в тряпки на факеле. Затем толстяк пробормотал какое-то заклинание. Конец стержня покраснел, затем пожелтел и наконец побелел. Тряпки вокруг его острия почернели и вдруг как-то разом вспыхнули. Свечение на стержне исчезло, и Разес преспокойно убрал его в мешок.

— Опускай люк, Фронто, — приказал Конан. — Да аккуратнее, придурок! Всю стражу перебудишь!

— Извини, рука соскользнула, — сказал Фронто, скатываясь по ступенькам, как паук по паутине. — Давай факел. Я знаю дорогу.

В полном молчании все трое пошли по темному туннелю. Его пол был выложен каменными плитами, а стены и потолок — толстыми бревнами и брусьями. Мох и лишайник ковром покрывали грубо обработанный камень, приглушая звук шагов. Время от времени по туннелю пробегали крысы, сверкая в свете факела рубиновыми бусинками глаз.

Так они и шли вслед за держащим факел Фронто, не говоря ни слова, не то из-за преувеличенной осторожности, не то из-за боязни выдать при товарищах инстинктивный страх от жуткого подземелья.

Конан внимательно оглядывал все вокруг и прислушивался. В свете факела тени металась по полу и стенам, как огромные летучие мыши. Много лет подземный ход был наглухо закрыт, и теперь застоявшийся воздух бил в нос незнакомыми запахами.

— Далеко еще, Фронто? — спросил киммериец. — Мы уже, наверное, прошли насквозь всю Ианту и скоро вылезем у противоположной стены.

— Мы еще и до середины не дошли. Дворец ведь построен в самом центре города, где раньше была крепость.

— Что это за шум? — пожившись, спросил Разес, когда что-то похожее на раскат грома эхом отразилось от стен туннеля.

— Просто телега, запряженная волами, проехала по улице Иштар, — ответил Фронто.

Наконец они добрались до конца туннеля, где лестница снова поднималась к люку, как и в начале. Конан взял факел и внимательно осмотрел люк, а затем спросил:

— В какое место тюрьмы выходит туннель?

— В дальний конец южного коридора, — почесав в затылке, ответил воришка.

— А король Коссус содержится в среднем коридоре, параллельном этому, — раздалось за их спинами бормотание Разеса. Конан недоверчиво глянул на астролога.

— А ты откуда знаешь? — холодно спросил он.

Толстяк обезоруживающе развел руками:

— По звездам, генерал, по звездам. Откуда же еще!

Конан негромко выругался.

Фронто чуть-чуть приподнял крышку люка и приложил ухо к образовавшейся щели. Послушав, он сказал:

— Похоже, охраны поблизости нет. Пошли.

Петли крышки пронзительно взвизгнули, и все трое замерли, напряженно прислушиваясь. Затем Конан приладил факел к стене над лестницей в подземный туннель и выбрался вслед за Фронто в тюремный коридор. Разес последовал за ними.

Коридор был шагов двадцать в длину. По обе стороны тянулись ряды пустых зарешеченных камер. Тюремная вонь висела в воздухе. Единственным источником света был торчащий в стене в дальнем конце коридора факел. Чтобы свет другого факела, оставленного внизу, у входа в туннель, не привлек чьего-либо внимания, Фронто решил закрыть люк. В последний момент Конан подложил под край крышки монету — теперь, случись им возвращаться в темноте, люк будет легко найти на ощупь по небольшой неровности в полу.

Меч Конана со свистом вылетел из ножен, и киммериец повел своих спутников вдоль по коридору по направлению к дальнему факелу. Синие глаза напряженно всматривались в темноту, ощупывали проемы забранных решетками камер. В основном камеры были пусты, но в одной на куче соломы белела грудa человеческих костей. В другой — полуживой узник, чье лицо почти скрылось под гривой волос и длинной бородой, прижался к решетке и безумными глазами проводил незнакомцев, видимо приняв их за порождение своей фантазии.

Дойдя до угла коридора, приятели остановились. Фронто молча показал направо. Конан кивнул. Словно львы, крадущиеся к добыче, они неслышно повернули за угол, прошли несколько шагов вперед и, свернув опять налево, благополучно миновали перекресток и оказались в другом коридоре с запертыми камерами. Проходя мимо одной из них, Фронто поднял руку, привлекая внимание Конана.

Эта камера была вдвое больше других. В полумраке Конан разглядел стул, столик, умывальник и кровать. Сидевший на кровати человек удивленно направился к решетке, отделявшей его от трех невесть откуда взявшихся незнакомцев. Киммериец успел разглядеть, что человек был неплохо сложен и, судя по походке, совсем молод.

— Давай за дело, Фронто, — прошептал Конан.

Вор вытащил из-за голенища сапога маленький обрывок гнутой проволоки и запустил свой инструмент в замочную

скважину. Его глаза загорелись каким-то охотничьим азартом. Несколько мгновений — и замок, звякнув, открылся, и Конан нажал плечом на дверь.

Узник попятился при виде огромной фигуры с мечом в руке.

— Морантес прислал вас, чтобы убить меня? — хрипло прошептал он.

— Нет, приятель. Если ты из Хорайи и твое имя Коссус — мы пришли, чтобы спасти тебя.

Юноша фыркнул:

— Вы не имеете права так обращаться с королем по праву крови. Меня следует называть...

— Давай-ка потише, — оборвал его Конан. — Ты Коссус или нет?

— Да, это я, но ко мне следует обращаться «Ваше Вели...»

— Времени нет церемонии разводить. Короче, ты идешь или нет?

— Да уж пойду, конечно, — пробурчал юноша. — Но кто вы?

— Я — Конан, генерал твоей армии. А сейчас давай сматывать отсюда по-тихому.

— Сначала я попрошу вас одолжить мне свой меч, генерал.

— Это еще зачем? — поразился Конан.

— Капитан стражи обращался со мной без должного почтения, оскорбляя меня лично и пороча честь Хорайи. Я поклялся убить его в поединке и не уйду отсюда, пока не исполню клятву.

Голос Коссуса окреп и звонко разносился под сводами тюрьмы. Переглянувшись со своими спутниками, Конан спокойно поднял руку, сжал кулак и двинул им в челюсть Коссусу. Королевские зубы клацнули, и юноша повалился на пол.

Мгновение спустя киммериец уже мчался по коридору, неся на плече не пришедшего в себя Коссуса и увлекая за собой астролога и Фронто. Пробегая перекресток двух коридоров, они слышали топот тяжелых сапог и лязг железных решеток.

— Бегите к туннелю. Я задержу охрану, — сказал Конан.

— Нет, ты неси короля, а я тут займусь своим делом, — возразил Разес, роясь в своем мешке.

— Что здесь происходит? — раздался громкий, разозленный голос, чей обладатель с мечом наголо появился в третьем коридоре.

Конан и Фронто рванули к люку, а Разес задержался под факелом и наконец выудил из мешка уже знакомый его приятелям моток пеньковой веревки. Выждав момент, астролог швырнул веревку стражнику, лихо поймавшему ее и с ужасом обнаружившему в своих руках извивающуюся змею. Охранник с криком исчез в противоположном конце коридора.

Разес быстро догнал уже спустившихся в туннель Конана с королем на руках и Фронто. Воришка быстро двинул за ними люк.

— Тут, случайно, засова нигде нет? — поинтересовался Конан.

— Чего-то не видать, — ответил Фронто и добавил: — Вообще-то люк хорошо замаскирован среди других плит. Его очень трудно рассмотреть, если не знать, где он.

— Ладно, бежим, — сказал Конан и, поправив на плече тело Коссуса, последовал за Фронто, рванувшим вперед с факелом в руках. Разес пыхтел сзади, как большое торговое судно, следующее в хвосте колонны боевых кораблей.

Через некоторое время Коссус пришел в себя. Ему показалось, что с ним обходятся недостаточно почтительно.

— Почему ты тащишь меня, как мешок с костями на рынок? Немедленно опусти меня! Ну и обращение с королем!

Не сбавляя скорости, Конан ответил:

— Я тебя опущу, когда ты сможешь бежать так же быстро, как я. А пока — не рыпайся, если не хочешь, чтобы тюремная стража вернула тебя в более надежную клетку — замуровав почти наглухо вход.

— Согласен, — буркнул молодой король, — но, похоже, ты совершенно не понимаешь, что такое королевское достоинство.

У выхода из туннеля Конан поставил короля на ноги, отодвинул Фронто и, напрягшись, открыл тяжелую крышку люка.

— Погаси факел, — приказал Конан вору и первым вышел на свежий воздух, под звездное небо. Луна уже села, и киммериец понял, что операция заняла довольно много времени.

Ведя за собой остальных, Конан, словно разъяренный бык, лез напролом через густые кусты. Вдруг вся компания резко остановилась: в нескольких шагах от них стояли два десятка, если не больше, вооруженных людей, державших беглецов под прицелом натянутых арбалетов. За их спинами, в роще, мелькал огонь лагерного костра.

— Это еще что? — удивился Конан, выхватывая меч из ножен.

— Позвольте, генерал, — раздался за его спиной голос астролога, — я все объясню.

— Давай, Разес, выходи, — сказал один из солдат на кофийском диалекте, — не хотелось бы пристрелить тебя по ошибке.

Астролог обошел Конана и обернулся к нему:

— Мой простодушный генерал, сдайтесь лучше по-хорошему. Это воины моей родной страны Коф, королю которой я имею честь верно служить. Я указал им на это место, договариваясь с начальниками патрулей по дороге. А через Хоршемиш мы не пошли, потому что какой-нибудь мой знакомый, случайно встреченный на улице, мог здорово помешать всему делу. Вы помогли мне выцарапать короля Коссуса из лап Морантеса. Сейчас мы сами займемся им и устраним последнее формальное препятствие на пути воссоединения Хорайи с ее страной-матерью.

Конан напрягся, приготовившись действовать. Он рассчитывал, что кольчуга выдержит удар стрелы, а если нет — что ж, никто не может жить вечно.

— Бросьте меч, генерал Конан, — приказал командир отряда.

— Сначала тебе придется убить меня! — крикнул Конан, бросаясь на кофийского офицера.

В этот же момент Фронто с яростным воплем подскочил к Разесу и вонзил несколько раз кинжал в толстое брюшко астролога. Свистнули две стрелы, но не попали в цель — солдаты боялись задеть своих в общей сумятице.

Разес беззвучно осел, выпустив из рук свой мешок. Фронто каким-то паучьим движением перехватил падаю-

щую сумку, полную всяческих волшебных диковин, и бросился напролом сквозь строй кофитов. Раздался шелчок спускового механизма арбалета — и Фронто, пронзенный насквозь, пробежав по инерции еще несколько шагов, рухнул прямо головой в костер. Его последняя воровская добыча тоже полетела в горячие угли.

Конан, прикрывая Коссуса, вел бой сразу с несколькими кофитами. Его меч молнией носился в воздухе, поблескивая в лунном свете. Вот один из противников упал на землю с распоротым животом; за ним второй издал страшный крик, схватив здоровой рукой культю той, что еще мгновение назад держала меч. Бросившись вперед, Коссус схватил упавшее оружие, разжал плотно сжимавшие рукоятку пальцы отсеченной кисти и вовремя успел прикрыть Конана от удара в спину.

Во всей этой сумятице Конан расслышал шум приближающейся группы вооруженных людей — звон доспехов, тяжелые шаги, треск ломаемых веток. Вскоре на поляне появился отряд офирской тюремной стражи, выбравшейся через обнаруженный подземный ход вслед за сбежавшим пленником. Оказавшись лицом к лицу с кофийскими солдатами, стража немедленно вступила в бой. Засвистели стрелы, загремела сталь, послышались резкие команды офицеров.

Конан дернул Коссуса за руку и крикнул:

— Бежим к тем деревьям! Там наши лошади!

Сзади донесся крик одного из офирцев:

— Сюда! Вот он, хватай его! И того, который с ним!

— Быстрее! — выдохнул Конан, разворачиваясь, чтобы отбиться от преследователей. Он успел вонзить меч в грудь одному противнику, ранить другого и приготовился вступить в бой с третьим — офирцем, как вдруг появившийся откуда-то кофиец напал на тюремного стража со спины. Вновь завязался бой двух отрядов, а Конан и король, перепрыгнув через костер, побежали к стреноженным лошадям.

— Держи их! Хватай! — доносились до них из-за деревьев голоса кофийцев и офирцев. Один из солдат уже перепрыгнул через костер, налетев прямо на острие клинка киммерийца, когда рощу потряс сильный взрыв, осыпав беглецов дождем золы и углей. Видимо, пламя наконец добралось до побрякушек Разеса.

Еще двое офицеров в азарте погони успели перепрыгнуть через взметнувшийся вверх столб пламени. Но из костра вдруг вылетели черные бесформенные тени, две из которых тотчас же накрыли стражников. Оба издали душераздирающие вопли, словно сгорая заживо на раскаленных углях.

— Демоны Разеса, — вспомнил Конан и повернулся к Коссусу: — Живо распутывай лошадей. Садись на любую, не забудь взять на повод вторую.

Дрожа от страха и стуча зубами, Коссус повиновался. Через мгновение беглый узник и его спаситель уже мчались прочь, прижав головы к шеем своих скакунов, чтобы не наткнуться на низкие ветви деревьев. Оглянувшись на миг, Конан увидел страшную картину: офицеры и кофиты с криками и стонами катались по земле, пытаясь сбросить с себя обжигающие дымовые облака.

Конан и король выбрались на дорогу, и вскоре цокот копыт их лошадей растаял вдали.

Ночь уже близилась к концу, когда Коссус, оглядевшись, беспокоенно спросил:

— Конан, куда мы едем? Это же не дорога в Хорайю. Так мы попадем в Аргос, а затем в Зингару.

— А как ты думаешь, где нас больше всего ждут? — огрызнулся Конан. — Лучше подгони свою клячу, а то тащишься еле-еле!

Несмотря на то что беглецы изо всех сил прищипоривали лошадей и меняли скакунов, давая животным отдохнуть, все же и следующая ночь застала их еще на территории Офира. Никто не пытался схватить их — видимо, еще не дошло до этих мест известие о побеге. Забравшись в чащу леса, король и его генерал остановились на ночлег, поужинав сухарями и сушеными фруктами, оказавшимися в одной из седельных сумок. Коссус, оставив попытки заставить Конана обращаться к нему как к королю, решил рассказать историю своего пленения.

— Морантес предложил заключить союз в борьбе против Страбонуса. Это показалось мне логичным, и я, как дурак, поехал на переговоры только с официальным эскортом и почетным караулом. Территорию кофитов мы объ-

ехали по пустыням Шема. Таурис предупреждал меня, но мне казалось, что настоящий король по крови не пойдет на обман. Но лишь только я въехал в Ианту, этот мерзавец перебил моих людей и упрятал меня в подземелье.

Обращались со мной, конечно, получше, чем с остальными узниками. Кое-какие новости доходили до меня даже в тюрьме. Так я узнал о том, что ты разбил Натокка на перевале Шарла. Кстати, у меня есть сведения, что ты стал любовником моей сестры. Это правда?

Конан, презрительно улыбаясь, взглянул в глаза Коссусу:

— Если бы это было так, то с моей стороны, по крайней мере, невежливо признаваться в таких вещах. А все-таки, как я тебе нравлюсь в роли свояка?

Коссус вздрогнул:

— Об этом не может быть и речи, генерал! Вы... ты... варвар-чужеземец, солдат-наемник... нет, друг мой Конан, забудь об этом. Я ценю тебя как воина, я даже обязан тебе жизнью, но принять тебя в королевскую семью — это невозможно. И хватит об этом. А теперь — мое королевское желание — хорошенько поспать, а то у меня все кости ноют.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — мрачно ответил Конан, — ваше королевское желание будет исполнено.

Киммериец еще долго сидел неподвижно, глядя в пламя дгорающего костра.

На следующий день они пересекли границу Аргоса и смогли позволить себе, не прячась, остановиться на ночлег в придорожной гостинице. После ужина, когда оба путника сидели, развалившись за кружкой эля, Коссус сказал:

— Генерал, я тут подумал, вы заслужили высокую награду за ваши подвиги.

Конан оторвался от кружки, чтобы что-то сказать, но Коссус жестом остановил его:

— Да не перебивай ты меня, Конан! Дослушай. Не надо скромничать. Твои подвиги достойны того, чтобы их включили в свои саги самые выдающиеся сказители. Ты трижды спас своего короля — от офицеров, от кофитов и от смертоносных теней из шкатулки предателя Разеса.

Такой человек заслуживает того, чтобы в достатке жить самому и содержать семью. Я хочу, чтобы ты продолжал

руководить нашей армией. Конечно, жениться на Ясмеле тебе нельзя, но я подберу тебе отличную невесту — ну, например, дочь какого-нибудь землевладельца или чиновника при дворе, — в общем, подходящую тебе пару. Сестре, принцессе, я тоже подберу жениха — обязательно королевской крови.

Да, еще такое дело. Постарайся понять: человек низкого происхождения, такой как ты, не может командовать королевскими рыцарями и аристократами. У тебя ведь уже были проблемы с некоторыми из них? Поэтому я назначу кого-нибудь из благородных аристократов официальным командиром и присвою ему звание генерала. Но обяжу его во всем слушаться твоих советов. А для тебя мы придумаем какой-нибудь специальный пост, для которого не требуется благородного происхождения. Платить тебе будут хорошо...

Конан, уже давно пристально глядевший на короля, сказал:

— Великодушие и щедрость Вашего Величества поражают меня.

Не заметив издевки, Коссус протестующе покачал головой:

— Что ты, все эти почести честно заслужены тобой. Кстати, как тебе понравится звание генерал-сержанта?

— Оставим детали до возвращения, — все так же спокойно сказал Конан.

Лежа в темной комнате на гостиничной кровати, Конан обдумывал свое будущее. Несомненно, его карьере в Хорайе явно пришел конец. Этот коронованный осел, несомненно, принимает всерьез всю свою болтовню про королевские права и обязанности.

Разумеется, ничего не стоило прикончить самодовольного юнца и вернуться в Хорайю, сочинив слезливую историю о его героической гибели. Но столько рисковать, спасая его, только для того, чтобы укокошить, — это просто смешно. В конце концов, киммериец дал слово сделать все, чтобы спасти короля, а кроме того, — на это Конан с удивлением обратил внимание — его страсть к Ясмеле начала остывать.

Прибыв в Мессантию, Коссус разыскал портового чиновника, знавшего его в лицо, который занял для короля

у ростовщика двести золотых аргосийских монет. Коссус вручил Конану мешок, заявив:

— Недостойно короля марать руки о грязные деньги.

Они разыскали корабль, отправлявшийся в Асгалун, откуда можно было быстро и безопасно добраться до Хорайи. Когда матросы стали отвязывать канаты, державшие судно у причала, Конан вдруг сунул руку в мешок с деньгами и выудил оттуда пригоршню монет.

— Держи, — сказал он, вручая монеты королю. — Этого тебе хватит, чтобы добраться до дома.

— Но... но... что ты делаешь?.. Я...

— Я передумал, — сказал Конан и перепрыгнул через борт на причал.

Полоска воды между кораблем и пирсом стала быстро увеличиваться. Конан повернулся к судну и крикнул:

— Я решил домой съездить. Давно уже не был. А завтра отходит судно в Кордаву.

— А мое золото?

— Считай, что это плата за спасение твоей жизни! Да, передай от меня привет принцессе!

Конан развернулся и, не оглядываясь, пошел по причалу к берегу.

ЗВЕЗДА ХОРАЛЛЫ

1. Дорога на Ианту

Широкая река лениво несла свои воды, разделяя королевства Коф и Офир. Яркие брызги радугой засверкали под безоблачным небом, когда по камням брода застучали копыта оседланной лошади. Бока животного, блестящие от пота, ходили ходуном. Оно наклонило голову, чтобы напиться, но всадник натянул поводья, полагая, что ледяная вода может навредить не остывшей после долгой скачки лошади.

Лицо всадника было покрыто слоем грязи, кое-где смывтой ручейками пота. Его одежда, некогда черная, посерела от дорожной пыли. Однако рукоятка тяжелого добротного меча, висевшего на его боку, была вычищена до блеска. Больше месяца добирался сюда Конан из Замбулы по пустыням и степям Шема да по караванным дорогам и узким тропам в лесах Кофа. Это путешествие подтвердило важность привычки киммерийца всегда держать оружие чистым, наточенным, готовым к бою в любую минуту.

В кошельке Конана лежал приятный груз — Звезда Хораллы — большой драгоценный камень в золотой оправе, украденный некоторое время назад у юной королевы Офира, а затем тоже не совсем праведным способом доставшийся Конану.

Киммерийцу пришлось в голову вернуть драгоценность прекрасной королеве Марале. Такая услуга, оказанная властительнице могучего, богатого королевства, должна была, по его мнению, принести ему если не золотые горы, то, по крайней мере, количество золота, достаточное, чтобы обзавестись добротным поместьем, а то и прикупить дворянский титул.

Конан знал, что Офир раздирают междоусобные войны. На глазах теряющий власть король Морантес II обратился за поддержкой к своим вассалам. Говорили, что

несколько столетий назад какой-то дальновидный герцог сумел убедить короля и знатных дворян подписать хартию о согласии. Об этой давней попытке установить стабильное правление в стране ходило много легенд, но, видимо, усилия древних не пошли впровод более поздним правителям Офира.

Конан ехал в Ианту, столицу королевства, кратчайшей дорогой — напрямую. Сначала его путь лежал по незатронутым земледелием пограничным степным районам. Лишь жалкие деревушки селян-пастухов, с трудом сводивших концы с концами, попадались в этих степях. Затем бесплодные земли сменились более плодородными, и на седьмой день пути по землям Офира Конан уже ехал среди золотых полей спелой пшеницы.

Однако и здесь народ не отличался весельем и приветливостью. Местные жители продавали Конану продукты, он останавливался в придорожных трактирах, но на все его вопросы они давали скудные ответы, а то и просто отмалчивались. Киммериец и сам был не очень разговорчив. Но этот заговор молчания начал раздражать даже его. Как-то вечером он предложил хозяину трактира в предместьях столицы посидеть с ним за кружкой вина и поболтать о том о сем. Словно невзначай, Конан перевел разговор на интересовавшую его тему.

— Да что такое случилось с местными жителями? Я никогда не видел таких угрюмых и молчаливых людей. Можно подумать, будто все они неизлечимо больны и знают об этом... Офир ни с кем не воюет, год выдался урожайным — только успевай собирать. Что происходит в вашем королевстве?

— Люди боятся, — ответил трактирщик. — Ходят недобрые слухи, что король заточил в темницу свою супругу, обвинив ее в неверности. Но никто не верит в это объяснение. Королева всегда была справедлива и добра к простым людям, и никогда, во всех ее поездках по стране, тень скандала не нависала над этой добродетельной женщиной.

Дворяне попрятались по своим замкам и готовятся к войне. Все понимают, что с королем творится что-то неладное.

Конан усмехнулся:

— Говори уж прямо: все знают, что ваш король спятил. А кто теперь стоит за этим безумцем?

— Двоюродный брат короля — Риджелло. Говорят, что он вновь пользуется доверием монарха. Пять лет назад он сжег десять деревень — за то, что в неурожайный год крестьяне не смогли выплатить положенный оброк. Многие другие крестьяне, чтобы избежать этой участи, отдали последнее, а затем целыми семьями умирали от голода. За это Риджелло изгнали из королевского двора, но говорят, что теперь он вернулся во дворец. Если это так, то нам всем придется худо.

Дверь трактира резко распахнулась. Конан повернул голову и увидел на пороге убеленного сединами воина в кольчуге и шлеме, с эмблемой в форме звезды на груди. Человек резким движением снял с себя шлем и швырнул его на пол.

— Вина, чтоб вас всех!.. — рявкнул он. — Вина, чтобы утолить мою жажду и утопить мою совесть!

Девушка-подавальщица поспешила к нему навстречу с кувшином и глиняной кружкой. Конан поинтересовался:

— Кто этот человек?

— Капитан Гарус, офицер стражи королевы Маралы. Его отряд расформирован. Я уверен, что у него с собой нет ни гроша, чтобы рассчитаться за еду и выпивку.

Конан вытащил из кошелька серебряную монету:

— Это за ужин и вино для меня и него. Сдачу оставь себе и помалкивай о нашем разговоре и о том, что услышишь, когда я буду говорить с этим человеком.

Трактирщик хотел что-то сказать, но, наткнувшись на ледяной взгляд из-под черных бровей киммерийца, ограничился кивком головы и поспешил на кухню выполнять заказ. Захватив кружку, Конан подошел к столику старого воина и, не спрашивая разрешения, сел напротив.

— Здоровья тебе и долгих лет, капитан, — сказал он.

Конан даже не ожидал такого холода от поднятых на него глаз.

— Ты что, меня за дурака держишь, чужеземец? Митра свидетель, да ты просто издеваешься! Да будет тебе известно, что я должен был умереть, защищая свою королеву. Судьба не дала мне этой чести. Так что здоровье и долгая жизнь мне теперь ни к чему.

Едва Конан успел произнести извинения, как дверь трактира вновь распахнулась, и внутрь вошли четверо вооруженных людей в черных доспехах. Их командир — высокий человек со шрамом от угла рта до уха — вытянул вперед обтянутый кольчужной перчаткой палец:

— Вот он. Схватить предателя!

Двое из вошедших повисли на руках старого капитана прежде, чем тот успел выхватить меч из ножен. Но Конан, вскочив на стол, сильным пинком отправил одного из нападавших в угол комнаты. Второй замахнулся было мечом, чтобы ударить киммерийца по ногам, но Конан подпрыгнул, поджав колени, и клинок противника просвистел в воздухе. В следующий миг обе распрямленные ноги Конана воткнулись в грудь нападавшего. Тот упал на пол, а Конан всем весом навалился на него, обрушив на неприятеля град ударов тяжелых кулаков. Ребра упавшего затрещали, его лицо превратилось в кровавую маску.

Киммериец вскочил на ноги и выхватил из ножен свой меч как раз вовремя, чтобы отразить удар клинка человека со шрамом. Краем глаза Конан заметил, что его товарищ по выпивке ведет бой с четвертым нападающим и с тем, которого киммериец на время нейтрализовал пинком. Остальные посетители трактира не вмешивались в происходящее. Кто мог — выскочил на улицу, остальные жались по стенам или прятались под тяжелыми деревянными столами.

Отбивая удары и нанося их сам, Конан прорычал:

— Какого дьявола ты помешал мне ужинать?

— Это тебе объяснят в тюрьме графа Риджелло. Там тебе будет не до вина.

Человек со шрамом оказался опытным и умелым бойцом. Отразив очередную яростную атаку киммерийца, он выхватил свободной рукой из-за пояса кинжал и бросился в ближний бой, целясь противнику в живот.

Успев перехватить руку с кинжалом, Конан неожиданно выпустил свой меч и с невероятной для человека скоростью нагнулся и схватил противника за ногу освободившейся рукой. Мгновение — и, распрямившись, он поднял воина в черных доспехах над головой и изо всех сил швырнул его на пол. Кинжал и меч полетели в

разные стороны, а человек со шрамом, чуть дыша от удара, даже не сделал попытки встать. Из рта у него хлынула кровь.

Конан подхватил с пола свой меч и огляделся. Последний противник капитана, зажимая рукой кровоточащую рану в боку, прижался к стене, моля о пощаде.

— Кончай его! — крикнул Конан. — Пора сматывать отсюда.

Одним ударом старый капитан раскроил несчастному череп. Из-за входной двери и из-под столов показались головы наиболее храбрых зрителей побоища. Не обращая на них внимания, Конан и Гарус выскочили на улицу, и вскоре их лошади уже уносили своих седоков к Ианте, громко цокая копытами по мощеной дороге.

— С чего это ты, незнакомец, решил спасти мою шкуру? — поинтересовался Гарус, когда беглецы перевели своих лошадей с галопа на рысь.

Смех Конана далеко раскатился по залитой лунным светом дороге.

— Не люблю, когда мне мешают спокойно выпить. А кроме того, у меня есть одно дело к твоей королеве, и я рассчитываю на твою помощь в получении аудиенции.

Он прищипорил своего скакуна, уносившего его в черную как бархат ночь.

На рассвете они подъехали к городу, стоящему на реке Красной, притоке Коротаса. В восходящем солнце сверкали оконные стекла домов и металлические орнаменты и украшения на куполах и башнях.

2. Драконьи лапы

Опять трактир, опять грязный стол, а на нем кувшин и кружки с вином. В «Диком Вепре» Конан и Гарус появились в широких, добротных плащах с капюшонами — излюбленной одежде странствующих купцов. Эта одежда была куплена на деньги, привезенные Конаном из Замбулы; в ней у них было меньше шансов привлечь внимание соглядатаев графа Риджелло.

Приятели негромко беседовали со смуглой молодой женщиной — судя по добротному одеянию, служанкой в бо-

гатом доме. От выпитого вина ее глаза заблестели, лицо покраснелось.

— Я так хочу помочь королеве! — громко сказала девушка.

— Тише, тише, — успокоил ее Конан. — Где она сейчас?

— В Западной башне королевского дворца. Десять стражников из отрядов графа Риджелло стерегут вход. Служанки, приносящие ей еду, тоже назначены графом. Единственный посторонний человек, допущенный к королеве, — это ее врач.

— Как его имя? — заинтересовался Конан.

— Доктор Кафратес. Он живет у Угловых ворот. Это старый друг королевы.

— Отлично, малышка, — сказал Конан, — надо будет навестить доброго доктора. Но сначала давай посмотрим, что это за Западная башня.

В предвечерних сумерках на улицах Ианты раздавались голоса и смех горожан. Никто не обращал внимания на Конана и Гаруса. И они беспрепятственно добрались до Западной башни. Она представляла собой одно из угловых укреплений в стене, окружающей королевский дворец. Ее цилиндрическая кладка начиналась прямо с угла одной из городских улиц. На первых четырех этажах не было ни единого отверстия, но выше — три ряда окон окружали башню; некоторые из них были освещены изнутри.

— Где комната королевы? — шепотом поинтересовался Конан.

— Сейчас скажу, — ответила девушка. — Вот это окно. Во втором ряду, третье справа, — сказала она, показав пальцем.

— Не размахивай руками, это привлекает внимание, — одернул ее Гарус.

В это время Конан подошел к стене и внимательно осмотрел кладку.

— Да, тут не заберешься, — вздохнул Гарус.

— Нег? Ты просто не видел, по каким горам лазают киммерийцы у себя на родине. — Конан ощупывал пальцами стыки между камнями. — В одном ты прав, Гарус, швы недостаточно глубоки, чтобы зацепиться пальцами или

ногами. Но будь у меня много времени, я сумел бы забраться по этой стене, выковыривая из стыков раствор и делая более надежной опору. Ну да ладно, пока что мы собирались к доктору Кафратесу.

Доктор оказался дородным пожилым человеком с белой как снег бородой, лежавшей на его широкой груди. Он задумчиво отвечал на вопросы киммерийца.

— Следуя своей клятве, я лечу всех, кто обращается ко мне за помощью, независимо от того, в ладах этот человек с законом или нет. За многие годы практики я познакомился и с наиболее серьезными и умелыми городскими ворами. И я никому не выдам их имен. Ну, разве что королеве, но она тактично не расспрашивает меня о таких вещах...

Ладно, я тебя провожу к Торгрио. В былые годы он слыл одним из самых дерзких и удачливых воров; не раз он забирался в дома богатых горожан по стенам. Некоторое время назад он отошел от дел и теперь живет в доме, построенном на ворованные деньги, время от времени перепродавая краденое.

Дом Торгрио располагался между кварталом Аристократов и улицей Гончаров. Такое небольшое, но крепкое и надежное жилище мог бы купить себе торговец средней руки лишь в конце своей жизни. Снаружи дом не блистал никакими излишними украшениями — его хозяину было не с руки слишком явно демонстрировать согражданам свой достаток.

Сам Торгрио был невысоким, вертким человеком, Конану он напоминал паука. Когда Кафратес представил ему незнакомцев и рассказал о причине их визита, Торгрио расплылся в хитрой улыбке.

— Как и у нашего дорогого доктора, у меня есть свои принципы, но... — подмигнул он Конану, — тут такое дело — придется сделать исключение. Итак, что вам нужно от меня лично?

— Мне нужно взлезть на Западную башню, — спокойно ответил ему киммериец.

— Неужели? Отличная идея. — Торгрио удивленно приподнял брови. — А я чем могу помочь?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я тебя прошу. Не ваяй дурака. Я уверен, что такие штуковины есть в Ианте. Мне доводилось видеть их, когда я и сам промышлял таким ремеслом, как ты.

— Я допускаю, что в городе они есть, но вовсе не обязательно у меня.

— Мне они нужны!

— Ну, разве что из уважения к бывшему коллеге... — пожал плечами Торгрио и, обернувшись, крикнул через плечо: — Джуния, подай-ка мне драконьи лапы.

Вскоре в комнату вошла женщина средних лет с кучей каких-то железных приспособлений в руках. Торгрио взял их и начал объяснять:

— Вот эту пару прицепляешь к сапогам, если, конечно, они налезут на твою лапу. А эти — для рук. Сначала отрегулируй захват по величине округлости камней. Затем, прижав железную лапу к камню, опускаешь рычажок. Когти вцепляются в верхний и нижний край камня. Чтобы оторвать их — подними рычаг, вот так. Всегда оставляй закрепленными как минимум одну руку и одну ногу. Зря не рискуй.

Гарус передернулся:

— Да если бы сам Митра приказал мне вскарабкаться по стене, как муха, я бы не смог.

Смех Конана напомнил раскат грома в горах.

— Я привык лазать по отвесным скалам в горах моей родины. Зачастую выбор был прост — залезть или погибнуть. Ладно. Пойдем, Торгрио, потренируемся во дворе, на стене твоего дома.

3. Непроступная стена

Офицер стражи остановил доктора Кафратеса у входа в покои королевы и проворными движениями внимательно обыскал его. Клацнули тяжелые замки — и доктор вошел в королевскую темницу.

Навстречу ему вышла все та же смуглая девушка, которая проводила его во внутреннюю комнату. Для тюрьмы помещение было слишком роскошным. Ковры из Ирана и Вендии украшали стены; золотые кубки и полированные

серебряные подносы сверкали на красивых резных полках красного дерева.

Королева Марала лежала ничком на широкой кровати и плакала. Мягкие перины и шелковые подушки, как и вся роскошь вокруг, не утешали ее горе. Королева всхлипывала и вздрагивала всем телом.

Служанка негромко сказала:

— Госпожа, досточтимый доктор Кафратес пришел к вам. Вы желаете его принять?

Марала подняла голову и вытерла слезы льняным платком:

— Да, да, конечно! Входите, дорогой доктор! Вы — мой единственный друг за этими стенами. Только вам я могу доверять. Рима, оставь нас.

Кафратес подошел к королеве, опустился на колено и, что-то бурча, тяжело поднялся. Марала жестом приказала ему сесть рядом с собой. Как только доктор сел, она схватила его руку и сжала ее своими ладонями:

— Я так рада видеть вас, дорогой Кафратес! Я просто в отчаянии. Я ведь уже месяц здесь одна, без друзей, кроме вас и Рима.

Я всегда была верна Морантесу, но такое его отношение ко мне уничтожило все мои симпатии. Рима рассказывает, что солдаты Риджелло ходят по городу и дворцу как завоеватели, а король молчит и только передергивается, когда его кузен щелкает пальцами.

Мне нужен ваш совет, дорогой друг. Вы знаете, что это мой отец настоял, чтобы я вышла замуж за Морантеса, чтобы сохранить королевскую кровь в жилах наследников офирского трона. Я ведь не любила его, считая слабым и ненадежным, но мне пришлось пойти на этот брак из чувства королевской ответственности. Я думаю, что и отец в глубине души теперь сожалеет об этом решении, но признать не может — его тотчас же казнят.

Более того, мечтам отца о наследнике трона Офира оказалось не суждено сбыться. Морантеса не интересуют женщины, он... он больше поглядывает в другую сторону... Мои дела пошли еще хуже с тех пор, как примерно год назад какой-то подлый человек украл у меня Звезду Хораллы.

Кафратес тряхнул бородой, пытаясь собраться с мыслями. Королева никогда еще не была так откровенна с ним.

Будучи придворным лекарем, он никогда не влезал в дворцовые дела и интриги. Поэтому-то его до сих пор и допускали к заточенной королеве. А теперь, даже слушая ее слова, он подвергает опасности не только свою врачебную практику, но и саму свою жизнь.

Доктор вспомнил свой разговор с синеглазым великаном варваром и седым капитаном отряда стражи королевы. Эти двое втянули его в безумно рискованную затею. Но он так любил эту женщину, знал ее с самого детства. А теперь она просила его о помощи. Кафратес почувствовал даже что-то вроде радости и гордости за себя, за то, что он согласился встретиться с заговорщиками и позволил посвятить себя в их замыслы. Доктор провел рукой по волосам королевы, успокаивая ее, и сказал:

— Не надо отчаиваться, Ваше Величество. Ваше сердце измучено неволей, отсутствием человеческого отношения, общения и известий из-за дворцовых стен. Но помощь может быть ближе, чем вы предполагаете.

Королева Марала резко села, отбросив волосы с заплаканного лица:

— Вы добры, Кафратес. Но поймите, пока у меня была Звезда Хораллы, Морантес опасался ее силы. А теперь ему нечего бояться, да и вообще наплевать на то, что со мной будет.

Кафратес поинтересовался:

— А какой силой обладал похищенный камень, Ваше Величество?

— Народные легенды и слухи все переврали. Морантес даже вообразил, что с помощью этого камня я могу привораживать мужчин, если захочу. Только это все вранье. — Королева встала, потянулась и пристально посмотрела в глаза доктору: — Неужели вы думаете, что мне нужна магия, чтобы привлечь мужчину? Я имею в виду нормального, настоящего мужчину.

Хотя Кафратес был уже не молод, ему стоило большого труда отвести взгляд от алых губ и прекрасных форм стройного тела королевы, которое было прикрыто лишь тонкими ночными одеяниями. На ее вопрос он лишь покачал головой.

— Я расскажу тебе одну историю, — начала Марала, прохаживаясь из угла в угол, задумчиво насупив

брови. — Граф Аларкар, мой предок в седьмом поколении, был первым владельцем Звезды Хораллы. Он много путешествовал и побывал далеко на востоке, там, где до него не ступала нога ни одного офира.

Кафратес, собравшись с силами, решился перебить королеву:

— Ваше Величество, у меня для вас важные, срочные новости...

Но королева лишь жестом руки приказала ему молчать.

— Когда Аларкар путешествовал по джунглям Вендии, он набрел на руины древнего города Хораллы. Лишь один отшельник жил в тех местах. Этот человек был на пороге голодной смерти: сломав ногу, он не мог двигаться и собрать плоды с возделываемого им клочка земли. Аларкар позаботился о его здоровье, а свита помогла собрать урожай и обработать его. В благодарность старый отшельник показал Аларкару тайник с сокровищами под развалинами храма и разрешил ему взять все, что тот пожелает. Мой предок выбрал кольцо, украшенное большим сапфиром, в синеве которого сверкало холодное пламя — серебряная звезда. Больше он ничего не взял.

Удивленный, Кафратес воскликнул:

— А почему он не взял и другие драгоценности?

Королева усмехнулась:

— Граф не был жадным человеком, а кроме того, дома его ждало большое состояние и свой замок. Наверное, он также опасался, что нагруженная сокровищами древнего города свита разбежится или станет добычей разбойников. Во всяком случае, он попросил только одно кольцо.

Отшельник оказался могущественным колдуном. Ему ничего не стоило бы уничтожить колдовством любых грабителей, пожелавших бы украсть древние сокровища. Но, увидев в Аларкаре благородного человека, он в знак благодарности произнес над камнем таинственное заклинание. Затем он объяснил моему предку значение этих колдовских слов. Он сказал: «В руках хорошего человека этот камень будет притягивать других хороших людей, побуждая их вместе бороться за доброе дело».

Королева помолчала, задумавшись.

— Но... но что значит этот камень для нас сегодня, — осторожно нарушил молчание Кафратес.

Марала вздрогнула, повернулась к доктору и ответила:

— Больше двухсот лет назад Звезда Хораллы помогла Аларкару объединить короля и других аристократов, чтобы подписать хартию, в которой устанавливались права и обязанности всех тех, кто живет в королевстве и управляет им. К несчастью, предательство помешало претворить в жизнь эти намерения, но...

Окно комнаты резко распахнулось, зазвенев стеклами, и внутрь ворвался одетый в черное синеглазый великан, сжимающий в руке меч.

Во второй руке он держал пару каких-то странных металлических приспособлений, напоминавших когти хищной птицы. Он аккуратно, не производя лишнего шума, положил их на ковер рядом со своим мечом, а сам, сев на табурет, снял с ног вторую пару похожих стальных когтей. Поднявшись, он скользнул к двери и послушал, что за ней происходит. Как бы ни была поражена Марала его появлением, она не могла не восхититься его движениями, плавными, как у охотящегося тигра.

Незнакомец обернулся к королеве и доктору, одарив их белозубой улыбкой. Кафратес некоторое время только что-то мычал, разводя руками, но затем взял себя в руки и сказал:

— Конан! Я еще не успел посвятить Ее Величество в наши планы! А ты ввалился сюда, как слон в посудную лавку.

Конан не обратил на него внимания. Пожирая глазами красивую фигуру королевы, он сказал:

— Ваше Величество, вы ведь хотите вырваться из тюрьмы?

— Да, конечно. Но как?

— Тем же путем, каким я вошел сюда — по стене, при помощи вот этих приспособлений. А вы повиснете у меня за спиной, как дорожная сумка.

— И куда же ты собираешься увезти меня, незнакомец? — Щеки королевы пылали от волнения.

— Сначала — в одно безопасное местечко, где мы сможем обсудить условия кое-каких интересующих меня дел, а затем — куда прикажет Ваше Величество.

— А как же я? — всполошился Кафратес. — Когда стража обнаружит исчезновение королевы, с меня живьем кожу сдерут!

Марала посмотрела на Конана:

— Мы сможем взять его с собой?

— Нет, драконьи лапы не выдержат такого веса. Но я найду способ дать доктору правдоподобное извинение за то, что он не успел вызвать стражу. А сейчас мы должны поторапливаться. Гарус ждет нас с лошадьми внизу.

Марала не могла скрыть радости:

— Гарус? Он жив? Ему я спокойно могу доверить свою жизнь.

— Ну так пошевеливайтесь, дорогая моя. Хватит терять время!

Марала с непривычки даже потрясла головой, проверяя, не ослышалась ли она. Королева не привыкла к такому фамильярному обращению даже со стороны враждебно настроенных охранников, а тут — какой-то варвар-чужеземец... Но все же она поспешила в другую комнату, откуда вскоре появилась одетая в охотничий костюм. К ее возвращению Кафратес уже лежал на полу, связанный и с кляпом во рту, не зная ни где он, ни что ударило его с такой силой. В районе челюсти у него расплывался огромный синяк.

Королева решительно направилась к Конану.

— Твой план по обеспечению безопасности Кафратеса нельзя не признать логичным и надежным, — усмехнулась она. — Ну, я готова.

Голубые глаза варвара потемнели при взгляде на ее соблазнительные формы, не столько скрытые, сколько подчеркнутые узкой бархатной курткой и шелковыми панталонами в обтяжку, заправленными в сапоги из тонкой кожи. Киммериец вздохнул и сказал:

— Я привяжу вас к спине платком, как мать привязывает своего ребенка. Обнимите меня за шею, а ногами обхватите за пояс. Если вы боитесь высоты, закройте глаза. Постарайтесь не двигаться, чтобы я не потерял равновесие. И не дрожите: эти драконьи когти — надежная штука.

Конан сел на табурет и нацепил стальные когти на свои сапоги. Затем он привязал женщину к спине, завязав концы плотной шали у себя на груди и на поясе. Встав, он спиной вперед вылез из окна и стал осторожно спускаться, выбирая место, куда поставить ногу и руки.

Конан двигался медленно и осторожно — все-таки двойная нагрузка на стальные когти давала себя знать. А кроме

того, его внутренний кодекс чести не позволял ему рисковать жизнью доверившейся ему женщины.

Шаг за шагом, камень за камнем, они спускались по стене башни. Город спал под безлунным небом. Не лаяли даже собаки.

4. Костер на горе

— Незнакомец, признайся мне, — сказала Марала, — кто ты?

После долгой скачки галопом беглецы ненадолго пустили лошадей шагом, чтобы дать им передохнуть. Их скачка не потревожила ни спящих горожан, ни бодрствующую, но усталую стражу городских ворот, ни отдыхающих крестьян в домах вдоль мощеной дороги.

— Я Конан, родом из Киммерии, странник, бродяга. Я воевал и дрался в стольких странах, сколько не назовет и иной мудрец.

— Почему ты спас меня?

— У меня есть для вас кое-что, госпожа, и я надеюсь получить за это достойную плату.

— Похоже, я вряд ли смогу предложить кому-нибудь даже кусок хлеба. Я ведь теперь королева без трона. Но скажи, что ты собирался мне предложить?

— Поговорим об этом, когда остановимся на ночлег. А сейчас — вперед! Нам тут нельзя задерживаться.

Когда вечер следующего дня опустил на землю густые сумерки, Конан и его спутники расположились на ночлег, забравшись далеко в скалы так, чтобы свет костра не был виден с дороги. Расседланные и стреноженные лошади утолили жажду в прозрачном горном источнике и теперь мирно паслись по соседству на небольшой лужайке. Конан еще в Ианте позаботился об ужине, купив на рынке хлеба, сушеного мяса и фруктов, не забыв также и про бурдюк с кофийским вином.

Утолив голод, киммериец лежал, подложив под голову седло, и рассматривал красивую женщину. Неужели эта слабая, изящная, но храбрая девушка и есть королева Офира, та, которая будто бы могла привораживать мужчин при помощи камня, лежавшего сейчас у него в кошельке.

Он много раз представлял себе, как явится в королевский дворец, получит аудиенцию и вручит ей кольцо, получив взамен тысячу золотых монет и пост в армии в придачу. А вот сейчас он лежит на траве, как какой-нибудь крестьянин-батрак, и королева — беглянка без гроша — сидит рядом с ним у костра. Конан решил завести разговор на нужную ему тему.

— Как я понял, Кафратес не успел предупредить вас о моем появлении. Но у него не было времени и чтобы поведать мне все легенды о вас. Он начал что-то рассказывать о некоем драгоценном камне, при помощи которого вы привораживаете мужчин.

Королева удивленно посмотрела на Конана:

— Да будет тебе известно, что Аларкар, мой предок, получил этот камень из рук колдуна-отшельника в Вендии два столетия назад...

И она вкратце пересказала киммерийцу историю, уже слышанную им днем раньше от Кафратеса. Воспоминания о давнем предательстве заставили ее голос вздрогнуть, глаза королевы заблестели от слез.

— По возвращении в Офир Аларкар, полный решимости объединить королевство и тем самым сделать его сильней, созвал представителей всех дворянских родов. — Марала повернулась к капитану: — Гарус, ты наверняка слышал о Битве Ста Одного меча?

Дремавший Гарус вздрогнул, сбрасывая сон, и глухим голосом ответил:

— Разумеется, Ваше Величество. Да только это ведь уже легенда. Столько времени с тех пор прошло. Граф Аларкар собрал остальных в замок Теринго. Все аристократы прибыли только с личной свитой, чтобы обсудить проблемы королевства. Они собрались на поле рядом с замком, да не смогли ни о чем договориться. С тем и разошлись. А потом и сам граф куда-то исчез.

Королева прервала его:

— Правду об этой трагедии хранила моя семья. Я расскажу вам ее.

Итак, все графы, представители древнейших и знатнейших родов собрались на поле рядом с замком, но дело шло туго. И хотя мой пращур и опасался нападения на ослабленный Офир мощного и единого Кофа или набирающего

силу Турана, он решил прибегнуть к помощи волшебного перстня только в крайнем случае.

Королева сделала глоток вина, посмотрела, как вспыхнули свежие дрова, подброшенные Гарусом в затухающий костер, и продолжала:

— Во время встречи граф Меканто — от которого ведет свой род мой родственничек Риджелло — неожиданно удалился без всякого предупреждения. За ним последовали граф Фродсол и бароны Терсон и Лоуднер. Вся их свита тоже бросилась к лошадям и скрылась вдали.

Мгновение спустя град арбалетных стрел обрушился на поле со стороны леса. Солдаты Меканты, оказывается, спрятались на опушке. Там, на поле, было сто человек — графов, баронов и их рыцарей. Все они пришли на встречу без оружия. И почти все были убиты. Аларкар и несколько оставшихся в живых добрались до лошадей и бросились в погоню за предателями.

На глаза Маралы навернулись слезы, и Конан, похлопав ее, прижал ее голову к своему плечу.

— Ну, и что было потом?

— Аларкар и его люди проскакали всего несколько сотен шагов, когда наткнулись на большой отряд воинов Меканты и вооруженных крестьян его деревень. Аларкар защищал знамя и честь рода, сражаясь, пока не пал, пронзенный арбалетной стрелой.

Королева замолчала, вновь и вновь вспоминая с детства выученные слова. Бас Конана вернул ее к действительности.

— Ну, — сказал он, — ничего особенного. Все как всегда: аристократы грызутся из-за власти и убивают друг друга в спину — старо как мир.

Вздрогнув от таких суждений, королева сухо закончила:

— Все они похоронены на месте гибели и лежат там по сей день. Замок был разрушен. Графиня и несколько человек свиты успели бежать, увидев, чем кончилось сражение. На руках они унесли ребенка — это был мой пращур.

— Ну а что стало со Звездой Хораллы? — негромко спросил Конан.

— Аларкар не стал пользоваться ее силой. Он посчитал, что предложенное им дело и так достаточно разумно, чтобы привлечь остальных. Его жена нет, уже вдова унесла перстень, повесив его себе на грудь. В другой стране она

вновь вышла замуж, а ее сын, вернувшись в Офир, потребовал возвращения своих земель и восстановил наш род. Эту легенду вместе с камнем передавали в моей семье из поколения в поколение. А теперь — камень утрачен безвозвратно.

— А чтобы вы стали делать, попади он снова к вам в руки? — словно невзначай спросил Конан.

— Я постаралась бы пробудить его магическую силу. Собрав всех лучших людей страны, я высвободила бы моего мужа-слонтя из-под влияния этого жестокого мерзавца Риджелло и объединила бы королевство под монаршей властью. Уж я не побоялась бы вступить в схватку с Риджелло, будь у меня Звезда Хораллы.

Яростная храбрость этой хрупкой женщины, которая, сидя на голой земле у костра в сопровождении свиты всего из двух человек, не боялась рассуждать о свержении тиранов и самозванцев, нашла отклик в вольной душе варвара. Конан прокашлялся, чтобы дрогнувший голос не выдал вдруг его волнения.

— Госпожа, — сказал он, — может быть, я смогу помочь вам в этом деле.

Расстегнув кошелек, он достал из него Звезду Хораллы.

— Вот семейная драгоценность ваших предков. Я думаю, что вы сумеете лучше распорядиться ею, чем я.

Пораженная, королева застыла, раскрыв рот.

— Ты... ты просто отдаешь ее мне?

— Ну да. Я, конечно, не столь благороден, как ваш далекий предок, но иногда мне тоже нравится помогать храбрым женщинам, попавшим в тяжелое положение.

Марала поднесла к лицу перстень, в глубине которого мерцала таинственная звезда:

— Твоя помощь просто неоценима, Конан. Я тебе очень обязана. Чем я смогу отблагодарить тебя?

Горящие глаза Конана оглядели красивое тело женщины сверху донизу. С истинно королевским достоинством Марала отодвинулась от протянутой к ней руки, давая понять, что не принимает предложения.

Глядя в сторону, киммериец сказал:

— Сейчас вы мне ничего не должны, госпожа. Если же вы вернете себе трон, я приду к вашему двору, и вы предложите мне чин генерала.

Марала вопросительно взглянула на Гаруса. Тот согласен кивнул:

— Он подходящий человек для этого, Ваше Величество. Капитан отряда наемников, вождь банды кочевников-налетчиков, командир стражи... Умный стратег, а кроме того — отлично владеет мечом и кинжалом. Да что долго рассказывать — он спас жизнь мне и вернул вам свободу.

— Значит, так тому и быть, — подытожила королева.

5. «Коня! Мы выезжаем немедленно!»

Граф Риджелло был одет в черную кольчугу. Меч и кинжал висели на его поясе. Черный шлем лежал на столе рядом с ним. Король Морантес поглядывал на графа с беспокойством, зная крутой нрав потомка рода Меканты.

Король, бывало, подумывал вновь отослать черного графа подальше от двора. Но он боялся, что родня и сторонники Риджелло поднимут мятеж, защищая графа. А кроме того, исчезни Риджелло из дворца — и король тотчас же попадет под каблук еще более грубым и жестоким дальним родственникам монаршей семьи. А то, глядишь, какой-нибудь самозванец вроде троюродного братца Амалруса и вовсе сбросит его с трона.

Риджелло стоял неподвижно, словно собака, делающая стойку перед зверем.

— Ваше Величество, королева этой ночью была похищена из башни. У меня наготове сотня всадников, готовых отправиться в погоню по вашему приказу.

Риджелло понимал, что на самом деле решение будет принято им, но подыграть в верность слабовольному королю — это даже забавляло его.

— Я уверен, — продолжил граф, — что похищение произошло с ее согласия. Ее врач был найден в ее покоях без сознания, связанным и с кляпом во рту. Окно было распахнуто.

— Кто же мог забраться по отвесной стене? — высоким голосом спросил король. — Там же шагов двадцать в высоту.

— Да, Ваше Величество. Королева, видимо, спустилась по веревке и исчезла вместе со своими сообщниками. Правда, пока неясно, куда делась веревка, но сейчас дело не в этом. Ясно, что она замышляет заговор против вас, Ваше Величество. Сколько раз я предупреждал вас об этом. Теперь восстание — это всего лишь вопрос времени, если мы не найдем королеву.

Кусая ногти, король тоскливо оглядел богато украшенный зал, словно ожидая подсказки от безмолвных стен. Но ни стены, ни замершие, словно статуи, стражники у входа в зал ничем не могли ему помочь. Риджелло продолжал настаивать:

— Ваше Величество, это как раз подходящий случай, чтобы покончить со смутой среди аристократов.

— Да, да, — нерешительно согласился король. — И что, ты думаешь, мне следует предпринять?

— Приказать немедленно выслать погоню. Королева и ее сообщники не могли уехать далеко от Ианты. Даже хорошим лошадям нужно время для отдыха. У каждого из моих людей — свежая лошадь в поводу, да и в любой деревне или замке им предоставят скакунов на смену. Так что скоро мы схватим беглецов.

— Откуда ты знаешь, в какую сторону ехать? — недовольно процедил король.

— Королева несомненно отправилась на северо-запад, к землям ее предков, к замку Теринго. Там она скорее всего сумеет заручиться поддержкой.

— Но если в ее руках опять оказалась Звезда Хораллы? Ведь тогда ни один мужчина будет не в состоянии противостать ее воле. Как ты собираешься преодолеть колдовскую силу камня?

— Господин, никто не видел Звезду с тех пор, как она исчезла год назад. Получи королева ее в свои руки, ей не пришлось бы бежать через окно. Она просто подчинила бы себе охрану и вышла на свободу.

Лицо короля посветлело.

— Спасибо тебе, Риджелло. Ты просто мои мысли читаешь. Итак — повелеваю: скачи, как ветер! Доставь королеву в камеру пыток, да не упусти ее сообщников.

Выходя из тронного зала, Риджелло улыбался. Он надел кольчужную перчатку и поправил пояс с ножнами

Когда он схватит королеву Маралу, можно будет использовать ее популярность среди горожан и крестьян, чтобы поднять бунт против Морантеса и свергнуть его с трона, для верности убив. А затем он сам женится на Марале и станет королем Офира.

Мнение королевы по поводу этого плана не очень беспокоило Риджелло. Скорее всего, она с радостью предпочтет иметь в мужьях настоящего мужчину, а не этого женоподобного хлюпика, восседающего на троне. А если она заупрямится, что ж, есть менее приятные, но действенные способы убеждения.

На мгновение Риджелло остановился у зеркала в полный рост и с удовольствием взглянул на своего мужественного двойника. Натягивая вторую перчатку, граф быстро спустился по дворцовой лестнице и вышел во внутренний двор замка.

— Коня! — крикнул он. — Мы выезжаем немедленно!

6. Замок Теринго

Конан оставил коня в поводу у Гаруса пониже гребня холма, а сам полез к вершине. Не поднимая головы над плотными зарослями кустов, он осторожно раздвинул листву и осмотрел местность по другую сторону холма.

Марала нетерпеливо спросила:

— Ну что он там так долго? Нам же нужно быстрее добраться до границы с Аквилонией.

Гарус ответил:

— Госпожа, если кто и может вывести нас в безопасное место, так это он. Хотя этот парень и вдвое моложе меня, я знаю, что его опыта побегов и боев хватит с лихвой на самую долгую жизнь. Доверьтесь ему.

Конан позвал их. Добравшись до гребня, Марала и Гарус тоже взглянули на расстилавшуюся перед ними равнину. Невдалеке, на небольшом возвышении, виднелись руины какого-то замка. За ними, петляя, уходила за горизонт поблескивающая серебром река.

— Я не знаю, что это за место, — прошептала королева.

Продолжая внимательно осматривать местность, киммерец сказал:

— Нам остается только пересечь это поле и переправиться через реку. А там рукой подать до аквилонской границы. Я полагаю, что она проходит по линии вершин вон того кряжа. Там людям короля будет сложно охотиться за нами — аквилонцы очень не любят вооруженных чужеземцев.

Все трое быстро вернулись к лошадям и, сев верхом, стали спускаться по дальнему склону. Когда они достигли ровного поля, до слуха Конана донесся ритмичный топот. Киммериец привстал в седле, прислушался и крикнул:

— Пришпорьте лошадей! За нами погоня — офирская кавалерия!

Три лошади сорвались в бешеный галоп, поскакав со всех ног к развалинам замка и спасительной реке. Но преследователи быстро нагоняли их. При этом отряд развернулся полумесяцем, концы которого вытянулись вперед.

— Проклятые гирканийские штучки! — пробормотал Конан, безжалостно терзая своего скакуна шпорами.

Становилось ясно, что всадники на менее уставших лошадях движутся гораздо быстрее. Не успел Конан со своими спутниками поравняться с развалинами замка, первые преследователи, уже давно миновав его, стали замыкать вокруг беглецов кольцо, отрезая их от реки.

Конан крикнул:

— Сворачиваем сюда. Здесь можно продержаться некоторое время. По крайней мере, некоторые из этих ублюдков отправятся на тот свет вместе с нами.

Беглецы галопом подлетели к замку и, спешившись, провели своих лошадей через заваленные камнями главные ворота. За полуразвалившимися стенами стояла главная башня — высокий цилиндр, сложенный из камня. Ее верхние этажи обрушились, но оставшиеся стены были слишком высоки, чтобы на них можно было забраться без лестницы.

— Скорей в башню! — скомандовал Конан. — Через стены они быстро переберутся и, зайдя сзади, схватят нас. А там мы сможем быть спокойны за свои спины.

Дверь в башню куда-то исчезла, но все равно вход был настолько узок, что через него мог пройти только один человек. Отпустив лошадей, Конан довольно грубо втолкнул Маралу внутрь башни. Он повернулся как раз вовремя,

чтобы отразить атаку двух всадников, первыми перебравшихся через развалины наружных стен замка.

Конан рубанул мечом по руке, державшей нацеленную на него саблю, и с удовлетворением услышал знакомый хруст отсекаемой плоти и кости. Киммериец развернулся, чтобы встретить второго нападающего, но в этот момент Гарус бросился под копыта коня и вспорол ему брюхо. Крики умирающего животного смешались со стонами всадника, которому, когда он попытался встать, Конан начисто отхватил мечом ногу.

Следующий кавалерист, чересчур быстро направивший своего коня на груды камней в главных воротах, тоже заплатил за поспешность. Его мозги разлетелись по камням, когда, подвернув ногу, конь неожиданно упал. Бьющаяся искалеченная лошадь на мгновение задержала остальных преследователей. Этого мгновения Конану и Гарусу хватило для того, чтобы собрать оружие поверженных врагов. Самым ценным приобретением были два арбалета с двумя колчанами, полными стрел.

— Внутрь! — крикнул Конан. Оба воина ворвались под свод дверного проема и развернулись, готовые к отражению новой атаки. В нескольких шагах позади них стояла королева. Ее губы застыли в счастливой улыбке. Женщина словно впала в транс. Киммериец дернул ее за руку, чтобы вернуть к действительности.

— Что с тобой, девочка? — как мог вежливо и спокойно сказал он.

— Знаешь, где мы? — ответила королева.

— Недалеко от Аквилонии, да что толку. Они окружили нас, и теперь отсюда не выбраться.

Марала обвела рукой каменные стены вокруг:

— Конан, это замок Теринго. Тот самый, где был предан мой благородный предок.

Пораженный ее спокойствием и странным блеском в янтарных глазах, Конан вернулся ко входу, чтобы отразить новый натиск. Марала подошла к Гарусу и сказала, протянув ему арбалет:

— Взведи мне его. У меня не хватит сил. И дай мне второй арбалет тоже.

С заряженным оружием она поднялась по каменным ступеням винтовой лестницы, шедшей вдоль стен башни.

За первым же поворотом она обнаружила небольшую площадку, освещенную дневным светом, падавшим через узкую бойницу.

Затем начался штурм.

7. Всадники ниоткуда

Конан, Гарус и Марала устало привалились к стенам башни. Уже дважды они отбивали атаки офирских солдат. Во время второго штурма те воспользовались длинными копьями и чуть было не смяли сопротивление двух защитников. Но вход был настолько узок, что столпившиеся солдаты не могли как следует орудовать копьями, в то время как Гарус и Конан, стоя на несколько ступенек выше, перехватывали древки у самых наконецников и наносили удары по рукам и головам нападавших. Кроме того, и на киммерийце, и на старом капитане были надеты толстые стальные кольчуги, а кавалеристы, чтобы быстрее нагнать беглецов, надели лишь легкие кожаные корсеты, не способные противостоять сильному удару меча или кинжала. Многие из преследователей остались лежать у входа в башню в липких лужах собственной крови.

Двоих солдат настигли пущенные со второго этажа стрелы Маралы. Она не была опытным стрелком, но попасть в толпу, сгрудившуюся перед входом, было проще простого. Разрядив оба арбалета, она бегом спустилась вниз, чтобы в минуту передышки один из ее спутников мог вновь зарядить оружие.

Большие потери заставили нападавших на время отступить за обрушенные стены, оставив перед входом в башню груды тел — раненых и убитых, наполовину заваливших дверной проем. Раненые издавали душераздирающие стоны, когда Конан грубо переворачивал их, собирая оружие.

Сидя на своем боевом коне у подножия холма, граф Риджелло с нетерпением ждал доклада офицеров. Его черная кольчуга покрылась толстым слоем пыли за время

долгой скачки. Это бессмысленное сопротивление беглецов раздражало графа. Наконец один из офицеров, отсалютовав ему, остановил свою лошадь рядом со скакуном графа:

— Господин, башня неприступна! Мы уже потеряли почти сорок человек при штурме. Многие сейчас лежат там умирая, а мы не можем вытащить их. Солдаты устали, они уже не столь храбро идут на штурм.

— Сто человек против трех, из которых одна женщина! — недовольно воскликнул граф. — Я не позавидую вам, когда мы вернемся в столицу.

— Но, господин, этот варвар — непревзойденный воин! Никто не может устоять против его меча. Да еще эта женщина со своими арбалетами. Если бы вы разрешили нашим стрелкам заняться ею.

— Нет! Женщину брать живой. Любой ценой. Ну-ка, подожди, а сколько у нас стрелков?

— В строю осталось от силы два десятка.

— Тогда слушай. Прикажи им зарядить арбалеты, а затем пошли их к замку. Когда они переберутся через каменные груды у ворот, пусть двигаются пригнувшись, чтобы было труднее попасть в них. Когда они окажутся у входа в башню, пусть выстрелят одновременно. Если хоть один из защитников будет ранен или убит, солдаты сумеют задавить численным превосходством и второго. Если оба они погибнут, ничего страшного. Но женщину брать только живой!

Покручивая усы, граф наблюдал подготовку к атаке. Он уже почти ощущал за своей спиной мягкие подушки королевского трона. Ничто, думал он, теперь не сможет остановить его.

Неожиданно глаза графа широко раскрылись от удивления. Его спешившиеся солдаты поднимались по склону к руинам, и вдруг между ними и обрушенными стенами появились всадники, одетые в древние доспехи.

Строй солдат Риджелло остановился и смешался, когда навстречу им рванулись в атаку с копьями наперерез неизвестно откуда взявшиеся всадники. Арбалетчики первыми бросали свое оружие и, подбежав к лошадям, погнались их прочь. Солдаты с мечами простояли чуть дольше, но и они присоединились к паническому бегству.

— Митра! — взвыл Риджелло, бросаясь наперерез бегущим. — Это еще что? Всем стоять! К бою! Живо, все ко мне!

С храбростью, порожденной отчаянием, граф проскакал сквозь рассыпавшийся строй своих солдат и на всем скаку врзался в гущу наступающих рыцарей. В этот момент арбалетная стрела пронзила ему голову.

8. «Наши пути когда-нибудь пересекутся»

Три защитника замка стояли в воротах, наблюдая за бегством офицев.

— Отличный выстрел, девочка! — воскликнул Конан и, смеясь, добавил: — Когда тебе надоеет быть королевой, можешь рассчитывать на место арбалетчика в любой армии, где я буду командиром.

Затем киммериец нахмурился и уже другим тоном сказал:

— Но что-то не пойму я, откуда взялись эти рыцари, разогнавшие наших противников, и куда они затем исчезли в мгновение ока. Это, наверное, твои колдовские штучки?

Марала улыбнулась:

— Это все волшебная сила Звезды Хораллы. Хорошим людям, павшим здесь двести лет назад, не удалось тогда спасти горячо любимое ими королевство. Они ждали вплоть до этого дня, когда Звезда и я — и ты, принесший ее мне, — позволили им исполнить священный долг. Теперь души Аларкара и его благородных друзей смогут наконец успокоиться.

— Эти всадники... они были из плоти и крови, или же это всего лишь бесплотные призраки, сквозь которые человек проходит, словно сквозь дым?

Королева только развела руками, сверкнув при этом голубым сапфиром:

— Я не знаю, и, думаю, никто никогда не узнает этого. Но вот твоё тело нуждается в помощи. Позволь, я перевяжу твои раны и раны Гаруса, хотя бы как умею.

Подведя обоих воинов к ручью, сбегавшему с холма к реке, она обмыла их покрытые грязью тела и перевязала раны полосками материи, оторванной от одежды убитых.

Освежившись, Конан поинтересовался:

— Ну, и что теперь, дорогая госпожа? Риджелло мертв, но найдутся другие, которые не хуже его подомнут под себя короля.

Марала закончила последнюю перевязку и стояла, в задумчивости кусая губы.

— Может быть, Звезда Хораллы поможет мне объединить хороших людей. Да боюсь, что их в Офире не наберется столько, сколько нужно, особенно среди аристократов и богачей. Хотя со Звездой... — Вдруг она оборвала себя на полуслове, глядя на руки. — Кольцо! Где оно? Наверное, соскочило, когда я зачерпывала воду из ручья!

До самого захода солнца все трое искали пропавший перстень. Все напрасно. Резвый ручей, должно быть, унес Звезду в широкую реку или, играя, занес ее песком, скрыв от глаз людей. Поняв, что дальнейшие поиски бесполезны, королева разрыдалась:

— Только-только обрести ее — и вновь потерять!

Конан обнял ее и попытался успокоить:

— Ну, ну, ладно, девочка. Ничего хорошего во всем этом колдовстве нет. Я ему никогда не доверял.

Марала затихла, а когда наконец подняла голову — на ее лице не было слез.

— Решено. Так тому и быть. Даже со Звездой Хораллы у меня были только слабые шансы на победу в Офире. Теперь и эти шансы испарились. Я думаю, что даже сам Митра не сможет сделать из Морантеса мужчину. Я уеду жить в Аквилонию; там у меня есть родня. Пусть мужчины Офира сами решают свои проблемы без меня. И пусть Митра поможет народу моего королевства!

— У тебя есть хоть какие-то деньги? — спросил Конан.

— Сейчас покажу, — с улыбкой ответила королева.

Отвернувшись, она вытащила из-под одежды широкий пояс со множеством вшитых карманов, в которых плотно лежали драгоценные камни и золотые монеты.

— Этого хватит надолго, — прикинул Конан, — если, конечно, какой-нибудь вор не облегчит твои запасы.

— А в этом я положусь на Гаруса. — Повернувшись к капитану, королева спросила: — Ты ведь не оставишь меня в изгнании? Правда?

— Госпожа! Я последую за вами хоть в преисподнюю.
— Благодарю тебя, верный друг, — с королевским поклоном ответила Марала. — Ну а ты, Конан? Я, к сожалению, не смогу предложить тебе обещанный пост генерала офицерской армии. Ты хочешь поехать со мной?

Конан покачал головой:

— Мои планы изменились. Я лучше отправлюсь на север, в свою родную Киммерию.

Королева внимательно посмотрела на него:

— Похоже, ты не очень рад своему решению. Может быть, тебе страшно возвращаться туда?

Смех Конана был похож на скрежет стали о сталь в бою.

— Знаешь, красавица, за исключением кое-какого колдовства да всяких сверхъестественных тварей, которые попадались мне на пути, я не боюсь ничего. Дома у меня, конечно, осталась пара старых врагов, но это не пугает меня. Да и вообще, Киммерия — тихое, скучное место, по сравнению с южными королевствами, вроде твоего.

Взяв руки Маралы в свои, Конан обвел глазами ее золотые волосы, изящное лицо, высокую грудь и тонкий стан. Его глаза загорелись, а голос стал почти заговорщицким.

— По правде говоря, хорошая компания сокращает путь и согревает одинокое сердце.

Наблюдая за ним, Гарус весь напрягся. Марала вежливо высвободила руки и покачала красивой головой.

— Пока Морантес жив, а я — его законная жена, я буду верна своей супружеской клятве. — Она печально улыбнулась. — Но ничто не вечно, не вечен и мой брак. Скажи, зачем ты отправляешься на север, если тебе этого не хочется. Ведь южные хайборийские страны предоставляют большие возможности для таких храбрых, сильных и великодушных людей, как ты.

— Я всего лишь нанесу кое-кому в Киммерии визит.

— Кому? Какой-нибудь возлюбленной из ранней юности?

Конан холодно посмотрел на королеву, но его сапфировые глаза выдавали скрытое разочарование.

— Ну, положим, я собираюсь навестить одну уже старую женщину. Кто она — только мое дело. Кстати,

в каком городе Аквилонии ты собираешься обосноваться? Как знать, может быть, наши пути когда-нибудь пересекутся.

Марала ласково улыбнулась могучему киммерийцу:

— Мои родственники живут в графстве Альбиона, недалеко от Тарантии. Они старые и бездетные, а ко мне относятся как к дочери. Они даже хотят передать мне в наследство свои владения и титул. Так что в скором времени ты сможешь разыскать меня уже не как королеву Офира, но как графиню Альбионскую.

КАМЕНЬ НА БАШНЕ

1. Запах смерти

Первый баркас ткнулся носом в песчаный берег в тот час, когда небо на западе пылало багровым пламенем. Экипаж баркаса в полном составе выскочил за борт и втащил свое судно поглубже на песок, к самому краю прибрежных зарослей, чтобы прилив не унес его в море.

Экипаж представлял собой колоритную картину. Большинство матросов были родом из Аргоса — коренастые ребята с каштановыми или рыжими волосами. Кроме них в экипаж входили и несколько зингарцев — долговязых, жгучих брюнетов. Немалую часть составляли и мускулистые, крючконосые шемиты со смоляными курчавыми бородами. Все моряки были одеты в грубые матросские рубахи. Одни прыгали с борта босыми, другие же были обуты в высокие, промазанные жиром сапоги. У каждого за алым поясом был засунут кинжал, палаш или сабля.

Среди них был единственный стигиец — высокий, худой, смуглый человек с тонкими губами, черными глазами и наголо выбритый. На нем была короткая полутуника и сандалии. Его звали Мена-колдун. На самом деле он не был чистокровным стигийцем: незаконнорожденный сын шемитского жреца и женщины из Кеми — города в таинственной и зловещей стране Стигии.

Матросы, выполняя приказ командира, затащили баркас в самые джунгли, почти скрыв его там. Человек, распорядившийся высадкой, не был ни аргосийцем, ни зингарцем. Он был родом из Киммерии — холодной горной страны на севере. Огромного роста, широкоплечий, с гривой черных как вороново крыло волос, он смотрел на мир ледяными глазами цвета сапфира. В отличие от остальных пиратов, он был гладко выбрит. Могучая рука лежала на рукояти сабли, висевшей на боку. За поясом торчал длинный кинжал. Звали этого великана Конан.

Вслед за первым баркасом спокойную гладь небольшого залива вспороли ритмично двигающиеся весла второго. А вдалеке от берега, не входя в бухту, встал на якорь большой парусник — пиратское судно «Ястреб». Точно так же, как первый баркас, матросы вытащили на прибрежный песок и второй. Командир второго экипажа подошел к Конану, наблюдавшему, как пираты укрывают пальмовыми листьями обе кормы, чтобы окончательно спрятать баркасы от постороннего взора. Второй командир был типичным зингарцем — темнокожим, с орлиным носом, подчеркивавшим высокомерное выражение лица. Тонкие усы и небольшая бородка обрамляли плотно сжатые губы и украшали острый подбородок. Это был капитан Гонзаго, пират, достаточно известный всем баракханским флибустьерам. Последний месяц Конан был его первым помощником.

— Собери людей и следуй за мной, — сказал Гонзаго.

Киммериец кивнул и уже открыл рот, чтобы отдать приказ, когда подошедший стигиец-колдун осторожно дернул его за рукав.

— Чего тебе? — неприветливо буркнул киммериец. Ему не нравился стигиец: его лицо, выбритая макушка, сверкающие глаза. Хотя, скорее всего, это шло просто от нелюбви ко всем волшебникам, чародеям и колдунам.

— Смерть, — прошептал Мена. — Я чувствую в воздухе запах смерти...

— Тише ты, болван, людей переполошишь, — оборвал его Конан. Он знал, что баракханские корсары — плохо управляемый, мятежный и очень суеверный народ. Поэтому он несколько раз просил Гонзаго не включать в экипаж этого колдуна-стигийца. Но капитан Гонзаго решил по-своему.

— Ну, что вы там медлите? — рявкнул Гонзаго, подходя к ним. — Осталось не больше часа до темноты, а нам нужно за это время пробраться через проклятые джунгли к самой башне. Каждая минута на счету.

Конан повторил предостережение Мены. Капитан внимательно посмотрел на колдуна:

— Слушай, приятель, не мог бы ты изъясняться поконкретней? Какая смерть, чья, от чего?

Мена печально покачал головой:

— Я ничего не могу добавить. Но я уже раскаиваюсь в том, что забрался с вами на этот остров. Сиптах — могущественный колдун. Мне не справиться с его заклинаниями и чарами.

Гонзаго сплюнул и выругался. Конан молча стоял, оглядываясь вокруг. Он не видел и не чувствовал никакой опасности от голубого моря, желтого песка и пылающего неба. Лишь мрачные заросли джунглей внушали опасение, как все неизведанное. Они могли таить пылающие в темноте глаза хищных зверей, шипение ядовитых змей из-под упавших деревьев, коварные болота, лихорадку или же враждебное отношение местных племен.

Все эти опасности не были чем-то непривычным. Скорее, наоборот, они составляли повседневную рутину для тех, кто промышлял пиратским делом. А пока и вовсе все шло гладко. Погода отличная, никаких следов человека на берегу, а что касается хищников, то опыт Конана подсказывал ему, что на небольших островах обычно не бывает очень опасных зверей. Что же мог учуять этот противный колдунишка? Надо признать, иногда они действительно могут почувствовать то, что недоступно обычному человеку.

2. Колдовской камень

Стараясь успеть проделать большую часть пути до темноты, пираты быстро продвигались в глубь острова. Впереди отряда шли двое матросов, тяжелыми длинными ножами расчищавших путь от лиан и кустов и делавших зарубки на деревьях, чтобы обозначить обратную дорогу. Когда первая пара уставала, ее сменяли следующие двое моряков, поэтому отряд продвигался довольно быстро.

Ничто не подтверждало мрачного пророчества Мены. Пираты не встретили ни единого существа, более опасного, чем похрюкивавшие в кустах дикие свиньи, стайка разноцветных попугаев да одинокая змея, поспешившая исчезнуть в кустах при появлении людей.

Все шло настолько гладко, что Конан даже забеспокоился. А вскоре его внутренний инстинкт уже настойчиво предупреждал об опасности. Киммернец, как и Мена, пожелал, чтобы Гонзаго не взялся за это дело.

Башня, которая маячила впереди в просветах между вершинами деревьев, с незапамятных времен возвышалась на этом безымянном островке у берегов Стигии, к югу от Кеми. Говорили, что на этом острове живет стигийский маг, причем только он один, не считая сонма сверхъестественных жутких тварей, вызванных чарами колдуна из других миров и эпох. Пираты архипелага Баракхан считали, что в башне колдуна хранятся несметные сокровища — плата чародею от тех, кто просил его помощи или откупался от его заклинаний. Но Гонзаго прибыл на остров не для того, чтобы попытаться разграбить сокровищницу.

Одна из легенд рассказывала о том, что стигиец давным-давно раскопал в пустыне чью-то древнюю гробницу и похитил оттуда волшебный камень. Говорили, что это был огромный полупрозрачный кристалл с выгравированными на его гранях письменами на неведомом языке. Этот камень обладал невероятной силой. Все побережье Зингары и Шема, а особенно — морские торговцы считали, что, благодаря кристаллу, Сиптах мог повелевать духами воздуха, земли, воды и огня, а также и демонами подземного царства.

Те мореплаватели, которым удалось выкупить расположение Сиптаха, могли спокойно бороздить моря. Ни штормы, ни штили не подстерегали их суда, не нападали на них и неведомые морские чудовища. Жрецы и властители прибрежных городов готовы были дорого заплатить за этот колдовской камень, чтобы плавать по морю, не отдавая львиную долю прибыли ненасытному чародею. Без кристалла Сиптах не сможет больше угрожать им, потому что все его заклинания обретали силу, только когда он прикасался к магическому камню.

Кое-кто на побережье поговаривал, что Сиптах уже мертв, ибо много месяцев прошло с тех пор, как купцы в последний раз получали требование об уплате дани. Если же Сиптах и был жив, то он, несомненно, достиг невероятного для обычного человека возраста. Но колдуны издавна славились тем, что могли своей тайной силой продлевать себе жизнь.

И вот, союз купцов, желая обезопасить навсегда плавание в этих морях, вышел на самых отчаянных пиратских капитанов с предложением похитить магический кристалл

у Сиптаха и привезти его в один из приморских городов. Если же таинственный стигиец действительно мертв, то его камень все равно нельзя было оставлять в башне. Завладей им другой колдун — все могло начаться вновь, а то и обернуться еще хуже. Новый владелец мог оказаться еще более жадным и злобным, чем Сиптах.

Эта идея пришлась по вкусу не только дерзкому и храброму Гонзаго, но и Гонзаго-жадному. Он захотел получить этот камень любой ценой, даже вырвав из рук таинственного стигийца. Жадный капитан рассудил так: сколько бы ни заплатили ему купцы за похищение кристалла, какой-нибудь другой колдун, жаждущий воспользоваться магическим камнем Сиптаха, сумеет отблагодарить его еще более щедро.

Гонзаго вовсе не был беспечным дураком. Он знал, что люди, похищавшие имущество волшебников и колдунов, редко жили долго и умирали в основном не своей смертью. Нет, Гонзаго будет осторожен и разумен.

3. Кровь на песке

В одном портовом кабаке Мессантии пиратский капитан встретился с Меной. Эта встреча оказалась решающей. Теперь в распоряжении Гонзаго для борьбы с колдовством был свой колдун. Капитан приказал своим людям немедленно подготовить «Ястреба» к выходу в море.

Продираясь сквозь заросли вместе со своим отрядом, Гонзаго довольно подумал, что поступил правильно, высадившись на противоположном от башни конце острова. Конечно, переход через джунгли — это лишнее время, зато колдун, если он, конечно, еще жив, не заметит приближающиеся к острову парусник и баркасы. Теперь матросам останется только осторожно выйти на опушку, а затем одним рывком добежать до башни, вломиться в нее и захватить магический кристалл да и кое-что еще из сокровищницы Сиптаха.

Но Гонзаго не дожил бы до своих лет, занимаясь опасным пиратским ремеслом, не будь он трижды осторожен и предусмотрителен. Отозвав в сторону колдуна-стигийца, он спросил:

— Ты можешь как-нибудь заколдовать нас или сделать что-нибудь еще, чтобы защитить от чар Сиптаха?

Мена пожал плечами:

— Если повезет, я могу на время затуманить его зрение, чтобы мы смогли спокойно добраться до башни.

— Как тогда, в кабаке? — ухмыльнулся Гонзаго, вспомнив, как Мена доказал ему свои колдовские способности.

Стигиец кивнул.

— Что ж, сойдет, — согласился капитан.

Не говоря больше ни слова, Мена собрал несколько сухих веток и развел на ближайшей к краю зарослей поляне небольшой костер. Остальные пираты заинтересованно следили, как колдун вытащил из заплечного мешка небольшие свертки и серебряной ложечкой отмерил равные доли каких-то разноцветных порошков. Ссыпав образовавшуюся смесь в медную чашку, стигиец поставил ее на образовавшиеся в костре угли. Густой, едкий дым расплылся вокруг.

Конан чихнул и сплюнул. Ему были не по душе все эти штучки. Будь его воля, он предпочел бы просто ворваться в башню с мечом в руке да с отрядом бойцов понадежнее за спиной. Но, делать нечего, здесь приказы отдавал Гонзаго.

Мена сел, поджав ноги, у тлеющих углей и стал нараспев читать какие-то заклинания. Клубы дыма и закатное солнце, отражавшееся от его выбритого черепа, делали стигийца похожим на высохшую мумию, обтянутую гладкой кожей. Его глаза ярко сверкали из глубоких глазниц, словно две зловещие звезды. Постепенно пение Мены перешло в свистящий шепот.

Неожиданно оборвав заклинания, колдун поднял глаза и ткнул пальцем в Гонзаго:

— Ты и твои люди должны покинуть меня. Уйдите отсюда, завершение таинства требует полного одиночества.

Гонзаго кивнул и отправил своих матросов назад по только что прорубленной тропе. Когда Мена скрылся из виду, пираты расположились на земле, привалившись спинами к стволам деревьев, и стали ждать, отгоняя мух, когда стигиец вновь позовет их.

Прошло довольно много времени. Начали сгущаться сумерки. Вдруг над джунглями пронесся хриплый стон...

Сыпя проклятиями, Конан и Гонзаго ринулись на поляну. Мена лежал ничком рядом с тлеющим костром.

Осторожно перевернув его, Гонзаго вздрогнул и от ужаса даже помянул давно забытых им богов страны его детства. Горло Мены было перерезано от края до края. Алая кровь ручьем лилась на покрытую опавшей листвой землю и жадно впитывалась в нее.

Это могло значить, что либо Сиптах все еще жив и хранит свои сокровища, либо то, что демоны, над которыми он был хозяином, продолжали выполнять волю уже умершего колдуна. В любом случае, ничего хорошего это открытие не сулило.

Гонзаго задумчиво посмотрел на Конана и на своих подчиненных, кольцом окруживших место трагедии. Киммериец, которого, несмотря на жару, прошибла дрожь, ничего не сказал. Колдун-стигиец говорил чистую правду, твердя про запах смерти, витавший в воздухе.

4. Там, куда нет входа

Несмотря на то что каждый в отряде почувствовал ледяное дыхание неведомой угрозы, мало кто из отчаянных сорвиголов согласился бы уйти с острова с пустыми руками. Гонзаго решил штурмовать башню, полагаясь на то, что острая сталь сумеет победить самую черную магию. Он повел свой отряд вперед. Пораженные странной и страшной смертью Мены, пираты шли под первыми звездами, появившимися на вечернем небе, обмениваясь лишь короткими фразами, да и то произнося их шепотом.

Конан первым взобрался на прибрежную дюну. Позади него остались темные заросли джунглей, впереди, под только что вышедшей луной, сверкал серебром песчаный берег, за которым вздыхало темное море. Лишь самые обыкновенные ночные звуки нарушали тишину: шуршание набегавших волн, далекий крик чайки да неумолчное стрекотание каких-то насекомых.

На расстоянии полета стрелы в небе вырисовывался силуэт башни — словно палец, указывающий куда-то вверх. Это был простой цилиндр, окруженный наверху широкой галереей, над которой возвышалась остроконечная крыша.

На вид башня казалась безжизненной. Но Конан прекрасно понимал, что там, где вступают в дело всякие колдовские штучки, — внешний вид может быть обманчив. Как бы то ни было, но смерть Мены показала, что хозяин острова знает об их приближении. Преимущество неожиданности было потеряно. Оставалось лишь штурмовать башню в открытую, не прячась.

Гонзаго приказал срубить несколько пальм и привязать к ним крест-накрест небольшие, но достаточно толстые ветки. С этими импровизированными осадными лестницами отряд ринулся к башне. Но, подбежав к ее основанию, пираты остановились в изумлении: в жилище Сиптаха не было ни окон, ни дверей.

Гладкие стены из черного базальта поднимались к небу. Ни единой трещины, щели, отверстия не смогли обнаружить в плотной кладке люди капитана Гонзаго.

— Кром и Митра! — пробурчал Конан. — Этот колдун что, летать умеет?

— Сэт его знает, — прошипел Гонзаго.

— А если попробовать забросить на галерею абордажный крюк? — спросил один из пиратов.

— Слишком высоко, — ответил капитан.

Матросы внимательно обшарили все окружающие скалы, но не нашли ничего похожего на замаскированный вход в подземный туннель. Стало ясно, что штурм с ходу сорвался.

Но в любое жилище должен быть вход. И если башня была местом жительства хоть кого-нибудь, ее обитатель рано или поздно должен будет как-то воспользоваться этим входом. Гонзаго подумал и затем приказал:

— Пошли отсюда, ребята. Сейчас в темноте, без инструментов мы ничего не сделаем. Надо будет продумать, что делать дальше. А пока — до утра остановимся в зарослях. И подальше, чтобы какой-нибудь шальной арбалетчик не достал нас с галереи.

Конан внимательно глядел на отходивших от башни пиратов. Похоже, что они даже радовались отступлению. Мало кто был настолько глуп, чтобы не понимать, как опасно нападать на колдуна в его собственном логове, да еще так явно закрытом для посторонних.

Пираты устроили лагерь там, где заканчивались джунгли и начинался прибрежный песок. Конан приказал собрать хворост для костра, а Гонзаго отрядил двоих матросов для того, чтобы, вернувшись на «Ястреб», они сообщили оставшемуся там помощнику капитана аргосийцу Борусу о непредвиденной задержке. Затем они должны были вернуться, нагрузив мешки топорами, ломами, баграми, молотами и прочими инструментами. Кроме того, нужно было пополнить запасы вина и пищи.

Остальные пираты расселись у костра, пережевывая сушеное мясо и жалуясь на нехватку воды. Но стоило Гонзаго подойти к огню, как ропот прекратился. Все знали, что капитан и в хорошем настроении бывал достаточно крут с недовольными, а сейчас его глаза сверкали ледяным гневом.

Конан расставил часовых, установил очередность смены и сел, прислонившись к стволу пальмы, воткнув перед собой в землю саблю. Но в эту ночь киммериец еще долго не мог заснуть.

Шум прибоя затих, замолчали даже вездесущие цикады. Джунгли затихли, словно в ожидании. Ожидании чего? Конан этого не знал, но чувствовал себя напряженным, словно сжатая пружина. Его обостренные варварские инстинкты шептали, что рядом с ними было что-то неведомое. Это что-то (или кто-то) тайно следило за незваными гостями.

5. Кошмарные сны

Наконец Конан уснул. Но и во сне он, мучимый тяжелыми предчувствиями, видел все тот же ночной берег, на котором спали вокруг костра моряки, похожие на его товарищей.

Даже во сне Конан легко узнал одного из них. Высокий, стройный, с налетом аристократизма — это, несомненно, был Гонзаго.

Во сне Конан увидел капитана, завернувшегося в длинный плащ и сидящего на бревне, устремив взгляд на рубиновые угли догорающего костра. Затем из зарослей появилась другая фигура. Как и Гонзаго, этот персонаж сна

киммерийца тоже был закутан с ног до головы в широкий плащ.

Темнота и черное одеяние не давали Конану рассмотреть это существо. Что-то в нем было не то. Форма головы? Странная сутулость? Или глаза, горевшие хищным, звериным, а не человеческим огнем? Мучаясь во сне от догадок, киммериец так и не смог разобраться, что же за злобная тень приближалась к капитану.

Тот же явно не замечал странную черную фигуру и продолжал неподвижно сидеть, глядя в огонь. Сквозь пелену сна Конан попытался крикнуть, предупредить Гонзаго, но не смог. Он хотел хоть как-то привлечь внимание капитана, но что-то не давало ему говорить и двигаться.

Не издав ни звука, черный незнакомец какими-то странными движениями подобрался сзади к ничего не подозревавшему капитану, разведя руки, оканчивавшиеся крючковатыми пальцами, наподобие лапы хищной птицы. Но самое удивительное было не в этом. То, что Конан поначалу принял за складки длинного плаща, оказалось крыльями — как у гигантской летучей мыши.

Киммериец все так же пытался разорвать оцепенение сна, предупредить капитана о нависшей над ним опасности. Но все напрасно...

Вдруг дикий крик разорвал ночную тишину, прервав сон киммерийца. Еще мгновение Конан просидел прислонившись к пальме, не понимая, спит он или уже проснулся, а затем вскочил на ноги, сжав рукой саблю.

Страшный хриплый крик разбудил и остальных. Пираты вскочили, сжимая оружие, и, оглядываясь вокруг, искали причину столь резкого пробуждения.

Вскоре все взгляды обратились к капитану Гонзаго, все так же неподвижно сидевшему в лунном свете над погасшим костром. Крепко же спалось свесившему голову на грудь капитану, если нечеловеческий вопль не разбудил его.

От недоброго предчувствия волосы у Конана встали дыбом. Киммериец осторожно подошел к Гонзаго и легко тронул его за плечо. Капитан беззвучно повалился на спину, словно сломанная кукла. Конан понял, кто издал

тот душераздирающий крик; понял он и то, что они были не одни на этом затерянном острове. Горло Гонзаго было перерезано чем-то вроде острого крюка или когтя чудовищной птицы. Сквозь кровавую маску глаза капитана неподвижно глядели в небо.

6. Убийство при свете луны

Никто из пиратов больше не уснул; никому не хотелось закончить свою жизнь на этом острове с перерезанным горлом. Матросы снова развели костер и подкладывали все новые и новые ветви до тех пор, пока пламя не поднялось выше крон деревьев, а дым не скрыл из виду звезды на ночном небе.

Конан не стал рассказывать остальным о своем сне. Киммериец и сам не смог бы объяснить, почему он решил держать язык за зубами. Может быть, он просто решил не пугать еще больше и без того перепуганных матросов. Он понимал, что, услышав они о черном незнакомце с крыльями, как у летучей мыши, и с когтями, как у огромного грифа, — ему будет еще труднее сохранить дисциплину и заставить их выполнять приказы.

После гибели Гонзаго командование так неудачно начавшейся экспедиции переходило к Конану. Другой помощник капитана — Борус — по-прежнему оставался на борту корабля. Такая ноша была нелегка даже для могучих плеч киммерийца.

Конан расставил новых часовых, удвоив караул. Смерть Гонзаго он объяснил нападением какой-то лесной хищной твари, которая могла по-прежнему бродить где-то рядом.

Сам он вовсе не был уверен в неверности такого объяснения. В конце концов, сон мог оказаться только сном и ничем больше. Хотя киммериец всегда с уважением и вниманием относился к предсказаниям тех, кто угадывал будущее человека по его снам. Хотя кто мог поручиться, что крылатая фигура — не какое-то свирепое творение природы, залетевшее на остров с побережья Стигии. А может быть, это один из людей Гонзаго, затаивший на капитана злобу, решил таким образом отомстить обидчику. Или же страшное видение из сна могло оказаться порождением

чудовищной воли могущественного колдуна? Кто знает, что может скрывать этот затерянный в море остров?

Конан сидел у костра среди неспящих пиратов и думал о своем сне. Неожиданно крик ужаса пронесся сквозь бархатную черноту ночи.

Помянув Крома, киммериец вскочил на ноги. Его сабля сверкнула в свете костра. К лагерю бегом приближалась какая-то тень. Подбежав к Конану, она безмолвно остановилась.

Оказалось, что это не крылатая фигура с горящими глазами и острыми когтями, а один из выставленных Конаном часовых — аргосиец Фабио. Он был мертвенно-бледен; его трясущиеся руки показывали в ту сторону, откуда он прибежал.

Словно крадущийся тигр, киммериец следовал за своим часовым вдоль тропы, по которой пришел их отряд несколько часов назад. Конан двигался, напрягая все чувства — внимательно всматриваясь в темные джунгли, слушая их, принюхиваясь к запахам ночного леса. Вскоре Фабио остановился и ткнул пальцем перед собой.

В лунном свете были видны два лежащих на земле человеческих тела. Конан наклонился и, уже уверенный в причине смерти, перевернул их. Это были два матроса, отосланные Гонзаго за инструментами. На обратном пути безжалостный убийца подкараулил их. Конан пощупал рукой тела и прикоснулся к кровавой луже. Они были еще теплыми; кровь даже не начала сворачиваться. И судя по ране, эти матросы погибли, как и их капитан, от той же руки или лапы.

7. Крылатое чудовище

Конан и Фабио поспешили вернуться к костру, где их ждали остальные пираты. Фабио удалось увидеть убийцу двух матросов, и он, все еще не придя в себя от потрясения, срывающимся голосом рассказал о случившемся остальным:

— Он был как высокий человек, лысый и с горящими, как у кота, глазами, длинными, выдающимися вперед челюстями. Сначала я подумал, что на нем черный длинный

плащ, а когда он взмахнул руками, я увидел, что это — крылья, ну как у летучей мыши. Только огромной.

— Говоришь, огромная тварь? — спросил Конан.

— Да, пожалуй, повыше тебя будет.

— Ну, и что она сделала потом?

— Она одним взмахом когтей на лапах перерезала им глотки. А потом — подпрыгнула в воздух и исчезла, — закончил Фабио, облизав пересохшие губы.

Конан молчал. Молчали и остальные, опасливо озираясь. Никто раньше не слышал о чудовищных летучих мышах, перерезающих горло своим жертвам. Но каким бы ни казалось это невероятным, четыре окровавленных трупа служили весомым подтверждением рассказа часового.

— Как ты думаешь, Конан, это сам Сиптах? — спросил один из пиратов.

Конан тряхнул черной шевелюрой:

— Судя по тому, что я слышал о нем, Сиптах — такой же человек, как ты и я, из плоти и крови, только большой мастер ко всякому колдовству.

— Тогда что же это за чудовище? — спросил другой.

— Не знаю, — ответил киммериец. — Какой-нибудь демон, материализованный Сиптахом, чтобы охранять его владения. А может быть, зверюга, пережившая всех своих доисторических собратьев. В общем, я склонен думать, что в любом случае это существо из плоти и крови, а значит — его можно убить. И именно это нам и нужно сделать, иначе оно перебьет нас всех, подкарауливая по одному, или заставит уйти с острова несолоно хлебавши.

— Как же мы сможем убить его? — спросил крюконосый шемит по имени Абимаэль. — Мы не знаем, где его логово, и, кроме того.

— Предоставь мне заняться этим делом, — оборвал его Конан.

Киммериец молча смотрел в огонь, что-то обдумывая. Наконец он оторвал взгляд от костра и сказал:

— Ясное дело, что для этой чудовищной твари самое подходящее место — башня Сиптаха. Сдается мне, что такой зверюге не нужны ни окна, ни двери.

— Ну и что нам с этого? — возразил Абимаэль. — У нас-то крыльев нет, мы не сможем подлететь к галерее. А как мы уже видели, другого входа в башню нет.

Конан потянулся к огню и злорадно ухмыльнулся, обнажив в почти волчьем оскале два ряда белых зубов, на которых заплескали отблески пламени.

— Мы эту тварь выкурим из ее башни.

8. Бой у башни

К рассвету работа была закончена. Под руководством киммерийца пираты стащили к основанию башни сухие коряги, выброшенные на берег, навалили сверху свеженарубленных пальмовых стволов и веток. Люди работали, как фанатики, всю оставшуюся часть этой страшной ночи.

Когда небо на востоке посветлело, вокруг башни лежал сплошной вал сухого и свежего дерева высотой с человеческий рост. Конан подумал, что ни одно живое существо башни не сможет долго оставаться там. Жара и дым должны будут заставить его покинуть свое убежище.

Крылатое чудовище волей-неволей вылезет из башни, и при свете дня можно будет обратить против него оружие, сделанное руками человека. Перво-наперво Конан расставил лучших стрелков из лука так, чтобы они держали под прицелом вершину башни со всех сторон.

Прибой неустанно шумел у берега, а на горизонте из моря во всей красе, заливая остров золотом и багрянцем, поднималось солнце. Как только его первые лучи дотронулись до крыши башни, Конан скомандовал: «Поджигай!» Матросы воткнули факелы в груды дров с разных сторон. Пламя занялось быстро: через несколько мгновений находиться рядом с гигантским костром стало невозможно. Клубы густого серого дыма поплыли вверх, заползая под крышу башни или поднимаясь выше — к лазурному небу.

— Подбавьте дров! — приказал киммериец.

— Ну теперь мы его поджарим! — крикнул, подтаскивая к костру кусок пальмового ствола, Абимаэль.

— Не торопись, — остудил его пыл киммериец, — чтобы прогреть такую толщу камня, нужно время. Сейчас главная надежда на дым.

Вдруг один из лучников крикнул что-то, привлекая внимание. Конан поднял глаза и посмотрел на башню.

Темная, мрачная фигура появилась на парапете галереи; она наклонилась вниз, оглядывая берег полными ненависти желтыми глазами. Из груди Конана вырвался вздох облегчения. Его идея сработала! Оставалась вторая половина дела — убить чудовище.

— Приготовились! — крикнул он лучникам.

Раздался чей-то удивленный крик — это чудовище расправило огромные, больше чем у любой птицы, крылья и взлетело.

Несколько стрел просвистели в воздухе. Но в этот миг чудовище, сделав зигзаг, резко полетело вниз. Стрелы пролетели мимо.

Несмотря на то что чудовище ныряло в воздухе из стороны в сторону, Конан сумел разглядеть его. На теле крылатой твари не было ни шерсти, ни перьев. Худое, словно высушенное тело обтягивала гладкая кожа. Грудь сильно выдавалась вперед, образуя нечто вроде кили. От него к основаниям крыльев шли сильные мускулы. Череп чудовища был заострен и вытянут, словно у хищного пресмыкающегося. Кожаные крылья были натянуты на что-то напоминающее человеческие руки без ладоней. Прямо от запястьев расходились в стороны три свободных пальца, заканчивавшиеся загнутыми, как крюки, когтями.

Спикировав, как охотящийся сокол, чудовище разодраło лицо и грудь одному из пиратов. Киммериец с боевым кличем подбежал к опустившемуся на землю противнику. Взмахнув саблей, Конан нанес удар, который должен был, по его мнению, раскроить череп крылатой твари на две половины.

Клинок обломился у самой рукоятки, а на черепе чудовища остался лишь неглубокий шрам.

Покачнувшись, чудовище быстро пришло в себя и, развернувшись, нацелилось когтями в грудь киммерийцу. Левым кулаком Конан отбил когтистую лапу, а правой рукой изо всех сил ткнул обломком лезвия в тело крылатой твари. Эти подобные молоту удары не произвели на чудовище почти никакого впечатления. С нечеловеческой силой оно запросто в клочья изодрало кожаную куртку Конана, располосовало ему спину и руки и сильно расцарапало кожу на голове. Кровь стала заливать киммерийцу глаза.

Оказавшийся ближе других Абимаэль, сыпля ругательствами, несколько раз наотмашь ударил чудовище длинным морским ножом. Это дало Конану лишь мгновение передышки. Киммериец ясно понял, что счет его жизни пошел на минуты и секунды.

Полуослепнув от залившей глаза крови, Конан отчаянно сопротивлялся. Краем глаза он увидел, что остальные пираты со всех ног несутся к месту схватки. Еще несколько мгновений — и град ударов сомнет монстра, несмотря на всю его невероятную живучесть.

Почувствовав опасность, смертоносный житель других миров развернулся, отпустив Конана, и приготовился взмыть в воздух. Но разгоряченный боем киммериец вовсе не собирался отпускать его, чтобы позволить вновь безнаказанно атаковать с воздуха. С яростным рыком он вскочил на спину чудовищу, обхватив одной рукой его шею. Конан рассчитывал переломить шею или скрутить ее на сторону, но почувствовал под рукой не живое тело, а скорее стальную колонну.

Хлопнули кожаные крылья, лоя утренний бриз, могучие мышцы напряглись, и чудовище взлетело, унося Конана на спине. Прежде чем киммериец сообразил, что происходит, прыгать стало невозможно, ибо крылатая тварь поднялась уже шагов на двадцать над прибрежными скалами. Оставалось лишь покрепче вцепиться пальцами в шею проклятого чудовища. Конан увидел стоявших внизу пиратов. Некоторые вскинули вверх луки, но не решались выстрелить, боясь попасть в человека.

Монстр кругами поднимался все выше и выше, пока не поравнялся с парапетом галереи. Конан успел рассмотреть, что парапет был очень невысоким, а за ним лежала выложенная плоскими камнями площадка. Остроконечную крышу поддерживали четыре базальтовые колонны. Эти колонны были покрыты рельефами, изображавшими невиданные существа. На одной — тянули в разные стороны извивающиеся щупальца какие-то бесформенные создания. На второй были изображены змееподобные существа с когтями, с третьего недобрыми глазами следили за неведомым противником рогатые, оскаленные монстры. А с четвертой, казалось, были готовы сорваться человекоподобные тела с перепончатыми крыльями — копии

того чудовища, которое сейчас несло Конана к этим колоннам.

Словно неуклюжая птица, чудовище спланировало на площадку между колоннами. В этот момент Конан соскользнул с его шеи и выхватил из-за пояса кинжал. Понимая, что это не то оружие, с которым можно противостоять такому противнику, киммериец все же решил отдать свою жизнь как можно дороже.

Чудовище, растопырив крылья и шевеля смертельными крючьями когтей, приближалось к нему. Конан напрягся и приготовился к единственному последнему прыжку.

Вдруг чудовище взвыло от боли, одно его крыло бесильно повисло. Конан увидел, что из плеча монстра торчит древко стрелы, наконечник которой глубоко застрял в теле. Радостные крики снизу приветствовали удачный выстрел одного из баракханских лучников. Конан ухмыльнулся. Крылатое чудовище вовсе не было столь неуязвимо, как показалось вначале. А раз его можно ранить — его можно и убить.

Подволакивая одно крыло, чудовище снова двинулось в атаку. Некоторое время они с Конаном кружили вокруг открытого проема в центре пола. Затем киммериец остановился и стал ждать приближения противника.

Ослабевший от потери крови и уставший от борьбы Конан собрал последние силы. Бросившись вперед, словно тигр из засады, он налетел на противника и вонзил кинжал ему в грудь, целясь в сердце. Лезвие ушло в тело по самую рукоятку. На мгновение чудовище застыло, содрогнувшись от мощи удара. Затем, издав дикий хриплый крик, оно согнулось пополам и, вырвав оружие из руки киммерийца, упало и закрутилось на каменном полу. Несколько мгновений — и оно затихло. Конан, вытерев кровь со лба, подождал, высматривая в поверженном враге признаки жизни. Но огромная хищная птица лежала неподвижно.

Киммериец внимательно оглядел проем в полу башни. Вниз шла каменная винтовая лестница. Видимо, чудовище и впрямь было выкурено из своего логова, потому что даже сейчас к крыше поднимались струйки дыма от затушенного костра, которые затягивало в открытый люк.

Не зная, что ждет его внизу, Конан все же спустился по лестнице, кашляя от еще не рассеявшегося дыма, и очутился в круглом помещении.

Комната оказалась роскошно украшенной. Пол был выложен причудливой мозаикой из светлых и темных кусков полированного дерева. Тут и там на полу лежали ковры, с вышитыми на них пентаграммами, шестиугольниками и другими таинственными знаками. По стенам, тоже покрытым толстыми коврами, было укреплено несколько золотых и серебряных зеркал. Поочередно отражая и рассеивая проникающие сквозь отверстия в потолке лучи солнца, они наполняли комнату ровным, неярким светом. Справа от Конана стояла резная подставка из черного дерева, на которой покоился древний пергаментный свиток. Дальше, у самой стены, был виден какой-то идол — застывшая маска зла и угрозы.

Конан быстро обошел помещение в поисках чего-нибудь, что могло бы сойти за оружие, но не нашел ничего. В нескольких местах тяжелые занавеси скрывали глубокие ниши в каменных стенах. Конан наугад распахнул одну из портьер — и замер.

В центре ниши на небольшом возвышении стоял стул с высокой спинкой, сделанный из белого мрамора. Всю поверхность трона покрывали рельефные изображения змей, драконов и голов демонов. А на самом троне восседал могущественный колдун Сиптах, бесстрастно смотревший в глаза Конану.

9. Раб кристалла

Уже напрягшись и приготовившись вступить в бой, Конан с облегчением вздохнул: Сиптах был мертв. Тонкая высохшая кожа плотно обтягивала череп и кости рук. Киммериец принюхался, но не почувствовал запаха разложения. Колдун, наверное, уже долгие месяцы сидел на своем троне, высыхая изнутри и превращаясь в мумию.

Неподвижная фигура была одета в изумрудно-зеленую мантию. В костлявых ладонях колдуна был зажат большой необработанный кристалл, светившийся каким-то таинственным внутренним светом. Конан понял, что это и есть

тот дьявольский камень, из-за которого капитан Гонзаго привел своих людей на этот остров.

Конан подошел поближе, чтобы рассмотреть камень. На его взгляд, это была просто глыба необработанного хрусталя, каким-то образом подсвеченная изнутри. Но сколько же людей мечтали заполучить этот сверкающий осколок, таивший в себе неведомые силы. Конан не знал, как вызываются демоны, заключенные каким-то магом в светящийся камень. Да, по правде говоря, киммерийца это мало интересовало. Он предпочитал держаться подальше от любой магии и волшебства.

Царапанье когтей по полу оторвало киммерийца от разглядывания камня. Конан резко обернулся. Проклятое чудовище, спустившись на полуоткрытых крыльях в глубь башни, направлялось к нему. Конан с ужасом глядел на по-прежнему торчавшую из кожистого крыла стрелу и кинжал, вонзенный в грудь чудовища по самую рукоятку. Любой человек или самая живучая тварь из диких джунглей давно скончались бы от таких ран. Но, как видно, законы природы не были писаны для стража башни Сиптаха.

Чудовище, выставив вперед когтистые лапы, приближалось к человеку. Резким движением Конан отскочил в сторону и схватил деревянную подставку, с которой слетел древний свиток, и занес ее над головой как дубину.

В следующий момент киммериец изо всех сил опустил «дубину» на голову монстру. От удара невероятной силы чудовище покачнулось и отскочило назад, а резная подставка разлетелась в щепки.

Тряся головой, чтобы стряхнуть с морды стекающую из проломленного черепа кровь, чудовище снова шагнуло вперед. Конан не мог не восхититься живучестью существа, способного с такими ранами продолжать делать свое дело. Правда, свою песенку киммериец считал уже спетой; оказавшись безоружным один на один с едва ли не бессмертной тварью.

Вдруг, словно молния, дерзкая мысль сверкнула в голове киммерийца. Вбежав в нишу, он вырвал из рук мумии сверкающий кристалл и швырнул его в наступающее чудовище.

Как ни меток был бросок Конана, ловкое животное сумело увернуться, и, пролетев мимо цели, кристалл описал

в воздухе дугу и с ослепительной янтарной вспышкой разбился о нижнюю ступеньку каменной лестницы, разлетевшись на тысячу кусков.

В это же мгновение, не дойдя всего шага до Конана, чудовище испустило отчаянный вопль и рухнуло на пол. Вспыхнуло пламя, повалил дым. В пелене дыма киммериец видел, как рассыпается в прах крылатое создание. Оно словно разлагалось, как любое мертвое животное, но в десять тысяч раз быстрее. Через несколько мгновений все было кончено: лишь тонкий слой пепла на полу, словно тень, повторял контуры крыльев и длинного черепа. Стрела и кинжал остались лежать в куче пепла.

10. Сокровища Сиптаха

Солнце стояло в зените, когда наконец черная шевелюра Конана показалась над парапетом башни. Его лицо было покрыто запекшейся кровью, глубокие шрамы пересекали грудь и руки киммерийца.

Помахав рукой столпившимся внизу пиратам, он спустил вниз на веревке, связанной из найденных у колдуна одеяний и покрывал, маленькую корзину. Затем, перебирая руками по самодельной веревке, он и сам соскользнул к подножию башни, приземлившись в груды золы и углей, оставшихся от огромного костра.

— Боги и демоны! Есть на этом проклятом острове хоть глоток воды? — прохрипел киммериец.

— Держи! — раздались возгласы, и с разных сторон к нему протянулись бурдюки с вином. Сделав несколько глотков, Конан с удивлением увидел Боруса, аргосийца, остававшегося за капитана на «Ястребе».

— Те двое, которых прислал Гонзаго за инструментами, рассказали мне, что тут творится. Я решил, что будет лучше, если я подойду к башне с моря, — объявил Борус. — Да лучше ты расскажи, что там случилось в этой башне?

— Все расскажу, только сначала промою и перевяжу раны и ссадины.

Час спустя Конан сидел на пне, откусывая огромные куски хлеба и сухого сыра и запивая их красным вином из судовых запасов.

— Ну вот, — продолжил киммериец, — чудовище обратилось в прах в считанные секунды. Наверное, это была какая-то древняя тварь, оживленная колдовством Сиптаха, чтобы оберегать остров от непрошенных визитеров. И даже когда хозяин умер, чудовище, повинуясь заклинаниям, продолжало выполнять свое дело.

— И это все ценности, которые были в башне? — спросил Абимаэль, показывая на корзину.

— Все, ну еще древняя мебель и ковры. Да как это все вытащишь оттуда? Я обшарил все помещения — там, где колдун готовил, творил свои заклинания; осмотрел кладовую и даже узкую нишу — его спальню. Ничего больше там не было. Этого хватит на хорошую оплату каждому за рейс, да еще останется на веселую пирушку в Порт-Тортаже.

— А каких-нибудь потайных дверей там не было? — поинтересовался Фабио.

— Насколько я сумел разобраться — нет. Конечно, я тоже предполагал, что у Сиптаха золота должно быть больше, но нашел я только то, что лежит в этой корзине. Скорее всего, драгоценности закопаны где-нибудь на острове. Но без карты мы будем искать их до конца жизни.

Конан помолчал, глотнул вина и бросил взгляд на башню:

— Сдается мне, что эта башня была построена еще задолго до того, как Сиптах появился на острове.

— И кому же она могла принадлежать? — спросил Борус.

— Думаю, что каким-то близким родственникам того чудовища. Только крылатое существо станет строить здание без дверей и окон. Только я думаю, эти существа ходили по земле — или летали над ней, — когда человека еще и в помине не было.

— А Сиптах сумел своими заклинаниями заколдовать этого человека — летучую мышь?

Конан пожал плечами:

— Тут мы можем только гадать. Но в любом случае это существо оказалось как-то связано со сверкающим кристаллом. Когда камень разбился, погибло и оно.

Абимаэль почесал в затылке:

— Кто его знает? Может быть, это существо вовсе и не было таким злым. Просто Сиптах своими заклинаниями заставил его выполнять такие жестокие приказы.

— По мне, дьявол есть дьявол, — сказал Конан, — хотя, может быть, ты и прав. Этого мы уже никогда не узнаем. Давайте возвращаться на корабль. Борус, правь на Барахан. Но как только мы окажемся на борту — я предупреждаю, — если хоть одна собака разбудит меня раньше, чем я проснусь сам, то мерзавец пожалеет, что крылатое чудовище не перерезало ему глотку!

БОГИНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Родившись где-то на западе, барабанная дробь на легком ветру долетала до храмовой башни, розовеющей в предзакатном солнце. На вершине башни был виден черный силуэт Зарамбы — верховного жреца королевства Пунт. Его худая фигура напоминала застывшего на крыше аиста. То, что походило на длинный клюв, было всего лишь частью прически — навощенной прядью волос, торчащей надо лбом черного жреца.

Зарамба напряженно вслушивался, пытаясь разобрать скороговорку далекой барабанной дробь. Его собственный барабанщик, одетый лишь в узкую набедренную повязку, стоял рядом со своим инструментом — двумя разного размера полыми кусками стволов деревьев. Он беззвучно шепелил губами, считывая далекое послание.

Наконец барабанщик повернул к жрецу встревоженное лицо и сказал:

- Плохие известия.
- О чем же? — спросил Зарамба.
- Чужеземцы сумели заплести свои интриги в Кешане.

Король приказал выслать всех чужаков из страны. Жрецы Алкменона были зарезаны демонами в храме, лишь одному удалось бежать. Он сейчас и сообщает нам о случившемся. А теперь негодяи, устроившие эту резню, направляются в сторону нашей страны. Жителям Пунта следует быть бдительными!

— Я должен сообщить об этом королю, — встревожился Зарамба. — Передай нашим братьям-жрецам в Кешане благодарность за их предупреждение.

Барабанщик начал отстукивать свою таинственную дробь, а Зарамба быстро спустился с башни и поспешил в королевский дворец из необожженного кирпича, возвышающийся в центре Кассали — столицы Пунта.

Несколько дней спустя, в час, когда солнце касается земли на западном горизонте, длинные облака плыли по лазоревому океану, словно алые знамена, предвещающие войну. Красно-золотые лучи играли на позолоте и стеклянных окнах королевского дворца, выкрашенного разными красками храма и домов богатых горожан.

С запада лес ближе всего подходил к городу, стоявшему на холме. И именно из этого леса появились в этот час два человека, ехавшие верхом на тощих, низкорослых стигийских лошадях.

Впереди ехал высоченный мужчина. Он был почти раздет, и его мужественное лицо, широкие плечи и сильные руки были покрыты бронзовым загаром. Его одежду составляли лишь потертые шелковые брюки, кожаная перевязь через плечо и сандалии из шкуры носорога. С пояса из крокодиловой кожи свисал кинжал в чехле, а широкая перевязь служила креплением для длинного меча в деревянных ножнах.

Роскошные, густые, цвета воронова крыла волосы всадника были ровно подрезаны чуть ниже затылка. Из-под густых черных бровей сверкали ледяным пламенем синие глаза. Не так давно лоб этого великана украшал серебряный кованый обруч — знак командующего нешанскими войсками. Но затем всадник был вынужден продать серебро заезжему шемитскому торговцу, выменяв за него еду и другие необходимые для путешествия вещи, покоившиеся сейчас во вьюке, притороченном к спине запасной лошади, шедшей в поводу.

Выехав из-под прикрытия зарослей, мужчина привстал в стременах, обозревая окрестности. Затем он махнул рукой второму всаднику.

Его спутником оказалась девушка, с трудом сидевшая в седле от усталости. На ее тело была накинута какая-то одежда, которая, впрочем, мало скрывала прекрасные формы юной наездницы. Черные кудри волной спадали по ее плечам, а глаза сверкали, словно два черных опала.

Когда измученная девушка поравнялась с мужчиной, тот тронул шпорами бока своей лошади и пошел прочь от леса по плоской саванне по направлению к поросшим густой травой недалеким холмам.

Конан-киммериец, воин, пират и бродяга прибыл в земли королевства Пунт со своей очередной возлюбленной — коринтийской танцовщицей Муриэлой, бывшей рабыней Зархебы. Они направились сюда в поисках сокровищ, едва избежав мученической смерти от рук кешанских жрецов.

Там Зархеба, его рабыня и его приятель — стигийский торговец Тутмекри разработали план похищения из храма Алкменона корзины с драгоценными камнями. К несчастью, именно такая же идея и именно в это же время пришла в голову Конану — наемному генералу кешанского войска. В образовавшейся неразберихе план был сорван. Зархебу убили какие-то привидения или демоны — стражи храма, а Конану и Муриэле пришлось спасаться бегством от мести Тутмекри и разгневанных жрецов.

Когда фальшивое перевоплощение Муриэлы в богиню Елау раскрылось, Тутмекри и его свита чуть не угодили в пасть к крокодилам из королевского пруда. С трудом выбравшись из Кешана, стигиец и его люди направились в Пунт.

Здесь, в столице Пунта — Кассали, Тутмекри направился в королевский дворец. Представ перед королем Лалибеей, стигиец сообщил ему о якобы готовящемся вторжении кешанцев и предложил свои услуги при дворе.

Советники короля скептически отнеслись к этой информации. По их словам, армии Пунта и Кешана практически равны по силе и любое вторжение становилось бессмысленным, учитывая огромные потери и возможное поражение. Тогда хитрый стигиец заявил, что ему стало известно о тайном союзе короля Кешана и монархов-близнецов, вассалов Зембабве, государства на юго-востоке от Пунта. Союзники якобы хотели разделить между собой территорию Пунта. После таких заявлений Тутмекри предложил королю обучить его черные легионы цивилизованным способам ведения войны и даже возглавить войско пунтабе в походе на Кешан.

Тутмекри был не единственным, кто прибыл в Пунт в поисках богатства и власти. Сокровища черного королевства привлекли также внимание Конана и Муриэлы. По слухам, пунтабе частенько намывали золотые самородки размером с гусиное яйцо в песках по берегам горных рек.

Еще легенды рассказывали о драгоценных дарах, преподносимых верующими богине Небетет, чей образ был вырезан из слоновой кости и инкрустирован алмазами, сапфирами и жемчугом из далеких морей.

Дорога из Кешана измотала Муриэлу, которая мечтала хорошенько отдохнуть в Кассали, но, узнав, что Тутмекри прибыл в столицу Пунта раньше, Конан изменил свои планы. Срочно закупив продукты, он увез девушку прочь из города. Киммериец решил вновь попробовать использовать актерские способности Муриэлы: на этот раз ей предстояло перевоплотиться в богиню Небетет. Конан рассудил, что местные жрецы не будут возражать, если их богиня предложит им поделиться драгоценностями храма с тем, кого она назовет. А кроме того, богиня сможет и порекомендовать кандидатуру киммерийца на пост главнокомандующего армией Пунта.

Муриэле этот план не пришелся по душе. Она напомнила Конану, что один раз эта затея уже провалилась. Нет оснований полагать, что жрецы Пунта окажутся глупее своих коллег из Кешана. Кроме того, Тутмекри уже втерся в доверие к королю Лалибее и сразу же предупредит его об уже знакомом ему обмане.

Конан недовольно пробурчал:

— Да, хорошо еще, что караванщик Нахор предупредил нас о Тутмекри. Мне, конечно, не тягаться с этой лисой в умении втереться в доверие. Вот был бы номер, явись я к королю на аудиенцию и столкнись там со стигийцем. Живым бы оттуда было не уйти.

— Ну вот, Конан, — вздохнула Муриэла, — выкини из головы свои дурацкие планы. Нахор же предложил тебе место в охране каравана...

— Что? Перетягивать неизвестно куда, охраняя караван Нахора, когда здесь, под носом — целое состояние... Нет, это не по мне.

Раньше, чем первые звезды появились на вечернем небе, Конан и Муриэла подъехали к холму, на котором стоял главный храм богини Пунта — Небетет. Сумерки, ни единого огня в окнах храма, ни души вокруг — все это наполнило душу Муриэлы какими-то недобрыми предчувствиями.

Не воодушевлял и вид самого храма. Круглое здание с куполом было построено из белого мрамора, редкого

материала в этой стране глинобитных стен и соломенных крыш. Запертые ворота были выполнены в форме раскрывшейся пасти с торчащими клыками. Два квадратных окна на втором этаже напоминали пустые глазницы. Этот огромный череп словно оскалился на приближающихся путников.

Муриэла поежилась и сказала:

— Ворота заперты. Поехали отсюда, Конан. Мы не сможем войти.

— Нет, мы останемся, — ответил Конан, — мы войдем, даже если мне придется прорубить стену этого черепа. Подержи-ка лошадей.

Конан соскочил с лошади, бросил поводья девушке и подошел к воротам. Они были закрыты на огромный бронзовый засов, почерневший от времени. Навалившись всем телом, киммериец попытался отодвинуть тяжелую балку. Бесполезно, засов даже не шевельнулся.

— Ну что ж, попробуем по-другому, — спокойно сказал Конан, доставая из седельной сумки моток веревки с крюком на конце.

Киммериец ушел за угол, оставив девушку одну в таком мрачном месте. Когда Конан неожиданно назвал ее по имени несколько минут спустя, Муриэла взвизгнула от неожиданности.

— Иди сюда, Муриэла.

В одном из окон-глазниц показался киммериец и помаhal ей рукой:

— Привяжи лошадей, да покрепче.

Когда животные были привязаны к бронзовому кольцу на воротах, киммериец сказал:

— Держи веревку. Там на конце — петля, сядь в нее и ухватись руками повыше.

Конан начал быстрыми движениями затаскивать девушку вверх, к окну. Когда земля, ворота, лошади — все поплыло вниз, у Муриэлы закружилась голова. Побледневшими пальцами она вцепилась в веревку. Вскоре сильные руки Конана обняли ее за плечи и втащили внутрь. Еще некоторое время пол кружился под ногами девушки, и, лишь когда это ощущение прошло, она открыла глаза.

Она оказалась в маленькой пустой комнате, на стенах которой не было никаких украшений. В дальнем углу вид-

нелся открытый люк, крышку которого поддерживал кусок дерева.

— Сюда, — сказал Конан, взяв Муриэлу за руку и подведя ее к люку, — осторожно. Тут пол очень старый — весь в трещинах и выбоинах.

Под люком оказалась уходящая в темноту лестница, спустившись по которой они оказались в центральном зале храма — круглом помещении под куполом, который поддерживали мраморные колонны.

— Современные пунтабе не могли построить этот храм, — сказал Конан. — Посмотри на этот мрамор. Он явно не из этих мест.

— А кто же его построил, по-твоему?

Конан пожал плечами:

— Не знаю. Я знал одного ученого немедийца, он рассказывал, что порой целые страны и цивилизации исчезают, оставив после себя лишь руины или несколько сохранившихся построек. Мне приходилось встречать такие древние города. Этот храм, наверное, тоже остаток какой-то древней цивилизации. Давай-ка зажжем свет, а то скоро луна зайдет, и тут совсем ничего не увидишь.

Шесть небольших медных светильников висели на цепях между колоннами. Конан снял одну из ламп с крюка и сказал:

— Смотри-ка, здесь свежее масло и фитиль. Значит, кто-то присматривает за лампами. Интересно — кто?

Несколько раз чиркнув кремнем, Конан поджег трут и поднес его к фитилю. Теплый желтый свет разлился по залу.

Напротив запертого входа оказался виден невысокий помост с тремя ступенями, на котором стояла человеческая фигура в полный рост.

— Богиня Небетет собственной персоной, — объявил Конан, шутливо кланяясь идолу.

Муриэла вздрогнула. В пятне света виднелось женское тело — красивое и полное сил. Но вместо ожидаемой изящной головки статую венчал голый череп. Муриэла в ужасе отвела взгляд от этой мертвой головы.

На Конана, для которого смерть была старой знакомой, это зрелище не произвело такого впечатления, хотя и его оно заставило вздрогнуть при первом взгляде. Но куда

больше его поразило то, что статуя была вырезана из одного куска кости. Киммериец в своих странствиях встречался со слонами и слышал легенды о еще больших великанах, но он даже представить себе не мог, какая махина могла иметь бивень больше человеческого тела в объёме.

— Кром! — буркнул Конан. — Похоже, мой план не сработает. Я собирался убрать статую и поставить тебя вместо нее. Но даже идиот не примет тебя за это ожившее страшилище с лысым черепом.

— Тогда бежим отсюда, пока мы еще живы! — взмолилась Муриэла, косясь в сторону лестницы.

— Чушь, детка! Мы еще придумаем, как заставить короля послать подальше этого Тутмекри и взять на службу нас с тобой. А пока что нужно поискать драгоценности, подаренные прихожанам храма. Они должны быть где-то позади идола или в подземных кладовых...

— Я не могу, — слабым голосом сказала девушка. — Я умираю от усталости.

— Тогда побудь здесь, пока я осмотрю храм. Только никуда не уходи и зови меня, если что-нибудь случится.

Взяв лампу, Конан выскользнул из зала, оставив Муриэлу одну. Когда глаза девушки привыкли к темноте, она вновь разглядела в слабом свете луны прекрасное тело богини и ее страшную голову. Резко отвернувшись, Муриэла села на ступеньки помоста спиной к статуе. В полной тишине ей показалось, что она слышит чьи-то тихие шаги. Прислушавшись, она решила, что это всего лишь стук ее сильно бьющегося сердца.

Но как девушка ни пыталась свалить все свои ощущения на усталость, голод, страх — она все равно готова была поклясться всеми богами ее родной Коринфии, что в зале с колоннами есть кто-то еще.

Какая-то непреодолимая сила тянула ее оглянуться, посмотреть на то, что за ее спиной. Некоторое время девушка сопротивлялась этому желанию, заставляя себя преодолеть глупый страх.

Грязная, худая как у скелета рука, похожая на когтистую лапу хищной птицы, сильно сжала сквозь рваную ткань плечо Муриэлы. Визгнув, она обернулась и оказалась лицом к лицу с высохшей, как мумия, старухой с выступающими скулами и оскаленным полубеззубым ртом. Му-

риэла вскопчила, вырвавшись из мерзких костлявых рук, но наткнулась на подобравшееся с другой стороны огромное чудовищное создание, которое легко, словно куклу, схватило ее и прижало к своей широкой волосатой груди. Издав слабый крик, девушка потеряла сознание.

Конан, словно ошпаренный, подпрыгнул на месте, когда до него донеслось эхо девичьего крика. Слово разъяренный тигр, киммериец выскочил из обыскиваемой комнаты и побежал назад по коридору, проклиная себя за то, что оставил Муриэлу одну в этом незнакомом храме, сжавшись над ее усталостью.

Когда он ворвался в центральный зал с мечом в руке и с высоко поднятой лампой, Муриэлы там не оказалось. Конан тщательно осмотрел все помещение. Никаких следов борьбы. Девушка словно испарилась.

Страх заставил вздрогнуть храброго киммерийца. Это в его стране боги мало касались жизни смертных, а здесь, в Пунту, дело могло обстоять совсем по-другому. Конан достаточно встречал в своей жизни всяких сверхъестественных и необъяснимых вещей, что вполне представлял себе, на что способны потусторонние силы.

Подтянув фитиль начавшей коптить лампы, Конан решительно двинулся на поиски. Он обыщет весь храм, но найдет пропавшую девушку; только смерть сможет помешать ему сделать это. С этой мыслью киммериец вышел из зала с колоннами.

Муриэла постепенно приходила в себя. Она обнаружила, что сидит, прислонившись к каменной стене. Только это ей и удалось разобрать в темноте, такой непроницаемой, словно со дня сотворения мира в эту черную яму не проникал ни единый луч света.

Встав, Муриэла пошла вдоль стены, ведя по ней ладонью. Вскоре она уперлась в угол. Повернув, девушка пошла дальше вдоль второй стены, но через несколько шагов опять наткнулась на перпендикулярную стену. Затем еще раз и еще. С ужасом Муриэла поняла, что находится в крохотной комнате, в стенах которой не было и намека на дверь или

окно. Как же она сюда попала? Через люк в потолке? И где она? Не оставили ли ее здесь до конца жизни?

Муриэла напряглась, пытаясь вспомнить, что с ней произошло. Вдруг ворота памяти распахнулись, и она явственно ощутила на плече костлявую руку, а затем сильные апы чудовища, прижимающие ее к мохнатой груди.

Все силы вложила Муриэла в свой крик:

— Конан!

И хотя несколько каменных стен разделяли их, киммериец услышал, почувствовал, уловил слабое эхо этого крика. Повернувшись, он бегом направился в ту сторону, освещая себе путь поднятой над головой масляной лампой.

Каменные коридоры казались пустыми, но все равно Конан не позволял своим чувствам расслабиться. Когда его чуткий слух уловил какое-то движение в одном из боковых переходов, киммериец резко остановился, развернулся и протянул вперед лампу.

Маленькое, высохшее, как мумия, существо ростом не больше ребенка выскользнуло из перехода. Оно казалось не менее старым, чем камни стен и пола. Лишь в глубоко посаженных глазах сверкал огонь, оживляя сморщенное лицо. Существо в ужасе сжалось, подняв руки, словно закрываясь от удара.

Вслед за первым созданием в коридор вылетело второе — наоборот, намного крупнее человека. Миновав сжавшуюся на полу живую мумию, это существо набросилось на Конана, выбив из его рук лампу. Последнее, что успел заметить киммериец, — это груда черной шерсти, несущаяся на него. В бой человеку пришлось вступить уже в крошечной темноте.

Словно загнанный леопард, Конан дрался жестоко и отчаянно. Его кулаки, словно кузнечные молоты, обрушивались на противника. Судя по всему, нападавший представлял собой какую-то двуногую тварь. Прикинув рост, Конан врезал в темноту изо всех сил и с удовольствием услышал хруст ломаемой челюсти.

Но неизвестный противник вновь бросился в атаку. Его когтистая лапа прошлась по груди киммерийца, оставив длинные кровоточащие полосы. Боль и ярость погасили в Конане то небольшое, что в нем было от цивилизованного человека. Задрав голову, киммериец издал какой-то волчий

вой и бросился в атаку, сойдясь с противником вплотную. В нос человеку ударило плотное зловонье, его руки оказались в железных тисках мохнатых лап, острые клыки нацелились на напряженное горло.

Размахнувшись, Конан изо всех сил пнул противника ногой в пах. С воем чудовище отлетело назад, отпустив руки человека. Освободившись от захвата, киммериец со звериным ревом вцепился в горло невидимому противнику. Тот, изогнув шею, вцепился зубами в предплечье Конану. Тогда киммериец нагнул голову и с размаху боднул чудовище, угодив в живот.

Чудовище было выше Конана ростом и намного тяжелее, но от такого удара оно застыло, не в силах восстановить дыхание. Не теряя ни мгновения, Конан выхватил из-за пояса кинжал и стал наносить удар за ударом: в живот, в грудь, в шею, — пока не выбил последнюю искру жизни из косматого создания.

Конан отдышался и, преодолевая боль от множества порезов и укусов, убрал кинжал за пояс, а затем поднял с пола лампу. Он легко нашел ее по слабому голубому огоньку, трепетавшему над лужицей выплеснувшегося масла. Конан зажег светильник и осмотрел своего поверженного противника.

Это был какой-то странный гибрид человека и зверя. Человеческое тело покрывала черная шерсть, как у медведя или гориллы. Но это существо не было обезьяной: у него были слишком хорошо развиты руки. Зато голова была явно звериной. Низкий, покатый лоб, приплюснутый, как у обезьяны, нос, клыки словно у собаки. И все же это создание имело что-то общее с человеком, ибо его наиболее деликатные места были прикрыты короткими — до колен — штанами.

Дрожа от ужаса, Муриэла слушала доносившиеся до нее звуки боя в коридоре над ее темницей. Когда наверху все затихло, она вновь закричала, призывая Конана на помощь. Ориентируясь по голосу, Конан нашел в стене коридора нишу, к одному из плоских камней пола которой было прикреплено бронзовое кольцо. Открыв люк, киммериец нагнулся и протянул девушке руки.

Муриэла с ужасом смотрела на залитое кровью лицо Конана и на косматую тушу, перегородившую выход в коридор. Лишь ласковый голос киммерийца чуть успокоил ее.

Сбиваясь и всхлипывая, Муриэла рассказала про похорону на мумию старуху и про чудовище, оказавшись в лапах которого юная танцовщица упала в обморок. Конан согласно кивнул:

— Старуха, наверное, жрица или предсказательница этого храма. Богиня из слоновой кости говорит ее голосом. Там, за статуей, есть маленькая комнатка. Из нее прекрасно видно и слышно тех, кто пришел в храм богини за советом.

— А чудовище, откуда оно взялось? — с дрожью в голосе спросила девушка.

Конан пожал плечами:

— Кром его знает... Может быть, ее слуга. Какой-нибудь дикарь, полуобезьяна, которого пунтабе научили прислуживать в храме. В общем-то, это неважно. Главное, что этот приятель мертв, старуха смылась подальше, а нам остается только забраться в ту маленькую комнату и ждать тех, кто явится сюда за божественными пророчествами.

— Да, может быть, нам придется ждать много месяцев!

— Нет, Нахор говорил, что жрецы и советники короля всегда приходят сюда перед тем, как принять важное решение. Так что готовься сыграть роль богини с черепом вместо лица.

— Но Конан! Мы умрем тут с голоду!

— Чепуха. Не забывай, что на наших лошадях навьючено достаточно еды. Я думаю, нам хватит этого на много дней. А отдохнуть — пожалуйста! По мне, это место ничем не хуже любого другого.

— А старая жрица? — не унималась Муриэла.

— Старуха? Да что она может нам сделать сейчас, когда ее чудовище погибло? Разумеется, надо быть осторожными. Естественно, я не приму из ее рук глотка воды или куска хлеба.

— Значит, так тому и быть, — печально вздохнула Муриэла. — Я, конечно, не провидица, но печенкой чую, что эта затея кончится плохо для нас обоих.

Конан молча обнял ее, чтобы успокоить. Только сейчас девушка обнаружила, что не только кровь чудовища залила тело ее спутника. Глубокие раны покрывали грудь и руки киммерийца.

— Любимый! Ты ранен, а я даже не заметила этого. Дай я промою и перевяжу твои раны.

— Пустяки. Несколько царапин, — небрежно ответил Конан.

Однако он позволил Муриэле отвести себя к колодцу в маленьком дворике позади храма. Там она промыла ему раны, оставленные когтями и зубами чудовища, и перевязала их обрывками ткани от своего платья. Затем они оба вернулись в круглый зал с колоннами и, дежуря по очереди, проспали весь день и следующую ночь.

Когда Конан проснулся, золотые лучи восходящего солнца как раз осветили утренние облака. Муриэла сидела, прислонившись к колонне, держа на коленях голову киммерийца.

Конан встал и потянулся.

— Пойду принесу еды, — сказал он. — Вот, держи кинжал. Это на случай, если появится старая жрица.

Забравшись по лестнице в комнату с окном-глазницей, Конан уже собрался спуститься по веревке, как вдруг краем глаза уловил на горизонте какое-то движение.

Присмотревшись, Конан различил вдаль, почти у самых стен Кассали, множество черных точек, за которыми тянулся шлейф пыли.

— Посетители направляются к нам даже раньше намеченного, — сам себе сообщил киммериец, — надо убрать лошадей подальше, а то они сразу сообразят, что в храме кто-то есть.

Соскользнув по веревке, Конан отвязал лошадей, сел верхом на одну из них и, ведя в поводу двух остальных, поскакал прочь, в сторону леса. Через четверть часа он, запыхавшись от бега вверх по склону холма, уже забрался по веревке, затянул ее наверх и, подбежав к лестнице, крикнул Муриэле:

— Там всадники, много! Я спрятал лошадей в лесу. Быстро, наряжайся богиней. — Он протянул ей взятый из выюка сверток с припасенным для спектакля реквизитом.

Вернувшись в окно, Конан обнаружил, что точки превратились в кавалькаду всадников, уже поднимающихся по склону холма по направлению к храму. Скатившись вниз по лестнице, он сказал:

— Быстрее, а то мы не успеем спрятаться за статуей в комнатухе прорицательницы. Ты не забыла, что тебе нужно сказать?

— Н-нет... я просто боюсь. Ведь тогда эта шуточка не сработала...

— Не забывай, там были эти демоны во плоти — злые духи, которых жрецы сумели заставить служить им. А здесь я не вижу никаких сверхъестественных защитников храма, кроме того, уже мертвого человека-обезьяны. А главное, в этот раз я буду с тобой! Пошли!

Схватив за руку, он чуть не волоком затащил девушку в маленькое помещение за статуей из слоновой кости.

Послышался цокот копыт, крики, топот спешившихся всадников. Зазвенели бронзовые механизмы, открывающие засовы.

— Наверное, у жрецов есть что-то вроде ключа, — прошептал Конан.

Голоса стали громче, и вдруг в зал быстро вошло множество людей. Первым вошли несколько черных воинов. В центре этой группы шествовал высокий седеющий человек, на голове которого покоилась корона чеканного золота в виде расправившего крылья сокола. Конан предположил, что это и был сам король Лалибеа. Шедший за ним почтенный человек в пурпурном одеянии должен был быть Зарамбой — верховным жрецом.

Следом за ним в храм вошел отряд воинов пунтабе с копьями и щитами из шкуры носорога, затем в зале с колоннами появился Тутмекри-стигиец с двумя десятками воинов, половина из которых были кешанскими копьеносцами, а половина — шемитскими лучниками.

Конан сжал кулаки, увидев своего врага.

Почувствовав холодок на спине, Тутмекри-стигиец приписал это сквозняку. Его мало волновало нахождение в священном месте — храме королевства Пунт. С усмешкой он вспомнил неудачу, постигшую его приятеля в таком же храме в соседнем королевстве.

Хотя доводы Тутмекри о возможности вражеского нападения на Пунт были вполне убедительны, король Лалибеа, известный своей рассудительностью и осторожностью,

продолжал сомневаться. Масло в огонь подлило сообщение, переданное барабанной почтой, о том, что в Кассали направляются какие-то светлокожие интриганы, возмутители спокойствия и богохульники. Верховный жрец Зарамба предложил королю совершить визит в храм, чтобы выслушать мнение богини Небетет.

Итак, король, верховный жрец и их приближенные отправились к храму на рассвете. Тутмекри вовсе не был в восторге от этого решения. Он не опасался местных богов, но побаивался их фанатичных жрецов, которые вовсе не питали симпатии к стигийцу. Тутмекри даже показалось, что вся эта затея — лишь предлог, чтобы заманить его в ловушку и убить.

По прибытии к храму богини Небетет Зарамба отдал младшим жрецам приказ открыть ворота. Король расставил почетную процессию таким образом, чтобы Тутмекри и его люди оказались в ее центре. Видимо, решил стигиец, на тот случай, если начнется бой, чтобы у пунтабе было преимущество.

С фанатичным блеском в глазах король и верховный жрец приблизились к статуе. Положив на ступень помоста небольшую шкатулку, в которой переливались разными цветами драгоценные камни, оба встали на колени и поклонились статуе до земли.

Длинные черные руки взметнулись к богине. Зарамба запел призывающее заклинание, а его более молодые помощники зажгли ароматные травы. Легкий дым поплыл по залу.

Нервы Тутмекри были напряжены до предела. Он чувствовал направленный на него недружелюбный взгляд. Все внутри стигийца предупреждало его, что что-то должно произойти.

Голосом, похожим на звон колокола, женщина из слоновой кости заговорила:

— Остерегайся, о великий король, лгунов из Стигии! Человек, пришедший с тобой, — не друг, а хитрый, коварный враг. Он бежал из Кешана от праведной мести, а теперь хочет погубить тебя.

Ропот пробежал по рядам воинов пунтабе. Люди Тутмекри сбились в плотное кольцо, выставив наружу щиты.

Лучники потянулись к колчанам. Мгновение — и храм мог превратиться в кровавую мясорубку.

Тутмекри застыл на месте. Сомнений быть не могло, он уже слышал где-то этот голос, голос молодой женщины, которая...

— Подожди, о великий король! — крикнул он. — Тебя вводят в заблуждение...

Но голос, шедший от статуи, вновь заставил всех замолчать и прислушаться:

— Выбери вместо него и назначь своим генералом Конана из Киммерии. Он сражался повсюду: от снежных пустынь Ванахейма до джунглей Куша, от степей Гиркании до пиратских островов Западного океана. Боги хранили его и вывели живым из всех сражений. Лишь он один сможет привести твои легионы к победе.

Голос смолк, и в этот момент из боковой двери зала появился Конан. Он неторопливо прошел вперед и театральным жестом поклонился сначала королю, а затем — верховному жрецу.

— Дьявол! — зарычал Тутмекри. Его лицо исказила гримаса ненависти. В следующий миг он приказал своим лучникам: — Убейте этого клоуна!

Заметив движение стрелков, Конан резво отпрыгнул за ближайшую колонну, понимая, что на таком расстоянии им ничего не будет стоить попасть в него. Король открыл рот, чтобы отдать приказ...

В этот момент костяная статуя хрустнула, вздохнула, покачнулась и сделала шаг вперед, круша ступени помоста. Все повернули к ней головы — на месте статуи стояла женщина.

Конан вместе со всеми смотрел на нее. Это была Муриэла, и в то же время — не она. И дело было не в гриме. Фигура этой женщины была другой — более стройной, лицо — еще более красивым. Этот голос не был сопрано Муриэлы или тем искусственным басом, которым она пыталась изобразить глас божества. Нет, от этого голоса исходила такая сила, что, казалось, каменный пол вибрирует вместе с ним. Даже воздух вокруг этой женщины светился неярким фиолетовым пламенем.

— Знай же, король: я — истинная богиня Небетет, воплотившаяся в тело смертной женщины! Посмеет ли кто-нибудь из смертных отрицать это?

Тутмекри, вне себя от ярости, приказал ближайшему лучнику:

— Стреляй! Стреляй же в нее!

Натянув лук, стрелок прицелился через голову вставшего на колено копьеносца. В этот момент женщина подняла руку и вытянула ее в сторону лучника. Раздался оглушительный хлопок, сверкнула вспышка — и стрелок-шемит замертво упал на своих товарищей.

— Ну, теперь вы убедились?

Ответа не последовало. Все присутствующие — воины, жрецы, король и даже искатели приключений Конан и Тутмекри, — все встали на колени и склонили головы.

Богиня продолжила:

— Знай же, король, что эти двое обманщиков и мошенников — Конан и Тутмекри — вознамерились пожить за твой счет так, как им не удалось пожить в Кешане. Стигиец не заслуживает ничего больше, как отправиться на съедение крокодилам. Киммериец тоже заслужил подобной участи, но я хочу, чтобы с ним обошлись милостиво за то, что он был добр по отношению к той женщине, чье тело сейчас служит мне. Дай ему два дня, чтобы он покинул твое царство, а если он не уедет — скорми его крокодилам!

Еще я приказываю тебе, король, чтобы ты позвал сюда своих лучших резчиков по кости. Пусть они сделают мне новую статую, похожую на эту прекрасную женщину, без страшного черепа. Тогда я найду себе пристанище в этом новом идоле. А пока что — не забудь хорошо кормить и утолять жажду моего живого тела. И не вздумай ослушаться моих приказаний!

Фиолетовое свечение погасло. Но еще некоторое время все присутствовавшие при этом чуде стояли неподвижно. Первым очухался стигиец, который вместе со своими людьми стал пробираться к выходу.

Крик короля нарушил тишину.

— Взять их! — приказал он.

Первый тяжелый дротик, пущенный одним из пунтабе, вонзился в цель. Один из кушитов упал на мраморный пол, обливаясь кровью.

В следующий миг храмовый зал взорвался грохотом боя. Взлетели дротики, зазвенела тетива лука, засверкали наконечники копий. Кривые ножи просвистели в воздухе,

и тяжелые дубины из черного дерева опустились на щиты и головы противников. Волна за волной пунтабе накатывались на вставших плечом к плечу солдат Тутмекри. Множество раненых и убитых осталось лежать на мраморных плитах зала в лужах алой крови.

Тутмекри выхватил из ножен саблю. Сыпля ругательствами и призывая на помощь Сэта, Ииба и всех остальных черных богов стигийского пантеона, он ворвался в гущу наседавших противников, живо очистив место вокруг себя. Наконец ему удалось увидеть Конана, стоявшего с мечом в руке около полуобвалившегося помоста. Вырвавшись из кольца наседавших пунтабе, Тутмекри бросился к человеку, разрушившему все его планы.

— Получай, киммерийский ублюдок! — выдохнул он, занося саблю так, чтобы одним ударом отрубить Конану голову.

Конан успел подставить меч. Клинки с грохотом столкнулись; сноп искр пронесся над каменным полом. Тяжело дыша, противники закружили по залу, готовясь к решающему удару.

Сделав обманное движение, Конан вонзил меч в бок Тутмекри. Стигиец со стоном выронил саблю и прижал ладони к ране. Кровь выступила у него между пальцами. Следующий удар начисто снес ему голову. Обезглавленное тело покачнулось и рухнуло на пол, в лужу собственной крови.

Увидев, что их командир погиб, люди Тутмекри — те, кто еще оставались в живых, — стали пробиваться к выходу.

— За ними! — крикнул Лалибеа. — Убейте всех до единого!

Король, жрецы и воины — все бросились вслед за отступающими. Подбежав к воротам, Конан увидел, что склон холма превратился в поле боя. Некоторые воины уже скакали верхом, другие бежали, как сумасшедшие. Кое-кому из людей Тутмекри удалось добраться до леса и раствориться в густых зарослях.

Вернувшись в храм, Конан, перескакивая через мертвых и стонущих раненых, направился к помосту. Муриэла неподвижно стояла там, где еще недавно возвышалась статуя.

Киммериец сказал:

— Пошли, Муриэла. Нам нужно сматываться отсюда. Кстати, а как у тебя получился этот фокус с фиолетовым светом?

— Муриэла? — переспросила низким голосом женщина. В этот момент фиолетовые сполохи вновь закружились вокруг нее. Что-то во всем ее облике было такое, что Муриэла ни за что не удалось бы сыграть.

— Не искушай меня, смертный, своими дерзкими вопросами, если не хочешь разделить судьбу того несчастного шемита.

Кожа киммерийца покрылась мурашками. В сапфировых глазах зажегся огонь почтения к божеству.

— Значит, ты настоящая Небетет?

— Да, так зовут меня смертные.

— А что... что произошло с Муриэлой? Где она? Я не могу ее оставить...

— Твое беспокойство говорит в твою пользу, Конан. Но за нее ты можешь не беспокоиться. Я пробуду в ее теле столько, сколько сочту нужным. А перед тем, как покинуть его, позабочусь о его дальнейшей брэнной земной жизни. А сейчас же тебе следует как можно скорее отправляться в дорогу, если, конечно, ты не хочешь закончить свои дни в пасти крокодилов Лалибеи.

Очень редко в своей жизни Конан трепетал перед кем бы то ни было. Но сейчас его сердце наполнилось почтением, почти что смиренной дрожью.

— Куда же мне отправляться? — тихо спросил он. — Ваша Божественность знает, что у меня нет денег. Я даже не могу вернуться в Кассали, чтобы принять предложение Нахора, ибо что в Пунте, что в Кешане меня вряд ли примут с распростертыми объятиями.

— Тогда направь свои стопы в Зембабве. У Нахора из Асгалуна есть племянник в столице Зембабве. Он сможет дать тебе место охранника в караванной страже. А теперь — уходи, пока я не вспомнила те непочтительные слова, которыми ты осквернял мое имя!

Конан поклонился и направился к воротам. Не успел он выйти из храма, как услышал сзади какое-то шуршание, заставившее его развернуться и схватиться за меч.

Из темноты, откуда-то из-за колонны, выползла сгорбленная, высохшая, чуть живая старуха. Когда-то этот живой труп был женщиной.

Престарелая жрица храма Небетет, с трудом подняв руку, пригрозила Конану костлявым кулаком. Из беззубого рта вырвался хриплый шепот:

— Мой сын! Ты убил моего сына! Да проклянет тебя богиня! Будь ты проклят! Да поразит тебя гнев его отца — демона Джаманкха! Я призываю тебя, мой возлюбленный демон-гиена: порazi этого убийцу младенца, этого осквернителя храма! Пусть твои глаза будут выжжены каленым железом! Пусть кишки будут вырваны из твоего живота, пядь за пядью! Пусть твои яйца окажутся в муравейнике! Ну же, Джаманкх! Отомсти...

Приступ кашля оборвал эту тираду. Старуха прижала к груди обе руки; ее глаза закатились, лицо свела судорога... Через мгновение она ничком упала на мраморный пол.

Конан подошел поближе и аккуратно дотронулся до тела старухи. Она не пошевелилась. Ни дыхания, ни биения сердца. Конан подумал, что она была уже настолько стара, что любое потрясение могло убить ее. А тут — потерять сына... будь он неладен, каков красавчик. Тут киммериец вспомнил, что говорила старуха об отце этого чудовища. Повстречаться с этим папашей у Конана не было ни малейшего желания. Нужно было немедленно отправляться в дорогу.

Прикрыв застывшие глаза мертвого тела, Конан вышел из храма и поспешил по поросшему высокой травой склону холма к лесу, туда, где он оставил привязанных лошадей.

Спрэг де Камп и Лин Картер

КРОВАВАЯ ЛУНА

1. Сова, которая кричит днем

Лес настороженно молчал. Ветер шевелил прозрачную зелень весенней листвы, но ни единого звука не издавали птицы и звери, обитавшие в этих дебрях. Лес, ощущая присутствие чужаков, молча следил за ними тысячами глаз и ушей.

Из-за большой дубовой рощи чуть слышно донеслись звуки шагов, звяканье доспехов, приглушенные голоса — свидетели приближения большой группы вооруженных людей.

Неожиданно в стороне от колонны, из зарослей на поляну совершенно беззвучно вышел человек огромного роста. Он был одет как воин: металлический шлем на голове, полузакрывающий загорелое под небесами разных стран лицо, черные, смоляные волосы и сверкающие холодным синим огнем глаза; широкую грудь и сильные руки человека защищала толстая стальная кольчуга.

Он не просто перешел поляну. Нет, перебегая от куста к кусту, он все время осматривался, прислушивался и даже пригнувшись к лесному воздуху, явно задавшись целью избежать любой устроенной врагом засады. Вслед за ним из зарослей вышел второй воин — полная противоположность первому: хорошо сложенный блондин среднего роста, на доспехах которого виднелись знаки различия лейтенанта Золотых Львов — отряда пограничной стражи Нумедида-са, короля Аквилонии.

Разница между двумя воинами сразу бросалась в глаза. Черноволосый великан киммериец был напряжен, но уверен в себе. Молодой же лейтенант вздрагивал от каждого звука и все время отмахивался от комаров и мух. Он обратился к киммерийцу голосом, полным уважения:

— Капитан Конан, капитан Арно спрашивает, все ли спокойно впереди и можно ли отряду двигаться дальше. Он ждет вашего сигнала.

Конан промолчал. Оглянувшись вокруг, лейтенант осторожно добавил:

— По-моему, все достаточно спокойно...

Конан пожал плечами:

— По-моему, даже слишком спокойно. Этот лес в полдень должен звенеть от голосов птиц и трескотни белок. А здесь тихо, как на кладбище.

— Может быть, приближение нашего отряда случайно спугнуло зверье? — предположил аквилонец.

— Или же приближение пиктов. Хотя я пока что не вижу явных признаков присутствия противника. Скажи, Флавиус, кто-нибудь из разведчиков уже вернулся?

— Еще нет, — ответил лейтенант. — Но разведчики, посланные генералом Лусианом, утверждают, что пиктов впереди нашего отряда нет.

На лице Конана промелькнуло что-то вроде волчьей ухмылки; сверкнули белые зубы.

— Ну да, эти разведчики генерала Лусиана готовы подтвердить, что во всей Конаджохаре нет ни одного пикта. Они уверены, что эти раскрашенные дикари смотались по-дальше, почуяв наше скорое наступление, но...

— Вы не доверяете разведчикам, капитан!

Конан бросил взгляд на лейтенанта:

— Я их не знаю. Не знаю, откуда генерал взял их и насколько можно верить их сообщениям. Я бы поверил своим людям, тем, кто были в моем отряде до того, как пал форт Тусселан.

Флавиус моргнул, не веря своим ушам:

— Вы хотите сказать, что граф Лусиан желает нашего поражения?

Лицо Конана превратилось в маску, внимательно изучающую собеседника.

— Я этого не говорил. Но я слишком много повидал на своем веку и знаю, что доверять можно только проверенным людям. Ладно, иди и скажи капитану Арно, что... Стой-ка! Вон идет один из этих бездельников генерала.

Из-за дубов им навстречу вышел худощавый человек в кожаных доспехах с металлическими бляхами. На плече он нес лук, а в руке держал короткую саблю.

— Ну? — буркнул Конан вместо приветствия.

— Ни единого следа пиктов на всем протяжении Южной Протоки, — сказал разведчик.

— А на флангах? Что говорят твои приятели?

— Да все то же самое. Пиктов здесь нет. Там, прямо впереди — протока...

— Это я и без тебя знаю, — сухо оборвал его Конан.

Флавиус всмотрелся в глубь рощи и с удивлением заметил серебряные блики воды впереди. В это время разведчик скрылся в лесу за его спиной.

Вскоре сзади послышались приближающиеся шаги, и на поляне показалась голова колонны аквилонской роты. Из более чем сотни солдат, шедших попарно и гуськом по узкой тропе, половина была вооружена копьями — взвод гундерийцев, в шлемах и кольчугах, а половина — луками. Стрелки-боссониты не были прикрыты доспехами. Лишь кое-где над колчаном маячил остроконечный шлем. Видимо, капитан Арно, устав ждать, отправил своих солдат вперед сам, без согласия Конана.

Стягивая с головы шлем и вытирая пот со лба, капитан подошел к киммерийцу и сказал:

— Капитан Конан, моим свинопасам нужен отдых. Вы же знаете этих слабаков.

— Они считают, что это трудный переход? Ну и ну. Нужно будет потренировать их. Тренировать, как я тренировал своих стрелков в форте. Ладно, пусть передохнут. И пусть попридержат языки. Если в округе есть хоть один пикт, он за версту разберет, сколько нас и куда мы движемся.

Капитан Арно прихлопнул комара на затылке.

— Да, таких выносливых и при этом молчаливых, как вы, Конан, еще поискать надо. — Он усмехнулся и направился к солдатам.

— Распылять силы, и где, здесь! Это же равносильно тому, чтобы подарить пиктам жизни своих солдат! — зло произнес Конан.

— Но ведь этот маневр приказал сделать сам генерал! — возразил Флавиус.

— От этого он не стал менее идиотским. Чтобы воевать с пиктами, нужно собрать как можно больше информации перед сражением и как можно больше солдат — к моменту боя. Сначала выяснить все о противнике, засылая

разведчиков, а затем собрать все силы в кулак — и ударить, превосходя пиктов численно.

— Значит, главное — выбрать момент?

— Именно. Просчитался — считай, погиб. Умение выбрать момент, приятель, — это половина искусства войны, стратегии, как это называют генералы короля Нумедидеса. Но послать на эту протоку два взвода без прикрытия отступления, когда пикты могут собрать здесь не одну тысячу воинов...

Конан вздохнул и махнул рукой. Ему с самого начала не нравилась эта затея, на грани безрассудства и безумия. Солдаты короля Нумедидеса не привыкли обсуждать приказы. Но киммериец был совсем другим, хотя и прослужил здесь уже больше года в качестве офицера-наемника. Сейчас он уже начинал жалеть, что согласился на перевод в пограничную стражу. Совсем «добила» его необходимость разделения власти в отряде с капитаном Арно. А тут еще этот нелепый приказ... Все инстинкты и предчувствия дикаря-киммерийца протестовали против такого дурацкого похода.

— Ладно, пора двигаться дальше, — буркнул Конан. — Флавиус, скажи капитану Арно, чтобы он поднимал своих сопляков.

Под жарким солнцем солдаты вновь двинулись по узкой лесной тропе к Южной Протоке, отделявшей провинцию Скохира от отвоеванной пиктами Конаджохары.

Вернувшись, Флавиус присоединился к Конану во главе колонны и передал сообщение второго капитана:

— Капитан Арно приказал мне сообщить вам, что он готов следовать по предложенному вами маршруту.

Конан коротко кивнул и криво улыбнулся:

— Поблагодарим Крома.

— За что?

— За здравый смысл в голове капитана Арно. Он, не зная границы и особенностей этой войны, не лезет со своими советами. Двое, отдающие приказы в такой ситуации, — это просто конец всему отряду.

— Генерал Лусиан настоял, чтобы вы командовали вдвоем.

— Но мне это с самого начала не понравилось. Да и от всей этой затеи гнилью несет.

Когда рота приблизилась к реке, Конан шепотом передал по цепочке приказ наполнить все фляги и бурдюки. Затем отряд продолжил свой путь по течению протоки, катившей свои воды в Черную Реку. Лес по обоим берегам был тих, как пустой храм.

Неожиданно тишину разорвало уханье совы. Развернувшись, киммериец бросился к своим солдатам:

— Перестроиться! В каре для отражения атаки — становись! Лучники, экономить стрелы!

Бегущий за Конаном по пятам Флавиус попытался возразить:

— Это же всего лишь сова, капитан. Я думаю...

— Где ты видел сову, орущую среди бела дня! — рявкнул Конан.

Последние его слова чуть не утонули в хоре воинственных кличей за деревьями впереди по ходу движения аквилонского отряда.

2. Смерть на деревьях

Арно тоже подгонял своих подчиненных. Извивающаяся, как змея, колонна на мгновение превратилась в бесформенную толпу, а затем моментально, как на тренировках в гарнизоне, сформировала плотный квадрат. Первая шеренга ощерилась сверкающими на солнце наконечниками копий: за каждым копьеносцем встал стрелок с натянутым луком наготове. Пехотинцы с копьями встали на одно колено, воткнув основания копий в землю и выставив наконечники вперед на высоте пояса.

Едва успел строй выравняться, как из леса вырвалась целая орда разукрашенных пиктов. Они были абсолютно голы, если не считать набедренных повязок и мокасин. Длинные волосы были завязаны в узлы на затылках. Эти дикари в своей боевой раскраске внушали невольный страх в души аквилонцев. Большинство пиктов были вооружены медными топорами или копьями с медными наконечниками. Некоторые размахивали стальными клинками — трофеями, захваченными после падения форта Тусселан.

— Митра! Да их тут не меньше тысячи! — выдохнул Флавиус.

— Быстро на тот угол! — крикнул Конан лейтенанту и сам встал в строй на одном из углов каре.

Толпа пиктов с криками приближалась к строю аквилонцев. Несколько нападавших погибли от стрел боссонских стрелков. Некоторые, разъяренные атакой, сами накнулись на выставленные вперед копья. Остальные замешкались, прыгая перед частоколом наконечников и потрясая своим оружием.

Кое-кто попытался подлезть под острия копий, но быстро поплатился за это жизнью.

Конан, защищая свой угол каре, отчаянно размахивал мечом, то снося голову одному противнику, то отрубая руку другому. Размеренно, как неживые, стрелки посылали в наступавших стрелу за стрелой. Все больше и больше пиктов падало на землю, хватаясь за торчащее из груди или горла древко. Кровь заливала прошлогоднюю листву под ногами, в неподвижном воздухе повис запах боя — кровь, пот, страх.

Трубный звук рога прокатился над полем боя. Командиры пиктов забегали позади своих соплеменников, пытаясь отвести их назад. Это удалось им не сразу — многие дикари в пылу боя перестали слушаться приказов. Наконец большинство нападавших нестройной толпой побежали к лесу, сгибаясь под тяжестью раненых товарищей и петляя, чтобы избежать стрелы в спину.

Вокруг оцетинившегося копьями строя осталось лежать не меньше полусотни пиктов. Некоторые все еще стонали или пытались уползти прочь от противника. Конан, вытерев с лица пот и кровь, обошел каре.

— Ты и ты, — ткнул он пальцем в двух солдат. — Бегом осмотреть всех лежащих вокруг. Раненых пиктов — добивать. Они, когда мертвые, мне как-то больше симпатичны. Всем остальным оставаться в строю! Убитых — выкинуть из каре. Раненых — перевязать.

Конан приказал трем стрелкам быстро собрать хотя бы часть выпущенных стрел, вынимая их из трупов противников.

Лейтенант Флавиус спросил:

— Капитан, почему они отступили? Их ведь, наверное, раз в десять больше, чем нас.

— Да Кром их знает! Небось решили устроить нам что-нибудь получше. Поэтому я и приказал не распускать строй.

Легкий ветер донес отдаленную барабанную дробь. Пользуясь передышкой, аквилонцы вытирали пот с лиц, жадно глотали воду из фляг. Кое-кто попытался было снять шлем и кольчугу. Увидев это, Конан заорал:

— Немедленно надеть! Вы что, не понимаете, идиоты, что во многом благодаря доспехам мы потеряли меньше людей, чем противник.

В жарком воздухе над трупами закружились тучи мух, собираясь сплошной черной массой на кровоточащих ранах. Далекий барабан бил не переставая.

Офицеры собрались в стороне от солдат, чтобы посоветоваться. Первым начал Конан:

— Я слышал, что у них — новый шаман, Сагайета, племянник старого Зогар-Сага. Я думаю, что эта дробь — знак подготовки еще одной атаки.

— Только тихо, Конан, — прошипел Арно. — Если люди догадаются, что имеют дело с колдовством...

— Если ты воюешь с пиктами, значит, ты воюешь с их колдунами, — сказал Конан. — Здесь, на границе, всегда так. Пикты не могут противостоять аквилонской стали, той стали, которая отобрала у них западную часть их страны. Вот они и пытаются уравнять шансы, обращаясь за помощью к своим колдунам.

— Что значит «отобрала»? — возмутился Арно. — Эта земля была выкуплена пядь за пядью в соответствии с договорами, скрепленными королевской подписью и печатью.

Конан хмыкнул:

— Знаю я эти договоры, подписанные каким-нибудь пьяницей пиктом, послом-неудачником, который лыка не вязал, когда подписывал бумагу. Да и по-трезвому эти ребята не всегда понимают, на что соглашаются. Нет, я сам не испытываю к пиктам никаких симпатий, но я могу понять ярость, которая движет ими сейчас. Ладно, пора двигаться дальше. Пойдем колонной по четыре: копьеносцы — снаружи, лучники — внутри строя. При опасности сумеем быстро перестроиться.

Офицеры вернулись к колонне и отправили отряд вперед. Но не успели аквилонцы пройти и сотни шагов, как барабанная дробь прекратилась. Все остановились, как по команде, напряженно вслушиваясь в звенящую тишину.

Пронзительный крик пронесся над лесом. В следующее мгновение один из солдат повалился на землю. Второй с таким же криком последовал за ним. Вскоре весь строй содрогнулся от ужаса.

Змеи — гадюки Страны Пиктов, некоторые длиннее роста человека — падали с ветвей деревьев прямо на строй аквилонцев. Свиваясь кольцами на опавшей листве, они жалили ближайшего солдата, а затем, извиваясь, ползли к следующей жертве.

— Мечи! — крикнул Конан. — Держать строй! Руби их!

Конан успел перерубить нескольких тварей, но, похоже, змеиный дождь не собирался прекращаться. Один из стрелков, откинув лук, развернулся и с криком бросился бежать по тропе назад.

— Стоять! Всем в строй! — рычал Конан, угрожая мечом беглецам.

Но было поздно. Паника овладела солдатами. Ужаленный змеей Арно бился в предсмертных конвульсиях на земле.

Пограничные стражи превратились в бегущую толпу, бросающую в стороны доспехи и оружие. Выскочившие из-за деревьев пикты без труда расправлялись с обезумевшими от страха и потерявшими организованность аквилонцами.

Разящий меч Конана настиг двух пиктов.

— Флавиус! — крикнул киммериец. — Сюда!

Лейтенант, сумев пробиться сквозь несущуюся на него толпу, задышавшись спросил:

— Куда? С ума сошел?

В этот момент он отразил щитом удар боевого топора и поразил нападавшего мечом.

— Поступай как знаешь! — прорычал киммериец. — Но если хочешь выбраться живым из этого кошмара, то следуй за мной!

Оба стали прорываться на северо-запад. Неожиданно мало кто из пиктов оказался у них на дороге, да и те немногие предпочли расступиться перед двумя воинами в кольчугах и с окровавленными мечами. Конан и Флавиус бросились бегом по тропе и вскоре скрылись от преследователей.

Пикты же устремились вслед за разбегающимися солдатами, стараясь не приближаться к тому месту, где еще недавно стоял строй аквилонцев. Там, шипя и извиваясь, продолжали ползать среди тел потревоженные змеи, вонзая ядовитые зубы во все, что еще оставалось живым.

3. Кровавые деньги

Конан и Флавиус пробирались сквозь заросли вдоль берега протоки. Неожиданно впереди, посреди небольшой заводи, раздался громкий всплеск. Флавиус вздрогнул и шепотом спросил:

— Рыба?

— Бобер. Они так хлопают хвостами по воде, предупреждая остальных об опасности. Видишь — поверх воды торчит их запруда? Там они и живут.

— Под водой?

— Да нет. Их убежища выше уровня воды, но вход в них скрыт в глубине, чтобы туда не проникли хищники.

Правый берег протоки был расчищен от леса. В одном месте были вырублены даже кусты. Вдалеке Флавиус разглядел широкую сверкающую гладь Черной Реки.

В центре вырубленной поляны стоял огромный вертикальный валун, грубо обтесанный в форме человеческой фигуры, ростом вдвое превосходящей нормального человека. Рядом из травы выступал другой камень, поменьше, — с плоской верхней гранью.

— Скала совета, — пробурчал Конан. — Здесь пикты созывали советы вождей до того, как аквилонцы прогнали их с этой земли. Теперь, отвоевав территорию, пикты снова приходят сюда, к своему идолу. Нам с тобой лучше спрятаться за бобровой плотиной. Я уверен, что, разгромив наш отряд, пикты соберутся здесь на совет. Вот мы и послушаем, что они будут обсуждать.

— Они же увидят нас, Конан. Тогда нам несдобровать!

— Не думаю.

Конан сорвал несколько кувшинок, обломал зеленую ветку и закрепил весь этот камуфляж на шлеме.

— Сделай так же, — сказал он лейтенанту.

— Это, конечно, скроет наши головы. А все остальное?

— В стоячей мутной воде все становится невидимым.
— Ты предлагаешь нам нырнуть и торчать в воде неизвестно сколько времени, дожидаясь пиктов?

— Именно. Лучше быть мокрым, чем мертвым.

Флавиус вздохнул:

— Похоже, что ты прав.

— В тот день, когда я окажусь не прав, пикты подвешат мою голову к потолку хижины одного из своих вождей или шаманов.

Конан шагнул в воду, доходившую ему до пояса, и побрел через пруд к бобровой плотине, возвышавшейся над водой на две головы. Флавиус последовал за ним.

Вскоре вода дошла им почти до подбородков. На поверхности остались лишь почти незаметные рядом с плотиной, покрытой ветками и травой, шлемы.

— Лучше стоять на коленях на жестких камнях храма, молясь Митре, чем возносить молитвы по пояс в болотной жиже и по горло в вонючей воде, — сказал Флавиус с улыбкой.

— Тихо, — оборвал его Конан, — ты сможешь прождать так, неподвижно, несколько часов?

— Не знаю, не пробовал, — все с той же улыбкой ответил лейтенант.

Конан лишь одобрительно хмыкнул.

Над их головами засновали стрекозы; лягушки, замолчавшие при появлении людей, снова заквакали. Солнце стало склоняться к западному горизонту, отражаясь в порозовевшей воде.

Флавиус закусил губы, а затем, не выдержав, прошептал:

— Кто-то кусает меня.

— Пиявки, — сказал Конан. — Не бойся, они много крови не высосут. Говорят, это даже полезно.

Передернувшись, Флавиус все же оторвал от своего тела нескольких извивающихся пиявок и отбросил их в сторону.

— Тихо! — зашипел на него Конан. — Идут!

Застыв, Флавиус почти перестал дышать, глядя, как по одному и по двое из леса стали появляться пикты, радостно обсуждающие победу и смеющиеся во весь голос. Флавиус удивился. Судя по тому, что он знал о пиктах, они представлялись ему мрачными и молчаливыми. Но эти дикари умели радоваться, как и все нормальные люди.

Вся поляна наполнилась пиктами, в основном вождями, судя по их одеждам. По рукам пошли кожаные мешки с местным пивом и кислым вином.

— Смотри, — прошептал Флавиус, — это вожди Волков, Ястребов, Черепах, Рысей и Воронов. И все, похоже, очень дружны.

— Они постепенно учатся забывать о междоусобных разборках перед лицом общей опасности. Если им когда-нибудь удастся объединить все племена — Аквилонии придется здорово потесниться. Э, да ты посмотри на эту парочку!

Две фигуры, резко отличавшиеся от полуголых дикарей, показались из леса. Первым шел шаман пиктов, одетый в длинный кожаный плащ. Длинные птичьи перья украшали его прическу.

Следом выступал высокий худощавый аквилонец в кожаных штанах и куртке.

Конан прошептал:

— Сагайета, а это — Кром! — это же Эдрик, разведчик, которого Лусиан навязал нам!

Пройдя сквозь почтительно расступившуюся толпу, шаман и воин поднялись на плоский камень. Аквилонец обратился к пиктам на своем языке, давая Сагайете время, чтобы перевести.

— Вы видели, — начал Эдрик, — что ваш большой и верный друг генерал и граф Лусиан слов на ветер не бросает. Он обещал вам, что подставит под ваши копья роту аквилонцев — и что же? Он это сделал. Значит, пообещав вернуть вам всю Скохиру, он сдержит свое слово.

Теперь пришло время расплатиться. Ваш друг хотел бы получить задаток из той суммы, которую вы ему обещали за помощь в справедливом деле возвращения вашему народу вашей земли.

Сагайета перевел последнюю фразу и добавил что-то от себя на языке пиктов.

— Что он говорит? — спросил Флавиус.

— Говорит, что заплатить стоит. Сейчас послал своих людей за деньгами. Все, помолчи.

Из леса выныли четыре пикта, сгибавшиеся под тяжестью большого ящика, свисавшего с длинной жерди, которая покоилась на их плечах. Когда ящик был опущен на землю,

Сагайета и Эдрик подошли к нему и открыли крышку. Конану и Флавиусу с их наблюдательного пункта не было видно содержимое, но Эдрик, запустив в ящик руку, вынул горсть монет и высыпал ее обратно.

— Откуда у пиктов столько золота и серебра? — не унимался лейтенант. — У них же нет своих денег. Они используют монеты только от случая к случаю, торгуя с аквилонцами.

— Это же ящик казначейства Аквилонии. Наверняка тот, в котором прислали жалованье гарнизону форта Тусселан накануне штурма. Деньги так и не успели выдать солдатам.

— С какой стати, ради всех богов, Лусиану предавать свой народ и продаваться врагу?

— Точно не знаю, но кое-какие мысли по этому поводу у меня есть.

— Я убью этого шпиона и колдуна! Один бросок, и... я думаю, что остальные не успеют спохватиться раньше... А там — будь что будет.

— Только дернись — я тебе сам глотку перережу. То, что мы узнали, важнее, чем то, что мы можем сейчас сделать. Так что, если хочешь вернуться в Велитриум, опусти голову пониже и придержи язык.

Оба разведчика замолчали и проводили взглядами скрывшихся в лесу носильщиков с ящиком и Эдрика. Сагайета снова забрался на плоский камень и стал разглагольствовать, восхваляя героизм своих соплеменников.

В наступивших сумерках пикты начали танцевать танец победы, поочередно выделявая замысловатые воинственные движения, а в перерывах все чаще прикладываясь к бурдюкам с вином и пивом.

Когда на небе загорелись первые звезды, опьяненные победой и вином пикты совсем походили с ума. Их танец превратился в какую-то мешанину двигающихся не в такт тел. Вожди воинственных дикарей стали мало чем отличаться от диких зверей.

Взошедшая луна осветила уже затихший лес. Лишь звенели комары, да квакали лягушки. Светлячки роились над поляной, на которой лежали неподвижные тела.

Конан сказал:

— Они уснули. Пошли.

Вдвоем с Флавиусом они пересекли заводь, пригибаясь ниже, чтобы не попасться на глаза случайно проснувшегося пикту. Лейтенант с трудом подавил желание чихнуть, когда свежий ночной воздух заохлодил мокрое тело.

Конан легко пробирался по лесу в почти полной темноте. Лунный свет с трудом пробивался сквозь густые кроны деревьев, и Флавиусу стоило большого труда не споткнуться о корни или не налететь на ствол очередного дерева. В конце концов он понял, что самое безопасное — идти след в след за киммерийцем, положившись на его варварские, первобытные инстинкты и почти кошачье ночное зрение.

Лес был полон стрекотанием ночных насекомых. Проходя место недавнего боя, разведчики почувствовали легкий запах разложения. Какие-то стервятники уже поработали над некоторыми трупами.

Когда Флавиус стал задыхаться, стараясь не отставать от своего более выносливого спутника, Конан остановился, чтобы дать ему передышку. Лейтенант воспользовался паузой, чтобы спросить:

— Ты сказал, что догадываешься, почему Лусиан пошел на предательство.

— Так это яснее ясного. После падения Тусселана генерал стал фактически временным правителем всей Конаджохары и командующим всеми войсками, оставшимися в этой дыре.

— Да, но это ведь всего лишь узкая полоска земли вдоль Громовой реки, включающая Конавагу, Скохиру и Орисконию. Ну, еще город Велитриум.

— Вот именно. Ясное дело, что губернаторы соседних провинций надавят на короля, чтобы тот разделил эту землю между ними. И я думаю, Нумедидес согласится с этим предложением. Тогда Лусиану губернаторства не видать. Да, еще, скорее всего, эти земли отойдут Боссонии, а Лусиан и губернатор Боссонии Тасперас — старые враги. Значит, отдав Скохиру пиктам, наш граф убивает сразу двух зайцев: получает деньги и оставляет с носом ненавистного Таспераса. В этом ящике — полугодовое жалованье почти тысячи человек. Сумма немаленькая, сам посчитай. А Лусиан ведь известный любитель азартных игр. Причем играет всегда по-крупному. Говорят, что в последнее время ему не везет, и он задолжал огромные деньги.

— Но Конан, что же будет с людьми, живущими в Скохире?

— Лусиану на это наплевать. Его интересует только персона графа и генерала Лусиана. Впрочем, так живут почти все аристократы-землевладельцы.

— Я уверен, что барон Тасперас так бы не поступил, — заявил Флавиус.

— По крайней мере, он не отозвал после падения Тусселана присланные нам в подкрепление отряды, чего не скажешь о других губернаторах, — согласился Конан, — хотя я никому из них не верю. А что до Таспераса — то, с точки зрения дикарей, он поступает даже благородно, возвращая им землю, обманом выманенную у них аквилонцами.

Флавиус закипел:

— Если ты так презираешь нас, аквилонцев, то с какой стати подставляешь за нас свою голову под топоры пиктов?

Конан пожал плечами:

— Я не презираю ни тебя, Флавиус, ни других хороших людей, которых я встретил в твоей стране. Но хороших людей везде мало. А распри королей и аристократов меня мало волнуют: я ведь наемник. Я продаюсь вместе со своим мечом тому, кто больше платит. Пока деньги устраивают меня, я отрабатываю их своим потом и кровью... Ну да ладно, хватит болтать. Пошли, скоро уже рассветет.

4. Золото под луной

В офицерской казарме Велитриума — крепости и штаб-квартиры полка Золотых Львов — сидели четыре человека, освещенные подвешенной к потолку масляной лампой. Двое — Конан и Флавиус — были, словно сыпью, покрыты красными точками комариных укусов. Дневной переход, тяжелый бой, долгие часы в воде, бессонная ночь — все это, казалось, было нипочем киммерийцу. А вот юный лейтенант, изрядно измотавшись, постоянно клевал носом. Время от времени он вздрагивал, просыпаясь и ловя на себе взгляд остальных, но вскоре его голова начинала склоняться на грудь, и он опять засыпал.

Двое других были полуодеты, поскольку их только что вытащили из постелей. На обоих были лишь накинуты мундиры офицеров аквилонской армии. Один был приземистым человеком с седой бородой и несколькими шрамами на лице. Второй был моложе, выше ростом и аристократически красив. Светлые волосы спускались до плеч. Блондин заговорил первым:

— Капитан Конан, в то, что вы нам рассказали, невозможно поверить. Чтобы благородный господин, граф Лусиан, мог предать свою страну, купиться на золото и так подставить своих же солдат! Нет, это немыслимо. Если бы вы заявили такое публично, я был бы вынужден вызвать вас на поединок как клеветника и предателя!

Конан фыркнул:

— Можешь не верить, Лаодамас, но мы с Флавиусом видели это своими глазами.

Лаодамас обратился ко второму офицеру:

— Скажи мне, дорогой Глико, я слышу речь изменника или они оба просто рехнулись?

Глико долго молчал, прежде чем ответить:

— Обвинения серьезные, ничего не скажешь. Но, с другой стороны, Флавиус — один из лучших молодых офицеров, да и наш друг киммериец доказал свою верность в боях. А этого Лусиана я совсем не знаю; только то недолгое время, что он командует нами. Ничего конкретного против него я, конечно, не скажу, но и за — тоже вряд ли.

— Но Лусиан ведь дворянин! — настаивал Лаодамас.

— Ну и что с того? — не выдержал Конан. — Если ты думаешь, что наследный титул ставит его обладателя выше обычных человеческих слабостей и пороков, то тебе придется повнимательнее присмотреться к своим братьям по касте.

— Ну, даже если бы эта белиберда оказалась правдой... Да успокойся ты, — заволновался Лаодамас, увидев недобрый блеск в сапфировых глазах киммерийца, — я не говорю, что ваша история — ложь. Я только говорю «если». Понял, Конан? Так вот, если это правда, то что ты предлагаешь предпринять? Надеюсь, ты не хочешь, чтобы мы все явились к нашему командиру и заявили ему так, с бухты-барахты: «Предатель, сложи с себя командование и запрись в камере на гарнизонной гауптвахте».

Конан коротко усмехнулся:

— Я не собираюсь подставлять кого бы то ни было. Нужны доказательства. Так вот, этот ящик с деньгами должен быть вскоре переправлен через Громовую реку и доставлен генералу. Мы с Флавиусом двигались чуть не бегом всю ночь напролет. А носильщики с такой тяжестью наверняка шли медленнее, да и отдыхали время от времени. И если вы двое соизволите одеться как положено, мы сможем перехватить эту компанию раньше, чем они доберутся до места назначения.

Кутаясь в плащи на ночном ветру, все четверо стояли на небольшой пристани у набережной Велитриума. Офицеры говорили негромко, даже не заглушая легкого постукивания бортами нескольких маленьких лодок, привязанных к кольцам, вделанным в пристань. Почти полная луна заливала все вокруг серебристым светом. Сквозь легкий туман, поднимавшийся от воды, с трудом пробивались звезды. На противоположном берегу виднелись силуэты деревьев.

Если не считать легкого плеска волны да стука лодок друг о друга, все вокруг было погружено в тишину. Неожиданно где-то вдали заухал филин. Все вопросительно посмотрели на киммерийца, но тот покачал головой:

— Это настоящий филин, а не человек.

— Флавиус, — резко сказал Лаодамас.

Молодой лейтенант сел на доски пристани и прислонился спиной к перилам.

— Оставь парня. Пусть отдохнет, — сказал Конан. — Он трижды заслужил это.

Вскоре лейтенант даже тихонько захрапел. Лаодамас внимательно посмотрел на небо и сказал:

— Кажется, на востоке небо чуть посветлело. Неужели уже рассвет?

Конан ответил:

— Нет, это явление здесь называют ложной зарей. По-настоящему начнет светать не раньше чем через час.

Снова воцарилась тишина. Офицеры медленно прохаживались взад-вперед по пристани. Вдруг Конан остановился и замер:

— Слышите?

Через мгновение он сам ответил на свой вопрос:

— Скрип уключин, плеск весел... По местам!

Разбудив пинками Флавиуса, все четверо спрятались под пристанью — единственным местом, где можно было оставаться невидимыми.

— А теперь — тихо! — скомандовал Конан.

Луна зашла, и без такого соперника звезды даже засверкали ярче, но ненадолго, ибо небо на востоке действительно начинало светлеть.

Ритмичный плеск приближался, и вот из темноты выплыла какая-то тень, оказавшаяся небольшой лодкой. Когда она приблизилась, стали видны силуэты пяти человек, сидящих в ней.

Лодка причалила к дальнему концу пристани. Один из пассажиров выпрыгнул из нее и быстро привязал суденышко к причальному кольцу. Изрядно покряхтев, остальные пассажиры вытащили из лодки что-то большое и очень тяжелое.

Четыре человека взвалили на плечи толстую жердь с привязанной к ней тяжелой ношей. Пятый шел впереди них налегке. Когда они подошли поближе, стало видно, что на всех пятерых надеты плащи аквилонских разведчиков. Видимо, где-то в лесу пикты передали ящик аквилонцам.

Когда разведчики подошли к началу пристани, Конан молниеносным движением выскочил им навстречу, преграждая дорогу.

— Стоять! — крикнул он. — Не двигаться, или вам всем конец!

Остальные три офицера с разных сторон подошли к носильщикам, держа обнаженные мечи в руках.

На мгновение все замерли.

Вдруг, словно по команде, носильщики бросили тяжелый ящик на пристань, а сами рванулись к своей лодке. Один ножом перерезал удерживающую ее веревку; в мгновение ока остальные попрыгали в лодку, чуть не опрокинув ее, и схватились за весла.

Их командир тоже дернулся при виде приближающегося киммерийца, но, попытавшись бежать, споткнулся о ящик. Не успел он вскочить, как почувствовал на своей шее железную руку Конана, а у горла — острие меча.

— Первое же твое слово станет последним, — заверил пленника киммериец.

Остальные офицеры, миновав киммерийца и его пленника, бросились вдогонку за остальными разведчиками, но те успели отчалить и отплыть на некоторое расстояние от пристани.

— Пусть эти псы бегут куда хотят! — рявкнул киммериец. — У нас тут Эдрик, тот, кто заманил наш отряд в засаду. Он нам расскажет все, что нужно. Правда, Эдрик?

Разведчик молчал. Сплюнув, Конан заверил:

— Ничего. Он у меня быстро разговорится.

— Что будем делать дальше? — спросил Глико.

— Вернемся в казарму. Придется потеснить тебя в твоей комнате.

Флавиус поинтересовался:

— Слушай, Конан, а как мы поперем и этого парня, и ящик. Они-то его вчетвером тащили.

— Флавиус, заberi у этой скотины кинжал и свяжи ему руки. Сойдет его же ремень. Теперь он остается под твоей ответственностью. Понял?

Разжав пальцы на шее изменника, Конан распрямил плечи и потянулся.

— Глико, Лаодамас. Приподнимите-ка эту штуку так, чтобы я мог подлезть под нее.

Напрягшись, два офицера подставили плечи под жердь и, крихтя от натуги, приподняли ящик. Конан присел, поудобнее пристроился к тяжелому грузу и, резко выпрямив колени, встал.

— Боги! — воскликнул Лаодамас. — Ни за что бы не поверил, что смертный человек способен один поднять такую тяжесть!

— Смотрите, не упустите Эдрика! — буркнул Конан. — И пошли отсюда. Я не собираюсь до утра таскать на себе этот ящик.

В утренних сумерках они шли по пустым улицам. Впереди — Глико и Лаодамас, а между ними — пленный разведчик. Флавиус шел за его спиной, острием меча подгоняя изменника. Конан замыкал шествие, пошатываясь под неимоверной тяжестью.

Когда первые птицы завели свой утренний трели, вся компания ввалилась в казарму. Часовой с удивлением уставился на них, но, узнав офицеров, отдал честь, не задавая лишних вопросов.

5. «Генерал брөөтся»

Минуту спустя все пятеро уже заперлись в комнате Глико. Ящик был поставлен посреди комнаты, а Эдрика усадили на табурет, связав не только руки, но и ноги.

— Ну, Лаодамас, вот тебе доказательства, — сказал Конан, тяжело дыша. Затем он повернулся к Эдрику: — Ну, приятель, будешь говорить, или мне придется использовать некоторые методы убеждения, принятые у пиктов?

Пленник продолжал молчать.

— Ладно, — сказал Конан. — Флавиус, дай-ка мне кинжал нашего нового знакомого.

Достав кинжал из-за голенища, лейтенант протянул его киммерийцу.

— Я не люблю делать это своим собственным оружием, — пояснил Конан разведчику, — нагревать сталь докрасна — не идет клинку на пользу. Ну, давайте лампу...

— Я буду говорить, — выпалил пленный. — Такой дьявол, как ты, вытрясет признание даже у мертвеца. — Вздыхнув, Эдрик начал свой рассказ: — Мы в Орисконии не особо интересуемся судьбой других провинций. А тут наш барон пообещал нам много денег, если мы поможем ему передать Скохиру пиктам. Вот я и согласился. Да только чего ждать от вашего брата-дворянина. Опять обманули...

— Да как ты смеешь так говорить о благородных рыцарях! — зашипел Лаодамас, но Конан властным жестом прервал его тираду.

— Продолжай, Эдрик, — сказал киммериец, — не обращай на него внимания.

Эдрик рассказал, как Лусиан приказал ему и его разведчикам заманить роту аквилонцев в засаду.

— Мы сделали это, чтобы Лусиан смог продемонстрировать пиктам свое желание сотрудничать и получить от них деньги.

— Но как ты сам мог согласиться за деньги предать своих? — снова влез в разговор Лаодамас.

Конан, сдвинув брови, обернулся к офицеру:

— Заткнись, Лаодамас. Эдрик, как была устроена засада?

— Этот их колдун, Сагайета, может созвать всех змей окрүти. Пикты говорят, что его душа становится душой

змеиною короля, но я не очень-то разбираюсь во всяком колдовстве...

— Я тоже, как и любой нормальный человек, — сказал Конан, почувствовав, как при воспоминании о змеях у него похолодело все внутри.

— Ну так что, ты думаешь, Лусиан и вправду собирается вернуть Скохиру пиктам?

Эдрик пожал плечами:

— Да откуда мне знать. Я что, думал об этом?

— А ты подумал о том, что он не оставит в живых тебя и твоих приятелей, чтобы вы не разболтали посторонним о его измене трону Аквилонии?

— Митра! Мне это даже в голову не пришло! — выпалил Эдрик, судорожно заморгав.

— А вдруг этот парень все врёт, и Лусиан никого не предавал? — не унимался Лаодамас.

— Идиот! — заорал Конан. — Верный королю аквилонец жертвует ротой королевских солдат ради того, чтобы продемонстрировать свою дружбу врагу! Глико, сколько человек вернулось?

— Чуть больше тридцати пробились к своим до вечера. Может быть, еще несколько сумеют добраться до своих чуть позже.

— Но... — начал Лаодамас.

Ладонь Конана сжалась в тяжелый кулак.

— Это были мои люди! Я учил их, знал их — всех и каждого. Арно был моим другом и отличным офицером. Что бы там ни планировал генерал, он рассчитается за это предательство. Глико, Лаодамас, идите в свои роты и отберите по дюжине надежных солдат. Объясните им, что речь идет об измене высокого начальства и что если они хотят помочь покарать изменника, то пусть будут готовы выполнить самые неожиданные приказы. Встречаемся на плацу через полчаса. Флавиус, отведешь пленного в одиночную камеру на гауптвахте, а потом возвращайся ко мне.

— Конан, — заявил Лаодамас, — раз уж я признаю твой план разумным и соглашаюсь участвовать в деле, то командовать здесь должен я. Я дворянин по рождению и стою выше тебя в списке офицеров...

— А я стою еще выше тебя, сопляк! — рявкнул Глико. — Если ты настаиваешь на соблюдении субордина-

ции — то я должен командовать тобой. Так вот, приказываю: Конан, продолжай руководить нами. Похоже, ты лучше знаешь, что нужно делать.

Лаодамас заволновался:

— А если у него мозгов не хватит? Нас же всех повесят, как заговорщиков. Только представь, как генерал крикнет: «Схватить этих изменников!» Кого послушают солдаты?

— Время придет — увидим, — сказал Конан.

Через полчаса на плацу выстроилось два десятка солдат и офицеры со своими заместителями. Конан коротко рассказал солдатам и лейтенантам, в чем дело и кто организовал засаду и бойню. Затем, назначив четверых носильщиков и их смену, он скомандовал:

— За мной!

Солнце уже поднялось над склонами холмов, когда отряд Конана подошел к шикарному особняку командира пограничной стражи Конаджохары. Терраса дома возвышалась над улицей на двенадцать ступеней. При появлении офицеров двое часовых у входа в дом чуть смущенно преградили им путь.

Конан скомандовал:

— Позови генерала.

— Но, капитан, генерал еще не собрался на службу, — возразил часовой.

— Все равно зови! Дело срочное.

Взглянув на мрачные лица офицеров, часовой скрылся в здании. В это время конюх подвел к лестнице одного из генеральских скакунов.

— Зачем здесь конь? — спросил киммериец.

— Его Превосходительство часто совершает верховые прогулки перед завтраком, — ответил второй часовой.

— Отличный конь, — заметил Конан.

Первый часовой показался на террасе:

— Генерал бреется, он просит вас подождать, господин капитан.

— К дьяволу! Ступай к нему и скажи, что, если Его Превосходительство не выйдет к нам, мы сами войдем к нему.

Вздохнув, часовой вновь скрылся в доме. Вскоре на пороге показался генерал Лусиан. На его шее висело

полотенце; сам генерал был гол до пояса. Он был человеком средних лет; некогда мощные мускулы на его груди и руках уже начали становиться дряблыми и чуть покрылись жиром. Ненапомаженные усы тоже не производили привычного впечатления бравого вояки.

— Ну, господа офицеры, — поприветствовал пришедших Лусиан, — какое срочное дело могло заставить вас побеспокоить меня в столь неудобное время?

Обернувшись к часовому, генерал скомандовал:

— Принеси табурет. Пусть брадобрей продолжает свое дело, пока я выслушиваю посетителей. Капитан... Конан, если не ошибаюсь. Похоже, вы здесь за старшего. Что вы хотите мне сказать?

— Всего несколько слов, генерал! — рявкнул киммерец. — Зато мы можем вам кое-что показать.

Он махнул рукой, и солдаты, стоявшие внизу, поднялись по лестнице и поставили ящик на мозаичный пол террасы. Затем они снова спустились вниз.

Глико и Лаодамас впились в генерала глазами, как старые переписчики — в древний свиток. С первого момента стало ясно, что генерал узнал ящик. Он побледнел и закусил нижнюю губу... Транспортный казначейский сундук с драконами на обитой кожей крышке спутать было невозможно.

Ударом ноги Конан отбросил крышку. Его резкое движение, а затем и блеск золотых монет заставили часовых вздрогнуть, а генерала — нахмуриться.

— Хватит прикидываться, генерал, — мрачно сказал Конан. — Вот доказательства вашего преступления. Я не знаю, расценит ли король Нумедидес этот как измену, но я скажу лишь свое мнение. Вы совершили подлое предательство, заманив собственных солдат во вражескую засаду. Солдат, слепо и преданно сражавшихся за вас до последнего дыхания.

Лусиан не двигался. Он лишь аккуратно облизал пересохшие губы кончиком языка.

Конан прищурился. Из-под полуприкрытых век вырвался огонь ненависти.

— Мы видели, как пикты отдали этот ящик с деньгами вашему разведчику Эдрику. У нас есть его полное признание. Вы арестованы....

Лусиан вскочил как ужаленный. Схватив из рук брадобрея таз с мыльной водой, он запустил его в киммерийца. Разбежавшись, генерал изо всех сил навалился на стоящий у самого края террасы ящик и опрокинул его. Перевернувшись, ящик пролил на лестницу и улицу целый дождь золота и серебра.

Солдаты, стоявшие у входа на лестницу, только охнули от неожиданности и, расступившись, стали собирать монеты, не давая им раскатиться далеко по улице.

Лусиан прошмыгнул мимо протирающего глаза от мыльной воды Конана, сбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и вскочил в седло своего жеребца. Когда к Конану наконец снова вернулось зрение, конь уже несся вдоль по улице сумасшедшим галопом, поднимая за собой облака пыли.

Лаодамас приказал было своим солдатам бежать в казарму, садиться верхом и отправляться в погоню, но Конан остановил их:

— Бесполезно. У него лучший скакун во всей провинции. Да это и неважно. Мы направим королю наши показания, а Лусиан... да главное, что его здесь больше не будет. Отправит ли его король в другую провинцию или отрубят голову — это уже не наше дело.

Сейчас самое важное — остановить наступление пиктов, а не то они утопят в крови всю Скохиру.

Повернувшись к стоявшим у лестницы солдатам, Конан сказал:

— Соберите все деньги, которые найдете. Перекройте улицу, и никого не пропускать, пока не закончите собирать монеты. А потом — возвращайтесь в казармы под мое командование. Кто пойдет со мной, чтобы спасти эту землю для Митры и Нумедидеса?

6. Бойня на лугу

— Я-то змей не боюсь, но за своих людей не ручаюсь. Рассказы выживших в том бою здорово напугали их, — сказал Глико.

Лаодамас пожал плечами:

— В бою я не трусливее других, но змеи... Так вести войну — это не по-рыцарски. Надо заманить пиктов на

равнину, где мои кавалеристы разнесут в клочья этих ди-карей. Да и змеям там будет падать неоткуда.

— Интересно, как ты их выманишь, — огрызнулся Конан. — Следующий удар пикты нанесут через Южную Протоку на Скохиру. Лусиан ведь обещал им эту землю. А тут куда ни глянь — одни леса.

— Тогда, — не унимался Лаодамас, — почему бы нам не перегруппировать наши силы, заняв оборону в Скондаре? Там вокруг форта равнина, и можно использовать кавалерию.

— Пойми ты, мы не можем заставить пиктов напасть там, где нам удобнее воевать с ними. А если сидеть в фортах и дожидаться штурма, то они сначала выжгут и залиют кровью всю провинцию. Эти дьяволы просачиваются сквозь леса, как вода сквозь сито.

— Ну, так что ты предлагаешь? — спросил Глико.

— Я отобрал из моих лучников тех, кто хорошо знает лес, и послал их на разведку. Они выяснят, где пикты будут переправляться через протоку. Там-то мы по ним и ударим.

— Но змеи... — начал Лаодамас.

— Да пошел ты с этими змеями! Кто сказал, что военная служба — безопасное ремесло. Змеи перестанут нападать на нас, когда Сагайета подохнет. Если я до него доберусь, то ему крышка. А пока что давайте рассчитывать на то, что у нас есть. И видят Кром и Митра, у нас всего хватает!

Неподалеку от Скал совета протока широко разливалась между двумя пологими, чуть болотистыми берегами. Течение здесь было несильным, глубина небольшой, — поэтому в этом месте сходились к броду несколько троп и лесная дорога. Заливной луг по берегам протоки считался самым большим открытым местом в этой части провинции.

На краю луга, на самой опушке леса Конан расположил свои отряды. Копьеносцы и лучники встали полумесяцем под крайними деревьями. Кавалеристы Лаодамаса расположились на правом фланге. Воспользовавшись отдыхом, всадники спешили и сели играть в кости, оставив стреленных лошадей пастись неподалеку.

Конан еще раз обошел строй пехоты, проверяя оружие, подбадривая шутками тех, кто проявлял страх.

— Глико, — спросил киммериец, — ты выделил людей, которые должны превратить свои копья в факелы?

— Вот они, готовятся, — ответил седобородый капитан, показывая на дюжину аквилонцев, обматывавших наконечники копий паклей.

— Отлично. Только не зажигать огонь раньше, чем появятся пикты. Нечего зря обнаруживать себя.

Затем Конан направился к Лаодамасу:

— Если меня не будет рядом, запомни: бросай своих людей в атаку, когда пикты будут на середине брода.

— Но это же дает нам несправедливое преимущество, — сказал светловолосый капитан, — это не по-рыцарски.

— Кром и Митра! Ты же не на турнире! Ты слышал приказ? Вот и выполняй его!

Вернувшись вновь к пехоте, Конан заметил Флавиуса и сказал:

— Капитан Флавиус, ваши люди готовы?

Услышав новое звание перед своим именем, юноша встрепенулся:

— Да. Мы захватили запасные колчаны.

— Отлично. Вот уж, право, не знаю, от кого в армии больше вреда — от честного идиота, вроде Лаодамаса, или от умного шакала, как Лусиан. Хорошо, хоть на тебя я могу положиться.

Флавиус широко улыбнулся.

Полуденная жара разморила солдат. По рукам передавались фляги с водой. Конан, сидя на упавшем стволе, выслушивал доклады возвращавшихся разведчиков и делал отметки на куске коры. В конце концов у него в руках оказалась настоящая карта с расположением сил пиктов.

Когда солнце стало клониться к закату, на другом конце луга появились первые пикты. Они протяжно кричали и потрясали копьями. Вскоре весь берег протоки оказался заполненным полуголыми раскрашенными людьми.

Флавиус повернулся к Конану и сказал:

— Да их раз в десять больше, чем нас! Как в том бою.

Конан кивнул и поднялся с бревна. По строю аквилонцев прокатились отрывистые команды. Копьеносцы выставили свои копья вперед, лучники вынули стрелы из колчанов и

воткнули их перед собой в землю; зажглись факелы на копьях.

Раздалась барабанная дробь. Пикты с криками понеслись по луку на аквилонцев. Им навстречу был выпущен град стрел.

Первые группы раскрашенных дикарей подбежали к частоколу копий. Стоило одному из них напороться на копье и своим весом увести острие вниз, как в образовавшуюся брешь совался следующий, размахивая топором или тыкая своим копьем с медным наконечником. Вторая шеренга аквилонцев, сыпля ругательствами, сдержала этот натиск.

Сам Конан встал в центре строя, возвышаясь, как великан среди худощавых и невысоких гундерийцев. Взяв в руки тяжелый стальной боевой топор, киммериец собрал большую дань с противника. Он без усталости с убийственной точностью орудовал своим страшным обоюдоострым топором, отсекая руки, раскалывая черепа и разрубая чуть не надвое тела. Время от времени он запевал какую-то древнюю песню, больше напоминавшую рев пещерного медведя. Все новые и новые жертвы валялись как снопы к его ногам.

Даже жестокие, отчаянные воины-пикты стали стараться избегать центра аквилонского строя, словно этот великан и вправду был сделан из железа и неуязвим для простых смертных.

Как это иногда бывает в бою, неожиданно натиск пиктов ослаб, затем дикари и вовсе стали отходить. Конан оперся на длинную ручку топора и перевел дыхание. В этот момент к нему подбежал Флавиус.

— Конан! — крикнул новоиспеченный капитан. — Мы долго так не продержимся! Почему кавалерия не вступает в бой?

— Не сейчас, Флавиус. Посмотри на тот берег. Видишь, сюда переправилась едва ли одна пятая этих ряженных. Так что это была только разминка перед настоящим боем. А пока что они на время отступят.

И вправду, повинувшись звукам рога, пикты развернулись и бросились к броду, подставляя спины стрелам аквилонцев.

— Стрелки! — скомандовал Конан. — По два человека от каждого отделения — собирать стрелы!

Несколько человек бросились вперед, выдергивая стрелы из лежащих тел и из мягкой земли, куда они втыкались почти до середины древка. Оставшиеся в строю солдаты приводили в порядок оружие и передавали друг другу фляги с водой.

— Ну и ну! — вздохнул Флавиус, снимая шлем и убирая с потного лба прилипшие волосы. — Если это только разминка, то что тогда настоящий штурм? Откуда ты знаешь, что эти дикари собираются делать дальше?

— На то они и дикари, чтобы, один раз найдя удачный способ достижения победы, повторять его вновь и вновь. Кстати, так поступают и многие офицеры цивилизованных армий.

— Значит, следующая атака начнется с нападения змей?

— Не сомневайся! Слышишь?

Над лугом пронеслась уже знакомая барабанная дробь, созывающая особым ритмом змей со всех окрестных лесов.

— Скоро стемнеет, — поежившись, заметил Флавиус, — не будет видно ни пиктов, чтобы стрелять в них, ни змей, чтобы жечь их.

— А ты уж постарайся, — буркнул Конан. — Я пойду вперед, постараюсь добраться до этого проклятого Сагайеты. Передай это остальным офицерам.

Подойдя к Глико, Конан тоже предупредил опытного капитана о своем уходе.

— Но, Конан...

— Не пытайся переубедить меня, старина! Здесь только я один могу попытаться найти логово этой гены. У всех вас есть приказы, вот и выполняйте их. Вам хватит дела до моего возвращения.

— Если ты вообще вернешься... — невесело произнес Глико, но понял, что Конана уже и след простыл. Киммериец словно растворился в вечерних сумерках.

7. Повелитель змей

Покинув строй аквилонцев, Конан поспешил по лесной дороге, шедшей к Велитриуму. На очередном повороте, там, где дорога близко подходила к протоке, он спустился к воде и стал переправляться. Время от времени Конан

едва сдерживал проклятия, когда проваливался на незнакомом дне по самую шею. Так, то вплавь, то вброд, он добрался до противоположного берега, где развернулся и, прячась, пошел в обратном направлении.

Со дня прошлого боя на Южной Протоке луна превратилась из узкого серпа в почти полный серебряный диск, заливавший все вокруг своим призрачным светом. Ориентируясь по луне и звездам, Конан описал широкую дугу, чтобы с уверенностью оказаться в тылу войска пиктов. Как ему ни хотелось побыстрее найти зловредного колдуна, он все же помнил, что торопливость в таких делах до добра не доводит.

Неожиданно над ночным лесом прокатилась новая барабанная дробь. Конан прислушался и, ориентируясь теперь по этому звуку, пошел напрямик. Вскоре до слуха киммерийца донесся неясный гул множества голосов — это воины-пикты, собравшиеся на лугу, готовились к переправе и решительному бою. Конан стал двигаться еще осторожнее, чтобы не попасться на глаза часовым противника.

Не встретив на пути ни единого пикта, Конан наконец нашел шатер колдуна под двумя старыми раскидистыми дубами, прикрывавшими его даже от слабого света луны. Нервы Конана напряглись до предела. Так порой напрягается дикий зверь, почуяв неведомую опасность.

Присмотревшись, Конан увидел прислонившегося к дубу часового. Тот внимательно прислушивался к звукам, доносившимся с берегов протоки. Подойдя к нему сзади, Конан случайно наступил на сухой сучок. Сжимая копье, часовой резко развернулся — только для того, чтобы получить удар топором в лицо. Даже не охнув, человек с расколотым надвое черепом повалился на землю.

Конан замер, боясь, что звук удара или падения тела насторожит Сагайету. Но барабанная дробь не прервалась и даже не сбилась с ритма. Конан подошел к шатру и уже взялся за полог, собираясь откинуть его, когда над лесом повисла тишина. Киммериец вспомнил, что в прошлый раз эта пауза предшествовала появлению змей.

Конан отодвинул загораживающий вход полог и шагнул внутрь шатра. Ему в нос ударил резкий запах змеиной кожи. Единственным источником света в темном шатре были красные угли в почти погасшем очаге. Рядом с очагом смутно вырисовывалась сгорбленная фигура.

Присмотревшись, Конан понял, что это был именно Сагайета, неподвижно сидевший с закрытыми глазами. Видимо, он впал в транс, закончив свое колдовство. Что ж, тем лучше! Конан занес топор, намереваясь одним ударом покончить с ненавистным колдуном. Последний шаг, и...

Что-то шевельнулось на земляном полу. Конан скосил глаза, пытаясь рассмотреть, что это было. Вдруг он почувствовал острый укол в левую руку, как раз в том месте, где кончался рукав стальной кольчуги.

Конан отпрянул. Оказалось, что на его руке повисла, вонзив в нее зубы, огромная змея, длиной превышающая рост киммерийца, не иначе — сам змеиный король.

Резко дернув вверх руку, Конан непроизвольно потащил за ней и змею. Киммериец с силой махнул топором в воздухе. Хотя лезвие его оружия изрядно затупилось и покрылось зазубринами в последнем бою, топор, почти не встретив сопротивления, рассек тело гадюки. Голова и шея змеи полетели в дальний конец шатра, а обезглавленное тело судорожно забилось на полу, извиваясь и скручиваясь в кольца. В каком-то отчаянном броске оно свалилось на горячие угли. Шатер наполнился запахом паленого мяса.

Конан с ужасом смотрел на свою руку. Две маленькие капельки крови выступили на месте укуса, но кожа вокруг них начала на глазах темнеть, а боль уже пронзила всю руку до плеча.

Киммериец воткнул топор в земляной пол и выхватил нож, собираясь сделать надрез на коже в месте укуса. Но прежде чем он успел сделать это, сгорбленная фигура распрямилась. Сагайета открыл глаза, холодные и ничего не выражающие, как у змеи.

— Киммериец! — почти по-змеиному прошипел шаман. — Ты убил того, в кого я переносил свою душу. Но я отомщу...

Конан метнул в колдуна нож. С неожиданным проворством Сагайета отскочил, и нож, пролетев мимо цели, воткнулся в кожаную стенку шатра. Шаман встал и протянул к киммерийцу костлявую руку.

Прежде чем губы колдуна успели произнести заклинание, топор Конана со свистом описал дугу и с чавкающим звуком вонзился в тело жертвы. Голова Сагайеты покатилась

по полу, тело рухнуло, заливая шипящей кровью раскаленные камни очага и гся пылающие угли.

Конан нашел нож и полоснул себя по руке. Снова и снова он прикладывал губы к ране, отсасывал кровь с ядом и сплевывал. Чудовищная боль растеклась по всей левой части тела. Рука стала на глазах опухать. Сорвав с себя ремень, Конан крепко перевязал руку выше локтя.

Продолжая отсасывать кровь, Конан услышал звуки начавшегося боя. Видимо, пикты, не дождавшись змеиной атаки, решили перейти в наступление, надеясь, что помощь придет позже, или рассчитывая на собственное превосходство в числе воинов. Конан дернулся, собираясь встать и отправиться к месту битвы. Но ему пришлось сдержать свой порыв: киммериец хорошо знал, что для человека, только что ужаленного ядовитой змеей, бег, резкие движения и физическая нагрузка, быстро разгоняющие кровь по телу, — означают неминуемую смерть. Усилием воли Конан заставил себя продолжать отсасывать отравленную кровь из раны на распухшей руке.

Наконец он почувствовал, что опухоль не расходится выше, боль ослабевает. Еще чуть выждав, Конан перевязал разрез на руке тряпкой, найденной среди вещей шамана. Сжимая в здоровой руке топор, а раненой держа за волосы голову Сагайеты, он вышел из темного шатра.

8. Кровавая луна

В свете луны пикты нескончаемой толпой переправлялись через протоку и вступали в бой с аквилонской пехотой.

— Лаодамас! — раздался хриплый окрик.

Светловолосый капитан обернулся в седле.

— Митра! — воскликнул он. — Это ты, Конан!

— Чего ты ждешь? — налетел киммериец на командира кавалеристов.

Лаодамас в серебряном свете луны разглядел, что Конан выглядел невероятно измученным. Лицо киммерийца было мертвенно-бледным.

— Почему не вступаешь в бой? — продолжал рычать Конан. — Ты что, не видишь, сколько их уже переправилось через протоку!

— Я не имею права! — завопил Лаодамас. — Рыцарские законы ведения войны запрещают нападать на противника на переправе!

— Да пошел ты... — прохрипел киммериец. — Ладно, мы с тобой потом поговорим. А пока...

Опустив на землю топор и отрубленную голову, Конан подскочил к Лаодамасу, выдернул его ногу из стремени и, приподняв всадника, сбросил его с лошади.

— Ты что... — успел крикнуть Лаодамас, прежде чем грохнулся на мягкую землю, зазвенев доспехами.

Мгновение спустя Конан взлетел в освободившееся седло и, подхватив топор, насадил на него голову Сагайеты.

— Вот он, колдун пиктов! — крикнул он. — Вперед, ребята! Эскадронам держать строй! Вперед!

Горнист поднес свой рог к губам. Заждавшиеся всадники сорвали лошадей в галоп, подбадривая животных шпорами и криками. Конан прорычал:

— Кричите: «Сагайета мертв!» Горнист, труби атаку!

Конан поднял свой страшный штандарт высоко над головой и возглавил атакующие эскадроны. Криками разгоняя перед собой пехоту, кавалерия вступила в бой.

Эскадроны закованных в доспехи кавалеристов пронзили толпы пиктов, как горячий нож — масло. Конан скакал во главе колонны, правой рукой держа поводья, а левой — высоко поднимая отрубленную голову шамана!

Рубившие и коловшие дикарей всадники хором выкрикивали, словно боевой клич: «Сагайета мертв! Сагайета мертв!» Услышав знакомое имя, но не понимая смысла фразы, пикты насторожились. Вдруг ближайшие к киммерийцу раскрашенные воины увидели насаженную на топор голову колдуна. Тогда им стало ясно, о чем так радостно кричали аквилонцы.

Пехота тоже подхватила клич кавалеристов. Пикты остановились, показывая пальцами на высоко поднятую Конаном голову Сагайеты, а затем, перестав выполнять приказы командиров, бросились назад, подставив спины преследователям. Битва превратилась в бойню. Один за другим дикари падали под ударами копий, стрел и клинков аквилонцев. Те, кто сумел добежать до леса, растворялись в черной чаще.

Единым фронтом аквилонская кавалерия и пехота двинулись по лугу, преследуя бегущего противника, словно

демоны мести. Войско пиктов превратилось в безумную толпу. Луна, отражающаяся в протоке, окрасилась в красный цвет от пролитой крови.

Доскакав до леса, Конан приказал горнисту сыграть всадникам отбой и развернул эскадроны в обратную сторону. Киммериец понимал, что в ночном лесу от кавалерии будет мало толку.

— Глико! — крикнул Конан. — Дави их! Перебей всех, кого догонишь!

Глико молча кивнул головой, устремляясь вместе со своими солдатами в темные заросли вслед за бегущими пиктами. Конан соскочил с лошади, чтобы возглавить колонну преследователей, но тут у него в глазах почернело, голова закружилась — и весь мир погрузился в темноту. Усталость, раны и яд сделали свое дело: Конан потерял сознание и рухнул на окровавленную траву.

Глико и Флавиус сидели около кровати Конана в его комнате в казарме. Развалившись на постели, киммериец неохотно позволял полковому врачу перевязывать укушенную змеей руку. Когда бинты были сняты, взгляду предстал один сплошной синяк от запястья до локтя.

— Я одного не понимаю, — изумился Глико, — как ты с такой рукой смог так долго держать над головой тяжеленный топор, да еще и с головой колдуна в придачу?

Конан сплюнул на пол:

— Я делал то, что было нужным в тот момент. — Затем, повернувшись к врачу, киммериец спросил: — Дорогой доктор, сколько вы меня еще здесь продержите? У меня ведь полно дел...

— Еще несколько дней, — ответил седой врач. — Только потом вам можно будет вернуться в строй, генерал. Если вы встанете раньше, приступ может повториться.

Конан невинно пробормотал какие-то проклятия и ругательства, а затем спросил:

— Да, чем все же закончилось сражение?

Глико ответил:

— После того как ты повалился на землю рядом со своей лошастью... ну, скажем точнее, лошадью Лаодамаса, — мы еще некоторое время гнали этих проклятых дикарей,

пока последний из оставшихся в живых не скрылся в глубине леса. Мы потеряли немало отличных солдат, но потери противника — в несколько раз больше.

— Сдается мне, что я старею, — сказал Конан. — От укуса какой-то безобидной змейки падаю в обморок, а вот теперь еще и мерещится что-то. Тут вроде кто-то назвал меня генералом?

Флавиус улыбнулся:

— Пока ты был без сознания, мы направили королю гонца с известиями о нашей победе в провинции Скохира. А кроме того, мы направили рапорт, в котором просили назначить тебя нашим командиром. Решение было единогласным, хотя пришлось долго уламывать Лаодамаса поставить под рапортом последнюю подпись. Он здорово рассердился на тебя за отобранную лошадь, подорванный авторитет. Даже грозился вызвать тебя на поединок.

Конан громкогласно рассмеялся:

— Ладно, я принесу ему свои извинения. В общем-то, парень мыслит правильно, но мозгов у него маловато.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел человек в дорожном костюме с вышитой эмблемой королевского гонца.

— Генерал Конан? — спросил он.

— Ну да, это я. Чего надо?

— Имею честь передать вам это послание от Его Величества, — сказал гонец, с церемонным поклоном протягивая Конану запечатанный свиток.

Разорвав печать, киммериец развернул свиток и впился в него глазами.

— Подвиньте-ка свечу поближе, доктор, — сказал он. — Что-то плохо видно...

Приятели Конана с интересом следили за тем, как он, напряженно шевеля губами, внимательно вчитывается в текст королевского послания.

— Ну, — сказал Конан, откладывая пергамент в сторону, — король подтверждает мое назначение. Более того, я приглашен в Тарантию, чтобы быть представленным во дворце и принять участие в королевском обеде. — Улыбаясь, Конан потянулся под одеялом. — После целого года походов по следам пиктов в лесах и болотах, после исполнения идиотских приказов предателя — роскошь Тарантии.

Заманчивое предложение. Все, кто бывал во дворце Нумедидеса, утверждают, что кухня там отменная. Можно будет приложиться к хорошему вину, а не к той кислятине, которую мы пьем здесь. Да и придворные дамочки для разнообразия очень даже заменят местных девчонок.

На этих словах его прервал доктор:

— Все. Больному вредно много говорить. Генерал, вам нужно отдохнуть.

Глико и Флавиус встали. Старый капитан сказал:

— До скорого, Конан. И будь осторожен во дворце. Там, говорят, под каждой подушкой — по скорпиону.

— Не волнуйся. Осторожности мне не занимать. Но если даже Зогар-Саг и Сагайета со всеми своими заклинаниями не справились со мной, я думаю, что герою Велитриума не стоит очень бояться опасностей при дворе аквилонского короля!

АНОНС

Не пропустите первые выпуски нового сенсационного сериала, который начинает издательство «Азбука».
Это «ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ».

Речь идет не о нелепых романах, не имеющих никакого отношения к знаменитой киотрилогии Дж. Лукаса. Мы имеем в виду настоящие «Звездные войны» — серию, которая была начата при деятельном участии мастера Лукаса всего лишь год назад. События новой серии — это прямое продолжение

«Возвращения Ажедая».

Серия издается в рамках мировой рекламной компании ко второй киотрилогии Лукаса, съемки которой уже начались!

Приближаются Звездные войны!

Ты не можешь быть в стороне!

Первые три тома сериала появятся еще до весны.

Они называются:

«Наследник Империи».

«Пробуждение Тьмы».

«Последний приказ».

Ник Перумов, автор «Летописей Хьёрварда» и «Кольца Тьмы», в соавторстве со Святославом Логиновым, автором «Многорукого бога далайна», заканчивает роман «Черная кровь Кюлькаса».

Соавторы держат сюжет в секрете, известно лишь, что речь в романе идет о некой первобытной цивилизации.

Ждите книгу в марте.

Петербургский писатель Леонид Бутяков сдал в издательство «Азбука» свой новый роман «Владигор».

Издатель склонен думать, что «Владигор» поборется с «Волкодавом» Марии Семеновой за первое место в списках бестселлеров, тем более что место действия обоих романов совпадает — это некая страна, удивительно похожая на древнюю Русь.

Издательство "АЗБУКА" приглашает всех
любителей героической фантастики в

КОНАН-КЛУБ

Только членам клуба будут рассылаться
бесплатные каталоги, а в дальнейшем —
специальный клубный журнал.

Чтобы получить подробную информацию о
КОНАН-КЛУБЕ, заполните анкету, и пришлите
ее по адресу: 198013, Санкт-Петербург, а/я 226.
КОНАН-КЛУБ, издательства "АЗБУКА"

Да, я хочу стать членом КОНАН-КЛУБА.

Меня зовут

Я проживаю по адресу:

Пришлите мне подробную информацию
о правах и обязанностях
членов КОНАН-КЛУБА.

Дата

Подпись

Путешествие в древний Кринн, где бушует
Война за Копье и орды драконидов противостоят
великим героям, ожидает тех, кто выбрал
знаменитый героический сериал „DRAGONLANCE„
„Сага о Копье„ продолжается!
Дай волю своему воображению, сразись с драконом!
Начиная с февраля 1996 — каждый месяц
новая книга из „Саги о Копье„ в издательстве
„АЗБУКА„

НАДВИГАЕТСЯ ПАНИКА

Не верь ничему,
кроме своих тайных
страхов...

И на острове, так
похожем на Рай,
могут водиться
чудовища...

Они приходят
неслышно, даже
дыханием
не выдавая
присутствия
за спиной...

Не оглядываясь,
дай волю страху,
что разрывает тебя
изнутри, и станешь
участником
сложного античного
действия, которое
называется

ПАНИКА

Роман Александра Мазина.

Читайте в феврале

СОДЕРЖАНИЕ

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЛЬВА

Роман

Перевод Т. Тачник

5

ПОДЗЕМЕЛЬЕ СМЕРТИ

Роман

Перевод С. Шик

161

ВЕСТНИК КОНАН-КЛУБА

Рассказы

пер. В. Правосудова

307

*Литературно-художественное
издание*

Леон Спрэг де Камп

Лин Картер

НЕБЕСНАЯ СЕКИРА

Ответственный редактор

Геннадий Белов

Разработка карты

Сергея Троцкого

Художественный редактор

Павел Борозенец

Технический редактор

Татьяна Раткевич

Корректоры

Татьяна Андрианова,

Анастасия Келле-Пелле,

Елена Шнитникова

Верстка

Дмитрий Положенцев

ЛР № 030129 от 02.10.91.

Подписано в печать с оригинал-макета 15.12.95.

Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Гарнитура «Петербург».

Тираж 45 000 экз. Усл. печ. л. 25,2.

Изд. № 29. Заказ № 1533.

Издательство «Азбука»

198013, Санкт-Петербург, а/я 226

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»

Комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

На глиняных табличках хайборийской эпохи до сих пор не найдены имена летописцев, которые сохранили в веках предания о великом воителе по имени **КОНАН**.

РОБЕРТ ГОВАРД

перевел и продолжил летопись, начатую тысячи лет назад.

Говард написал не много, опубликовал еще меньше. Его наследие осталось бы в черновиках и было бы недоступно для нас, подобно утраченным хайборийским рукописям, если бы черновики эти не попали к друзьям Говарда.

ЛЕОН СПРЭГ ДЕ КАМП и ЛИН КАРТЕР

провели долгие годы в говардовском архиве, восстанавливая, страницу за страницей, бесценные рукописи.

В процессе этой работы они открыли для себя Хайборию, они узнали о Конане все, что знал о нем Говард. И когда их труд был закончен, Спрэг де Камп и Лин Картер решились на продолжение саги.

Прошли годы. Они написали множество других романов, удостоились высших наград в области фантастики, но до сих пор вершиной творчества Спрэга и Лина считаются их романы о Конане.